Ольга Гутарёва
ПЯТАЯ БАШНЯ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Ольга Гутарёва

Пятая башня

«Автор»
2026

Гутарёва О.

Пятая башня / О. Гутарёва — «Автор», 2026

Цивилизация альвов стёрта с земного круга, настаёт эпоха рода человеческого. Однако остатки забытых технологий продолжают разрушаться, искажая границы миров и сплетая судьбы в единый узел.В чужом мире оказываются вдова, алхимик и рабыня. Что они готовы отдать и кем стать, чтобы найти дорогу домой?

© Гутарёва О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I. МУХА БЕЗ ГОЛОВЫ. Эпизод 0. Вражбит и башня 5
Эпизод 1. Язык зверей 12
Эпизод 2. Хворь 20
Эпизод 3. Обитель страждущих 27
Эпизод 4. Гробовщик и вдова 33
Эпизод 5. Облик эрхвы 41
Эпизод 6. Таволга 48
Эпизод 7. Грозовой узел 53
Эпизод 8. Разными дорогами 58
Эпизод 9. Бобровый хвост 65
Эпизод 10. По кому звонит колокол 73
Эпизод 11. Говорить 81
ЧАСТЬ II. ЗАКОН ХИМЕРЫ. Эпизод 12. Клеймо 86
Эпизод 13. Змеиный царь 93
Эпизод 14. Право выбора 99
Эпизод 15. Солнцестояние 109
Эпизод 16. Расходный материал 118
Эпизод 17. Пробуждение 125
Эпизод 18. Переправа 132
Эпизод 19. Соглашение 139
Эпизод 20. Delirium 146
Эпизод 21. Кузня и кот 155
Эпизод 22. Гра’Морна 164
ЧАСТЬ III. ПАСТЫРЬ И ЛЖЕЦ. Эпизод 23. Первый и Последний 172
Эпизод 24. Бродячие артисты 182
Эпизод 25. То, что мне не принадлежит 191
Эпизод 26. Встреча с чудищем 199
Эпизод 27. Сокровища во тьме 209
Эпизод 28. Предсказанность добра и зла 217
Эпизод 29. По следу 229
Эпизод 30. Управитель 243
Эпизод 31. Маска 252
Эпизод 32. Червлёные Болота 267
Эпизод 33. Существо 279
ЧАСТЬ IV. ПЛОДЫ ОГНЯ И ПОРОХА. Эпизод 34. Коготь 283
Конец ознакомительного фрагмента. 297

Ольга Гутарёва
Пятая башня

ЧАСТЬ I. МУХА БЕЗ ГОЛОВЫ.
Эпизод 0. Вражбит и башня

Воспрепятствуй мне, — но услышь!
Рабиндранат Тагор «Залётные птицы»

Дом: — Когда ты вернёшься? [15:30]

Делаю затяжку. Дым стелется по языку. Оставляя привкус горечи, обволакивает лёгкие. Выдыхаю. Картина вечернего двора тает, утрачивая резкость очертаний.

Татьяна: — Не знаю. [15:30]

Взгляд скользит по припаркованным вплотную машинам, отталкивается от заснеженного капота и устремляется ввысь, к балконам панельных многоэтажек.

В глубине чужих квартир теплится свет, напоминая плоские свечи, запертые в фонарных гнёздах.

Дом: — Сообщение не прочитано. [15:31]

Внимание застревает в сплетении проводов над двором. Пепел на конце сигареты осыпается, успев дотлеть в хрупкий нарост.

Делаю следующую затяжку. Большим пальцем листаю мессенджер вниз. Поколебавшись, выбираю нужный чат.

Читаю сообщения, и пустота под рёбрами разрастается.

Илья: — Лежу, отдыхаю. Жду вызов. Ты? [19:42]

Татьяна: — Пытаюсь приготовить что-нибудь вкусное. [19:42]

Илья: — Поэтому ты решила не звонить 103, а сразу написать медработнику в личку? [19:43]

Татьяна: — Хоть какие-то связи по блату. [19:43]

Илья: — После смены заеду, если не против. [19:51]

Татьяна: — Ок. Только не кури в квартире, как в прошлый раз. Не переношу запах. [19:52]

Отстраняю от пересохших губ окурок, дотлевший до фильтра. Выдыхаю; никотин на пару секунд погружает мозг в расслабленную эйфорию.

Илья: — Всё, прилетело. Вызов. Едем. [19:52]

Татьяна: — На связи. [19:53]

В верхней строке мессенджера выбираю «удалить чат». Палец замирает над сенсором. Не могу заставить себя нажать.

К подъезду подходит пожилая женщина в длинном стёганом пальто, тащащая полиэтиленовые пакеты из супермаркета. Я торопливо тушу окурок о край урны и швыряю его внутрь. Прячу телефон в карман.

— Я! — громко отзывается в домофон женщина, шурша пакетами.

Морозную тишину двора прорезает резкий гудок.

Я встаю под козырёк чуть сбоку от жительницы дома, собираясь придержать дверь. Но женщина внезапно оборачивается и, не тая раздражения, жалит меня укоризненным взглядом.

— А вы это к кому?

Морщу лоб.

— Какая вам разница?

Женщина отодвигается на полшага.

— На третий? К Павлюхиным?

— Нет, а что?

— Все, кто без ключа, только к ним и ходят. А те над нами живут: Наташка вечно орёт, мужики пьяные туда-сюда шарятся.

Устав держать пакеты, женщина нехотя заходит в подъезд, стучит сапогами на площадке, сбивая снег. Я ступаю следом, вдыхаю запах старой краски и горячих батарей. Над рядами почтовых ящиков нервно мигает лампочка.

— А полгода назад что было? — женщина роется в кармане пальто. — Парня молодого из скорой зарезали.

Она достаёт связку ключей, перебирает. Аккуратно отворяет дверцу почтового шкафчика.

— Прям в подъезде.

Дверца со скрипом отъезжает в сторону. Внутри вместо писем и квитанций торчит пёстрый веер рекламных листовок.

— Убийцу арестовали, а нам что? Легче стало? — женщина выдёргивает листовки и начинает распихивать их по ящикам соседей, в приоткрытые щёлки. — Эти сверху как жили, так и живут.

Прячу руки в карманы. В кишках ворошится страх, и это гнилостное чувство отнимает решимость шагнуть вперёд и остаться одной в чужом подъезде.

— А вы… видели? — спрашиваю. — Тело?

— Нет, — женщина неуклюже поднимается по ступеням. — Я что, бежать должна была смотреть? За глаза хватило, как потом полиция с газетчиками по сто раз стучались.

Она встаёт перед лифтом, жмёт кнопку вызова.

— Молодой ведь был… фельдшер со скорой, — голос её делается тише. — У них там кому-то с сердцем плохо стало. А Мишка, хозяин квартиры, нажрался и с ножом полез. Бог знает, почему так. Эти гады до седых лет тянут, а такой молодой — раз и нет.

Женщина заходит в лифт.

— До свидания, — роняю.

Жду, пока створки сомкнутся и спрячут собеседницу. Кабина лифта уезжает, разрывая наше с ней мимолётное знакомство.

***

Под шагом хрустел снег; подле корчмы, слегка осипшая, надрывалась пастушья дудочка.

— Ага! Попался, рогатый! — колокольцы зазвенели ближе.

Девушки в берестяных масках, — с расписными щеками и растянутыми улыбками, — подступили к нему первые. Взяли под руки, смеясь и приплясывая, нарочно сбивая ход.

— Не вырвешься! — одна прижалась грудью к его руке, будто ненароком.

Стыдливый смех выдавал в них совсем ещё юных, незамужних девиц. Ладные, в полушубках нараспашку, они разглядывали чужака с цепким любопытством, не дичась его грозного вида.

Первая, та, у которой волосы выбились из-под платка, коснулась меха на его плаще, проверяя густоту.

Вторая ревностно потянулась выше, коснулась рога. Стыдливо провела кончиками пальцев от основания изгиба, будто трогала не часть наряда, а живого зверя.

— Пойдём плясать, рогатый!

— Пляшите, я погляжу, — мужчина в маске козла спокойно, едва отстранённо предпринял попытку высвободить руку.

Первая положила ладонь ему на грудь.

— Ну уж нет! — она улыбалась под маской. — Вместе хотим! Или ты плясать не умеешь? Так научим!

Человек в маске козла не спускал взгляда с пламени огромного костра, выше человеческого роста; свет искажал черты его звериного обличья, ожесточая и смягчая, пока огонь рвался в чёрное небо, раскидывая искры.

В зыбкой пляске света никто не обращал внимания на чужака в маске козла и двух девушек, держащих его за руки. Все голоса и мимолётные прикосновения становилось частью потехи. Люди в звериных шкурах и вывернутых тулупах смеялись, пели, пряча свои лица под масками. Плясали кругами, сбиваясь, нарушая лад.

Ведь царила самая тёмная пора зимы, и ночь тянулась, как страх, никак не находящий себе конца.

— Ну же! — капризничала первая девушка, забегая вперёд и маня его за собой. — Гордец какой выискался!

В такие часы грань между живыми и духами становилась тонкой и податливой, и последние являлись, чтобы плясать меж огней.

Время беззаботное, но опасное, как и всякое другое, если забыть об осторожности.

Человек в маске чёрного козла наклонился ко второй девушке, держащей за его рукав. Почувствовал, как она едва смутилась, хоть маски и скрывали лица. Или, может, вовсе напугалась, вспомнив, кого скрывала кривая личина.

— Веселитесь без меня, — он мягко снял её руку со своего рукава, сжал в ладони, задержав на миг, прежде чем отпустить.

Не слушая более просьб, он двинулся сквозь толпу, обходя стороной руки, тянущиеся увлечь его в хоровод.

***

Рука сжимает в кармане упаковку сигарет. Когда сверху доносится эхо шагов и хлопок тамбурной двери, направляюсь к лестнице. Медленно, совершая каждый шаг как отдельно взятое усилие, начинаю подъём по бетонному маршу.

На первом лестничном пролёте замираю у окна. За стеклом мерцают фонари. Кажется, что ещё не поздно повернуть назад.

На втором этаже — пустая площадка. Обитые дерматином двери и затоптанные коврики.

Перед пролётом третьего этажа медлю, сердце пропускает удар. Ожидаю увидеть на ступенях поблёкшие, но въевшиеся пятна крови, капли на стенах. Следы того дня. Кусок мозаики, который достанется мне вместо цельной картины.

Но вместо жуткой сцены вижу школьника, на вид ему лет десять. Шкет стоит вполоборота на ступеньке, в расстёгнутой куртке и шапке-бинни, сдвинутой на затылок.

Рюкзак с рисунком футбольного мяча брошен на пол.

— Здрасьте, — недовольно бормочет шкет.

— Здрасьте, — вторю.

Прохожу мимо, осматриваю плитку на полу. В лицо бьёт запах хлорки и старого мусора. Под ногами ворох окурков.

Ничего «сакрального».

Мне становится дурно, будто мою личную трагедию кто-то бессовестно заштриховал. Я достаю пачку сигарет, но взглянув на школьника, убираю обратно.

— Ты кого-то ждёшь? — вздыхаю.

— Артёма.

Шкет переступает с места на место, затем вытаскивает из рюкзака маркер, щёлкает колпачком. Краем глаза слежу за тем, как он делает пару быстрых штрихов на стене.

— Эй! — вырывается у меня. — Нельзя рисовать в подъезде.

Чувствую себя глупо. Зачем я только пришла сюда? Что это изменит? Ещё и к ребёнку пристала.

— А чё? — шкет даже не оборачивается, — тут и так все стены разрисованы. Хуже не будет.

— Всегда есть вариант сделать ещё хуже.

— Да я чуть-чуть.

Подхожу ближе, смягчая голос:

— Что рисуешь хоть?

Шкет отодвигает плечо.

Со стены на меня смотрит палочный человечек с пальцами-крючками. Вместо глаз у него два чёрных круга, краска из них лезет наружу. Над головой у человечка — размашистая надпись тэговым шрифтом.

— Мощно, — комментирую без особой острастки.

— Это типа Артём.

— Дай-ка я тоже, — протягиваю руку.

Шкет мнётся, но маркер всё-таки протягивает. Закрываю колпачок и спокойно убираю к себе в карман.

— Вы чё? Отдайте!

— Не. Мне нужно время подумать, что нарисовать. Как придумаю — верну.

— Это вообще-то воровство.

— Разве ж это воровство? Так, чуть-чуть.

На третьем этаже щёлкает замок. В подъезд выходит второй шкет, мало чем отличающийся от первого.

— Кирилл, пойдём! — зовёт он. — Опаздываем!

Первый шкет сверлит мой карман взглядом, бурчит неловкое ругательство и спешит вслед за другом.

— Прикинь, тётка маркер стырила!

Школьники выходят на лестницу. Голоса их уплывают всё дальше, а затем глохнут вовсе. Становится слышно, как в батарее потрескивает воздух.

Цепляюсь взглядом за стену. Между нарисованными тегами и кривыми сердечками всплывает надпись: *«Выход есть, но я не знаю, где мне выйти»*.

Долго стою неподвижно, перечитывая надпись снова и снова. Наконец достаю из кармана маркер. Рисую маленького схематичного человечка рядом с надписью.

Несколько секунд просто смотрю на эту фигурку, чувствуя, как дрожат пальцы. И затем я рисую на стене второго человечка, чуть поменьше, рядом с первым.

Я рисую себя.

Рядом с Ильёй.

***

Дверь из толстых осиновых досок протяжно скрипнула.

В корчму ввалились деревенские. Снег с валенок таял, расползаясь грязной водой по утоптанному полу.

— Ба! — гаркнул широкоплечий бородач с осипшим голосом. — Хозяин, да у тебя тут так набито, коль кто пёрнет — стены рухнут!

Вошедшие принялись снимать с лиц маски и вешать на пояса или затыкать за кушаки.

Лавки вдоль стен ломились от тел, столы были заставлены кружками и мисками. Только у стойки, возле корчажного бочонка, можно было выпить стоя. Туда вошедшие и направились, в один голос громко приветствуя собравшихся.

Возле бочонка стоял человек в маске чёрного козла. Он нудился отдельно ото всех и в разговоры не вступал, словно весь шум и теснота корчмы его не затрагивали.

— Гля, — хмыкнул кто-то из деревенских, толкнув соседа локтем. — Это ж наш вражбит, мать его раз так!

— Эй, вражбит! — окликнул тот. — Сколько сглазов успел отвадить, а?

Кто-то позади прыснул:

— Каждой бабе по вражбиту — пущай за ручку держит, коли страшно в нужник выйти! Разоримся, мужики!

Деревенские громко расхохотались.

— На кой ляд нам вражба? — огрызнулся поддатый возле очага. — Коли нечистая сила вылезет, мы ей сами рога пообломаем!

Наконец подал голос и сам вражбит:

— Я не против, — произнёс он низким, сухим голосом. — Только глядите, чтобы пьянство не вышло вам боком, и вы не сцепились меж собой, позабыв про нечисть.

Деревенским его слова пришлись впору; те загалдели, поминая, что в пьяном больше силы. Но вражбит уже не слушал. Он не спускал взгляда с женщины с потёртом тулупе и выцветшем платке. Она смотрела на него в ответ.

Лицо её скрывала глиняная бесцветная маска зайчихи.

Не успел вражбит и шага ступить, как женщина сорвалась с места и, проворно огибая толчею, ринулась к выходу.

Вражбит поспешил за ней, не желая терять из виду.

***

Над площадкой тихо потрескивает лампа.

Прежде чем уйти, оглядываюсь в последний раз. На лестничном пролёте пусто. Грязные разводы, следы обуви. Ничто не напоминает о том, что произошло здесь полгода назад.

Подхожу к лифту и жму кнопку вызова. Жму ещё раз, сильнее и дольше. Кнопка не загорается.

Свет под потолком коротко мигает. Наверное, сбоит электричество. В таких домах это обычное дело.

Делаю шаг к ступеням. Холод усиливается. Дыхание рассыпается белым паром.

Свет мигает снова, на этот раз дольше. Подъезд на мгновение исчезает. Провожу пальцем по перилам и сразу отдёргиваю руку: металл обжигающе ледяной, к нему липнет кожа.

— Чёрт… — торопливо натягиваю перчатки.

Ступени повторяются, как навязчивая мысль, застрявшая в голове, всё время возвращающаяся на исходное. Пролёты меняются местами: то кажется, я спустилась слишком низко, ниже первого этажа, в подвал, то наоборот — будто поднимаюсь, а не спускаемся вовсе.

В конце концов лампа над головой вспыхивает, и свет гаснет насовсем. Достаю телефон и включаю фонарик. Сердце, как назло, бьётся всё громче, мешая здраво мыслить.

— Что за?.. — пар вырывается в пустоту.

Резко замираю, будто в позвоночник вогнали ледяной крюк.

Лестница снизу покрыта снегом. В тени проступают пятна: чьи-то безмолвные силуэты, застывшие вполоборота. Мерещится, будто из глазка одной двери кто-то наблюдает.

Наступаю на потёртый половичок, начинаю неуверенно стучать в чью-то дверь. У неё золотистые, кривовато приклеенные цифры. Одна чуть съехала набок.

— Откройте!

Паника перехватывает дыхание.

— Ну же, блять… — ударяю кулаком. — Откройте!

Фонарик дрожит, луч света срывается с ручек дверей, выхватывает трещины в стенах, обвалившиеся участки кладки.

Лестница уходит вниз, на ней мерцает снег, смёрзшийся с камнем.

Стучу и одновременно лихорадочно начинаю жать на звонок, раз за разом. Тишина, звонок не работает.

— Откройте! Пожар, откройте! Откройте!

Никто не отзывается, даже манёвр с «пожаром» не срабатывает.

Нужно скорее выбраться из этого замкнутого пространства, кажется, здесь моя кукуха съехала окончательно.

Переношу вес на следующую ступень, но она оказывается слишком узкой. Подошва соскальзывает. Луч фонарика подпрыгивает, вырывая из темноты кривую стену. Я поскальзываюсь, падаю. Снег подо мной подло скользит, не давая зацепиться.

Фонарик всё ещё светит, освещая последний пролёт.

Теперь я сижу на краю лестницы, не понимая, что происходит. Передо мной не подъездная дверь. Безумие какое-то! Двери нет вовсе.

Свет выхватывает куски камня, лёд и белые ворохи снега.

«Я сплю. Точно сплю».

С трудом поднимаюсь, игнорируя ноющую спину. Ноги дрожат, но я подхожу к выходу. Выглядываю наружу. Ветер режет глаза, отчего приходится старательно щуриться.

Фонарик телефона пересекает границу и прыгает на землю, устланную гладким настом. Светлое полотно тянется до самого горизонта.

Над головой — небо. Его не разрывает свет фонарей, не режут фары машин. Ни асфальтовых жил, ни дорожных развязок, ни троп, присыпанных солью и песком.

Лишь белая стылая пустошь, уходящая в бесконечность, и над ней — бархатная чернота, засыпанная сверкающими звёздами.

Я оборачиваюсь, но подъезда больше нет. Лишь обломки занесённой снегом башни.

***

Вдалеке над деревней мерцало рыжее зарево костров.

Ветер завывал в еловых шкурах, гнал позёмку по гладко стеленным сугробам.

Вражбит вышел на заледеневший берег озера. В руке он нёс факел. Тёплый свет пролился на лёд, выхватывая тёмные жилы трещин и бугристый наст.

— Зачем преследуешь меня, человече? — голос у зайчихи оказался девичий, но с глухим, хриплым доносившемся из груди звучанием.

Женщина в глиняной маске и овчинном тулупчике стояла на льду озера. Край её понёвы и пряди, выбившиеся из-под платка, дрожали на ветру. Свет от факела таял бледной полосой в синей тьме возле её ног.

Вражбит остановился на краю берега.

— Узнать, зачем ты пришла.

«Зайчиха» притворно усмехнулась.

— В эту ночь духам и людям дозволено плясать вместе. Я лишь вышла в круг, как прочие.

— Не лги. Ты пришла не за весельем.

— Слыхала, что говорят о тебе люди. Староста нанял тебя, чтобы ты сберёг деревню от лиха. Мы с тобой не враги, вражбит. Я пришла не с худым умыслом.

Вражбит тяжело вздохнул, отвёл факел от порыва ветра.

— Хотел бы я, чтобы это оказалось правдой.

— Неужто вздумал со мной тягаться? Для тебя эта верная смерть, вражбит. Отступись.

— Зачем ты пришла?

«Зайчиха» умолкла, неподвижная, словно обратившаяся в соляной столб.

— Я пришла за своим убивцем.

— Стало быть, помнишь его?

— Иначе бы я сюда не ступила.

— Что же ты помнишь?

«Зайчиха» повела головой, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя.

— Помню его тяжёлое дыхание… помню грубые руки. Помню, как бранился, как смердело брагой. В ту ночь… нет, этой ночью он оборвёт ещё чью-то душу. Не стой на пути, вражбит. Покуда лихо не свершилось снова.

— Так я и думал... — он зацепился зубами за перчатку свободной руки, стянул её. Мороз тут же впился в кожу, прогрызая до крови.

«Зайчиха» ощетинилась, скрючила пальцы.

— Так не терпится стать моим палачом?

— Тебе пора упокоиться. Твоё воздаяние лишено смысла. Тот, кто тебя сгубил, уже давно мёртв, раз ты ни имени его не помнишь, ни лица.

— Тебе не удастся меня заговорить…

— Не первую зиму ты кровь льёшь. Невинных губишь. В каждом мужике, что хоть чем-то схож с твоим убивцем, тебе мерещится он.

Зайчиха отпрянула, будто он плеснул на неё кипятком.

— Врёшь, собачья душа! Врёшь!

— Для того меня и позвали: покончить с бедой, что всякий раз оживает зимою.

— Нет, — зайчиха закачала головой. — Неправда… Я помню! Всё помню! Зачем обманываешь?

— Тогда назови своё имя. Имена родичей. Друзей? Понимаешь теперь? Вижу, что понимаешь. Твой жизненный путь окончен, мне жаль. Позволь помочь.

Зайчиха схватилась за голову, сжимаясь и дрожа. Ветер терзал её фигуру, заволакивая во тьму.

— Заткнись! — срываясь на вопль, она отдёрнула руки, согнулась. — Думал, провести меня? Одурачить? Мнишь, за такую дерзость я позволю тебе уйти? Чтоб в потрохах твоих холодом звенело, поганец!

Она сорвала с лица маску и шагнула вперёд. Глиняная личина треснула об лёд, раскололась.

— Медленно тебя уморю, — губы мертвячки расползлись, обнажая чёрные, неровные зубы.

Между ними сочилась густая смола, пятнала впалые губы. Спина мертвячки согнулась, вытягивая бугристый горб.

— За каждую каплю твоей поганой лжи!

На тёмном льду, где мгновение назад стояла хрупкая девушка, теперь шевелилось кривое чудище, стремительно утрачивающее человечье обличье.

Эпизод 1. Язык зверей

Армия теней надвигается,
И пусть она разбудит спящие воды
В самой глубине моей боли,
Лежащей рядом с трёхрогим дьяволом.
Bruno Pelletier — L ' arm é e des ombres

Ветер мешает видеть звёзды: порывы его режут глаза, превращают слёзы в снопы искр.

Проваливаюсь ногой по колено в снег. Неловко покачиваюсь, теряя равновесие. Не остаётся сил даже на слабый стон.

В паре метров виднеются очертания обрыва, устланного гладким покровом. Один неверный шаг, и можно распрощаться с жизнью.

Густая россыпь звёзд окрашивает снег в лиловато-пепельный, воссоздавая толику света: достаточную, чтобы различать заснеженные вершины, но недостаточную, чтобы продержаться до рассвета. Суля неминуемую гибель, в невысоких редких елях завывает ветер, оборачиваясь во стылом мраке ночи огромным рогатым чудищем.

Но ни ужасающий холод, жгущий кожу до крови, ни вой вездесущего ветра не могли затмить громкую и беспорядочную мысль, равную крику.

«Перестать. Перестать сопротивляться. Ведь всё кончено, всё по-настоящему кончено… нужно всего лишь перестать сопротивляться…»

«Нет!» — зажмурившись, я вынуждаю себя двигаться дальше. — «Нельзя, это неправильно…»

Преодолев узкий гребень, начинаю спуск по голым камням, ощущая под немеющей поступью приминаемую поросль можжевельника, прорастающую из трещин.

Ноги подкашиваются. Падаю, скатываюсь вниз, ударяясь о камни с постепенно гаснущим криком.

«Когда я уже наконец проснусь? Это ведь не может быть взаправду, ага. Дурацкий сон».

Горячий влажный язык скользит по губам, слизывая кровь с разодранной щеки. Отнимаю лицо от чёрной проталины. Теперь я лежу ничком у подножья склона, посреди заснеженной опустелости. Боль не позволяет двигаться.

«Когда же это закончится?»

Вою, надеясь, что меня смогут услышать. Ледяной поток воздуха проникает в лёгкие, тяжеля дыхание, покрывая бьющееся сердце колющейся коркой.

И когда остаётся лишь закрыть глаза и припасть к земле, я замечаю свет: размытое пятно в низине. Мерцающее зарево посреди опустелости.

Населённый пункт. Железнодорожная станция или заброшенный посёлок — не имеет значения. Где-то там горят огни, есть стены и отопление. А значит, и шанс дожить до утра.

***

Жар лопал ветки; обуглившись, они подламывались и оседали. Обвал поднимал к ночному небу снопы искр.

— Не лезь, дурёха! Кому сказано?

Снег вокруг дорожки светился медным, как от печной топки. Воздух казался прокопчённым, с привкусом обугленной корки.

Ватага ребятишек крутилась на границе света. Кто-то уже успел слепить корявого снежного беса и теперь пинал его валенком, разбрасывая клочья снега.

За крайним тыном, где деревня редела и обрывалась, из сугроба торчал перекошенный столбец. Вокруг крестом пролегали истоптанные тропы, переплетённые с колеями от саней.

По сторонам тянулись пустые, занесённые снегом поля.

Под звон бубна и лязганье деревянных трещоток мальчишки по очереди ныряли в полутьму и мчались к столбцу: кто-то касался его рукавичкой и сразу разворачивался, кто-то, хрипло смеясь, умудрялся и вовсе оббежать столбец по кругу.

Тот, кто оказывался самым смелым, плевал в сторону леса и шептал:

Чудище-боро́вище,
вылезай из ло́говища!

Неженька в овчинной шубейке топталась возле покосившегося плетня. Шмыгая носом, она косилась на старших ребят, которым было по целых десять годков. Они казались ей почти что взрослыми: громко смеялись, спорили, ругались в шутку, подражая родителям. От их голосов внутри Неженьки всё сжималось от зависти. Ей хотелось веселиться наравне с ними. Ведь у неё и маска была совсем как у взрослых. Мама вырезала из плотной тряпицы козью морду, пришила лоскуты белого меха по краю, чтобы казалось пушистой, и рожки из скрученной соломы, обмотанные цветной ниткой.

Старший братец Радко, сдвинув шапку на затылок, строго цыкнул:

— Не мешайся, Нежка! Иди к бабам, пока не зашибли.

Неженька упрямо уставилась на перекошенный столбец в сугробе и почувствовала, как страх заползает к ней под шубейку. Чудилось, будто вот-вот из-под снега вынырнет мелкий лешачок, вцепится в валенок и потащит в чёрный лес. Или щёлкнет зубами и отгрызёт что-нибудь, как волк жилу.

Там, за столбцом, начиналась страшная ночь. Когда очередной мальчик с визгом нырял в темноту и возвращался, надрываясь со смеху, всё внутри Неженьки съёживалось от смятения.

Если все бегали, значит, и она могла — могла доказать, что не трусиха.

— Гля-ка, Нежка побежала!

— Эй, мелюзга! Сейчас шишиги вылезут, за косу тебя в лес утащат!

Кто-то для смеху завыл по-волчьи.

Неженька звонко рассмеялась, противясь страху. Снег под валенками хрустел, дышать становилось всё трудней, но она добежала до столбца, шлёпнула по дереву рукавичкой.

Сердце билось, заглушая голоса мальчишек.

— Я дальше всех! — Неженька побежала дальше, за столбец. — Дальше всех!..

Ночь заткала всё чёрной тканью. Неженька сбавила шаг, всматриваясь вдаль перед собой. За спиной гулом стояла деревня: мальчишки нарочно издавали звериные звуки: рычали и блеяли, поддразнивая, норовя напугать.

В темноте что-то ворохнулось. Белый огонёк отделился от полосы леса и, ступив на поле, медленно двинулся в сторону деревни.

Раздался вязкий скрип, будто кто-то тяжёлый переставлял ноги по насту. И тут же Неженька различила высокую фигуру. Леший! Или ещё какой уродливый дух, кого они раздразнили своими криками.

Неженька пронзительно заверещала и ринулась обратно. На глаза её выступили слёзы, и мир вокруг смазался в одно размытое пятно.

— Радко! Радко! Помоги! — голосок её надломился. — Чудовище! Там чудовище!

***

Свет от фонарика телефона скользит по покосившемуся деревянному столбцу, торчащему из сугроба.

Дышу и чувствую, как воздух обжигает изнутри, будто я глотаю стеклянную пыль. Городские ботики промокли насквозь. Снег забился сверху, и из-за этого ломит стопу. Джинсы холодные и липкие, будто на ногах у меня мокрая тряпка.

Холод лезет глубже, в голову. Не спасает даже капюшон, плотно натянутый поверх шапки. Пальцы в мокрых перчатках не слушаются. Пытаюсь сжать кулак, и не получается. Становится страшно, но не от боли, а оттого, что я теряю управление.

Поэтому, когда до посёлка остаётся совсем немного, я не верю глазам. Странное чувство. Как будто мне показали мираж, а я боюсь моргнуть — вдруг он исчезнет. Именно поэтому я не позволяю себе радоваться раньше времени.

— Кто-нибудь… помогите! — даже если это всего лишь сон, это не отменяет того факта, что мне нужна помощь. Ведь так?

Посёлок похож на фестивальный лагерь, построенный на холме. По краям посёлок ограждён рядом вбитых кольев. Чуть выше темнеют деревянные дома, сложенные из тёсаных брёвен, со щербатыми крышами. Между домами пролегают тропы, потемневшие от постоянного хода.

А затем я слышу звук. Из глубины посёлка доносится музыка. Не привычное звучание динамиков, а живое исполнение. Глухие, упругие удары по натянутой коже, с треском. Барабаны! Подумать только. Ритм их скачет, как шаги по снегу. Поверх визжит и смеётся дудочка.

Мелодия проста и цепляется за слух, будто заклинание. Заклинание, звучащее посреди пустоты, ветра и беспрестанного холода.

Замираю на входе в посёлок, стараясь осмыслить происходящее. Ветер всё ещё грызёт до кости, но музыка держит, не даёт упасть, словно чья-то рука за локоть.

Из оцепенения меня выводит тупой удар в грудь. Снег разлетается липкими крошками. Мне требуется несколько мгновений, чтобы осознать, что в меня бросили снежок.

Из темноты выныривают детишки. Они что-то кричат, но я не улавливаю смысла, только злость.

Дети кидают в меня снегом так, будто хотят прогнать. На них уродливые и жуткие маски, больше похожие на изуродованные лица после болезни: проваленные щёки, кривые рта и вздувшиеся бугры. На свету маски, наверное, выглядят просто деревом или кожей, испещрённой швами. Однако сейчас, в полумраке, эти рожи до отвращения безобразны.

Пытаюсь поднять руки в защитном, неуклюжем жесте.

— Эй! — я нахожу в себе силы подать голос. — Какого чёрта вы вытворяете? Совсем, что ли?

Вскидываю фонарик, и тогда происходит странное.

Как только свет ложится на детей, вся их бравада улетучивается. Дети ошалело кричат и, спотыкаясь, рассыпаются в разные стороны. Хаотично, совсем как тараканы под палящим лучом.

— Да вы издеваетесь? — стискиваю зубы так сильно, что сводит скулы.

Не понимаю, что страшнее: то, что дети на меня напали, или то, как легко они исчезли. Представляю себе здешних взрослых, столь же буйных, но тут же отдёргиваю себя. Нет, хватит. Я устала и выбилась из сил, мозг цепляется за самое страшное. Необходимо просто найти помощь и как можно скорее, пока я ещё способна хоть немного мыслить здраво.

В морозном воздухе угадывается смрад дыма и скота, спрятанного за деревянными стенами.

Выхожу между домами, в сторону колышущегося света.

Передо мной пылает огромный костёр. Пламя вздымается выше человеческого роста, трещит и плюётся искрами. Небо над головой дрожит, опалённое жаром.

Вокруг костра двигаются люди. Они скачут, кружатся, изображая выверчивающуюся, бесовскую пляску. В такт бубнам они задирают колени, хлопают в ладоши и запрокидывают головы. Снег под их ногами растаял до чёрной, влажной земли.

В моей голове вновь вспыхивает паническая мысль: я сплю. Сон продолжается. Но как же тогда из него выбраться?..

Прохожу мимо людей, сквозь рваный хоровод. Никто не оборачивается. А мне тем временем становится легче дышать. Тепло от костра медленно, настойчиво просачивается внутрь, как вода в пересохшую землю.

Подхожу близко к огню. Жар накрывает лицо. Глаза слезятся, внутри разливается сладкая усталость, от которой тянет лечь спать не раздеваясь.

— Всего лишь сон… — губы едва двигаются.

Делаю ещё полшага, и жар обнимает меня полностью. Протягиваю руку к всполохам пламени. Мне кажется, что, если я закрою глаза и сделаю ещё шаг — ничего плохого не случится.

Останется только тепло. И покой… долгожданный покой.

***

Чёрная маска лежала на земле, погруженная в снег.

Мужчина выпрямился, уложив женское тело лицом вверх на еловые ветви, подобно «обмёрзшей кукле». Он так торопился к озеру, что не успел никого предупредить. С собой у него не было ни саней, ни даже верёвки. Пришлось мастерить волокушу из ветвей, что он срубил неподалёку, и связывать их собственным поясом.

Он выполнил свою работу: успокоил упырицу, изводившую жителей деревни. Теперь же тело «зайчихи» следовало предать должному погребению. Пускай даже за оградой кладбища, на пустоши. А для этого нужно было вернуться в деревню.

— Пора ехать, — зачем-то обратился он к «зайчихе», прежде чем укрыть её сверху еловой ветвью.

Мужчина взялся за передние концы полозьев и потянул. Тело «зайчихи» не съехало, только чуть качнулось. Мужчина сделал шаг, второй. Волокуша с упрямством заскользила за ним.

Иногда мужчина всё же бросал взгляд назад. Но «зайчиха» больше не оживала, лишь тянулся низкий шорох под еловыми ветвями, оставляя след. Тогда мужчина снова опускал глаза в снег и шёл, наклоняясь вперёд.

Когда безмолвие становилось слишком плотным, мужчина поднимал взгляд на звёзды. Звёзды можно было зачерпнуть рукой. Над тёмным краем леса угадывалось созвездие Лося.

Против воли мужчина тотчас вспоминал детство.

«Нет, не сейчас», — упрямствовал он, не давая памяти развернуться и потянуть его назад. Затем резко выдыхал, пытаясь сосредоточиться на шаге. — «Рано расслабляться».

Когда потянуло дымом, и послышался глухой собачий брёх, из-за крайнего плетня выбежали двое мужиков. Будто караулили за углом, у сарая, не решаясь выйти на дорогу.

— Где же тебя, лешего, носило?! — разом накинулись они, перебивая друг друга. — Худо у нас… идём! За что тебе, бесстыжему, Будимир платит? Как нужен — шляешься хрен знает где!

Вражбит поводил плечами, разминая спину после того, как волок волокуши.

— У вас найдётся чего хлебнуть? Чтоб покрепче. С собой.

— Нашёл время! Леший тебя задери, пьянь… толку-то от тебя хоть будет?

Пока мужики шумели, вражбит неторопливо, пропуская ругань мимо ушей, обошёл волокуши. Присел и смахнул с тела «зайчихи» сырую еловую лапу; иглы посыпались на снег.

— Эй… — один из мужиков осёкся. — Это… что там у тебя?

Они подошли ближе. Один поднял факел. Пламя дрогнуло, освещая тело на волокушах: по присыпанным снегом волосам и уродливо вывернутой шее.

— Жница божья! — мужик прочертил пальцами в воздухе знак оберега, косясь на тело. — Что ж это ты приволок?!

Вражбит разогнул спину.

— Нечисть, что терзала ваших людей. Я сделал свою работу. Теперь ваша очередь — надо бы похоронить.

Второй мужик в ужасе стянул с себя шапку, будто остужая голову.

— Что же это делается… ещё одна, стало быть!

— Хоронить, говоришь… — просипел первый. — А как такое в землю-то класть?

Вражбит пошёл мимо мужиков, оставив волокуши.

— Это уже вам решать, где ей лежать.

— Эй, стой-ка, куда это тебя понесло?

— В корчму, надо выпить.

— А со второй что делать прикажешь?!

Вражбит остановился, бросил взгляд через плечо.

— Со второй?

Мужики суетливо топтались на месте.

— Ну… с той, что мы в сарае заперли.

— В каком ещё сарае? — голос вражбита сделался опасно тихим.

— Ты, стало быть, и не видел, пока по лесу за этой гонялся. К огню одна из этих вышла. Давай народ стращать: шипит, рычит. Чуть головы всем не поотрывала! Еле-еле её в сарай загнали, да на засов.

Второй мужик сжал крепче шапку.

— Уж было сарай палить хотели… да загорится — вся деревня, не дай бог, вспыхнет. Вот и бегаем, тебя выискиваем.

Вражбит помолчал, изучающе глядя на них из-за маски, будто решая, шутка это или новая обуза. Затем горестно вздохнул, осознав, что у него нагловато выдернули кружку крепкого пойла из-под носа.

— Показывай этот ваш сарай.

***

Кто-то кладёт мне руку на плечо. Распахиваю глаза, очнувшись от наваждения. Мои пальцы в перчатке почти коснулись пламени.

— … ты? — рядом со мной возникает девушка в выструганной маске с острыми ушками. Девушка тяжело дышит после пляски.

— Что? — отступаю.

Девушка смеётся, а я не могу оторвать взгляда от её бурого крепкого полушубка. Неожиданно ко мне приходит осознание. Я не понимаю языка, на котором девушка говорит: звучание его кажется мне наполовину родным, словно песня, которую я знала в детстве, но успела позабыть. Некоторые слова будто бы касаются знакомого корня и тут же ускользают.

Мне удаётся понять слова «ночь» и «чудно». Во всяком случае, мне так кажется.

— Вы не могли бы, пожалуйста, повторить?.. — морщусь, будто от головной боли, ведь мне с трудом удаётся сконцентрироваться на разговоре. Я порядком измучилась, пока пересекала заснеженную пустошь.

Заметно, как девушка смущается. Теперь она говорит короче и чуть тише. И вновь я ничего не понимаю. Кажется, она спрашивает — всё ли со мной в порядке.

Вспоминаю о телефоне. До этого связи не было, но вдруг теперь всё иначе? Достаю из кармана телефон и непослушными пальцами открываю браузер. Значка сети нет. Значит, придётся объясняться без помощи переводчика. Язык жестов никто не отменял, ведь так?

— Интернет, мне нужен интернет, — отчётливо проговариваю. — У вас есть вайфай?

Поднимаю взгляд от экрана и умолкаю.

Сквозь прорези маски вижу распахнутые до белков, остекленевшие глаза девушки. Она смотрит на телефон в моих руках и пятится, будто я показала ей взрывчатку. Не успеваю спросить, в чём дело. Девушка пронзительно визжит и срывается с места. Врезается в приземистую женщину, сбивая ту с ног. Женщина падает с глухим «ух».

Следом вспыхивает запоздалая ругань. Кто-то оборачивается. Какой-то мужчина перехватывает кричащую девушку за плечи, удерживает, чтобы она не рванула дальше.

Девушка пытается вырваться, вытягивает руку и показывает на меня, словно метя источник опасности.

— «Страхолюдина»! — различаю я. — «Страхолюдина»!

Слово будто камнем падает в воду, и по толпе проходит рябь. Кто говорил — осекается, кто смеялся — тот затыкает рот. Люди оборачиваются, смотрят в нашу сторону. Слышно, как скрипит под валенками снег.

Чувствую, как вокруг зреет давление, как на меня смотрят с молчаливой, угрюмой решимостью, будто каждый уже знает, что делать, и только ждёт, кто первый двинется. Моё присутствие на этом празднике выглядит теперь не просто лишним. Оно выглядит запретным.

Замечаю, как какая-то женщина вытаскивает из пазухи образок и тянет вперёд, будто это способно отогнать меня от костра.

— Простите, — мямлю. — Простите, я… я потерялась. Я не хотела… не хотела её пугать. Просто спросила…

Слышу детский крик. В меня летит снежок. Попадает мне прямо в голову. Если бы не капюшон, льдистый комок наверняка бы расцарапал мне щёку.

— … «там ей место»! — различаю.

Несколько мужчин выходят вперёд, отрезая мне путь к отступлению. Выставляют вперёд смоляные факелы — длинные прутья с чадящим огнём на концах.

Пячусь, онемев от удивления.

— «От огня попятилась, видали»? — один из них машет прутом.

— Стойте… — выставляю руки ладонями вперёд, изображая готовность сдаться. — Я не хотела… простите. Я уйду. Я могу уйти, правда. Мне просто нужна была помощь. Я не знаю, где нахожусь, я…

Не замечаю, как по щекам ползут слёзы, теплеющие от близкого огня.

— Я вас не понимаю, клянусь, я… do you speak English? I just… need help. Please.

Брошенный кем-то камень врезается мне в скулу. Кожа лопается, и по щеке тут же стекает тёплая, липкая полоска крови.

***

Горящие в руках смоляные факелы чадили в лица.

— Пожаловал, вражбит… — староста Будимир вышел из тесной полосы людей.

Возле входа топтались мужики, гуртом подпирая дверь. Бабы держались поодаль: кутались в платки, перешёптывались и осеняли себя обережными знаками. Детвора, как всегда, лезла вперёд, но их рывками одёргивали и прижимали к себе.

— Расскажи по порядку, что произошло, — велел вражбит.

Будимир пригладил ладонью бороду, кашлянул.

— Да что здесь говорить? Мужики у меня не робкого десятка. Заметили её сперва у костра. Душанка говорит, вещицу та какую-то вынула, зажгла. Как огнём во тьме сверкнуло. Бабы в визг. Ну мужики её в круг взяли, оттеснили. Она, правда, смирная вышла… не огрызалась. Видать, огня испужалась. С него всякая нечисть задом пятится. Вот заперли. Засов на два клина, мужики караулят. Сидит тихо, не шуршит… Не знаю, вражбит. На душе неспокойно. Отчего эта тварь так на живого человека смахивает?

— Да чего ты несёшь, старик! Глазами обнищал? — из-за плеча старосты высунулся взъерошенный мужик. — Она же на меня чуть не кинулась! Лицо мне выцарапать норовила! Как глядела… Я ей разок вдарил — аж кубарем в снег улетела! Не вру же, мужики, видали?..

Будимир обернулся к нему, как к назойливой собаке.

— Не про твою рожу речь.

Вражбит глухо помычал, как бы споря сам с собой. Затем спросил:

— Кого-нибудь цапнула? Раны от нечисти не по-простому лечат.

Будимир помотал головой.

— Вроде нет. Но я людей поспрашиваю.

Вражбит стянул с пояса топорик с расписным лезвием. Рукоять привычно легла в ладонь.

— Я там, на краю, оставил тело. Пущай у вас в леднике до весны побудет. Не дело так останки бросать. Только без лишнего. Всё-таки человечьи останки. Одной из ваших была.

— Наших? Разве же…

— Потом объясню, — оборвал вражбит устало, чертя золой обережный знак у входа. — Отворяйте засовы. Надо покончить поскорее.

— Вырвется же! — загудели мужики. — Давайте до рассвета держать! Пущай присмиреет на солнышке.

— Наоборот, — отрезал вражбит. — Рассвет ей сил предаст. Надо успеть управиться до зари, а то куда трудней будет.

Пока мужики, споря и огрызаясь, снимали засовы, а староста прикрикивал и подгонял их, будто скотину к ледяному броду, вражбит молчал и думал. Что-то в этом всём ему не нравилось. Почему упырица никого не ранила? На такой породы была, чтоб смирно стоять. Что она делала тогда, у огня? Зачем лезла к пламени так близко? Не сходилось.

Перебирая в уме все возможные исходы, вражбит мрачно хмурился. Чем дальше, тем было яснее: ничего хорошего за этой дверью его не ждало.

— Стойте тут, — буркнул он и шагнул к двери, отбирая из рук одного из мужиков факел.

Он вошёл боком, плечом вперёд, протягивая факел на вытянутой руке. Топорик во второй руке лёг у груди, лезвием к проходу.

В углу, где-то в темноте, раздался шорох сена.

Вражбит резко перевёл свет, обернулся. Замер, уже готовый бросить топорик в цель.

У стены, на полу сидела девушка. Прижав к себе колени, она сутулилась, щуря глаза от света. Она часто и прерывисто дышала, будто ещё миг, и она была способна задохнуться. Девушка смотрела на него во все глаза, и в них не было ярости загнанного зверя, ищущего, куда бы вцепиться. Это был скорее взгляд осиротевшего детёныша, беспомощный, переполненный ужасом.

Одежда девушки казалось чудной, но не рваной. Волосы девушки были тёмные, густые, ровно срезанные по плечо. Не свежая топорная работа. Не верилось, что кто-то вздумал нечисти волосы ровнять. Значит, такой она уже пришла.

Но по лицу девушки была размазана кровь. Тёмные полосы на щеках, запёкшиеся капли у губ.

Кровь. Если никто из деревни не был ранен, значит — её собственная.

Вот только нежить не способна проливать кровь.

Вражбит опустил топор. Девушка шевельнулась, вжалась спиной в стену. Губы её дрогнули, она хотела что-то сказать, но голос её не слушался. Она сглотнула, попыталась вновь.

Вражбит старательно вслушался, но вдруг с тяжестью понял: он не понимал её речи. Ни слова.

— Кто ты такая?

Девушка судорожно вздохнула. Ещё миг, и она разрыдалась бы в полный голос. Её взгляд метнулся к двери. Она явно хотела выскочить отсюда и больше никогда не возвращаться.

— Эй, тише, — повторил вражбит. — Нет, так дело не пойдёт.

Он опустил топор, медленно выставил свободную руку вперёд, ладонью к ней, будто приглашая её поговорить. Сделал медленный шаг, не спуская с неё взгляда.

Девушка выдохнула что-то на своём языке и вдруг дёрнулась, как от удара, прижалась к стене.

— Я не причиню тебе вреда, — выговорил он. — Но тебе надо говорить. Говорить. Мы можем… поговорить?

Он нарочно старался говорить рублеными фразами, вдруг какие-то слова могли быть ей знакомы.

— Моё имя… Овод, — он чуть присел, чтобы не нависать над девушкой. Но та вовсе умолкла от ужаса. — Прозвище. Понимаешь?

Овод коснулся своей груди. Потом чуть повёл рукой:

— Твоё имя? Как тебя звать?

Девушка молчала. Тогда Овод взялся одной рукой за край своей маски и потянул вверх. Маска сошла с лица. Овод опустил её и положил между ними на пол.

И тогда в лице девушки что-то переменилось. На миг Овод подумал, что она сейчас рухнет и замрёт. Задохнётся от звериного ужаса. Будто без маски он стал для неё ещё б**о**льшим чудовищем.

— Илья?.. — девушка медленно оторвалась от стены. Протянула к Оводу руку, будто слепая.

Покачнувшись, девушка поднялась на ноги.

— Илья…

Овод не стал отталкивать её. Девушка, как молодая вдова, с надрывом рванулась к нему, кинулась на шею. Пальцы её метнулись вверх, но замерли в воздухе, так и не коснувшись его лица.

Губы девушки тронула слабая, печальная улыбка. Оводу уже приходилось видеть такое выражение: так улыбались те, к кому на порог возвращались умершие, которых ждали.

Эпизод 2. Хворь

Слюнявая пасть рванулась к нему. Цепь дёрнулась, плетёные кольца натянулись, бряцая. Челюсти клацнули о прутья решётки, и тварь мотнула головой. Металл дрогнул, по стенам пробежала дрожь.

Густая, нитями тянущаяся слюна потекла по прутьям, капая на пол тёмными кляксами.

— Славный… пёсик, — с презрением высказался Векша, на мгновение утрачивая способность подобострастно лыбиться.

Тварь встала на четыре лапы и отступила, не сводя с Векши косого взгляда. Мерзко думать о том, как эта пасть, кажущейся продолжением черепа, как мощный «клин» могла захлопнуться и больше не разжаться где-то на… человеческом теле.

Впрочем, чего ещё было ожидать от химер? Химеры. Именно так Хозяин называл этих существ, которых он вывел с помощью вражбы. Они были его любимчиками. Эти слюнявые, вонючие четвероногие твари, способные с лёгкостью переломать человеку кости. Ходячие капканы.

Векша без особой весёлости усмехнулся. Чтобы заслужить расположение Хозяина, мало быть верным — надлежало быть для мира уродцем, неугодным естеству. Таким Векша и являлся. К счастью или нет, но лишь наполовину.

— Чуют гнилую кровь, — равнодушно высказался Хозяин, без обиняков намекая на то, что Векша был полукровкой.

— Так зачем… ты хотел меня видеть, господин?

Хозяин стоял к нему спиной, и Векша не мог видеть его лица. Но сейчас бы он Хозяина и в толпе не отличил: тот был облачён в простую рубаху и штаны, перепачканные кровью. Если не знать, можно подумать, очередной работник с длинными поседевшими волосами, забранными в хвост.

Выдавали только руки. По локоть в свежей крови и покрытые татуировкой вражбицких знаков.

Хозяин брал куски мяса из ведра и подходил к решёткам. Химеры царапали лапами пол, раздували ноздри. Если одна из них кидалась на Хозяина, тот остужал их вражбой.

— Запоминай, — проговорил Хозяин, будто самому себе.

Хозяин никогда не позволял слугам заниматься кормлением своих подопечных. Слуги всего лишь подносили вёдра и выгребали за тварями дерьмо.

Кормёжкой Хозяин занимался сам и только сам. Тем самым твари привыкали к Хозяину, запоминали, что сытость приходила вместе с его шагами и голосом у прутьев.

— … выдвигаешься через час, — стало быть, Хозяин обращался не к химере за решёткой, а к нему. — В городе отыщешь лудильщика Жадко. Вотрёшься к нему в доверие. Он водится с Камышовыми Котами, знает к ним дорогу.

«Камышовыми… котами? Неужто тот самый сброд, что лодки в затонах грабит?» — усомнился мысленно Векша, но перебивать не стал — ему ещё была дорога собственная шкура.

— Скажешь, что сбежал от хозяина, вознамерившегося отправить тебя на виселицу, и терять тебе нечего.

Хозяин метнул мясо в пасть ближайшей твари.

— Станешь у Котов своим. Любой их приказ — исполнять.

— Запомнил, — мрачно отозвался Векша, наблюдая за жрущими химерами. — Ну а потом что? У этого ведь есть какая-то… цель?

Хозяин стряхнул с руки кровь.

— Твоя забота — исполнять, не спрашивать.

— Ну… хоть немного ясности не повредит.

— Жди следующего приказа.

— Как же я этот приказ узнаю? От кого?

— Догадаешься.

— От Таволги? — Векша поскрёб отросшую щетину и крохотный шрам на подбородке. — Или… от тебя самого, господин?

Хозяин обернулся. В дрожащем свете масляного фонаря стало видно его лицо. Седые волосы были аккуратно приглажены назад, открывая крепкий лоб и жилистую шею. Хозяин был уже не молод, но в нём не чувствовалось дряхлости, только сухая, выработанная сила.

Векша тревожно застыл. Раскосые глаза Хозяина уставились на него, пристально, безжалостно выверяя каждый изъян. Один глаз Хозяина был светлым, выцветшим, как зимнее небо. Другой — тёмный, напоминающий мутную воду в яме.

— У тебя час до того, как тебя вздёрнут на виселице. Не растрачивай зря время.

Векша поднял руки, наигранно сдаваясь:

— Понял. Не стану больше мозолить тебе взгляд, господин.

— Ступай.

***

В тишине избы было слышно, как трещит лучина.

— Ты нанял меня оберегать вас от нечисти, а не от ваших страхов, — прохрипел Овод.

Будимир не ответил. Он сидел на лавке, не сняв полушубка, весь ссутуленный. Слушая, как внутри него, подобно пламени в печке за заслонкой, скребётся подлая дума.

Его жена Любица, дородная, отяжелевшая совсем после пятых родов, поставила на стол чашки и принялась разливать из глиняного кувшина тёплый взвар. Будимир заметил, как жена, думая, что никто не видит, скоренько осенила себя обережным знаком.

Их старшая дочь Малуша осторожно подсела рядом с избитой девкой, тронула на ней овчину, укутывая покрепче.

Гостья сидела ближе всех к тёплой печи. Лицо её успело стать опухшим, на губах выступала запёкшаяся кровь.

— Потерпи, милая, — промурлыкала Малуша. — Авось отогреешься.

Будимир наморщил лоб. Вина была на нём. Оплошал, дал страху взять верх. Страшно подумать — чуть невинную душу не сгубили! Грех-то какой.

И Будимир, — сам не ведая как, — вдруг представил на месте избитой девушки свою дочь. С расплетённой косой, кровью на щеке и взглядом, каким глядит русак на смыкающуюся пасть гончей.

Будимира затошнило от собственного малодушия.

— Отойди от неё! — зашипела жена, маша ладонью, словно курицу от помойного ведра отгоняя.

Малуша и бровью не повела. Будимир уловил, как в глазах дочери вспыхнуло упрямство. То самое, что некогда жило и в нём самом. Да только годы взяли своё: сердце очерствело настолько, что признавать свою неправоту стало вразы тяжелее.

Малуша тяжело глянула на мать, затем перевела взгляд на него. И в этом взгляде был и упрёк, и просьба и… немой вопрос. Что скажешь, отец? Что же нам всем делать?

Будимир измученно потёр переносицу.

— А есть ли у тебя доказательства повесомее? — простонал он, будто за последнюю соломинку хватаясь. — Чтоб народ унять, пока беды не натворили. Ох! Не привыкли мы с такой пакостью связываться. Я, окромя того случая, как мальцом был, ходячих мертвецов не встречал. Да и тогда — издали только приметил.

Овод разом опрокинул чашку, поглотив кипяток даже не поморщившись.

Будимир сглотнул, проталкивая ком в горле. Неужто у этого вражбита нутро было состряпано из железа?!

— Если взглянете на тело, что я привёз, — начал Овод, опустив чашку на стол, — увидите не кровь, а белую гниль. Её ещё называют «беломутью». На воздухе она помалу портится, а как подсохнет — трескается, будто глина на припёке. Беломуть держит плоть на ходу, не даёт каменеть на морозе, а гнили — разрастаться. Поэтому мертвец ходит, будто в нём неостывшая кровь.

— Тьфу ты, Господи! — молчавший до этого момента старший сын Судимир чуть было не сплюнул на пол. — Эка пакость. Чего только лукавый не измыслит! Видать, при жизни-то грешны эти мертвецы были, раз с телами их такое творится.

Будимир хотел было осечь сына, чтобы тот не молол попусту языком, но отчего-то удержался и промолчал. Слова сына побудили в нём тихую, стыдливую надежду: а ведь правда, не могло же подобное случиться с праведными и добрыми людьми...

— От этого не убережёшься, — отрезал Овод. — Не только грешники поднимаются. Бывает, и доброго человека зацепит. Это больше похоже на хворь. Словно злое поветрие… Где пройдёт, там оставит на телах отметину. Впрочем, изыскания об этом ещё не окончены. Больше догадок, чем знаний…

— Грех это, против веры такое говорить! — не сдюжила Любица, сорвавшись на крик: — Неужто не ясно, что это суд Господень? Души ведь искры Единого Господа, не просто так живём! Стало быть, они свою искру загасили, зло в себя пустили! Вот и ходят теперь не упокоенные! Вам бы, дурням, не языками чесать, а молиться как следует, чтоб нас божья кара стороной обошла!..

— Цыц! — рявкнул на жену Будимир. — Не встревай, женщина.

Жена было раскрыла губы, но под его горячечным взглядом притихла, смяла пальцы на переднике.

— Как я уже сказал, — спокойно отозвался вражбит, — нам в этом мире ещё многое неведомо. Может статься, вера в Единого и вправду как-то держит эту хворь в узде. По моему опыту скажу одно: тех, кого хоронят с прощанием и молитвой, редко видят встающими из могил. Непогребённые — другое дело. Они будто бегут от смерти. Или... от памяти о том, что случилось с ними в самый последний миг.

Будимир пытался перевести дух. Грудь его ходила ходуном, на языке горчило.

— Стало быть… — он повернулся к вражбиту, — ты уверен, что эта девушка — человек. Тогда откуда она взялась? Не с неба же свалилась! И что за речь у неё, скажи на милость? На каком бесовском наречии она лопочет?

Вражбит помолчал, не отводя взгляда.

— Не знаю. Но если дадите время… я попробую выяснить.

— Что, если она опасна? — встрял Судимир.

— Опасна? — недоверчиво повторил вражбит, словно не понимая значения этого слова. — Взгляните. Сейчас она не опасней зайца, попавшего в ловчую петлю. Я же сказал. Прежде чем вывести её к людям, я провёл должный осмотр.

Будимир заставил себя глянуть на побитую девку. Жалкое было зрелище. Он сжал губы, дёрнул бороду, будто пытался выдрать из себя слабину. Затем окинул взглядом детей, — старшую дочь и младших на печке, сына, жену, — и тяжело вздохнул. Опустил глаза.

— Я давал клятву беречь деревню. Потому и… не вправе испытывать судьбу. Пускай она и вправду лишь заблудшая девка, да люди нынче, как сухой хворост. Тронь, и полыхнёт. Случись хоть малая напасть, — у кого корова молоко убавит, или дитя прихворнёт, — всё на неё свалят. Накинутся и слушать не станут. А если я возьму её под свой кров, под удар попадёт и моя семья.

— Но, отец! — вспыхнула было дочь, но Будимир зыркнул на неё, и она тут же умолкла.

— Могу выторговать ей два дня, — продолжил Будимир. — Народ поприжать, чтобы не совались. Дам девке срок оклематься. А там в город бы ей, или в монастырь. Пусть там, где люди грамотные, с ней и разбираются.

Вражбит с пониманием кивнул, будто и ждал именного такого исхода. Видать, был научен с разными людьми дела иметь, хоть и был молод на вид.

— Я вас услышал, — Овод встал, лавка под ним скрипнула. — Дайте нам немного времени передохнуть, и мы уйдём.

— За поимку той… — Будимир замялся. — Я тебе должен денег. Получишь сполна, да ещё сверху прибавлю. Мне жаль, вражбит, да большего я не осилю.

Будимир глянул в сторону, на обережь, вывешенную в углу: медную бляшку с выбитым знаком.

Вера Истока, некогда навязанная его деду, Будимиру сызмальства стала родной. Прежде их род держался на поклонении лесным духам и на поминании пращуров. С Единым Истоком стало проще: людям не приходилось метаться меж разных сил, прикидывая, кому нынче кланяться и чем откупаться.

Где много хозяев, там вечная грызня и страх. Будимир это понимал, ведь и сам был представителем власти.

Однако в деревнях духов ветхих лет не забывали, перед важным дело и нынче одаривали по-тихому. Церковь двоеверие бранила, да где той церкви до деревенской нужды? Ей бы в городах да при княжьих дворах порядки чинить, а не где кругом лес и голодное зверьё рыщет. Здесь всякая была защита впрок.

И всё бы ладно, кабы не одно. Почему никто не усмотрел? Ни Исток, ни духи? Как допустили, чтоб мёртвые вставали и шастали по земле?

От этой мысли Будимиру делалось страшно и обидно, как сопливому дитяти. Неужто выходило, что человека никто не укроет, окромя него самого?..

— К востоку отсюда есть приют при божьем доме, — Будимир упёрся ладонями о колени. — Попробуй её туда пристроить. Авось примут, разберутся. А если сладится — возвращайся. Нынче времена лихие, туго тебе одному придётся. А уж если лошадь держать неподобно — и вовсе беда. Зимой дерут втридорога.

Вражбит и бровью не повёл.

— Благодарен, — голос его не дрогнул, — но возвращаться я не намерен.

Будимир растерянно помолчал. В словах вражбита ему почудилось презрение.

— Дело твоё, вражбит. Дело твоё.

***

Дыхание девушки сбилось, стало чаще.

Овод напрягся, как от внезапного шороха в тёмном лесу. Лёжа на краю полатей, он не сводил взгляда с лучины, зажатой в железном светце. Под светцем стоял горшок, куда осыпалась зола.

Девушка шевельнулась, то ли в полубреду, то ли просто хотела улечься поудобнее, но боялась потревожить его, лежащего рядом. Она оставалась лицом к стене, закутанная в полушубок по самую макушку. Овод же лежал на краю, стараясь занимать меньше места, чем ему требовалось.

Настил едва заметно качнулся, отозвался под рёбрами: девка поджала ноги, словно никак не могла согреться. Овод ловил её движения всем тело.

В избе хозяева давно спали. От лавок тянуло ровным сопением и редкими, тяжёлыми вздохами.

Один лишь Овод, хоть и уставший до головокружения, не мог провалиться в сон. Следить за девушкой не было нужды: она ослабла так, что стала беспомощней самого малого ребёнка в горнице.

Нечто иное, стервозное, как мышь под полом, глодало Овода изнутри, не давая отпустить мысли и хоть немного дать себе вздремнуть.

— Мне хватит места в сенях, — сказал Овод ранее.

— В сенях мы собак держим, не гостей, — староста отмахнулся от его слов, как от какой-то несусветной глупости. — Лезь наверх. Да и жене моей так спокойнее будет: чужачка будет под присмотром, если вдруг обратится в чудовище и ринется пить кровь из наших детей.

Жена старосты, услыхав мужа, торопливо опалила себя обережным знаком.

Овод почувствовал, как к лицу подкатывает жар. Но не только от печи или духоты, а от мысли, что его собирались уложить на почётное место в доме. Редко кто обходился с ним уважительно, а уж чтобы в избе на самые тёплые полати класть — такого с ним не бывало вовсе.

— Я… не думаю, что… — начал было Овод, но староста уже приставил к полатям лесенку.

— Залезай. Как-никак, почётный гость. Деревню уберёг. Мы перед тобой в долгу.

«Почётный гость, стало быть», — мрачно размышлял Овод, лёжа спиной к девушке. — «Вроде, этот старик говорил искренне. Не в том он положении, чтобы насмехаться над вражбитом».

Может, он всё же что-то упустил? Недоделал? И деревне и правда ещё грозила беда? Например, упырей было несколько, и эта девушка пострадала от них? Допустим, она ехала с обозом, на обоз напали и…

Нет, это всё пустые догадки. Никакой ясности! Надо бы сперва поспать, хоть немного смежить глаза, а поутру как следует расспросить девушку.

Овод вспомнил, как девушка сидела возле печи, глядя в пустоту, будто не слыша, что происходило вокруг. Вряд ли она понимала, что с ней собираются делать.

Овод нахмурился, думая, что старосте он высказался не до конца. Происходило что-то неладное. Но сеять смуту сейчас было не время. Овод подавил горестный вздох. Он успел отлежать себе бок и терпеть дальше не было мочи. Ещё немного, и он вовсе глаз не сомкнёт. Овод перевалился на другой бок, сложил руки на груди и уставился на затылок девушки. Одеяло тихо приподнималось и опадало на её плече.

И тогда до его обоняния добрался иной запах, выбивающийся из привычной смеси дыма, печного жара и человеческого пота. Едва уловимый, но из-за вынужденной близости весьма отчётливый.

От волос девушки пахло чем-то странным, словно размятыми в ладони цветами, пополам с какой-то морской пряностью.

Овод закрыл глаза, ощущая рядом с собой не просто человека, но будто кусочек иного, незнакомого мира. От этого становилось тревожно, но отчего-то тянуло приблизиться и вдохнуть запах глубже. Овод как бы невзначай подался к девушке плечом. Подстилка еле слышно шевельнулась.

Овод сделал вдох.

Запах ударил яснее. Значит, не показалось… Незнакомый дух с пряной горчинкой. На миг голову кольнуло, будто от крепкого вина натощак. Овод задержал дыхание, прислушался. Затем неспешно отстранился, вжал подбородок в мех на плаще и попытался загнать себя в сон, как зверя в тесную загородку.

***

— Что скажешь, козлёночек? — женщина расхохоталась.

Овод помнил первую встречу с наставницей столь ясно, будто это случилось вчера. Впрочем, сложно забыть вещи, которые будят страх такой силы, что тот будто въедается в кости.

Случилось это ранней весной, в ту пору, когда снег уже сошёл, а земля ещё не успела оттаять. В тот вечер козы не вернулись с пастбища. Видно, ушли далеко в лес за кормом и решили заночевать где попало, а не в хлеву.

Тогда Овод звался другим именем, и было ему всего двенадцать лет. Дед его, узнав, что козы не вернулись, выругался и отправил внука на поиски со словами:

— Сам прохлопал — сам и ищи. Чтоб к утру все были дома.

Начинал накрапывать мелкий дождик; в лесу подвывал ветер, шумел в голых ветвях.

Овод уже почти отчаялся, что не успеет отыскать коз до темноты, как вдруг услышал короткий, жалобный крик.

Ругаясь вполголоса, Овод полез на звук.

Одинокий белёсый козлёнок, завидев знакомого человека, радостно устремился навстречу из зарослей.

Овод подхватил козлёнка под брюхо, прижал к себе.

— Ну и куда вы делись? — проворчал. — Мне же дед за вас шкуру спустит…

Он присвистнул, созывая стадо, и прислушался. Над головой завыл ветер, ветки гудели, будто корчась в невидимых муках. Овод продрался сквозь мокрые кусты ещё немного вперёд, но никто не вышел ему навстречу. Лишь из самой чащи тянулось невнятное звучание.

Стало боязно, по спине прошла холодная дрожь. Овод вспомнил деда, его тяжёлую руку, розги, и крепче прижал к себе тёплое дрожащее тельце козлёнка.

Всё нутро его кричало, рвалось вон. Но когда он выглянул на поляну, прижавшись плечом к шершавому дереву, его ноги будто примёрзли к сырой земле. Овод стоял, не в силах ни шагнуть назад, ни отвести глаз от того, что творилось посреди тёмной, заросшей поляны.

По пояс в мокрой траве стояла женщина. Дождевая вода стекала по ней ручьями, рубаха липла к грудям. Тёмная грива волос была откинута за спину и металась вихрем при каждом движении.

В руках женщина держала короткие серпы.

Напротив, сгорбившись, стояли двое мужчин в рваных одеждах. Овод не знал их, но что-то сразу показалось ему неладным. В том, как они двигались, как сутулили плечи, было нечто неправильное.

Когда один из них рванулся к женщине, Овод подумал, что сейчас тот повалит её на траву. Может, стоило бежать и звать на помощь? Но он не успел опомниться.

Женщина шагнула навстречу. Серпы вспыхнули короткими, тусклыми дугами. Взмахи её были быстры и точны, словно это движение она повторяла сотни раз. Один серп ударил мужчину по лицу, врезавшись в глазницы. В тот же миг женщина крутанулась, уходя в сторону, присела, и второй серп рассёк сухожилия под коленом.

Мужчина страшно взвыл и рухнул на землю.

Второму она будто нарочно дала время. Тот метнулся, пробуя достать её, как зверь, не понимающий, почему добыча не давалась в лапы. Женщина уходила от ударов легко, с ленцой, будто сражение наскучило ей ещё до начала. Когда мужчина рванулся в очередной раз, она одним коротким движением отсекла ему кисть…

Овод бросился бежать. Ему казалось, что весь лес слышит, как у него колотится сердце.

Неожиданно что-то с размаху сбило Овода с ног. Он ткнулся щекой в моховую кочку. Рядом тонко, жалобно заблеял козлёнок.

— А-а… — протянул над ним властный женский голос, с досадой, будто добыча оказалась мельче ожидаемого. — Так ты тот мальчишка с хутора.

Овод поднял голову и обомлел.

Та страшная женщина стояла прямо над ним, и теперь он мог видеть её вблизи. Глаза её были подведены углём и оттого казались мутными ледышками. На женщине была мужская одежда: штаны, заправленные в сапоги, и рубаха, надетая навыпуск. Всё промокло насквозь, ткань облепляла стройное, поджарое тело.

Любой зрелый мужчина понял бы цену увиденному. Женское тело читалось открыто, и сама женщина, казалось, ничуть не смущалась этому. Напротив, будто нарочно не скрывала своей доступности. Вот только…

Она страшила его пуще самой смерти.

— Пощади! — завопил Овод, голос его дал петуха.

— Ай-яй, — женщина зловеще улыбнулась. — Нехорошо подглядывать за взрослыми, козлёночек.

— Я не… я не хотел! Прошу, пощади! Я не… умоляю, я никому не скажу! Боже, пожалуйста… Кто-нибудь! Сюда!

Женщина с раздражением поморщилась.

— Вот поэтому я ненавижу детей.

— Не убивай, не надо!..

— Заткнись, от твоего визга голова раскалывается, — женщина коснулась его лба пальцем и быстро начертила неясный знак.

Овод умолк. Тело враз отяжелело, плечи налились свинцом. Страх притупился, и женщина вдруг сделалась ему куда ближе, почти родной. Захотелось слушать её, узнавать о ней всё. Мысль, что незнакомка могла уйти и оставить его одного, показалась Оводу невыносимой.

— Если кому сболтнёшь лишнего, — женщина погладила Овода по волосам, — я приду и перережу всю твою семью. Ясно тебе?

Овод с готовностью кивнул. Угроза его не тревожила. Всё, о чём он мог думать, так это то, как бы оставаться смирным и послушным, чтобы эта женщина хвалила его и оставалась рядом.

Не иначе то была сила морока! Она напустила на него подлую вражбу!

— Вы, людишки, такие забавные, — протянула женщина и упёрла руки в бока. — Ну и ну, какая у тебя славная мордашка. Интересно, каким ты станешь, когда подрастёшь? Вы ведь растёте, как сорная трава. Моргнуть не успеваю, как вы уже…

Женщина сказала это и вдруг помрачнела, будто собственные слова задели её по больному. Она встряхнула головой, и в следующую же секунду растянула губы в уродливом оскале, становясь похоже на волчицу.

— Ладно, впрочем, чего мы зря время теряем? Беги-ка к своему стаду, козлёночек. И не смей больше мешаться под ногами. Сейчас я отпущу тебя. Пообещай, что не станешь делать глупостей.

— Обещаю…

Женщина вновь коснулась его лба. Прежде чем невидимая цепь подчинения разорвалась, и разум Овода успел освободиться, он торопливо выдохнул:

— Как… как твоё имя, госпожа?

Она помедлила, задумчиво глядя на него сверху вниз, как на досадное недоразумение, нечто мимолётное и ничего не значащее. Словно он был равен однодневке, что на миг подлетела и села на палец, прежде чем исчезнуть без следа.

— Имя мне Хворь. Запомни это и будь паинькой. Не люблю, когда приходится подтверждать его делом.

Эпизод 3. Обитель страждущих

Вспышка воспоминаний. Высокая тень, вычерченная огнём: чёрная, рогатая, с козьей мордой вместо лица. Тень нависает надо мной, сжимая рукоять топора.

Распахиваю глаза.

Над головой низкий потолок: толстые балки, пятнистые от копоти.

Не узнаю комнаты, поэтому не шевелюсь. Вдруг это всё ещё сон, и мне следует подождать, пока я проснусь до конца? Да, мне ведь снился зловещий сон. Только почему тогда тело болит так, будто всё случилось взаправду?

Снизу доносятся шум и чужие голоса. Один из них, женский, вдруг отдаляется. Это больше походит на сонный паралич, когда мозг дорисовывает реальность, и ты не можешь пошевелиться.

Я пробую двинуть рукой, и мне удаётся это сделать. Со стоном приподнимаюсь на локте, инстинктивно хватаясь за лицо. Пальцы натыкаются на ссадину и опухшее место. Шиплю от боли.

Голова изнутри раскалывается, будто кто-то долбит в висок маленьким молоточком в такт сердцу.

Двое кудлатых ребятишек шаркают по полу. Тот, что постарше, взбирается ко мне по приставной лесенке. Таращится на меня, как на зверюгу в клетке. А затем вдруг берёт и тычет мне в бок прутиком.

— Эй! — раздражаюсь. — Отстань!

Мальчишка охает, роняет прутик. Скатывается по лесенке вниз, оступается, падает на пол. Его братишка взвизгивает. Как два перепуганных гуся, они бегут звать на помощь.

— Боже… — проверяю связь на телефоне.

Пытаюсь воззвать к памяти. Вот я зашла в подъезд, вот попыталась вызвать лифт… а затем погас свет. Снег на ступенях. И холод. Жуткий холод.

Страх подкатывает к горлу. Сердце колотится так бешено, что я невольно хватаюсь за грудь.

Может, со мной что-то случилось, и мне отшибло память? Я ведь читала истории, когда люди пропадали, а потом очухивались где-нибудь за сотни километров от дома. Неужели, и я?.. Неужели со мной произошло что-то настолько страшное, что мозг просто вырвал эти воспоминания, как страницу, чтобы не видеть написанного?

Шурша шерстяными чулками по полу, ко мне спешит девушка-подросток. Жестами приглашает сесть за стол. Девушка кутается в кафтанчик без рукавов; русые волосы её заплетены в косу, обвитую лентой. На щеке у девушки чёрная полоска сажи. Видимо, испачкалась, пока возилась у печи.

Проверяю карманы куртки, ища хоть какие-нибудь доказательства случившегося. Но все вещи до сих пор при мне: телефон, ключи от дома, перцовый баллончик, сигареты, зажигалка и даже немного мелочи. Меня не ограбили, вот тебе и раз!

Девушка подходит к печи, отодвигает заслонку и достаёт небольшой глиняный горшочек.

— «Твоя», — она постукивает ложкой по краю горшка.

Может, я забрела к староверам, и эта какая-нибудь община? Скит? Но почему они говорят на чужом языке? Не могла же я в беспамятстве сесть на самолёт и улететь в соседнюю страну? А вдруг меня и вовсе похитили и собираются разобрать на органы?

Пристально оглядываю избу, цепляясь за детали. Ни одной иконы. Стало быть, не просто староверы, а сектанты?

Девушка ставит горшочек на стол, разворачивает сукно.

Времени разбираться нет. Нужно найти вышку и поймать сеть. Это единственный выход, который мне видится.

Растерянно присаживаюсь за стол. Нет, мне ещё рано умирать. У меня ещё ипотека не закрыта!

В избу вбегает встревоженная женщина. Я уже видела её ночью, когда она подавала мужчинам на стол. Даже не понимая её языка, нетрудно догадаться: моему появлению в доме она категорически не рада.

— Здрастье, — стараюсь вести себя спокойно и не делать резких движений.

Женщина бледнеет, и я пугаюсь, что у неё проблемы с сердцем. Глупо, но может, этим сектантам придётся вызывать скорую помощь, и тогда я смогу сбежать?

Женщина взмахами и взглядом даёт понять, чтобы я убралась из её дома немедленно. В этом наши желания неожиданно совпадают.

Девушка, решившая угостить меня кашей, вступает с женщиной в неравный спор. Мне начинает казаться, что они мать и дочь.

Воспоминаю о лютом холоде и той ветряной пустоши. Едва не плачу при мысли, что придётся вновь брести по снегу наугад.

В дверях вслед за хозяйкой вырастает мужчина, вынужденный пригнуться, чтобы пройти в низкий проём. На нём тяжёлый плащ с мехом на вороте. Мужчина распрямляется, медленно поднимает голову и смотрит прямо на меня.

Меня будто прошибает током, от макушки до пят.

Илья!

Нет… нет, этого не может быть. Это не может быть он. Глаза такие же серые, но слишком уж давящий взгляд. Разве что это человек, до безумия похожий на Илью. На вид ему под тридцать. Худощавый, с угловатым лицом, заросшем щетиной. Волосы тёмные, взъерошенные, будто их давно не причёсывали.

В избе виснет молчание. Снаружи раз за разом раздаются глухие удары. Кто-то колет дрова.

— Ты ведь не Илья, да?

Мужчина качает головой.

— Ты меня понимаешь?

Мужчина старательно щурится, будто пытаясь уловить смысл слов по интонации. Чем дольше он молчит, тем яснее мне становится, что поговорить открыто нам не удастся.

Женщина продолжает недовольно квохтать, будто курица, которой в гнездо положили чужое яйцо. Указывает в мою сторону подбородком.

Мужчина стаскивает с плеч тяжёлый плащ и бросает его на лавку. Остаётся в чёрном, грубо сшитой кафтане. Затем подходит и садится напротив. Хозяйка дома всё ещё ворчит. Из сеней показываются взъерепененные детишки.

Мужчина с лицом Ильи кладёт ладонь вниз: «тихо». Подносит палец к губам и к груди: «слушай внимательно, что я буду говорить».

— «Откуда ты?» — повторяет несколько раз, прежде чем я пойму.

— А вы не знаете? — уловив недоумённое выражение его лица, тру лоб и стараюсь ответить проще. Но все мои попытки тщетны. Языковой барьер слишком плотен!

— «Слушай», — он указывает на себя. — «Ты. Ты и я. Вместе идти».

— Куда? Зачем?

Он снова пытается объяснить.

Мои мысли расползаются, внимание ускользает. Не выдерживаю и закрываю лицо ладонями. Как же он похож на Илью! Невыносимо видеть его сидящим напротив.

Мужчина умолкает, и я слышу, как он водит углём по дощечке. Отвожу ладони от лица. Он пытается что-то нарисовать.

— Мне нужно позвонить, — прерываю его. — Я могу от вас позвонить? Телефон. Интернет? СМС?..

Делаю пальцы трубкой и прикладываю к уху. Не понять этого жеста невозможно, так мне кажется. Мужчина делает вид, будто не понимает, лишь настойчиво продолжает гнуть свою линию:

— «Мы идти. Ты вести себя спокойно. Помощь. Понимаешь?»

— Вы отвезёте меня в город?

— «Ты…»

— Что? Не понимаю. Можно ещё раз?

Мужчина рисует угольком дорогу. Человечка, идущего в лес. Качает ладонью, мол, нельзя.

— «Оставаться со мной, иначе…».

Нервно сглатываю. Он хочет, чтобы я пошла с ним и не сопротивлялась? Интересно, чему это я должна буду сопротивляться?

Мужчина рисует что-то рядом с лесом. Приподнимает дощечку, чтобы я могла как следует разглядеть. Не будь я сбита с толку, усмехнулась бы.

Он изобразил кривую собачку. Или волка. Явно что-то злющее и четвероногое, поджидающее меня в лесу.

— Миленько… — всем своим видом выражаю несогласие. — Значит, у вас здесь водятся… волки? Медведи? И если я попытаюсь от вас удрать, меня сожрут? Да?

Мужчина пальцем показывает на себе клыки и делает глухое: «Ар-р».

— Эм… Ладно, я поняла расклад. Можешь больше не утруждаться.

Подкравшиеся к столу дети тычут пальцем в дощечку. Младший из мальцов отнимает у мужчины уголёк и начинает рисовать что-то своё.

Дрожащей рукой беру ложку и буквально заставляю себя есть кашу из горшочка. Каши совсем немного, наверное, это остатки завтрака, которые девушка приберегла для меня.

Куда бы меня ни повёз этот мужчина, мне нужны силы. Если вдруг представится шанс, я должна быть в состоянии бежать. Может удаться оглушить его по голове и угнать машину? Да, точно. Должен же у них здесь быть какой-нибудь внедорожник… Не могут же они жить в полной дикости?

***

Кобылка тихо фыркнула.

Овод снял с гвоздя потник и бросил его кобылке на спину. Выпрямил складки, разгладил.

— До приюта отсюда версты две, не больше, — староста стоял рядом, кутаясь в шубу.

Пока Овод возился с подпругой, староста объяснял дорогу. Овод слушал вполуха.

Девушка, которую Овод собрался везти в приют, стояла у стены и наблюдала за ними с каким-то странным выражением страха и недоверия, будто в жизни ещё не видела ни лошади, ни седла.

— А уж от приюта до города…

Кобылка была мышастой масти, приземистая, с лохматыми щёточками на путовых суставах. Уже второй год таскала Овода по дорогам. Он купил её на торгу у разорившегося крестьянина, отдав почти все сбережения.

Сколько Овод ни гнал от себя жалость к лошади, всё равно поневоле к ней прикипел. Иной раз стал баловать кобылку угощениями, а потом и вовсе назвал Сивкой.

Скверное это дело — имя давать. Случись беда, придётся не просто прощаться с животинкой, но и себя надламывать.

— Приют бедный, — продолжал староста. — Братьев с десяток, не больше. При них хоромина особая стоит. «Лечебница» называется. Туда свозят проклятых да бесноватых. Люди сказывают, их там в клетках держат, словно зверьё. Но уж лучше так, чем чтоб по дворам шастали да на людей кидались…

Снаружи хлева доносился глухой собачий лай.

Овод проверил, ровно ли сидело седло. Затем принёс холщовую сумку, набросил через луку и стал привязывать.

— Ты там поосторожней, — староста замялся, отвёл глаза. — Поглядывай в оба. Мало ли какой бесноватый наружу вырвется.

Овод почуял, что староста что-то затаил, но выпрашивать не стал. Когда всё было на месте, Овод ещё раз проверил подпругу, отвязал повод и вывел Сивку из хлева во двор.

У калитки их догнала Малуша. Она взяла чужачку за руки, крепко сжала и чистосердечно пожелала ей поскорее найти дорогу к своему дому. Чужачка в ответ лишь кивнула, словно догадываясь, что ей пожелали добра.

Здесь староста не выдержал. Он подошёл к Оводу, оглянулся по сторонам и тихо, громким шёпотом, проговорил:

— Если по дороге чего стрясётся, ты уж не серчай. Скажи им: Будимир вас прислал. Поклон игумену передать велел…

Будимир похлопал Овода по плечу.

— Доброй дороги, вражбит. Доживи до весны, а там уж как Господь распорядится. Может, и до седых лет… дотянешь.

Овод склонил голову в знак благодарности.

— Мир твоему дому, староста.

***

Векша брезгливо поморщился.

Казематы выглядели не шибко милее Хозяйских псарен. Та же прелая, звериная вонь.

— И на кой ляд вы их тут держите? Как же смердит…

Казимир, прозванный Гробовщиком, шагал рядом. Он был ниже Векши на голову и двигался не столь порывисто, а с тугой, возрастной статью. На нём висел сорок восьмой год, но он был ещё крепок, напоминая обтёсанный корень. Нос с застарелым изломом кривил его лицо набок.

Гробовщик был у атамана правой рукой; монастырский устав знал так, будто сам его по ночам переписывал, потому-то и годился выступать меж разбойничьей братвой и монахами, не давая им сцепиться.

Впрочем, монахами их можно было назвать разве что с большой натяжкой. Надо ж до такого дойти, чтобы людей в клетках держать, во всей этой сырости, вони и мраке, где и зверьто долго не протянет.

— Ради прикрытия, — обронил Гробовщик, не замедляя шага. — Сборщики податей сюда не полезут. Побрезгуют. Не станут через этот зверинец ходить — носы зажмут и назад.

Они шли узким каменным коридором, зажатым меж решёток. За решётками, в темноте, тянули своё жалкое существование подопечные лечебницы.

Векша знал: сюда свозили «проклятых», тех, кого надобно было отмаливать, службой Господу возвращать к разуму. Только чем дольше он смотрел на людские оболочки за решётками, тем яснее ему становилось: сюда просто-напросто свозили неугодных, чтобы избавить от них раз и навсегда… Ведь проклятием ни от кого из них не веяло. Он бы почуял.

— Умно… — протянул Векша.

Он зацепился взглядом за исхудавшую женщину за решёткой. Кожа на ней казалась натянутой на кости, будто перед ним был живой скелет, которого забыли похоронить.

Заслышав их шаги, женщина кинулась к прутьям, припала к ним грудью и стала тянуть в коридор руку с сухими, узловатыми пальцами:

— Не пускайте! Не пускайте его ко мне! Он уже здесь... слышите? — её взгляд метнулся на Векшу. — Я спрятала хлеб, чтобы он не отнял… но он уже скребётся под полом! Когти… звериные когти, я видела, как он отбирает хлеб, который должен был достаться детям!

Векша оцепенел.

Интересно, такой эту несчастную сделали здесь, в этих подвалах, или привезли надломленной? Может ли быть, что она тронулась от горя и её отвели сюда за исцелением? А вышло так, что она стала лишь удобным инструментом для разбойников, выбравших приют своим становьем, где можно было без помехи прятать награбленное, а весной, как сойдут снега, потихоньку сбывать.

Жестокая игра, хитрее и придумать сложно.

Порой Векша стыдился больше не той части себя, что досталась ему от чудовища, а той, что была в нём от человека.

Векша остановился и метнул взгляд в сторону, задержав его на кудлатом старике, что сидел на соломе, поджав под себя ноги. От старика тянуло странным, недобрым чувством. Векша замедлил шаг и прислушался к чутью.

— Эй, мужик, — окликнул Векша узника. — Тебя как звать?

Старик медленно поднял голову и глянул на Векшу исподлобья.

— Ян Новак, — он качнул головой, будто в знак почтения. — Но все зовут меня Хонза. Рад приветствовать. Не всякий день здесь выпадает случай скоротать время за разговором. Как нынче погода?

Векша усмехнулся.

— За что сидишь?

— Зимую.

— Не смеши мои подмётки! Нашёл место!

— Всяко лучше, чем в снегу.

— Да ты и впрямь безумец, если так рассуждаешь…

— Эй, — одёрнул его Гробовщик, — мы сюда не языками чесать пришли. Шевелись!

— Прошу простить, — Векша махнул старику. — Срочные дела.

Старик с пониманием кивнул.

— Вечно молодые суетятся… всё куда-то спешат. Возвращайся, парень. Буду рад послушать вести из мира живых.

— Уговор.

С лица Векши сползла натянутая улыбка. Он догнал Гробовщика, уже без прежней беспечности размышляя о происходящем. Тот довёл их до крайней двери. Достал из-за пазухи связку ключей и отпер замок.

Они вошли на склад. Гробовщик чиркнул огнивом, зажёг факелы один за другим. Жёлтый свет пополз по стенам, выхватывая из темноты груды награбленного.

Гробовщик кивнул Векше на ряд сундуков, сбитых из тёмных досок.

— Вот этот. На нём вражбицкая печать. А ты сказывал, что понимаешь немного в этих… как их там? Ну ты понял.

Векша задумчиво поскрёб подбородок, внимательно оглядывая сундук.

— Гляди, если там окажется ерунда, я, право слово, сильно разочаруюсь.

— Открывай давай.

— Чудно, давай-ка поглядим…

Векша присел на корточки возле сундука, вгляделся. На скобе, у самого язычка, лежал знак.

Векша невольно отдёрнул руку, как от раскалённого железа.

Этот знак… Как же это могло так просто попасть в руки этим олухам?! Или это какая-то приманка?

Он наклонился снова, в этот раз осторожней, глядя на знак, точно на змею, свернувшуюся кольцом.

— Напомни-ка… где вы это взяли?

— На тракте. Купчина шёл, богатый, при охране. Возы полные. Ну ребята и решили на нём испытать то сухое зелье… как же его там?

— Ты про огневое зелье?

— Да, огневое. Вышло, правда, что его, купчину, разорвало к чёртовой матери. Охрана вся полегла. Не разбой вышел, а пожарище. Телегу разнесло в щепки. Всё сгорело! Уцелел только этот сундук, его, видать, эта вражбицкая печать сберегла. Теперь бы её снять да поглядеть, что внутри.

Векша слушал, и внутри у него всё холодело. Этим лбам повезло так, что и сказать было страшно. Им в руки попали крохи редкого огневого зелья; за одну пригоршню такого иной мужик мог бы не дом, а целую деревню выкупить, и ещё бы сдача осталась. А эти идиоты, обрадовавшись, как мальцы на ярмарке, вздумали с этой штукой забавляться. Или просто не оказалось связей для сбыта?

Как ни удивительно, удача повернулась к ним самым неприглядным местом. С помощью огневого зелья они ограбили того, кого им грабить не следовало.

Векша смотрел на печать. Он узнал бы её из тысячи, так как видел множество раз. Метка одного из постоянных поставщиков Хозяина. Снимать такие умел лишь сам поставщик да несколько приближённых Хозяина. Векша знал это наверняка. Он сам снимал эти печати, когда принимал груз. Значит, этот сундук шёл к Хозяину.

Эти дурни ограбили его Хозяина, и даже не поняли, в какую яму шагнули.

И что теперь? Перерезать всем глотки, вернуть добычу законному владельцу? Неужто ради этого он месяцы терпел их тупые разговоры, втирался в доверие и ел с ними из одного котла?

Нет, Хозяин приказа действовать не давал…

Векша попробовал улыбнуться, скрывая волнение.

— Прости, Гробовщик, — он выпрямился. — Я не могу это вскрыть.

— А, прах с тобой!

Пришлось солгать. Отпереть этот сундук значило бы выпустить на волю погибель.

И тогда его внезапно осенило.

— Эй, по поводу того огневого зелья… а как оно вообще к вам попало?

Эпизод 4. Гробовщик и вдова

Из растопленной бани выбился надсадный крик матери.

Овод бежал с ведром воды, запыхавшийся, с мокрыми от пота волосами на лбу. Бежал и не чуял под собой ног. Вода выплёскивалась через край, облизывая холодом запястья.

Тем летом ему должно было исполниться тринадцать лет, и он уже давно не носился по двору, а держался степенно, перенимая неторопливые повадки взрослых.

Овод слышал, как собачились между собой родные. Роды шли худо и грозили обернуться бедой. Роженицу могли не спасти… Мамку могли не спасти.

От этого понимания мир вокруг Овода становился блёклым, как линялое полотно, замаранное рыхлой, разбухшей грязью со двора.

Овод добрался до бани и вдруг сбился с шага, обронил ведро. Вода выплеснулась на тропинку, обдав на ногах лапти и онучи.

Возле бани стоял отец с соседками. И рядом с ними… Хворь! Та самая баба из леса, из-за которой он по ночам просыпался, тяжело дыша. Она являлась к нему в страшных снах, хохоча, как обезумевшая бесовка.

Неужто Хворь прибыла, чтобы исполнить обещанное? Но ведь он никому и словом не обмолвился о том, что произошло на опушке леса!

«Перережу всю твою семью», — в памяти шевельнулся язвительный голос.

Нужно было предупредить всех об опасности. Хворь готовилась зайти в баню к повитухам. Времени было в обрез!

Овод схватил топор, наспех оставленный отцом у чурбака после колки дров.

— Что ещё? — отец грозно воззрился на сына. Под глазами его пролегли тени.

Хворь обернулась, и внутри Овода всё враз стянуло холодом.

— А-а, пастушок, — скучающе протянула она, словно приметила знакомого щенка во дворе, вертящегося под ногами и требующего ласки.

Овод хотел было крикнуть: «Убирайся!», но от страха перехватило дыхание. Вспомнилось, как Хворь играючи умертвила тех чужаков на опушке. Словно не жизни лезвиями срезала широкими взмахами, а траву на покосе.

— Я пришла помочь, — Хворь сузила веки.

Овод нервно сглотнул. Нет, его было не обмануть! Как эта злодейка могла помочь его матери? Скорей уж добить её пришла или унести ребёнка!

Дверь бани распахнулась, и на крыльцо вывалилась краснощёкая, запыхавшаяся повитуха.

— Ой, беда… — заскулила старуха. — Умирает, родимая… Умирает. Иди, хозяин, прощайся с женой своей…

Хворь оттолкнула повитуху в сторону и скрылась за банной дверью.

— Кто это? — повитуха всплеснула руками. — Богомерзкая вражбитка?! Совсем с ума посходили!

— Замолчи, — отрезал отец. — И не вздумай мешать.

Топор выскользнул из ослабевших рук Овода.

Как же они без мамки? Кто же будет по ночам качать люльку с сестрой, приговаривая шёпотом? Кто станет прясть пряжу, у окна, при свете лучины? Кто будет ждать его возвращения: пускай он вновь в грязи по колено, или с ободранными штанами, но всё равно глядеть на него так, словно он ей самое дорогое на свете?..

Бабка на крыльце плакала навзрыд, а вместе с ней и сгрудившиеся вокруг соседки.

От бабьего воя в груди становилось тесно.

Как только разнёсся тонкий, пронзительный крик младенца, отец кинулся к бане, будто на пожар. Отца пытались придержать, загородить путь, но он только съездил куму в глаз и, оттолкнув прочих, ворвался в банную горенку.

В поднявшейся суматохе про Овода забыли, и он смог подкрасться ближе. Сквозь визгливый крик младенца ему мерещились тихие, рваные стоны матери.

Овод хотел уже было рвануть следом за отцом: влететь в горенку, прижаться к мамке и разреветься, не стыдясь никого вокруг. Но на дороге его возникла Хворь.

Он отшатнулся. Женщина была вся в крови.

— Куда это ты собрался? Ступай. Дай матери передохнуть. Ей сейчас не до тебя.

Хворь подошла к корыту и принялась полоскать руки.

— Кто ты? — Овод дрожал, зуб на зуб не попадал от волнения.

— Вражбитка. Разве не слышал? Ты туговат на ухо или просто туповат?

Соседки рядом шептались и спорили по поводу вмешательства вражбитки в роды.

Хворь устало вздохнула.

— Я спасла их землячку от смерти, а они всё равно осыпают меня упрёками. За то, что я знаю больше, чем их скудные умы в силах постичь. Люди… вас так много развелось на этих землях, а вы по-прежнему просты, как маковые зёрнышки!

Овод опомнился.

— Я думал, ты пришла убить всех, как убила коз и… тех людей.

— Коз? Каких ещё коз? А-а… — Хворь горестно усмехнулась. — Значит, ты вступился за мать. Ну что же… Смелости тебе не занимать. Вот только ты неверно всё истолковал. Те двое, что ты видел, людьми не были. Упыри. Или… ожившие мертвецы. Называй как хочешь. Они твоих коз и погрызли. Если бы я не вмешалась, они бы и тебя обглодали до косточек.

Хворь помолчала, будто прислушиваясь к потаённым мыслям, и вдруг пожала плечами:

— Людей я напрасно не убиваю. По крайней мере, пока они сами не сделаются слишком настойчивыми. Как мухи, понимаешь? Или нет, не просто мухи — оводы. Цепки сволочи.

— Я…

— Хватит мямлить! Ну?

Овод уставился на свои ладони, будто это его руки, а не руки Хвори были испачканы кровью.

Беспомощность наводняла его подобно болотной мути. Хотелось сорваться, убежать в чащу и никогда больше не называть себя человеком.

— Возьми меня в ученики.

Лицо Хвори вытянулось от изумления.

— О-о… Занятно! Не каждый день человеческое дитя просит меня его… приручить. Одомашнить? Неважно. Сколько тебе лет? Когда вы, люди, становитесь взрослыми? Хм. Нет, ты явно ещё не дорос, чтобы принимать решения самостоятельно. Беги-ка, спроси разрешения у родителей. Уверена, они будут в восторге!

— Я просто… — Овод смахнул рукавом предательскую сырость с лица и поднял на Хворь размытый взгляд. — Я не хочу больше… чувствовать себя настолько слабым. Сделай меня сильнее! Прошу. Ты ведь… вражбитка. Когда мне посчастливится снова встретить кого-то вроде тебя?

— Да, это что-то любопытное… — Хворь стряхнула воду с рук и приблизилась. — Прости, козлёночек. Сейчас мне не охота брать под крыло кого-то из вашего вида. Не пойми превратно: княжич или пастушок, мне разницы никакой.

Она потрепала его по волосам.

— Просто вы, люди… Нет, скажу проще. Мне сейчас некогда возиться с человеком.

***

Ложка лежала в пальцах, но от одного только взгляда на здешнюю стряпню становилось не по себе. Голод отползал, уступая место брезгливости.

«Ну и ну», — Векша подавил вздох разочарования. — «Как же меня разбаловала жизнь при дворе Хозяина…»

Векша оглядел трапезную, забитую народом после окончания молельной службы.

Возле стены, за длинным столом, плечом к плечу притулились монахи в изношенных рясах. Насельники сидели смирно, уткнув глаза в стол, надеясь не зацепиться взглядами за разбойничью рожу. Иногда кто-нибудь из них вздрагивал от резкого, режущего хохота.

Один монашек, молодой, с вихром на лбу, и вовсе единожды пролил на себя кипяток. Векша приметил, как монашек сжал кулаки и сквозь сцепленные зубы что-то злобно прошептал соседу. Тот только украдкой тронул парня за локоть, понукая молчать и не высовываться.

Векша скучающе ковырнул ложкой в миску. Что ж… такова была доля у здешних хозяев. Приходилось терпеть паскудство гостей, ведь те не скупились и отсыпали приюту долю и с награбленного, и со сбыта.

Монастырёк-то был беден: поля вокруг скудные, земля тощая, а подати с поборами, — не приведи Исток! — могли и в могилу свести. Зимой было и вовсе худо: ни паломников, ни подаяний, хоть волком вой.

А ватажники, хоть и вели себя, как зверьё, объедков после себя оставляли столько, что весь приют мог насытиться. Они набивали амбары съестным, и, если уж прижмёт, могли встать против других лиходеев, ещё голодней и лютей их самих.

Так что монастырёк в тяжёлые времена держался не на одной лишь святости.

Ватажники шумели у печи, как в корчме: говорили с полными ртами, чавкали, перебивали друг друга. Один по прозвищу Прыщепа, разгорячённый брагой, рассказывал, стремясь блеснуть своим остроумием:

— А вот, братцы, было давеча на торгу… Стоит молодуха, жеребца продаёт. Ну, я подошёл, поглядел, а у коня под брюхом хозяйство болтается. Я и спрашиваю, мол: «Сколько лет коню?». Она и говорит: «Три года». А я ей: «Бог ты мой, это ж надо! А мне вон тридцать, а хуй поболе будет, чем у твоего жеребца! И такой, что ладонью не обхватишь! Показать?».

Прыщепа захохотал, запрокинув голову. Вокруг тотчас подхватили. Кто-то даже ногой бухнул в пол от веселья.

Векша скривил губы в подобие улыбки, тщась не выделяться из ватаги.

— Дурак ты, право! — подхватили за столом.

— Эй, — Мирко, сидевший сбоку, ткнул пальцем в миску Векши. — Ты чего это не ешь? Захворал?

— Ага… — лениво отозвался Векша. — Живот ноет. Забирай, если влезет.

Мирко с готовностью закивал. Суетливо вцепился в миску, будто на неё предъявлял права кто-то ещё.

— Влезет-влезет! Признателен, братец! А ты, это… Сходи, у монахов спроси. Может, отвар какой сварганят? Должен же от этих затворников хоть какой-то прок быть, а?

Векша угрюмо вышел из-за стола.

— Чего это с ним? — услышал он за спиной.

— Да срать попёрся.

Двор лежал пустой, выстуженный, с редкими тёмными пятнами земли у порога. На ветру поскрипывали ворота, постанывали обледенелые жерди.

Векша вдохнул полной грудью.

Как же он устал от этого места! Не то чтобы Векша считал себя образцом для подражания, но среди этих тупоголовых говноедов он чувствовал себя как бисер в навозе. Жизнь в

богатом тереме изнежила его, сделала чересчур высокомерным, и теперь пребывание среди этих вшивых бродяг обкарнывало ему душу с кощунственной небрежностью.

Если ещё атаман и несколько его главных помощников могли посоревноваться в сообразительности, то с остальной массой Векша понукал себя кривить лицо в улыбке с таким усердием, что порой сводило скулы.

От горестных дум Векшу отвлёк птичий крик.

В белёсом зимнем небе мелькнули крылья. Хлопнули над самой головой, словно тёмные лоскутья на ветру. На стреху тесовой крыши над крыльцом опустилась ушастая сова. Птица качнула хвостом и притихла, уставившись вниз своими янтарными глазками, больше походящими на капельки смолы, блестящие на солнце.

— Ну наконец-то! — оживился Векша. — Таволга? Это ведь ты? Проклятье, я устал ждать! У меня тут для Хозяина вести…

Сова дёрнула головой.

— Что ещё? — Векша упёр руки в бока. — Да здесь никого нет! А, ладно… давай отойдём.

Он направился к воротам. Заглянул в пустующую караульную нишу. Затем, не мешкая, поднялся по приставной лестнице на стену.

Стена представляла собой высокий частокол из потемневших брёвен на земляном валу. За стеной белело поле, местами прорезанное торчащими кустами. Чуть дальше начинался тёмный еловый лес.

Векша выпрямился. Налетевший ветер зашуршал по стене, ударил в скулу. Векша накинул меховой капюшон и отвернулся лицом к монастырю.

Таволга, вернее, сова, чьим телом овладела вражбитка, устроилась рядом на одном из кольев частокола. Узкие перьевые «ушки» совы шевелились от ветра. Вблизи Векша разглядел на её лапе кожаный ремешок с маленьким свёртком.

— Ну? Какие будут указания? — Векша потянул было руку к сове, чтобы отнять свёрток, но птица недовольно отстранилась, будто он мог запачкать её своим прикосновением.

Таволга издала хриплый резкий звук.

— Что? — возмутился Векша. — Ладно, понял. Сперва мне нужно выложить всё, что знаю, да?

Сова вкрадчиво ухнула.

Без долгих предисловий Векша поведал Таволге о том, что ему удалось разузнать. Камышовые Коты ограбили Хозяина с чьей-то помощью. Кто-то снабдил их огневым зельем.

— Ещё здесь под замком сидит один старик, — Векша с серьёзным видом уставился на смотровую башню. — Не знаю, что-то с ним неладное. Попробую разузнать о нём побольше. На этом всё. Ну? Теперь я могу узнать, что мне делать дальше? Мне опостылело здесь прозябать…

Сова не отозвалась, и Векша принял её молчание за знак согласия. С сомнением косясь сове в морду, будто она могла клюнуть его промеж глаз, Векша осторожно принялся развязывать ремешок на её лапе.

— Проклятье, надеюсь, теперь-то Хозяин позволит мне вернуться?..

Векша снял свёрток, но прочесть не успел. Сова вдруг раскрыла крылья и, зачерпнув морозный воздух, взмыла в небо. Векша отшатнулся, выругался вполголоса.

— По морде чуть не задела…

Векша размотал свёрток и вчитался в послание. По лицу его пробежала судорога. Готовность действовать быстро сменилась удивлением, затем отвращением и наконец — горестным пониманием неотвратимости.

Неожиданно снизу возле ворот с внешней стороны донёсся чей-то голос:

— Эй! Откройте ворота! Есть там кто?

— Что за?.. — огрызнулся Векша, сминая свёрток. — Бесовщина! Вы ещё кто?

Он сделал шаг и выглянул из-за частокола.

На дороге перед воротами стояли двое. Тот, что был выше, в чёрном плаще, подбитом мехом, держал за уздцы серую лошадь.

— Что вам нужно? — крикнул Векша, не скрывая раздражения.

— Помощь.

Векша не сдержался. Он ещё не успел осмыслить прочитанный приказ, как в ворота стали долбиться какие-то очередные проходимцы.

— Так валите искать её в другом месте! — залаял Векша.

Мужчина в плаще заметно растерялся.

— Со мной девушка, — он указал пальцем на своего спутника. — Ей бы… кому показаться, из ваших.

— Иди показывай свою девку другим желающим! — Векша не сдержался и пригрозил мужику кулаком.

— Я могу… заплатить, — растерянно отозвался мужик.

Векша сцепил зубы, сдерживая ругань. Эти двое внизу были не виноваты в том, что он злился. Но они попались ему под руку не в самый подходящий момент.

— Ах да, — мужик словно вспомнил что-то подходящее. — Будимир просил передать поклон игумену. Мы от него.

— Что? — Векша подозрительно сощурился, нагнул голову, будто старательней прислушиваясь. — Какой ещё Будимир? Проваливай, ты! Полудурок!

— Будимир, староста из деревни…

— Ты тупой? Проваливай, сказал! А, погоди-ка… Будимир?

Векша брезгливо поморщился. Он неожиданно вспомнил, что атаман заключил со старостой близлежащей деревеньки соглашение о сотрудничестве.

— Твою мать! — Векша захотел было сплюнуть через частокол, но сдержался. Не хотелось оскорблять гостя ещё больше, если его плевок сдуло бы ветром тому в морду. — Стойте там, мы откроем ворота…

Векша бросил взгляд на девушку. На ней была мужицкая одежда странного покроя, легко было не признать в ней женщину. Наверное, очередная безумица, которую привели лечить молитвами.

Впрочем, какое ему до неё дело?

Вдруг внутренности его стянулись в тугой узел. Векша снова обратил внимание на мужика в плаще. Из-за расстояния и следа Таволги он не почувствовал сразу, но… теперь всякая догадка сменилась уверенностью. Вот почему Таволга поспешила убраться отсюда так быстро!

Это был вражбит! Какого лешего он здесь забыл?

***

Место, куда меня привёл Лже-Илья, выглядит в точности, как я и боялась: сколоченный из дерьма и палок «скит» на отшибе. Можно даже не сомневаться, если я туда зайду, то уже больше никогда не выйду. Сектанты будут морить меня голодом и холодом, и в итоге я лишусь рассудка.

Перспектива чересчур радужная, от неё даже глаза щиплет.

Лже-Илья ведёт лошадку под уздцы внутрь ворот, но вдруг останавливается и смотрит на меня, замешкавшуюся позади.

— «Пойдём», — зовёт он.

— Не, — качаю головой, начинаю пятиться. — Не, мы так не договаривались. Ты меня туда не затащишь.

— «Всё хорошо», — Лже-Илья увещевательно продолжает. — «Нам нужно туда, помощь, нам нужна там помощь».

— Да, помощь… ага.

Что же мне делать? Бежать не выход — догонят моментально. Отбиваться? Лишат зубов точным ударом по челюсти.

Сжимаю в кармане перцовый баллончик. Нужно было использовать баллончик раньше, когда мы были одни на дороге! Но я засомневалась, решила дать шанс этому Сусанину привести меня в безопасное место. И зачем я так опрометчиво себя повела? Сходство с Ильёй ещё не делает его достойным доверия.

Из скита встречать нас выходят двое. Первый — хромоногий мужик в меховой шапке, с землистым лицом и косматой бородой. Второй — куда приятней на вид. Тот самый, что общался с нами из-за забора.

Когда второй приближается, мне удаётся рассмотреть его повнимательней.

Гнев успел схлынуть с его худого, скуластого лица, но «сектант», или кто он там такой, всё ещё заметно супится. Лоб его прикрывают растрёпанные тёмно-рыжие волосы, задевая густые сведённые брови. Зелёные, глубоко посаженные глаза не упускают ни одного лишнего движения, словно он молча сопоставляет всё, что видит, с какими-то своими невысказанными размышлениями.

Тот, что в шапке, указывает в мою сторону, обращаясь к Лже-Илье:

— «Что с ней? Почему встала, как вкопанная?» — угадывается по его недовольной интонации.

Лже-Илья глухо отвечает.

— «Ты!» — мужик в шапке машет рукой. — «Топай-ка сюда!»

Не двигаюсь с места. Тело с ног до головы дрожит от ветра. Мы шли целый час, и я успела немного вспотеть. Ехать на лошади тихим темпом было невыносимо холодно.

Оглядываюсь на лес. Что страшней: заблудиться в еловом лабиринте наедине с волками или оказаться запертой вместе с сумасшедшими сектантами, вдали от цивилизации?

Ни антенн, ни проводов, ни вышек — ничего, что напоминало бы связь! Неужели они общаются с внешним миром через посыльных? Или у них есть переносная рация?

Лже-Илья осторожно приближается, терпеливо протягивает мне руку. Едва перебарываю желание обрызгать его из перцового баллончика.

Его невозмутимость бесит. Его схожесть с Ильёй — бесит.

Прячу руки в карманы, не желая отвечать на приглашение. Делаю долгий вдох, выдох.

— Да чтоб вас!

Пусть не думают, что им удалось меня так просто запугать. Я просто стараюсь выждать подходящий момент, чтобы сбежать, вот и всё. Не хочется получить новый тычок по лицу раньше времени.

Да и попасть в уборную бы мне не помешало…

***

Монах, представившийся Гробовщиком, задумчиво почесал русую бороду.

— Мда… — он выставил руки в колени, принимая натужную позу.

Овод скрестил руки на груди и опустил взгляд на девушку. Та сидела на скамье, сложив ладони на коленях, время от времени притопывая каблуком от нетерпения.

Оказавшись в тепле, девушка сняла цветную шапку и теперь сидела невозмутимо, ничуть не стесняясь оставаться простоволосой в кругу мужчин. При себе у девушки не было ни платка, ни кички.

— Ты погляди-ка, — Гробовщик указал жилистым пальцем, — баба вроде молодая, а волосы острижены… Видать, вдова.

Овод качнул головой.

— Не знаю. Времени не было выяснять.

— Ну а зовут-то хоть как? — Гробовщик поднял на Овода сосредоточенный взгляд.

— Зовут?

— Прах тебя сгуби! Ты приволок сюда чужую бабу, и даже не знаешь, как её там звать? На кой ляд она тебе вообще сдалась?

Овод переступил с ноги на ногу, мастеря гримасу рассеянности.

— Мне всё равно по пути. Решил помочь.

— Помочь, — хмыкнул Гробовщик, выпрямляя спину. — Не смеши мою оскомину. Скажи уж прямо: девка в душу запала. Решил её сперва приголубить, чтоб оттаяла.

— Мне женщина сейчас ни к чему.

— Ты, стало быть, просто не знаешь, как ими пользоваться, — ухмыльнулся лысый детина возле выхода.

— Я имел в виду, — спокойно продолжил Овод, — мне некогда о ней заботиться. Если никто из вас не знает её языка и не может выяснить, откуда она взялась, и куда хочет вернуться, я просто отвезу её в город.

— Оставляй здесь, раз не нужна, — лысый осклабился. — Найдём вдовоньке применение.

Овод шевельнул желваками, побарывая раздражение.

— Разве у вас здесь не мужской монастырь?

— В приюте и баб хватает, — Гробовщик шмыгнул носом. — Сумасшедшие они бесполые, понимаешь?

— Всё-таки не стану вас утруждать. Отвезу её в город и пристрою там, чтобы наверняка.

— Как знаешь. Ну, что, вдовушка? Приступим?

Все в горенке уставились на девушку.

«Вдовушка» заметно напряглась.

— Как тебя кличут — обратился к ней Гробовщик. — Речь юрманскую разумеешь? Вождарей? Нет? Хм… а церковное слово слыхала, а?

Гробовщик всё же смог удивить Овода. Он знал пять языков, и по одному звуку умел распознать горный или степной говор. Но всё оказалось впустую. Девка махом отмела все его расспросы.

И всё же бился он не напрасно. Пользуясь мешаниной из известных ему языков, Гробовщик сумел выудить кое-какие сведения.

— Татианой её зовут, — отвлёкся Гробовщик. — Хм. Стало быть, соларийка?

Татиана хотела попасть домой и не знала, как очутилась в деревне. Мужа у неё не было, но, похоже, кто-то из её близких недавно умер. На этом месте разговора она как-то подозрительно покосилась на Овода.

— Я никого не убивал, — поймав на себе многозначительный взгляд Гробовщика, поспешил высказаться Овод.

Узнав, что собравшиеся не собираются держать её взаперти, Татиана заметно оживилась. Она снова принялась твердить: «интернет», «позвонить», но Гробовщик этих слов так и не распознал.

— Хочет послать кому-то весточку, стало быть…

— Что не так? — поймав Гробовщика на том, что тот мрачно призадумался, спросил Овод.

— Дело в том… эта женщина, должно быть, из знатного рода. Одежда, повадки — да и руки. Взгляни. Она в жизни тяжёлой работы не знала.

— И? Есть мысли?

Голос Гробовщика изменился, стал суше.

— За неё могут дать большой выкуп.

Повисло тягостное молчание.

Овод покосился на Векшу. Тот стоял у стола, присев на край, и как бы невзначай перекатывал между пальцами ножичек. Прежде Векша ловко метал их в рисунок на стене — старую мишень, иссечённую в центре.

— И что теперь? — посмурнев, спросил Овод, догадываясь, что дело заходит в тупик.

— А теперь… — Векша жадно ухмыльнулся. — А теперь вытяни руки перед собой, дурень, и не вздумай сопротивляться, когда мы станем тебя связывать. Иначе следующий мой бросок будет ей прямёхонько в голову.

Эпизод 5. Облик эрхвы

Овод потёр слезящиеся глаза.

Без солнца ослабла мера времени: бодрствование и сон перемешались. Тело не знало, когда отдыхать.

— Надолго мы здесь? — он бросил взгляд на повязку, обвязывающую его запястье.

На ткани заскорузла кровь. Пока Овод двигался, собирая травы, рана раскрылась.

Хворь, устроившись в корнях исполинского древа, закинула ногу на ногу. Наставница предпочитала не утруждать себя понапрасну, и потому все заботы по сбору сырья ложились на Овода.

— Месяц, два, — протянула Хворь отрешённо. — Пока твоё тело не приспособится к эрхве.

Он так и замер на коленях посреди малахитовых всполохов.

— Месяц?! — Овод выронил холщовый мешочек, в который он складывал листья. — Это же так долго! Зачем обязательно ждать здесь? Почему не подняться на поверхность и ждать там?

Хворь скользнула по нему ленивым взглядом из-под полуопущенных ресниц.

— Ты безнадёжен, и нет смысла тебя учить, если ты задаёшь настолько простые вопросы.

Овод сцепил зубы, признавая справедливость упрёка.

— Если эрхва не приживётся, — наконец произнёс Овод спокойнее, снова возвращаясь к сбору, — или её окажется мало, здесь можно добыть ещё её «соцветий». Верно?

— И это не всё.

— Не всё?..

Хворь мягко усмехнулась.

— Если эрхва приживётся, нам с тобой потребуется место для учения. Здесь же нас не станут отвлекать понапрасну. Да и… теплее тут гораздо. Терпеть не могу холод и стужу. Скажика, козлёночек…

— Я же просил меня так больше не называть!

— Хм, это уж мне решать, как тебя называть. Теперь ты принадлежишь мне. Так о чём это я? Ах да! Почему ты так торопишься отсюда выбраться? Разве эти пещеры не пленяют твою душу первобытной красотой?

Овод выпрямился и окинул взглядом окрестность: огромные известняковые своды, опоенные влагой, и под ними — буйные чащи, выросшие наперекор камню.

Пещеры Галлу-Дар, — или в переводе на ирийский «Корней Мира», — некогда почитались как священные рощи, где альвы черпали силу самой земли, обращая её в могущественную и тонкую, почти ювелирную вражбу.

Было, однако, это столетия назад. Народ альвов, — иначе названных бессмертными, — иссяк, словно родник, ушедший в камень. Земли их заполнили люди. Однако, прежде чем кануть в небытие, альвы уничтожили свои знания, чтобы те не достались новым хозяевам.

Потому места Галлу-Дар оставались непотревоженными: сюда не ступала нога человека. А если и ступала, — к примеру, исследователи с княжескими отрядами, — то неизбежно все гибли, не имея ни сил, ни разумения бороться со стихиями, сторожившими эти глубины.

Без должных знаний владеть этими местами было невозможно.

Многие пещеры Галлу-Дар были сожжены, иные разрушены, а в некоторые проходы обрушили сами альвы, навеки запечатав дорогу к своим святилищам.

Всё это Овод узнал от Хвори, как и то, что она сама являлась представителем бессмертного народа.

— Значит, — узнав правду, обомлел Овод, — мне никогда не стать настолько же сильным, как ты? Ведь ты… не человек!

— Таким как я в точности — нет, — согласилась Хворь, не тая довольства. — Но если тебе хватит упорства, ты станешь способным на то, что твоим соплеменникам и не снилось.

— Какого это жить больше столетия?

— Есть время изучить всё на свете.

— Разве это не больно?

— Больно? Что ты имеешь в виду?

— Разве не больно… прощаться? Хоронить друзей, близких?

— Люди для нас, всё равно что… для вас животные. Собаки или кошки. Станешь ли ты носить всю жизнь траур по умершему псу? Вижу, тебя задевает, что я приравниваю жизнь человека к животному? Этот взгляд. Мне уже приходилось видеть такой прежде. Когда-то у меня был ученик. Тоже человек, как и ты. Мои слова сильно повлияли на него, и он стал жаждать бессмертия.

— И что с ним стало?

Хворь погрузилась в тяжёлое раздумье.

— Каждому созданию от рождения дан свой образ и порядок существования. Даже если кто-то с помощью вражбы исправит тело, он останется не в силах переменить саму основу. Подобное скорее погубит человека, чем переродит его в иной род.

— Но разве то, что ты со мной сделала — не то же самое? Или ты решила проверить, выживу ли я?

Овод вытянул перед собой руку, куда Хворь вживила эрхву — живые споры, укоренившиеся под его кожей, подобно тёмной паутине. Отыскать эрхву возможно было лишь в пещерах Галлу-Дар.

— Я говорю о чём-то более значительном, — Хворь взяла его за ладонь, перевернула, внимательно всматриваясь в своё творение. — Но ты частично прав. Эрхва прорастает в человеческом теле, приближая его к подобию тела альва.

Она выпустила его ладонь. Овод изумлённо вскинул брови.

— То есть, ты пытаешься сделать меня бессмертным?!

— Нет, эрхвы для этого будет недостаточно. Можешь не переживать, своих праправнуков ты не переживёшь. Представь, что вражба — сеть сосудов. Огромные силовые русла, опоясывающие континент. Они тянут силу из земли и несут её, как кровь по жилам.

— Значит, эта эрхва в моём теле будет давать мне силу?..

— Не перебивай, козлёночек. Терпеть не могу, когда меня перебивают!

Хворь вскинула руку, желая коснуться его лба. Но Овод рывком отпрянул, закрывшись ладонью.

Хворь проказливо хихикнула.

— Так ты помнишь, что тогда произошло?

Овод кивнул, хоть и не до конца понимая, как именно сработала тогда вражба. В тот день, когда они впервые встретились в лесу, и Хворь заставила его замолчать и повиноваться каждому слову.

— Знак, что я начертила на твоём лбу, — продолжила Хворь, убрав руку, — ключ, чтобы пробудить эту самую силу земли. С помощью знаков можно останавливать кровь, взламывать замки, срывать равновесие, перенаправлять или сгущать силу в нужной точке. Вот только знак работает только если он вписан правильно. Необходимо выверить место, направление, расстояние до других знаков, угол к силовому руслу…

— Эм…

— Проще говоря, оплошность при наложении знака может вызвать нежелательные последствия. Сила бьёт не туда и не так, как нужно. Я понятно изъясняюсь?

— Да, просто... я не ожидал, что всё устроено именно так.

— Есть ещё одна загвоздка. Чтобы пробудить знак, необходима… наследственность. В нашей крови есть то, что «цепляет» поток, позволяя пробуждать знаки. У вас же, у людей, такой способности нет. Поэтому вражбиты идут обходным путём.

— Вживляют эрхву…

Хворь кивнула.

— Вот только эрхва — не инструмент без цены. Оплошность в знаках при наличии эрхвы опаснее. В первую очередь для того, кто её использует… Поэтому помни. Если станешь торопиться, если не будешь слушать мои наставления, вероятней всего ты просто умрёшь. И всё будет напрасно. Уяснил?

Овод сидел в траве, вслушиваясь в журчание подземных рек. По камню пробежала увесистая белая саламандра и скрылась в резных папоротниках. Тёплый свет мягко сочился из прожилок листьев, мха и влажной коры, растекаясь по земле золотистыми пятнами.

Создавалось впечатление, что в траве таилось маленькое солнце.

— Почему ты так торопишься отсюда выбраться? — и вот спросила Хворь, отдыхая под раскидистым деревом, напоминающем иву. — Разве эти пещеры не пленяют твою душу первобытной красотой?

Овод пожал плечами:

— Не забывай — я всего-навсего человек, — с ехидством отозвался он. — А мы, людишки, жить под землёй не приучены. Не то что вы, альвы. Вам доступно многое из того, что нам, тупым животным, так сразу не постичь!

Наставница переменилась на глазах. Голос её, прежде всегда мягкий и женственный, огрубел, стал строгим. Овод никогда прежде не страшился её так, как в это мгновение. Даже тогда, в лесу, она казалась иной.

Оводу почудилось, будто вместо красивой женщины у корней дерева возникло хищное создание: с тёмными провалами вместо глаз и острыми, шипастыми зубами.

И от этого создания веяло сырой могилой.

— Вижу, ты не до конца отпустил обиду, человек, — голос её распался на множество голосов, будто в одной груди заговорила целая орава. — Советую тебе всё же приструнить свою гордыню. Гордыня губит ваш род вернее всякой хвори.

Лишь много лет спустя Овод понял: тогда Хворь открыла ему своё истинное обличье вовсе не затем, чтобы сковать его страхом. И не затем, чтобы унизить его, напомнить, кто стоял на вершине, а кто оставался лишь жалким насекомым, живущим рядом с ней лишь по прихоти, ради мимолётной забавы.

Хворь боялась повторить свою ошибку. Как всякий добросовестный хозяин страшится привязаться, но не доглядеть: позволить любимому «псу» одичать, сорваться в бешенство, чтобы не оставалось иного выхода, кроме как собственными руками оборвать ему жизнь.

***

Векша сорвал с головы вражбита холщовый мешок.

— Вот мы и на месте, — он радушно толкнул того за решётку. — И давай-ка без хитростей.

Вражбит медленно шагнул вперёд, бесшумно ступая онучами по земляному полу, присыпанному соломой — сапоги, как и верхнюю одежду, у пленника отобрали сразу. Запястья вражбита оставались связаны верёвкой за спиной.

Когда дверь в темницу захлопнулась, вражбит по-змеиному уставился на Векшу сквозь прутья.

Наверняка вражбит желал бы сказать нечто приличествующее моменту, но рот его оставался заткнут кляпом, и бедолаге ничего больше не оставалось, как выражать свои переживания шевелениями бровей.

— Ну вот и славно, — Векша отряхнул ладони. — Располагайся поудобнее: задержишься ты здесь надолго. Все жалобы предъявляй монахам. А я, как говорится, умываю руки.

— О, у нас гости, — вяло обрадовался Хонза из соседней темницы. — Милости просим!

— Прости, старина, — Векша качнул головой, — но, боюсь, поболтать с ним тебе не выйдет. У него рот… занят.

— Хм, — Хонза нахмурился. — Порядочному человеку затыкать рот не пристало. Видно, он не мастак следить за языком?

— Ага! — подхватил Векша. — Вёл себя совершенно возмутительно. Скрепя сердцем, пришлось его сюда вести. Пущай хорошенько поразмыслит о своём поведении.

Овод закатил глаза, ясно давая понять, что считал происходящее нелепым балаганом.

— Сказать по правде, — вздохнул Векша, уперев руки в бока, — Я так до конца и не понял, что ты вознамерился сотворить с той девушкой. Вражбит пытается пристроить чужую женщину в храме? Пф! Не смеши. Бьюсь об заклад, ты уже придумал продать её на невольничьем торгу или… пустить под нож ради своих вражбицких изысканий. Даже не знаю, что для бедняжки хуже — остаться в лапах у вражбита, что прикидывается благодетелем, или торчать в этой разбойничьей норе. Хрен редьки не слаще! И всё же… зачем позволил себя связать ради какой-то незнакомки? Видать, не такой уж ты способный, как я решил было вначале.

Овод громко замычал, но Векша лишь отмахнулся.

— Всё, с тобой я закончил. Прояви уважение, у меня, вообще-то, дел по горло. Скажем…

Векша указал большим пальцем себе за плечо.

— Я обещал вон тому старику занять его разговором. Как тебя там звать, напомни?

— Можешь назвать меня Хонза.

— Хонза, верно… Слушай-ка, я приметил ожоги у тебя на руках. Где же это ты так умудрился обгореть?

Хонза помолчал, недолго, но и этого Векше хватило, чтобы понять: старик насторожился.

— Долгое время я был… чем-то вроде мастера по веществам, — наконец усмехнулся старик, бросая вызов своей правдой. — В большом городском училище, где собирались учёные люди.

— Мастер по веществам?

— Да, — Хонза показал руки, изуродованные ожогами. — Я занимался тем, чтобы в больших мастерских огонь, котлы и всякие едкие смеси вели себя как надо. Смотрел, что с чем можно смешивать, как хранить, чтобы люди не травились дымом и не разлетались на куски. Как же давно это было!

— Эм-м… Так ты зельевар? Алхимик?

— Ну… — старик помял шею, подыскивая слова. — В моём мире это звалось «инженер-химик».

— В твоём мире? — Векша вскинул бровь. — Так ты, значит, чужеземец?

— Да. Я прибыл из очень… далёкого края.

— И что же это за край такой?

— Вряд ли тебе приходилось о нём слыхивать.

— Тем больше любопытство.

Алхимик согнул колено, опёрся на него рукой.

— Я прибыл из города Праги. Из края, что зовётся Чехословакией.

— О, любопытно. И впрямь не слыхал. Что же ты у нас забыл?

— Дело в том… — алхимик помедлил. — Я здесь не по своей воле.

Векша скрестил руки на груди.

От Гробовщика он успел узнать, что Хонза был схвачен разбойниками: сбившись с дороги, тот забрёл в приют, надеясь пересидеть метель.

При старике обнаружили диковинный товар, а когда выяснилось, что Хонза владеет ремеслом алхимии, атаман велел схватить его и посадить под замок. Старик был один, да к тому же чужеземец; исчезни в этих краях, в метель, никто и не спохватится.

«Мда, не приют, а гиблое место!» — поцокал языком Векша. — «Кто вошёл, тот, — пуф! — пропал».

И всё же он позволил себе глумливо спросить:

— Не ты ли радовался, что не приходится мёрзнуть в сугробах за околицей?

Алхимик скорбно усмехнулся.

— У вас тут, конечно, гостеприимно, но я бы предпочёл вернуться к жене.

— О, так у тебя есть семья. Сколько же твоя жёнушка тебя дожидается?

— Тридцать два года.

— Ого. Не хочу тебя расстраивать, но не каждая женщина вытерпит такую долгую разлуку.

— Я не питаю иллюзий на этот счёт. Но перед смертью я хотел бы ещё раз увидеть её лицо. Пускай даже уже не столь юное и прелестное, каким я его помню…

— Как трогательно… Почему же ты не вернулся на родину раньше?

Хонза простуженно рассмеялся.

— Дело в том… что я здесь как раз за этим. Я прибыл сюда, чтобы вернуться домой. Хотя, откровенно говоря, мой замысел оказался не лишён недостатков, вследствие чего я оказался заключён здесь.

Векша раздражённо скривил губы.

Может, старик в действительности был безумен? Пребывание в этом болоте раскромсало его рассудок? И то, что Векша принял за след, указывающий на похитителя сундука — простое заблуждение?

На лестнице послышались шаги, и в подвал спустились монахи, несущие подносы с едой. Запахло варёной крупой и печёным луком.

— Время обеда!

По коридору прокатился звон цепей: узники зашевелились, застонали, пробуждаясь, будто звери из спячки.

Хонза, кряхтя, поднялся с соломы и, прихрамывая, подался к прутьям. Двумя руками принял протянутую ему миску каши.

— Вижу, ты здесь недавно, — старик на мгновение задержался, встречаясь взглядом с Векшей. — Ты ещё молод. Пока не поздно, отстань от этой праздной ватаги и ступай своей дорогой. Живи честным трудом. Не губи себя понапрасну.

Векша делано рассмеялся.

— Честным трудом… Звучит заманчиво. Да только не судьба. Куда ни сунься, люди судят не по делам, а по тому, чью кровь я в себе ношу.

Он вдруг осёкся, осознав, что сказал лишнего. Но Хонза покачал головой.

— Люди судят, это верно. Да только не люди за тебя жить будут. Скажи лучше, сам-то ты почему веришь, что происхождение сильнее твоей воли? Почему решил, что тебе не дано жить так, как хочешь? Ведь выходит, не люди тебе путь закрыли. А ты сам перед собой ворота запер. Впрочем, что весит слово старика, сидящего за решёткой? Ступай, молодой, не стану тебя больше задерживать.

Векша покинул подземелье. Добравшись до кузни, он рассеянно поприветствовал собравшихся и незаметно швырнул пергамент с посланием в открытый жаровенный очаг.

Пока атаман раздавал приказы и прикидывал, как обойтись с пленённой чужеземкой, Векша держался в стороне и думал о своём.

Прочитанное послание от Хозяина ворочалось в голове голодной личинкой, подтачивая нутро.

— Векша! — прикрикнул Гробовщик, сидящий за столом. — Оглох, парень? Кому сказано, веди сюда девку со склада. Живей!

Векша вздрогнул, вынужденный прерваться от размышлений. Атаман обратился к нему с указанием, а он пропустил всё мимо ушей.

Натужно изображая раскаянье, Векша раскланялся и быстрым шагом покинул кузню.

***

Раздаётся лёгкий хруст, словно кто-то разгрызает сухую корку хлеба.

Включаю фонарик на телефоне, и луч света выхватывает комок шерсти на полу. Всего лишь кот, глодающий пойманную мышь рядом с бочкой. Кот выглядит крупным, у него обкусанные уши и рыжая шерсть, словно выгоревшая до соломенного на спине и боках. Кот увлечён трапезой и не обращает на меня внимания.

Сижу на мешке с зерном, безучастно наблюдая за эпизодом естественного отбора. Тяжело вздыхаю и выключаю фонарик, вновь погружаясь в темноту.

Зарядка стремительно садится. У меня с собой ни пауэрбанка, ни зарядки (в последней, впрочем, толку нет вовсе, учитывая, что в этом помещении нет ни одной розетки).

Лезу в карман, шурша курткой. Щёлкаю зажигалкой. Какое-то время заворожённо смотрю на трепещущий огонёк, прежде чем поднести к нему кончик сигареты.

Делаю затяжку.

Раздаётся скрежет замка, и дверь в кладовку со скрипом отворяется.

Не вставая с мешка, поворачиваю голову. Выдыхаю струйку дыма в стылый воздух. Руки мои трясутся, челюсть дрожит. Мне плохо удаётся держать остатки достоинства.

В памяти вспыхивают события прошлого вечера. Если тогда мне повезло, и за меня вступился Лже-Илья, то теперь…

Спустившийся в кладовку мужчина замирает на входе. По недовольному молчанию его понимаю, что он ярый противник курения.

— Хочешь? — сама не зная, зачем, протягиваю пачку сигарет. Всё равно рано или поздно отберут, нет смысла цепляться до последнего.

Глаза привыкают к свету, и я узнаю того сварливого человека, который орал на нас возле ворот.

— Не хочешь? Ну как знаешь, — непослушные пальцы засовывают пачку в карман. — Что вы сделали с Лже-Ильёй? Я ведь даже имени его не узнала. Убили?

Ну конечно… что ещё можно делать с человеком, которому на голову надевают мешок и связанным ведут непонятно куда?

Мужчина раздражённо прицыкивает и, подбоченившись, нервно чешет затылок.

— «Убили», — неожиданно вторит он, и сразу выдаёт нечто сбивчивое, словно жалуясь на опостылевшие условия работы.

Затем он возвращает на меня взгляд и, хмуря брови, жестом показывает встать.

— «Давай-давай», — флегматично повторяет он, и мне думается, он хочет сказать: — «Некогда ждать, пока ты свою жопу с места подымешь… соларийка!»

Последнее слово «соларийка» он произносит с сардонической улыбкой.

— Дай хоть докурить… — оттягивая момент расправы, бормочу я.

Однако моего «вертухая» явно поджимают сроки. Он досадливо велит мне затушить огонь и шествовать за ним.

Не двигаюсь с места. Не то чтоб я упрямлюсь, просто от страха все силы внезапно улетучиваются. Сдвинуть меня можно только взяв в охапку.

«Вертухай» принимает моё поведение за беззастенчивую дерзость. Матерясь словами, напоминающими общепринятые славянские ругательства с корнем «ёб», он хватает меня под локоть и вынуждает встать. Выдирает из пальцев сигарету, нюхает, кривясь от отвращения, роняет на земляной пол и наступает носком, туша окурок.

Удерживая запястье, «вертухай» притягивает меня к себе и назидательно просит больше не испытывать его терпение. В темноте ощущаю запах: от него пахнет дымом, дублёной кожей и чем-то терпко-смолистым. «Вертухай» толкает меня в сторону лестницы.

И вдруг я понимаю — снаружи никого нет. Эта мысль проносится в моей голове и взрывается цветными кругами перед глазами, подобно фейерверку. Сознание предательски отключается.

Выхватываю из кармана перцовый баллончик. Палец привычно ложится на кнопку под навесной крышкой (я усердно тренировалась всё это время, сидя в этой подсобке, словно ковбой перед дуэлью). Раздаётся шипение струи, и я чувствую частичный запах аэрозоля. В носу возникает лёгкое жжение, на глаза наворачиваются слёзы.

Кот, про которого я совсем забыла, с яростным шипением выбегает из кладовки.

Мой залитый струёй «надзиратель» страшно кричит, надсаживая горло. От этого вопля мне становится по-настоящему жутко, будто я ослепила вовсе не человека, а бешеного зверя. Прежде чем выбежать наружу, успеваю увидеть, как он складывается пополам, хватаясь за лицо.

Спотыкаясь и ощупывая стены, чтобы не упасть, взбегаю по ступеням и оказываюсь в тесном коридоре. Оказавшись наверху, порывисто оборачиваюсь, нащупываю дверь.

Дверь не запереть без ключа, но я шарю вокруг, подыскивая хоть что-нибудь, чем бы её подпереть.

Чужая ладонь с силой бьёт в дверь с противоположной стороны. Меня отшвыривает назад, едва удерживаюсь на ногах.

Дверь распахивается, и я вижу руку, тянущуюся ко мне из проёма. Сперва думаю, что виной всему игра света, или это мерещится мне от страха; ногти на этой руке растут, вызуживаясь в угловатые когти.

Мужчина, сгибаясь от боли, переставляет ногу на следующую ступень. Когти его левой руки скребут по дереву. Правой он по-прежнему сжимает лицо, яростно вдавливая основание ладони себе в глазницу.

— «Умереть», — хрипит он со рваной свирепостью, вскидывая взгляд. — «Захотела»?

Стою, словно прибитая к полу, не в силах отступить. Но загипнотизирована я не его безумной ухмылкой: растянутым ртом, будто он сам не понимает, хочет ли он оскалиться, или расхохотаться в голос, давая волю месиву чувств.

Всё моё внимание приковано к его глазу — сплошь чёрному, словно искусственному, с узким белёсым зрачком посередине.

Мужчина делает шаг, и я с визгом вскидываю перед собой перцовый баллончик, снова «нажимая на курок».

Эпизод 6. Таволга

Медовое лакомство липло к зубам.

Овод жевал, без восторга следя за ярмарочным представлением. В каждой его руке было по увесистой коврижке.

Звенел бубенец, тонко выла сопёлка. На сколоченных досках плясали скоморохи. Их одежды были все в заплатах, как в пёстрых лишаях.

— Гляди! Гляди! — смеялся кто-то за спиной.

Один из скоморохов в рогатой личине ходил по краю помоста, изображая согбенного вражбита. Он кланялся во все стороны, шептал в ладонь, а затем швырял слова в толпу, словно горсть горячих углей. Народ пугался, отступал. Разом гремел дружный хохот.

Покончив с раздачей «порчи», скоморох вступил в схватку с невидимым чудищем. Оно тянуло скомороха за волосы, пинало под зад и заставляло ползать на коленях, кряхтя и кривляясь.

«Вот же», — фыркнул Овод про себя, пережёвывая коврижку. — «Высмеивают вражбитов, даже не понимая, какую пользу мы несём»!

Овод облизнулся и двинулся прочь.

Тем летом ему исполнилось пятнадцать лет, и он шёл твёрдо, будучи выше ростом многих мужчин с согбенными спинами.

Полуденное солнце жарило пыльные ряды с товаром, выставленным на продажу: мешки с зерном и мукой, связки баранок на верёвках, кадки с мёдом и насыпи яблок. Торговцы прятались в тени навесов; одни выкрикивали зазывные слова, другие, разморённые жарой, лишь лениво кивали прохожим.

По проходам текла людская сутолока: мужики с яркими кушаками, женщины в пёстрых сарафанах и платках, и вездесущая чумазая ребятня, тащащая коврижки и орехи в меду.

В жарком воздухе тянуло квасом, дёгтем от тележных осей и дымом костров.

— А, вот ты где! — Овод узнал голос наставницы.

Хворь махала ему рукой. Наставница стояла, широко расставив ноги, уверенно, совсем не по-бабьи.

Овод с облегчением выдохнул. Прошло уже два дня, как он ждал её под стенами города.

— У меня тут осталась… — он подошёл и протянул было наставнице оставшееся угощение, но вдруг заметил тощую светловолосую девчонку, жмущуюся к ней, как птенец к мамкиному боку.

— А это ещё кто? — Овод глуповато раскрыл рот.

— А? А, это… — Хворь положила девчонке увесистую ладонь на голову, отчего та покачнулась. — Знакомься, это Таволга. Моя новая ученица.

— Чего?! — Овод едва не выронил коврижку в пыль.

Он вновь во все глаза уставился на девчонку. Та залилась румянцем и поспешно отвела взгляд.

— Смеяться надо мной вздумала? — обозлился Овод на наставницу.

Хворь вырвала из его руки коврижку, откусила и с наигранной обидой насупилась.

— Какой-то ты смурной. Живот от сладкого разболелся? Не стоило оставлять тебе так много денег…

— Да я!.. Да я полгода за тобой ходил, спал в грязи, чтобы ты… чтобы ты согласилась меня учить! А эту… эту соплю худосочную за два дня?!

Таволга печально свела брови, словно он её нечаянно толкнул и прошёл мимо.

— М-да, умений обходиться с женщинами у тебя никаких, погляжу, — Хворь скучающе поковыряла мизинцем в носу, скатала катышек и швырнула в пыль. — Моё попущение.

Овод вспыхнул от смущения и осознания собственной дубовости.

— Так ты не хочешь мне ничего сказать, Хворь? — он вынудил себя звучать твёрже.

Наставница состроила жалобное лицо, нагнулась и заботливо приобняла Таволгу за плечи.

— Всегда мечтала воспитывать человечью маленькую женщину! Молодые самцы твоего возраста такие… — она обвела его жестом, будто напоказ. — Легко возбудимые. Можете боднуть, укусить… С вами возиться лишний раз неохота. Не переживай, Таволга. Этот грубиян лучше, чем кажется с первого взгляда. Его легко задеть. Душа у него нежная, сама увидишь.

Таволга осмелилась поднять на Овода взгляд, и тому поневоле пришлось прикусить язык. Девчонка ведь была не виновата, что Хворь воспринимала людей за баранов и овец.

— Ты её, что, украла? — он опомнился и принялся облизывать пальцы после коврижки. — Как же её родители?

— У неё никого нет.

— Как это? Постой… они, что, все умерли?!

Таволга задрожала, готовая разрыдаться.

— Не мог бы ты выражаться помягче? — одёрнула его Хворь.

— Помягче? Кто бы говорил… Эй, как тебя там? Прости. Я буду следить за языком. Не хотел… не хотел тебя расстраивать. Я Овод. Это моё ненастоящее имя, но… Можешь звать меня так.

— Имя… — тихо повторила Таволга, утирая рукавом слёзы.

Губы её тронула слабая улыбка, и девчонка проговорила с чужеземным говором:

— Рада нашей встрече, Овод.

Овод заворожённо застыл. От этой улыбки нутро его порывисто сжалось, будто сердце подхлестнули плетью.

***

В неглубокой нише стены торчал покрытый ржавчиной светец, сжимавший тонкую смоляную лучину. Мерцания её едва хватало, чтобы создать тусклое пятно на стене. Скоро и она должна была угаснуть, уступая место полной, беспросветной темноте.

Овод нащупал пяткой уголок онуча, прижал к земле и дёрнул ногу. Намотка чуть съехала. Он повторил действие. Тряпка поползла вниз, сбиваясь в комок у щиколотки. Овод сдёрнул намотку со ступни, обнажая пятку.

Задумка вживить эрхву не только в руки, но и в ноги, — над которой Хворь когда-то глумилась, — уже не раз спасала ему шкуру.

Овод вытянул босую ногу. Сила болезненно стянулась к ступне, просачиваясь сквозь землю и камень. Жилы тронуло холодом. Большим пальцем Овод медленно вывел на земле знак: кривой полукруг, короткий штрих, ещё один. На мгновение знак тускло вспыхнул изнутри, как тлеющий уголёк, и сразу погас. Солома, что лежала рядом, стала чернеть, закручиваться. Возник тонкий язычок дыма, а за ним — махонькое синее пламя.

Овод раздул огонь и подсел к нему задом. Жар лизнул запястья. Запахло палёной кожей и жжёной пенькой. Овод отдёрнул руки, перевёл дыхание, и вновь поднёс верёвку к огню. Стиснул зубы, выжидая, пока та не начнёт тлеть. Когда верёвка ослабла, он, морщась от боли, рывком освободил руки.

Кисти обгорели по краю, кожа стянулась. Но пальцы слушались. Овод развязал на голове следующую верёвку, удерживающую кляп, и принялся отплёвываться.

— О-о… этому месту не хватало системы отопления, — одобрительно отозвался алхимик, сидящий в клети напротив. — Надо же! Вражбицкий огонь. Давненько я его не видывал…

Остальные заключённые заворошились, стеная и припадая к решёткам, чтобы взглянуть на разгоревшееся в их тёмном царстве серебристо-синее диво.

Овод не ответил. Он внимательно оглядывал дверь: её держал деревянный засов в железных скобах; на одной из скоб висел кованый навесной замок. И до него было не дотянуться. Овод просунул руку через решётку и прочертил знак на скобе.

Эрхва вновь откликнулась. Сила холодной струёй влезла в металл. Скоба нагрелась, будто её вынули из горна. Дерево вокруг скобы начало тлеть.

Овод встал боком и ударил плечом в дверь. Продолжал бить, пока обугленное гнездо не выдержало: кусок доски вылетел в коридор. Путь был свободен.

— Эй! — на лестнице послышались голоса. — Что здесь происходит?

Овод торопливо запер дверь и дождался, пока спустившийся с факелом монах встанет напротив.

Завидев полыхающую синим пламенем солому за его спиной, монах в ужасе округлил глаза.

— Что за?..

Овод ударил ногой дверь. Монаха задело створкой, и он попятился, закрывая ушибленный нос рукой. Ударился спиной в решётку позади и застыл, схваченный высунутыми оттуда руками.

— Прошу меня простить, — вздохнул алхимик, теснее вжимая монаха спиной в прутья.

Монах закричал, попытался отмахнуться факелом, но было уже поздно. Овод увернулся от взмаха и рывком приблизился. Его пальцы легли монаху на лоб, прочерчивая знак.

Веки монаха дрогнули, лицо приняло вялое, осоловевшее выражение. А затем монах обмяк, погружаясь в насланный сон.

Овод отнял из его ослабевшей хватки факел и выпрямился. Поднял взгляд на алхимика, скорбно ожидающего за решёткой.

Старик невозмутимо пожал плечами.

— Пожалуй, и мне настало время вернуться к своим делам.

— Что здесь вообще происходит?

— Ну, если говорить точно, у нас вышло стихийное, но неплохое сотрудничество.

— Я не об этом. Разве во всех богадельнях принято навязывать «помощь» и запирать людей в подвалах? С церковниками я стараюсь не связываться, так что о монастырских порядках сужу плохо.

— А, так ты об этом. Не думаю. Хотя… я нечасто бывал в подобных местах. Но, полагаю, дело скорее в том, что приют используют как прикрытие. Камышовые Коты. Приходилось слышать? Ватага разбойников. Они здесь зимуют.

— Хм. Это немного проясняет всю эту… Кхм, обстановку.

Овод взглянул на свободную руку. Она едва заметно дрожала. Эрхва пульсировала, насытившись силой.

Слишком частое обращение к эрхве разрушало тело. Следовало приберечь знаки и впредь больше рассчитывать на себя, а не на вражбу.

— Боюсь показаться навязчивым, — алхимик кашлянул, прочищая горло, — но не мог бы ты помочь мне с этим замком? Взамен я поделюсь своими изобретениями. Их держат дальше по коридору, вместе с прочей награбленной добычей.

***

Векша всегда считал женщин куда более жестокими созданиями, нежели химеры.

— Сука! — он запрокинул голову, да так сильно, что хрустнули позвонки.

Ему казалось, что сотни ос жалили его в лицо. Глаза заволокло красной пеленой. Векша упал, смачно ударившись коленями о ступени, да так, что кости жалобно задребезжали.

— Чтоб тебя в три прогиба!..

Векша попытался сделать вдох, но воздух царапнул горло. Он закашлял, зафыркал, обтирая нос ладонями. Не помогало. Глаза не открывались, слёзы текли по лицу, будто он ревел над могилой близкого родственника.

На четвереньках, ослеплённым зверем, он выскочил в коридор. Всё сливалось в один давящий проход. Векша устремился на веяние морозного сквозняка.

Он вывалился на крыльцо. Холод на миг остудил боль. Векша спрыгнул в сугроб и принялся окунать лицо в снег снова и снова: вдавливая его в щёки, лоб, втирая в веки.

Дыхание отзывалось резью, горло нещадно саднило. Дождавшись скромного облегчения, Векша с трудом поднялся, горбясь, как будто позвоночник стал чужим. Снег таял, капал с подбородка.

Векша бросал взгляд из стороны в сторону, пытаясь собрать мир воедино. Свет резал глаза, всё двоилось, любое слабое движение сбивало с толку.

Куда? Куда запропастилась эта шельма? В голове мелькали образы расплаты над ней.

Отгрызть бы ей пальцы, чтобы она больше не смогла швырять ему в морду жгучее зелье! А затем пугать её обращением до седых волос. Или нет… лучше уж он зальёт ей это зелье в задницу.

Пусть ёрзает по снегу, как собака с зудящей подхвостницей.

Метания его длились не дольше пары мгновений, но он уже успел потерять счёт времени.

Векша расслышал чей-то крик и порывисто обернулся. Замер, моментально осклабившись:

— Чего ещё?!

На него, оцепенев от ужаса, уставились двое монахов. Стоило Векше обернуться, как один выронил коромысло, расплескав воду, и с диким воплем ринулся прочь.

Оставшийся стоять пентюх осенил себя обережным знаком и с трясущейся челюстью пролепетал:

— Господи… Господи, помилуй!

— Что не так? — Векша клацнул зубами и вдруг опомнился.

Он с тоскливым воем уставился на свою левую руку.

— Вот ведь срань! — выронил он, углядев на той выпеченные когти.

Правая рука оставалась не тронутой обращением и выглядела сносно. Стало быть, и морду, или её часть, у него перекосило так, что любо-дорого смотреть. Зрение исказилось не только из-за жгучего зелья. Потрясающе!

После каждого обращения требовалось время, чтобы тело снова приняло человечий облик. А если обращение сорвало не волей, а всплеском чувств, чистым звериным влечением — дело было совсем плохо. Такое держалось долго, вопреки всяческим стараниям.

Из конюшни выскочила потревоженная братия. Кто-то встал как вкопанный, кто-то ринулся хватать вилы.

Векша рыскал взглядом по двору. Куда же запропастилась эта стерва? Впрочем, сейчас его должны были волновать дела посерьёзней.

Ведь он только что провалил приказ Хозяина.

От осознания произошедшего Векша зашатался. Вся его сущность колотилась от смятения. Кровь чудовища вскипала в жилах, кружа голову и понукая обращение.

В последней попытке хоть как-то повлиять на обстоятельства, Векша изобразил радушную улыбку и, убрав когтистую руку за спину, махнул мужикам.

— Эй! Друзья! Чего какие морды кислые?

— Чудовище! — вскричал Мирко, сдирая с кудлатой головы шапку. — Упырь!

— Упырь? — надулся Векша. — Да ты хоть раз в жизни живого упыря видел, вахлак?!

— Векша в упыря обратился!

— Пентюх несчастный! — Векша увернулся от плотницкого топора, брошенного в него одним из ватажников. — Совсем глазами обнищали? Это ведь я!

Векша бросил взгляд на правую руку и осёкся. Сдерживать обращение больше не имело смысла…

Звериным рывком он вскочил поверх пустой телеги. Пустил взгляд вниз, на охнувших разбойников. Те сгрудились возле ворот в конюшню, как овцы, глядящие на восход солнца.

— Последний раз повторяю, — он прищурил глаза, — поймали тишину.

— Брысь, сволочь! — один из разбойников пригрозил ему лопатой.

И тогда прогремел взрыв. Все обернулись.

Векша вскинул взгляд. С ближайшей крыши, хлопнув крыльями, вспорхнула сова.

Эпизод 7. Грозовой узел

Прерывистое дыхание срывалось с бледных губ. Девушка металась в горячке, стиснув зубы, с отчаянной силой подавляя стоны. Одеяло под запястьями её почернело от следов крови.

Овод приблизился, опустился на дышащий мягким синим свечением мох. Протянул было руку, чтобы смахнуть с лица девушки налипшие волосы, но Таволга внезапно отпрянула, будто его прикосновение могло вызвать боль.

— Не надо, — тихо взмолилась Таволга. — Не смотри… на меня.

За два месяца, что они добирались до Галлу-Дар, — обители вечного света, выжигающего мысли и лишающего сна, — Таволга достигла определённых успехов в изучении ирийского. И тем не менее речь её упорно сохраняла чужеродную огранку. Слова у неё выходили жёсткими, словно обточенными, совсем не под стать её хрупкой, нежной внешности.

— Нужно сбить жар.

— Я… — в попытке спрятаться, она накрыла сгибом локтя глаза. — Я ужасно выгляжу. Не красиво.

Овод отстранил девичью руку. Взгляды их встретились, и он увидел, как из глаз её по вискам стекают слёзы.

— Ты всегда красивая, — рассудительно парировал Овод.

Таволга не успела ничего ответить. Он провёл по её лицу влажной тряпицей, мягко и нерешительно, будто боясь и вправду причинить вред.

— Овод…

— Да?

— Я умру?

— Нет. Просто потерпи. Это скоро пройдёт.

— Ты тоже… терпел?

Овод помолчал, подбирая слова. Он не хотел врать, однако и правду, — что вживление эрхвы в его тело прошло без сучка без задоринки, — он счёл несвоевременной.

Эрхва пожирала тело Таволги, и она была не в силах её обуздать. Подобного исхода Хворь не предвидела. Может, просто отказывалась верить в это? За время, что они провели вместе, Хворь сильно привязалась к Таволге. Привязалась настолько сильно, что, кажется, сама устрашилась этому обстоятельству.

Уже в первые часы после вживления эрхвы Хворь предугадала, что девушка окажется не в силах справиться с преображением во вражбитку. Хворь велела Оводу стеречь Таволгу, а сама отправилась на поиски кровоцвета — редкого цветка, растущего возле подземных разломов. По словам наставницы, нектар кровоцвета был способен ослабить воздействие эрхвы.

Оводу ничего больше не оставалось, как вновь отдаться на растерзание собственной беспомощности.

Лица Хвори перед уходом было не узнать, настолько оно было искажено смятением.

Овод невольно решил, что наставница специально сбежала из убежища, чтобы не видеть смерти любимцы, бросив его одного. Что это, если не предательство?

— Я кое-что тебе покажу, только не говори об этом Хвори, договорились? — переводя разговор в другое русло, Овод указал на груду поклажи.

Таволга слабо кивнула.

Овод выпрямился, отошёл и принялся суетливо рыться в вещах Хвори. Наконец, он нашёл, что искал: ларец из белого дерева размером с ладонь.

Овод вернулся к Таволге. Увидев ларец, Таволга тихо ахнула.

— Это… нельзя держать. Это принадлежит Хвори. Зачем?

— Видишь? — Овод показал выпуклую крышку ларца с тянущейся по ней резьбой в виде узора лозы. — Вражбицкая печать. Хворь хвасталась, что это она изобрела эту печать, и её невозможно открыть ни одним из известных или забытых знаков. Так вот. Я подглядел, как она открывает эту штуку. И запомнил. Смотри.

Овод коснулся круглой вставки в центре из мутного полупрозрачного камня и медленно прочертил отворяющий знак. Ларец дрогнул, будто внутри дерева зазвучало крохотное сердцебиение. Раздался щелчок, и крышка поднялась.

Из ларца вытек свет, подобный мерцанию зимних звёзд. Вслед за светом пришли голоса, несущие созвучия, которыми некогда нарекали звенья этого мира.

Голоса звучали из прошлого, сквозь сгустившуюся ткань столетий, и от них веяло неизбежностью. Неизбежностью жизни, сменяемой смертью. И началом, что неизбежно наступало вслед за всяким концом.

Пение усиливалось, складываясь в многоголосие, ведомое гармонией древней крови. Крови альвов, существовавших задолго до.

Овод поставил ларец на моховую кочку и коснулся руки Таволги. Девушка слабо сжала его ладонь. Он устроился рядом, и они лежали, не размыкая пальцев, прислушиваясь к голосам, доносившимся из глубины веков.

Впоследствии они возьмут в привычку одалживать ларец Хвори без спроса. Месяцами станут ловить редкие моменты уединения, которые с годами выльются в страстную привязанность и вслед за этим — в зачерствевшую спаянность.

И однажды, став взрослыми, они будут лежать в объятьях друг друга, и Овод станет вдыхать запах тела возлюбленной, чувствуя, как вздымается её нагая грудь, и всё столь же ревностно сжимать чужую ладонь в своей.

И ларец продолжит лить песню, освещая тёмный потолок.

Но это окажется их последняя ночь, проведённая вместе.

***

— Это ведь…

Овод потерял дар речи. Среди разномастных плодов грабежа в хранилище обнаружился сундук, запертый на вражбицкую печать. И эта печать была ему слишком хорошо знакома. Ведь она была придумана никем иным, как Хворью.

Вот только наставница погибла много лет назад.

Из ныне живущих знанием этой печати владели только он и…

— Таволга.

Если только она не продала их заветную тайну, имея возможность извлечь личную выгоду.

Овод почувствовал себя оплёванным. Печать Хвори! Неужто Таволга пала настолько низко, что не пощадила даже память о наставнице?

— Прости? — алхимик обернулся. — Я не расслышал.

— Тебе известно, откуда здесь этот сундук? На нём вражбицкая печать.

— Боюсь, что нет. О! Ну наконец-то. Вот и они! Моё барахло. Здесь не всё, но, полагаю, этого нам должно хватить…

Овод поколебался, не спуская смурного взгляда с печати. Стоило ли расходовать оставшиеся силы на вскрытие? Впрочем, для этого требовалось не так уж много.

Он наклонился и прислонил кончики пальцев к печати, перекрывая её вскрывающим знаком должным образом. Печать погасла, поддавшись без малейшего сопротивления.

Овод почувствовал озноб, будто коснувшись собственного прошлого, которое он столь усердно прятал за дверьми сознания.

Среди войлока и ткани в глубине сундука Овод обнаружил обёрнутый льняным платком предмет. Осторожно, боясь добавочной вражбы, Овод извлёк предмет на свет, размотал ткань да так и застыл, не веря увиденному.

Он держал в руке зубчатый диск с тремя подвижными долями. В центре удерживался полупрозрачный камень, по окрасу напоминающий мглистый лёд.

Шуд'урме. Или в переводе на ирийский — Грозовой Узел. Оводу уже доводилось видеть это приспособление альвов, когда Хворь показала ему Хранилище Покинутых Знаний.

Кому бы этот сундук ни предназначался, подобное орудие не должно было находиться в руках людей.

Заперев сундук, Овод убрал Грозовой Узел в рогожу из-под зерна и заплечную суму, взятую среди прочих вещей, намереваясь унести с собой.

Алхимик тем временем закончил рыться в коробах и разложил их содержимое поверх тряпья.

— Показывай, — Овод приблизился к нему.

— Вот, — начал алхимик деловито, — примитивные «гранаты».

Хонза указал на глиняные сосуды с рельефными бороздками для лучшего хвата. Размером они были примерно с кулаки и запечатаны смолой.

— Гранаты?.. — Овод недоумённо изломил бровь.

— Эти сосуды заполнены зажигательной смесью. Поджигаешь фитиль, бросаешь в противника. Когда сосуд разбивается, смесь загорается.

— Хм. Звучит слишком шумно. Разбойники удерживают в заложниках девушку. Мне нужно вытащить её отсюда. Она оказалась здесь по моей глупости.

— Ну… тогда бери и дымные гранаты тоже. Может сработать, как отвлекающая хитрость. Если поблизости окажется твоя пани, лучше убереги запасы. Внутри гранат металлические осколки.

Алхимик взял в руку предмет, чуть короче локтя, кованый из железа с ложем из тёмного дерева.

Овод впервые видел подобную диковинку.

— А здесь у меня пушка… Слава богу, что эти стервятники не догадались, как её использовать, — алхимик с облегчением выдохнул. — Оружие опасное, — как для противника, так и для стрелка, — но более или менее рабочее. Мне помог создать её один вражбит. Умелый, совсем как ты. Но ей я, пожалуй, воспользуюсь сам. Если ты, разумеется, не будешь против.

***

Сознание птицы во много раз ограниченней сознания человека. Именно поэтому долгое сопряжение с телом птицы могло оказаться гибельным для вражбита.

Таволга это знала. Как знала и то, что её человечье тело лежало мертвенно-бледное, носом шла кровь, и белки глаз под опущенными веками приобрели тот же цвет.

Но она не могла позволить себе разорвать связь с птицей сейчас. Сейчас, когда на земле развёртывалось такое *зрелище*!

С чего бы начать рассказ Хозяину?

Наверное, с того, что Векша осрамился. Напустил в штаны. Ударил в грязь лицом. Не оправдал пожеланий и, вероятно, стал очередным претендентом на роль испытуемой жертвы.

Бедный полукровок. Таволге стало его по-настоящему жаль. За десяток лет Векша успел наскучить Хозяину и, поскольку достиг вершины своего преобразования, не представлял для него никакой ценности.

Да, Хозяин вложил в Векшу достаточно средств, но в то же время он был слишком жаден, чтобы довольствоваться подобным результатом. Нет, потраченные средства Хозяина не заботили.

И всё-таки, что же следовало упомянуть в рассказе следующим? Ах да. Овод…

Сова совершила взмах. Последовало долгое скольжение по воздуху.

Овод. Овод. Овод. Проклятье! Что он здесь делал? Почему объявился так невовремя?

Слишком сильные волнения отозвались в настоящем теле. Таволга на мгновение выбыла из тела птицы. Сова быстро взмахнула крыльями, заметалась из стороны в сторону. Таволга сосредоточилась и восстановила связь.

Скольжение внезапно преломилось: сова принялась падать. Перья на концах крыльев разошлись веером, держа направление. Затем она сделала упругий взмах. Снижение закончилось, и сова снова воспарила над двором монастыря.

Взгляд её цеплялся за фигуры, мечущиеся внизу.

Двое людей, — Овод, в рваном плаще, и какой-то обросший дед, — стремительно продвигались сквозь оседающий дым. Послышались крики разбойников, двигающихся им навстречу.

— Не уйдёшь, выродок!

Овод не остановился. Тенью метнулся сквозь дым по направлению разбойников. Раздались глухие удары, чей-то вопль и треск ломаемых костей. Считанные мгновения, и разбойники полегли один за другим.

Таволга обратила внимание, что Овод не использовал знаки. Прорубал себе путь топором и щитом, не сдерживаясь, со звериной угрюмой решимостью.

Когда Овод успел таким стать? Таволга была поражена, чувства вновь потревожили связь между телами человека и птицы. Она ведь помнила его не таким.

Сколько же лет прошло с того дня?..

Нет. Овод не был чудовищем, не таким, как хладнокровный Векша. В её памяти Овод всё ещё оставался нежным юношей, багровеющим от её дерзких предложений привнести в их любовные утехи щепотку смелых новшеств.

Как же обманчива память.

— Что здесь происходит?! — гремели голоса внизу.

— На нас напали!

Таволга увидела, как атаман, — коренастый бородатый мужчина в шубе, подпоясанной красным поясом, — полоснул саблей воздух.

Атаман вместе со своими людьми находились за повозкой, используя её, как временную крепость.

— Стреляй! — бушевал атаман. — Стреляй!

В облако дыма, где находился Овод, устремились стрелы. Таволга, — нет, птица, с чьим разумом она была связана, — издала истошный крик.

Прежде чем лучники успели совершить второй обстрел, из облака по направлению повозки вылетел крохотный предмет. Таволга не успела разглядеть, что это было, но стоило предмету удариться о край повозки, как раздался взрыв, и телегу охватило рыжим пламенем.

Таволга вспомнила слова Векши об огневом зелье. Стало быть, Овод как-то связан с похищением Грозового Узла? Но почему тогда он сражался против Камышовых Котов?

Что здесь вообще происходило?!

Хозяин будет в ярости. Не пощадит никого, никого… в особенности её саму.

Ещё один предмет взмыл в воздух. Таволга опустилась ниже и смогла различить глиняную бутыль. Бутыль разбилась оземь, и пространство вокруг лучников заволокло смрадным дымом.

Овод ринулся в наступление. Вновь послышались горестные вопли, звон стали и скрежет ударов о дерево.

Таволга отвела взгляд в сторону. На противоположной стороне двора, возле ворот, Векша почти успел расправиться с разбойниками, осмелевшими бросить ему вывоз. Теперь полукровок был весь измаран чужой кровью. Ловок и, жаль, но, как всегда, обделён должным везением.

Кто-то из монахов колотил в сигнальный колокол. Его грохот волнами ложился поверх побоища. Таволга чуть с ума не сошла и с трудом поборола желание уйти повыше в небо.

И тогда Таволга увидела ещё одну фигурку, пытающуюся открыть калитку в главных воротах. Ну конечно! Та темноволосая женщина, которая была вместе с Оводом. Что она делала? Неужели пыталась просто сбежать?

Таволга развернулась и пошла на второй круг.

Старик, который сопровождал Овода, таился позади него. Прятался за углом и был занят тем, что судорожно…

Таволга думала, больше её ничем не удивить. Она ошиблась. Старик держал в руке ничто иное, как мушкет! Нечто, очень походящее на него. Таволга определённо не разбиралась в стрелковом оружии, но узнать «огнестрел» была ещё способна.

Сова едва не врезалась в церковный шпиль.

— Готовься выпустить в помои кишки, ублюдок! — взревел атаман, принимая из рук ватажника щит.

Овод пошёл в бой первым, пружиня шаг. Атаман принялся уходить от него по дуге, а затем нанёс первый удар, целясь в руку. Овод выставил щит. Сабля скользнула по коже и железу, ушла в сторону.

Таволга увидела, как в этот момент один из лучников прицелился.

Овод ответил атаману толчком щита. Атаман отскочил назад.

Ветер рванул перья. Таволга издала свирепый крик и, выставив когти, обрушилась на голову лучника. Когти вонзились в плоть. Лучник завизжал, подобно жалкой мыши в момент гибели.

Таволга ударила его клювом в глаз, зашипела, а затем хлопнула крыльями и снова взмыла в воздух.

— Тварь сверху! — раздался чей-то сиплый голос. — Стреляй! Сбей ей! Сбей эту суку!

Птица устремлялась вверх. Зрачки сузились, и мир стал до боли чётким. Белёсое солнце висело совсем низко, объятое серебристым ореолом, от которого по всему небу разливался свет. И мир вокруг из-за этого казался обесцвеченным, словно старая фотография на солнце…

Фотография. Как же давно она не вспоминала этого слова!

Прежде чем ледяной наконечник стрелы разорвал крыло, войдя мягко, как нож в податливую кору, Таволга успела выудить из памяти отчётливое воспоминание.

Она словно воочию узрела перед собой увесистый альбом. И фотографию, снятую на цветную негативную плёнку.

И надпись карандашом: «Кристина (7 лет) и бабушка Илзе, г. Рига».

Эпизод 8. Разными дорогами

Собака захлёбывалась лаем, бряцая цепью.

Векша грязно выругался.

— И что вы теперь предлагаете мне делать, а?

Никто не ответил. Убиенные ватажники лежали, обнимая мёрзлую землю. Кровь пятнала тропу.

Векша покосился в сторону. Вражбит, — как ни странно, а это был именно он, — схлестнулся в поединке с атаманом.

Откуда ни возьмись с неба рухнула серо-бурая птица. Она раскровенила одному из лучников лицо и взмыла прочь.

Векша цыкнул. В груди заворочалась обида на Таволгу. С чего ей было помогать этому треклятому вражбиту, когда он сам, между прочим, нуждался в подмоге?

— Да посрать! — огрызнулся Векша и быстрым шагом устремился вон.

Ещё было не поздно свалить всю вину на вражбита. Мол, это он явился сюда непонятно откуда и похерил всю затею Хозяина.

Векша обернулся, вспомнив о соларийке. Та пряталась в караульной нише, поджидая, пока дающие дёру ватажники отопрут ворота.

Раздался глухой удар откинутого бруса. Ворота поползли в разные стороны. Кто-то вырвался верхом: лошадь заартачилась, затем пошла рысью. Следом, спотыкаясь и теряя на бегу шапки, бросились пешие.

Векша ядовито сплюнул в снег. Нет, соларийкой он займётся позднее. Сейчас было необходимо сделать всё, чтобы хоть на пядь выползти из сомкнувшейся на нём жопы.

Вражбит поверг атамана ударом обуха в висок. Атаман осел, щит выпал на рыхлый снег. Наступило затишье. Вражбит остался стоять над поверженным атаманом, тяжело дыша. Видимо, победа не принесла ему ни радости, ни облегчения. Лишь мимолётная тень сожаления накрыла его размашистым крылом из-за спины, прежде чем сделать взмах и раствориться в воздухе.

Векша приблизился.

— Остынь, — резко ответил он на движение вражбита. — Я не собираюсь с тобой елдаками мериться.

Вражбит отмёл своё удивление.

— Неужели ты?..

— Не упырь, — с раздражением оборвал его Векша, подбоченившись. — И не смей меня так называть, иначе нам всё же придётся помять друг другу бока. Учти, сдерживаться я не собираюсь.

— Ты альв?

Векша вздрогнул, как от пощёчины.

— О, так тебе известно, как выглядят альвы? — он с напускным равнодушием кивнул. — Любопытная же у тебя была жизнь.

— Ты был знаком… с Хворью?

— Чего? Какая ещё хворь? Слушай, приятель, мне некогда. И тебе, полагаю, тоже стоит топать отсюда, да поскорее, пока кто-нибудь не угнал твою лошадь. И да, к слову сказать… твоя вдовушка только что выбежала за ворота. Если она тебе ещё нужна, то поторапливайся. Зима нынче злая, волки всё чаще суются выползти из леса. Сам понимаешь. Да и ты, как погляжу… вот-вот кончишься.

Вражбит с готовностью выставил перед собой щит, будто Векша учуял его уязвимое место.

— Я же сказал, — с нажимом повторил Векша, — что тороплюсь. Ступай, дурень. И давай больше никогда не пересекаться, устроит?

Вражбит стоял, прижимая локоть к боку. Он был ранен, и, насколько мог судить Векша, довольно серьёзно.

— Устроит, — насилу изрёк вражбит.

— Тогда бывай, — Векша махнул и пошёл прочь.

Он едва замедлил шаг возле тела разрубленных останков совы. Повсюду пестрели перья, их вяло размётывал ветер.

Векша шмыгнул носом. Он был уверен, что Таволга успела разорвать связь с птицей, и была жива. Но птицу было сильно жалко. Совы ему нравились.

Затаившиеся по углам насельники монастыря даже не думали преграждать дорогу. Лишь единожды какой-то веснушчатый юнец попытался выплеснуть на Векшу освящённую воду из ведра, но тут же получил по башке поленом.

Гробовщика он отыскал в молельне, прячущимся за алтарём. Завидев приблизившегося «страшилу», Гробовщик затрясся от ужаса и принялся обороняться факелом.

— Прочь! Изыди!

— Остынь, — Векша потёр тыльной стороной ладони взмокший лоб. — Мне просто нужны ключи от подземелья.

— Ч-что?..

— Клю-чи.

— На кой ляд тебе ключи?

— Хочу запереть себя во благо человечества.

— Что, правда?..

— Гробовщик, мать твою, не испытывай моё терпение.

— Что ж… — Гробовщик, немного успокоившись, снял с пояса бряцающую связку и положил на алтарь. — Забирай. Не сказать, чтобы они мне было сильно нужны. Векша, а ты… как это с тобой такое стало? М?

Векша оглядел на себе измаранную одежду.

— Да, баня бы мне не помешала… но сейчас как-то некогда.

— Да я ж не об этом. Кто тебя в упыря-то обратил? Или ты таким всегда был, а скрывал? Жница божья! Первый раз такую херню в глаза зрею!

Векша помолчал, взвешивая ответ. Гробовщик, к его удивлению, вдруг сделался спокойнее, перестал трястись и теперь с ребячливым любопытством таращился на его когтистые руки.

— Я. Не. Упырь.

— А кто же тогда? Коровка-богомолка?

Векша неожиданно для самого себя прыснул со смеха. Эх, старый добрый Гробовщик!

— Тебе приходилось слыхать об альвах?

— Альвах? — Гробовщик старательно наморщился, шевеля мозгами. — Ясен пень!

— Ну и что тебе о них известно?

Гробовщик судорожно сглотнул.

— Ну, что это некий народ, существующий между миром людей и миром мёртвых. Живут они в курганах, пряча в них своё проклятое золото. Могут похищать детей, подменяя их подменышами. При должном уважении могут и облагодетельствовать, но… чаще гневаются и насылают на людей жуткие проклятия. Стало быть, ты?..

— Ну-ну, не делай такое лицо! Я альв только наполовину. Наполовину человек, наполовину существо, которое лучше не гневить. Вот только золота от папаши-урода мне не доста-

лось, увы. Быть может, это всего лишь выдумка. Про золото. Иначе бы мне должно было что-то достаться.

— Хм, — Гробовщик учтиво кивнул. — Действительно прискорбно. И за тебя, и за твою матушку. Тяжело ей, верно, пришлось, растить такое чудо. Ты меня, молодой, прости. Но выглядишь ты хуже, чем говно из-под снега.

— А от тебя несёт мочой.

— Ну это хотя бы дело поправимое, да и не удивительно! Ты как сюда вошёл, я тут же и обоссался со страху. Вон, поглядись в наполированную утварь. Поди у самого по ляхам потечёт.

Векша горестно вздохнул, взвесил в ладони связку ключей.

— И чего я тут с тобой лясы точу? Бывай, Гробовщик!

— Бывай… — Гробовщик осенил себя обережным знамением.

Векша вышел из молельни.

Ветер завывал возле распахнутых дверей, ведущих в трапезную. Векша прошёл мимо и свернул к поварням. Поджарый дворовый кот, завидев его, изогнулся дугой и издал воинственное шипение. Векша ответил ему похожим звуком, и зверёк прыснул наутёк.

Когда Векша спустился в подземелье, освещая себе дорогу подожжённым факелом, то его внимание привлекла взломанная дверь.

Любопытно, как вражбиту удалось выбраться? Вероятно, елдаком знак вражбицкий чертил, не иначе.

Векша вошёл на склад да так и застыл. Чутьё подсказывало, что сейчас его ждал очередной кот в мешке. Всюду были разбросаны следы чьего-то грабительского пребывания.

Ощущая тревогу, Векша отыскал нужный сундук и с облегчением выдохнул. Печать была цела.

Векша вскрыл её и заглянул внутрь. Опустил факел, вглядываясь в ворох тряпья.

Сердце пропустило удар. Векша окунул руку вглубь и принялся яростно шарить из стороны в сторону.

— Давай же… — распаляясь, заурчал он. — Ну?!

Но сундук предательски оставался пуст.

***

Из груди вырывается хриплое дыхание, застывает облаком пара, окутывающим лицо.

Сбавляю бег.

Скит скрылся за холмом и чередой голых, залепленных снегом деревьев. Над головой переплетаются тёмные ветки, и с них время от времени перепархивают птицы, пугая шорохами и хрустом коры.

Перехожу на неуклюжий шаг. Сердце стучит так рьяно, что я вот-вот потеряю сознание.

Обмёрзшие пальцы сжимают включённым экран телефона. Но значка связи по-прежнему нет. Лезу свободной рукой в карман за шапкой. Шапки там нет тоже. Наверное, я потеряла её, когда пыталась выбраться на волю.

Поднявшийся ветер шевелит мачтовые стволы сосен. Со всех сторон поднимается жуткий вой, перемешиваемый стонами деревьев. Кручусь на месте, лихорадочно всматриваясь вдаль.

Мне всё ещё кажется, что тот мужчина… нет, тот жуткий урод с чёрными глазами и когтистой лапой всё ещё мчит по моему следу.

Сработавший перцовый баллончик придаёт уверенности, и я хватаю его, с готовностью подкладывая палец под крышку.

Лишь бы этот урод не спрыгнул на меня с дерева, как какой-нибудь киношный ниндзя!

Даже не замечаю, что дышу хрипло, с трудом. И вовсе не от долгого бега, а от бешеного адреналина.

Неожиданно я слышу снежный хруст и ржущий хрип. Из-за холма показывается серая кобылка. Вслед за ней гнедая, с подпалиной на морде.

Всадники приближаются, и я узнаю в одном из них Лже-Илью.

Бежать бессмысленно, и я напряжённо жду, пока всадники подъедут. Но внезапно Лже-Илья кренится вбок и выскальзывает из седла, окунаясь головой в сугроб. Второй всадник натягивает поводья, кричит: «Тпру-у!».

Лже-Илья не двигается. Старик спешивается с гнедой лошади и с глухой руганью устремляется к выпавшему на подмогу. Я тоже приближаюсь, колени мои стыдливо дрожат.

— Эй? — тихо выдавливаю. — В чём дело?

Старик переворачивает Лже-Илью, и я вижу следы крови, въедающиеся в снег. Время замедляет темп. Я перевожу взгляд на Лже-Илью, на его бледное лицо и полузакрытые глаза. Одежда на груди и вся левая рука тёмные от набежавшей крови.

Старик сдирает с себя плащ, комкает и начинает втискивать его Лже-Илье в подмышку. Затем бросает строгий взгляд на меня и решительно просит что-то подать.

— Я не… не понимаю.

Внезапно лицо старика искажается от удивления.

— To snad není pravda!

— Правда?

— Русская?

Ошеломлённо молчу, старательно вынуждая свой мозг работать.

— Русская? — угрожающе повторяет старик.

— Да…

— Sakra! Москва и сюда добраться!

— Я не из Москвы…

— Я учить русский в школа, — он указывает рукой на Лже-Илью. — Pojď sem! Tlač sem, tlač! Иди. Иди, помощь! Musíme zastavit tu krev! Кровь. Кровь, понимать?

— П-понимаю…

Падаю коленями в снег. Старик кладёт мои руки поверх плаща и показывает давить сверху. В нос ударяет густой запах крови, в голове мутится.

Старик что-то бормочет, ворошась рядом на снегу. Достаёт ремень, начинает вязать Лже-Илье руку. Но мир перед моими глазами полыхает цветными кругами, и в этих всполохах я пытаюсь просто не потерять из виду его лицо.

Лицо Ильи.

Срываюсь и начинаю реветь.

— Přestaň řvát! — пыхтит старик.

— Илья…

Сжимаю побелевшие от холода пальцы.

— Илья, пожалуйста… — второй рукой касаюсь его воротника, склоняюсь ближе. — Даже если это сон… я не хочу, пожалуйста. Открой глаза. Ты не можешь… снова умереть. По-настоящему.

Старик дёргает меня за руку, но я не слышу. Непослушные пальцы скользят по лицу Ильи. Оглаживаю его бровь, касаюсь виска.

— Ты не можешь… не бросай меня. Не бросай меня вот так. Не бросай меня снова. Я не выдержу.

Теперь, когда с лица его схлынуло напряжение, а взгляд скрыт, я чётко вижу и узнаю перед собой Илью. Именно таким я его помнила. Именно таким.

Кажется, мои настойчивые попытки смять ему голову не проходят впустую. Лже-Илья морщится, будто мои стенания будят его ранним утром на работу.

— Илья!

Лже-Илья размыкает веки, его подслеповатый взгляд скользит из стороны в сторону.

— Ох-х… — хрипит он и пытается пошевелить рукой.

Старик что-то бормочет. Лже-Илья согласно кивает. Затем переводит взгляд на меня и, к моему удивлению, начинает задумчиво разглядывать моё лицо вблизи.

— Дурак! — торопливо вытираю слёзы. — Я не… я не разрешала тебе умирать снова. Ты понял меня? Ударить бы тебя как следует!

Нашариваю его ладонь и крепко сжимаю, старательно изображая сосредоточение.

— Держись. Не вздумай помирать. Не прощу. Ни за что не прощу.

Лже-Илья пытается высвободить руку, но я держу слишком крепко. Тогда он смиренно вздыхает и просит о чём-то старика. Старик убирает из-под его руки плащ. Раздвинув куски взмокшей, прилипшей к телу ткани одежд, старик вновь что-то досадливо бормочет.

Лже-Илья сгибает свободную руку и касается пальцем раны. А затем — затем чертит им странный символ. Сгустки крови на мгновение вспыхивают изнутри блеклым свечением, и сразу начинают пузыриться.

Я ойкаю от боли. Лже-Илья сжимает мою ладонь своей так, будто способен переломать мне пальцы. Теперь-то я понимаю, почему он хотел, чтобы я отпустила.

Мда, сама напросилась.

Чувствую запах палёной плоти.

— Это… — с трудом подбирая слова чужого, давно забытого языка, произносит старик. — Сила. Они брать сила мира. И сила использовать.

— Сила… — вспоминаю облик того урода в кладовке, его когти на руках, его глаза. — Колдовство?

Когда «колдовство» перестаёт опалять рану, Лже-Илья немного успокаивается, обмякает. Просит дать ему немного передышки, прежде чем попытаться взобраться в седло.

— Нам нужно вызвать скорую, — порывисто встаю. — Вы знаете, где можно поймать связь? У вас есть с собой телефон?

Старик косится на меня, как на сумасшедшую:

— Телефон?!

Достаю сотовый и снова пытаюсь поймать связь.

— Что это? — старик с опаской таращится на мой гаджет.

— Что? Теле… — я осекаюсь. — Простите, а как вас зовут? Вы вообще кто?

— Ян Новак. Чехословакия. Звать просто Хонза — можно.

Ослабевшие пальцы выпускают телефон. К счастью, он приземляется в мягкий снег.

— Чехословакия?

— Да.

Нет, мой кошмар не закончился.

— Вы ведь… вы ведь знаете, что Чехословакия официально распалась?

Хонза скептически разглядывает мою куртку.

— Распалась? Извини, soudružka. Плохо понимать. Я быть здесь třicet tři года.

Перевожу взгляд на Лже-Илью. Кажется, он успел вновь потерять сознание. Мне хочется рухнуть рядом с ним. Я пытаюсь это сделать, очень старательно пытаюсь.

Но у меня всё же не выходит.

***

— Ты спала с ним?

Овод ощущал себя ползущим по снегу. Истекающим кровью от скверной раны, в темноте, пытающимся из последних сил отыскать свет.

— Спала, — Таволга отвела взгляд.

Овод ждал, что пол под их ногами треснет. Но ничего не происходило — снаружи. Так же потрескивала лучина на столе. Тяжеловесные ряды книгохранилища хранили гробовое молчание.

В сухом воздухе витала пыль, оседая в лёгких. Под потолком ползали тени.

Овод не двигался. Так и стоял перед полками, держа книгу.

Что следовало делать в таких обстоятельствах? Кричать, обзывать любовь всей его жизни дешёвой потаскухой? Скидывать книги на пол или?..

Овод не знал.

Хворь не научила. За все те года, пока они странствовали вместе, и словом не обмолвилась, что подобное могло произойти в его жизни. Но ныне наставница была мертва. И ему предстояло продолжать свой путь вслепую.

— Можешь ударить меня… — голос Таволги дрожал, переходя в жалобный скулёж. — Бей, я не стану противиться.

— Думаешь, от этого мне станет легче? — Овод заставил себя взглянуть Таволге в лицо.

Сейчас её бледное лицо с голубовато-серыми глазами, мокрыми от слёз, не вызывало в нём ничего, кроме чувства отвращения.

Как же быстро… как же быстро в нём вымерло то, что он считал любовью. А может, он и вовсе ошибся? И любви той никогда и не существовало?

Таволга в отчаянии прижала руки к груди; пальцы её скользнули по стоячему воротнику дорого наряда, словно она пыталась сдёрнуть с себя ошейник.

— Если это хоть как-то… поможет тебе простить меня.

— Простить? — он обернулся. — С чего ты решила, что я окажусь в состоянии?..

Таволга спрятала лицо в ладонях.

— Что же я наделала, Овод?

— Не знаю. Ты мне скажи.

Она свирепо сорвала с себя бусы из лазоревого камня. Подарок новообретённого хозяина. Хозяина, купившего её тело и душу богатыми нарядами и редкими драгоценностями.

Нить порвалась, и бусины рассыпались по полу.

Продала его за дорогие цацки? Нет, дело было в другом. Овод счёл себя глупцом за то, что не предал своему чутью значения раньше.

Таволге здесь было самое место. Среди чужого богатства, лжи и поиска знаний, что шли наперекор всякой совести.

— Я… я сделаю всё, что захочешь, — она кинулась к нему. — Давай сбежим отсюда. Уйдём, как ты и хотел! Я была не права. Нам здесь не место. Овод? Взгляни же на меня, прошу. Нет, не отворачивайся… скажи же хоть что-нибудь!

Овод сдержанно поставил книгу обратно на полку. Взгляд его замер на своей подрагивающей руке.

Неужели снова? Нет. Не любовь, не злость туманили мысли. А скверная, незыблемая жалость к себе. Абсолютная беспомощность.

Беспомощность за то, что он ничего не мог изменить.

— Мне нужно побыть одному.

— Нет, стой! — она схватила его за рукав. — Поговори со мной. Поговори сейчас!

Он мягко снял её руку со своего предплечья.

Нет, у него и в мыслях не было делать ей больно. Они прожили бок о бок много лет; он любил её, по-настоящему, и берёг, как умел.

Разве можно сейчас, в порыве агонии, оттолкнуть её резким движением? Рука на такое не поднимется. И без того по глазам её можно прочесть, как она истязает себя виной до полуобморока.

— Не ходи за мной, Таволга.

Нет, виноватых здесь не было. Всего лишь пришла пора расходиться каждому своей дорогой.

Эпизод 9. Бобровый хвост

Наказная грамота, данная городовому воеводе и скреплённая печатью наместника

В связи с участившимися грабежами на Черноборской стороне и нападениями на проезжих людей, предписано усилить патрули по большаку и вести запись каждого объезда.

Сечень месяц, день пятый.
Зима 243 пред Исходом Великого Счёта
(Записи со сторожевого объезда по Черноборскому большаку)

Сия запись составлена писцом городского приказа Баламутом по речам головного дозорщика сторожевого разъезда Сбыслава Ульфовича.

В обозначенный день отряд выехал от городских ворот на дорогу Черноборского большака до Лиховской заставы у брода и осмотра окольных лесов. Разъезд следовал установленным порядком.

По мере продвижения оглядывали дороги, просеки и перелески, проверяли санный след и конный, а также пешие вблизи бродов и спуски с большака.

Встречных расспрашивали о цели следования и направлении движения. Подозрительные примечались по внешнему виду и составу.

К исходу дня вблизи просеки из леса навстречу дозору вышли люди. Они просили у дозора помощи. С ними имелся раненый.

Среди людей тех был мужчина, представившийся чужеземным торговцем. По виду около пятидесяти лет. Внешность: седые волосы до плеч, осунувшееся лицо. Ветхая одежда и плащ среднего городского достатка, по ткани и шитью не сходящийся с прочим нарядом.

Вместе с ним шла женщина, по возрасту между двадцатью и тридцатью, представленная как его дочь. Речи ирийской не разумеет, отвечала через отца. Одежда чужеземная: носила портки. Сочтено за знак иноземства.

С ними числился и муж указанной женщины — раненый. Рана, по словам торговца, получена «от лихих людей на дороге». Состояние пострадавшего — слабое, однако речь внятная.

По всем приметам люди оные показались дозору подозрительными, однако доказательств вины не имелось; их сопроводили под охраной к городу…

***

Векша смял пергамент и швырнул его писарю в лицо.

— Ну и где их искать?! — залаял он и ударил ладонью по столу, да так сильно, что перевернулась чернильница.

Сутулый писарь затрясся, вскинул руки с обгрызенными ногтями в жалкой попытке защитить свою голову с редеющими на макушке волосами. Сальные пряди липли к его вспотевшим вискам.

— Я не… я не знаю! — писарь втянул шею в плечи и сощурил подслеповатые глаза, будто старательно пытаясь разобрать мелкий почерк.

Векша склонился над столом, вгоняя писаря в приступ одним своим немигающим взглядом.

Лицо Векши закрывала кожаная скоморошья маска, морщинистая до отвращения. У маски были полулунные прорези глаз и серповидная улыбка с зубами, вырезанными в виде звериной челюсти.

Векша выкрал маску накануне у странствующей труппы.

— Так узнай.

— Д-да… умоляю, сейчас, — писарь принялся рыться в стопке книг и караульных записей. — Должно быть где-то здесь… должно…

Векша не шевелился, обратившись в глыбу. Его тело было напряжено, он был готов зашипеть и рывком напасть на писаря, чтобы отгрызть ему нос.

— В-вот… — писарь протянул раскрытую книжицу. — Здесь сказано…

— Дай сюда.

Векша вырвал книжицу и быстро пробежал взглядом по строкам.

После того как дозорные доставили торговца с его родными в город, их расспросили в сторожевой башне. Выяснив подробности разбойничьего нападения и, убедившись, что опасности чужеземцы не несут, было принято решение их отпустить, велев отметиться у стражи, если вздумают уйти из города. А также дать знать, где обоснуются в ближайшие дни…

— Корчма «Бобровый хвост», — с укором прочёл Векша вслух. — Значит, вот где они засели. Как мне туда пройти?

— Это в посаде, за стеной, — писарь округлёнными глазами наблюдал за тем, как Векша жжёт записи.

Покончив с делом, Векша приблизился к открытой ставне и высунулся наружу, проверяя стражу у ворот. Затем поставил ногу на подоконник, но вдруг опомнился и обернулся, глядя на писаря с показной строгостью:

— Ты ведь не забыл наш уговор? — недвусмысленно протянул Векша.

— Д-да… то есть, н-нет, господин. Клянусь, я буду нем как рыба!

— Вот и славно. Не люблю ходить туда-сюда, понимаешь?

— Д-да, разумеется…

— Ну, бывай.

Векша схватился за верёвку, свисающую с крыши, и перекинул своё тело через подоконник.

***

— Ложка, — кладу прибор на стол. — И… эм-м… Чашка?

Овод дожёвывает кусок отварного мяса, который он снял зубами с ножа.

— Нет, это тарелка, — спокойно поправляет он. — Чашка — это чашка.

— Блять, — заправляю волосы за ухо нервным жестом. — А это, разве не тарелка?!

— Это ковш.

Закрываю лицо руками, выставив локти в край стола. Пережидаю пару мучительных секунд, борясь с клокочущей в груди яростью.

Не то чтобы язык этого мира, вернее, — «княжества», — мерзок. Просто мозг мой противится осознанию, что я вынуждена находиться там, где не желаю.

Однако другого выхода я не вижу. Надо учить язык и интегрироваться, иначе мне просто-напросто не выжить. Мучить чеха и дальше чересчур совестно.

Поскольку моя зрительная память работает лучше, чем запоминание на слух, дело двигается со скоростью контуженной черепахи.

С горем пополам выучила фразы: «Добрый день», «спасибо», «пожалуйста», «сколько стоит» ну и коронную: «плохо говорю по-ирийски, спросите моего мужа или отца». Прикрываться подставными родственниками было гораздо безопаснее, чем говорить правду.

И вот я делаю глубокий вдох и выдох. Отнимаю руки от лица и горестно гляжу на Овода. Вражбит сидит напротив и ест. Почуяв мой взгляд, он отвлекается от тарелки.

Сидим какое-то время молча, не прерывая зрительного контакта.

За эти два дня Овод успел немного прийти в себя после ранения.

В первый наш вечер пребывания в «Бобровом Хвосте», пока Овод валялся на лавке, набираясь сил под попоной, пропахшей навозом и конским потом, он принимал непосредственное участие в нашем разговоре с Хонзой.

Не церемонясь, чех изложил мне всю патовость ситуации.

В «оном мире» существовали некие «альвы». Древняя цивилизация, изобревшая колдовские устройства для перемещения. Но «альвы» вымерли, а устройства «вышли из строя», породив неконтролируемую аномалию. Эта аномалия и являлась виновницей того, что людей из другого мира засасывало сюда.

Однако на мои вопросы, чем именно руководствуется эта стервозная аномалия, а Овод так похож на Илью, Хонза лишь пожал плечами.

Чех провёл в этом мире тридцать три года, по крупицам собирая всевозможные знания, но многое по-прежнему оставалось для него загадкой. Справиться в одиночку с подобными раскопками прошлого, да ещё и в чужом мире, в эпоху средневековья, было и вправду гигантской задачей.

— Как же… как же вы здесь выжили? — я слепо глядела на горящую лучину, вдетую в железный светец на столе.

— Počkej, uvidíš, — без улыбки отвечал Хонза, затягиваясь сигаретой из моей пачки.

— Вы отыскали способ вернуться?

— И да, и нет. Naděje mě opustila. Я решил se vrátit k té staré věži. В начало, чтобы искать и находить ответ.

— К старой… вежи?

Хонза поднял одну руку вертикально вверх.

— Башня! — отгадала я. — Так вы тоже переместились к ней?

— Да, а как нет? Башня есть mechanismus.

Хонза выглядел измученным, поэтому понимать его становилось всё тяжелее.

Должно быть, новость, что время в родном мире действительно продолжало свой ход, выбила чеха из колеи.

Я попыталась вручить Хонзе последнюю сигарету, но он только покачал головой:

— Poslední cigáro přináší smůlu.

Овод на своём месте зашевелился, чем привлёк наше внимание. Он вполголоса спросил о чём-то Хонзу. Тот сделал затяжку, нахмурился сильнее прежнего. Затем они обменялись несколькими репликами, и Хонза вяло перевёл мне следующее:

— Zdá se... Твой приятель говорит, он знать… знал живого альва.

— Можно поподробнее? — напряглась я.

— Кто есть… кто был твой Илья?

Мой Илья. Как же странно это звучало в этой театральной обстановке.

Я достала из кармана сотовый телефон, открыла галерею с фотографиями. Хонза встал из-за стола и приблизился ко мне, с любопытством и опаской поглядывая на мой гаджет.

— Телефон. Можно?

Я кивнула и показала ему фотографию. Хонза осторожно, боясь обжечься, двумя руками принял гаджет и выпрямился.

— Bože! — выдохнул он.

— Это фотография.

— Ano, фотография… помнить, — лица его коснулась тень затаённой ревности, — но я много пропустить.

Хонза показал телефон Оводу. Я специально отвернулась, чтобы не видеть выражения его лица.

Овод долго молчал, наконец сказал что-то наподобие:

— «Ясно».

Хонза вернул мне телефон. Экран померк, скрыв селфи, где я смущённо смеюсь, а Илья прижимался сверху к моей голове подбородком, влезая в кадр без приглашения.

Фотография была сделана на дне рождения одного из наших общих друзей в боулинге. Я сидела на диванчике, а Илья подошёл сзади и наклонился, влезая в кадр.

Последняя наша совместная фотография. Мы ведь даже съехаться на одну квартиру не успели…

Я смахнула краем рукава слёзы и покосилась на Овода. Тот о чём-то старательно размышлял, посматривая на потолок.

Мне почему-то стало обидно, что он отреагировал так холодно.

Хотя, чего я ожидала? Что он вскочит и, перебарывая боль, ринется припадать к моим ногам? Обольётся слезами и скажет, что он тот Илья, которого я знала? Что ему просто отшибло память, и теперь он меня вспомнил?

Я встретилась взглядом с Хонзой.

— Он точно не Илья? — я огласила вопрос в сотый раз, в надежде на чудо.

Мне ответил Овод. Правда, я не поняла его слов, и мне пришлось ждать разъяснения от Хонзы.

— Нет, он не есть Илья. Разный человек. Ale to může být spojeno. Нельзя узнать. Альвы умерли. Nemám koho спросить. Понимаешь?

— Но вы же сами сказали, что он знал какого-то там альва! Или я вас не понимаю? Повторите, пожалуйста.

— Živého альва встретить сейчас — velmi vzácné. Редко можно. Я сам viděl альва jen jednou. Шёл сам с экспедицией под землю. Там я узнавать много того, что говорить сейчас. Но тот альв umřel přímo přede мной.

Хонза помолчал, о чём-то обеспокоенно размышляя.

— Но может быть тот мужчина из klášter. Он может знать что-то. Он может сам альв или что-то srodné ему.

Я стиснула пальцы. Тот мужчина? Не про того ли урода говорил Хонза, которому достался спрей в харю?

Так вот как выглядят альвы. Чёрные глаза, звериные когти вместо ногтевых пластин.

Я почувствовала, как противно засосало под ложечкой. Всё равно что увидеть чужой труп, который не ожидаешь встретить. Однажды в детстве я испытывала подобное ощущение, когда шла в школу и увидела, как полиция ограждала место смерти какой-то женщины, выпавшей из окна.

— Твой друг, — Хонза старательно потёр закопчённый лоб, — Может некто… некто из его семья попадать в этот мир. Приносить детей. Могут ли быть příbuzní?

— Имеете в виду, что кто-то из его предков попал сюда?

Хонза кивнул.

Я скорбно помолчала. С родными Ильи мы были почти не знакомы. Но, кажется, его дед пропал без вести на фронте.

— Мне нужно выяснить наверняка, — я мотнула головой, распутывая неразбериху мыслей. — Это ведь всё между собой связано, да?

Я снова покосилась на Овода.

Из-за причёски, веса и одежды он выглядел в точности как Илья, но сильно измотанный. Хотя, если повспоминать, и сам Илья после рабочих дежурств выглядел старше своего возраста.

К тому же Илья рано поседел, так что сходство было вполне очевидным.

Если присмотреться внимательнее, разве что нос у Овода был чуть горбатым. Хотя, возможно, это просто потому, что когда-то он был сломан.

Раздеть бы этого самозванца, чтобы сверить родинки на теле. Хотя, сказать по правде, я совсем не помнила их расположения.

— Что такое «Галлу-Дар»? — спросила я у Хонзы время спустя.

По обрывкам разговора я вдруг заподозрила, что они сговариваются о чём-то втайне от меня.

— Эм-м… ничего такого, — Хонза квёло изобразил скуку. — Маленькое место в городе.

— М-м, — я сделала вид, что поверила. — Ясно.

Позже я спустилась в корчму и спросила о Галлу-Дар у хозяйки. Та лишь озадаченно поскребла затылок и покачала головой.

Значит, эти двое меня обманывали, и доверять нельзя было даже им! Подло. Но выводы я сделала.

И вот сейчас мы сидим с Оводом наедине в купленной на ночь коморке на втором этаже, доедая остатки обеда. Я пытаюсь не тратить времени впустую и пополняю словарный запас, Овод же, — вероятно, от несносной скуки, — развлекает меня своим участием.

Ну, разумеется, он не Илья. Илья бы ни за что не стал от меня ничего скрывать!

Решительно встаю из-за стола. Овод перестаёт жевать, пристально наблюдая за тем, что я собираюсь сделать. Подхожу к нему и кладу ладони ему на лицо, поворачиваю голову к себе.

Овод спокойно, хоть и чуть устало, повинуется. Ждёт, пока я закончу тщательно рассматривать его вблизи, как кочан капусты на рынке.

Глаза, линия бровей… пытаюсь воззвать в памяти, ведь фотографии часто искажают реальность. Возможно, Илья выглядел немного по-другому, и мне просто не удаётся это осознать.

— Цвет глаз, — бормочу себе под нос, склоняясь ближе. — Тут слишком темно, не понимаю…

Именно в таком положении нас застаёт Хонза: Овод, покорно сидящий неподвижно, свесив руки между коленями. И я — стоящая над ним и держащая его за лицо, словно собирающаяся силой наградить его французским поцелуем.

Будто? Да, меня и впрямь посещает мысль пойти на это, чтобы ощутить его вкус. Во мне всё ещё теплится страх, что он окажется… таким, каким я помню.

— Кхм… — Хонза прочищает горло, вклиниваясь между делом.

Отчего-то смутившись, поспешно отхожу в сторонку. Изображаю, будто занята, хотя просто перекладываю вещи с места на место. Мужчины собирают одежду и уходят в баню, оставив меня в угрюмом одиночестве.

По словам Хонзы, убегая из приюта, им удалось прихватить с собой немного краденых денег. Но, как бы там ни было, средства приходится экономить. Поэтому своё второе посещение купальни я решаю отложить на другое время, хотя мне ужасно хочется снова погреться в горячей воде. Ведь даже в коморке приходится кутаться во все слои одежды, чтобы хоть как-то сохранить тепло.

Достаю из пачки последнюю сигарету. Наверное, пришло время разделаться с ней и бросать эту дурную привычку вовсе.

Подношу огонёк к краю сигареты, но не успеваю сделать затяжку.

В дверь раздаётся учтивый стук. Молчу, с замирающим сердцем прислушиваясь. Нет, это явно не Овод или Хонза. Будь это кто-нибудь из них, он бы уже подал голос.

Жду, пока незваный гость отзовётся, но тот лишь продолжает стучать всё настойчивей. Встаю со скамьи, нервно делая ещё одну затяжку. Нашариваю в кармане перцовый баллончик.

Наконец, стук прекращается, но я не двигаюсь с места. На подобную уловку я не куплюсь. Стоит приоткрыть дверь, как тот, кто снаружи, может попытаться на меня напасть. В сложившихся обстоятельствах ждать можно чего угодно.

Твёрдо решаю, что пока не услышу знакомый голос, засова с двери не сниму. И точка.

Докуриваю до фильтра. За дверью по-прежнему тишина. Начинаю постепенно успокаиваться, вновь присаживаюсь на край скамьи. И тогда в ставни за моей спиной раздаётся резкий удар.

Вскакиваю с места. Молниеносно швыряю окурок в глиняную чашку, хватаю из кармана баллончик. Бегу к двери, снимаю засов… толкаю. Дверь не поддаётся. Бьюсь о неё плечом до тех пор, пока до меня не доходит — кто-то дальновидно забаррикадировал дверь с внешней стороны.

Доски ставен проламываются, разлетаются на пол вместе с выбитыми петлями. Распадается и деревянная рамка с примитивным мутным стеклопакетом из промасленной холстины.

В коморку врывается холодный порыв ветра, стелется по полу, вздымая пыль и солому.

Подмётки сапог с грохотом ударяются об пол. Ворвавшийся через окно человек выпрямляется, и сквозь прорези уродливой маски, налепленной на его лицо, я вижу шутливо прищуренные глаза.

— «Тук-тук», — благодушно выдыхает «урод из приюта», а затем его взгляд быстро делается грозным.

Точно «урод» по щелчку пальцев переосмысляет своё поведение и решает, что стоит переключить вежливость на суровую претензию.

***

Шельма вскинула руку, целясь из крохотного чёрного стаканца. Но Векша уже был научен горьким опытом. Прикрыв лицо, он метнулся в сторону, уходя от ядовитой струи, пущенной в воздух.

Ветер, бьющий из окна, сбил направление струи, метнув его девке обратно в голову. Девка вскрикнула, накрыла сгибом локтя глаза, защищаясь от ядовитого смрада. Векша порывисто приблизился, лаконичным ударом выбил из её руки «чёрный стаканец» и, не давая времени опомниться, толкнул к стене. Девка оцепенела, воздух с жалобным стоном вышел из её лёгких от удара о твердь.

Распаляясь в бешенстве, Векша прижал девку всем своим телом к стене: грудь к груди, бёдра к бёдрам. Схватил за запястья и вскинул их над её головой. Выставил одну ногу девке между ног, прижимая бедро к её промежности, не оставляя возможности для встречного удара коленом.

— Хватит испытывать на мне свои бирюльки, шельма, — сдавленно прорычал он, перехватывая её сведённые кисти одной рукой и поспешно шаря второй по одежде. — Что у тебя там ещё? Давай, выкладывай…

Векша жёстко охлопал её по бокам, забрался холодной ладонью под шерстяную рубаху, не без удивления обнаружив, что девка не носила исподней рубахи. Ладонь его скользнула по горячей гладкой коже.

Хладное прикосновение заставило соларийку опомниться. Она встряхнула головой, приходя в себя после удара об стену.

Векша выругался сквозь стиснутые зубы, придавил девку сильнее, не давай той возможности выскользнуть. Быстро обшарил её бёдра, смекалисто угадав расположение карманов. Швырнул на пол продолговатый, гладкий предмет, выглядящий, как письменная дощечка, залитая смолой.

Соларийка забилась пойманной щукой, заклацала зубами, будто намереваясь огрызть ему ухо.

Векша не смог сдержать раздражения. Ведь это, между прочим, он рассчитывал угрожать ей бешеным оскалом!

Он попытался накрыть её рот ладонью, пока доставал из кармана тряпку, но стерва вдруг впилась зубами в ребро ладони. Векша заливисто выругался.

Девка вывернулась, проскользив спиной вдоль стены, но тут же вскрикнула и упала, пойманная подножкой.

Торжествуя, Векша уселся ей на спину и поспешно запихнул в рот тряпку, завязав узлом на затылке. Пока девка артачилась и мычала, Векша сцепил её руки за спиной, обвязав верёвкой.

— Ты совсем сдурела?! — возмутился он. — Чтоб тебя волки драли! Больно!

Он тяжело вздохнул, будто наконец управившись с тяжёлой работой. Нажал рукой девке на хребет.

— Ни стыда, ни совести. Охренеть!

Он шутливо хлопнул девушку по ягодице, обтянутой плотной грубой тканью. Звук выдался смачным настолько, что Векша ненадолго замер, не сводя взгляда с дёрнувшейся от удара задницы.

Подобное Векша видывал впервые, чтобы такая ткань, да ещё и так плотно повторяла изгибы бёдер и промежности. Что это вообще? Ткань, кожа? Как это вообще было так чудно сшито?

От увиденного в паху сразу стало тесно.

Векша кощунственно усмехнулся и принялся от души хлестать ладонью девку по ягодице.

— Ну что, засранка? Думала, так просто можно людям в морду ядом бросаться? Ну погоди, такую порку тебе выдам. Твоя задница будет гореть ярче, чем если бы ты в праздничный костёр уселась голышом!

Девка завизжала, как резаная свинья.

— О! Ещё карман…

Векша запустил пальцы в карман, расположенный прямо на ягодице. Украдкой понадеявшись, что в нём окажется дырка. Но там оказался лишь какой-то предмет цвета калёного железа, размером с палец. Векша изучающе повертел предмет, пожал плечами и убрал к себе в поясную сумку.

Насилие над женщинами казалось Векше затеей паскудной. Да и какой смысл пытаться есть блюдо, которое норовит убежать с тарелки? Никакого наслаждения пищей. Однако сейчас Векша не мог не признать, что издевательства над этой девкой приносили ему неподдельное удовольствие.

Отчего-то даже захотелось цапнуть её за белую шею, чтобы почувствовать бьющуюся жилку.

— Будишь во мне всё худшее, змеюка ты подколодная! — он последний раз с силой ударил её по ягодице и наконец выпрямился.

Девка принялась неуклюже отползать, мыча без остановки. Но испуганной или зарёванной она вовсе не выглядела. Скорее злющей, как гадюка, вынутая из логова и брошенная в кусты. Это забавляло. Хотел бы Векша потешиться с ней ещё, но времени было в обрез.

Он принялся обыскивать вещи.

— Ну и что вы там спёрли? А?

Девка отползла к стене, перевернулась и уставилась на него исподлобья, сапно дыша. Вспыхнувший на её бледном лице румянец и растрёпанные тёмные волосы, пущай даже обрезанные, придавали ей горделиво-стервозный вид.

Обольстительности ей было не занимать.

— Чего молчишь? — Векша швырнул на неё попону. — Говори, куда вы дели… что вы там дели? Что лежало в сундуке?! А-а… По глазам вижу, что что-то да лежало. Как будто мне есть, когда с вами возиться! Последний раз говорю, прохиндейка ты эдакая. Куда. Вы. Дели. Краденое?!

Он стремительно перерыл всё, что находилось в четырёх стенах. Попытался отодрать половицы, но те сидели намертво. Стало быть, никаких потайных мест.

Что же оставалось? Ждать, пока вернутся мужики? Нет, слишком рискованно. Вражбит, хоть и раненый, всегда оставался вражбитом. Ещё и этот непонятный старик со своими взрывающимися побрякушками.

Векша смекалисто улыбнулся. Он сгрёб вещи старика в сумку, закрепил на себе. Перебрал найденные деньги. Затем траурно обернулся к соларийке.

— Пойдёшь со мной.

Девка враждебно прищурилась.

— Нет уж, давай в этот раз без пререканий, — он двинулся на неё с готовностью.

Соларийка принялась лягаться, как коза, противящаяся дойке. Да так стервозно, что сумела-таки попасть точным ударом ему под колено. Векша зашипел, сгибая ногу.

— Подстилка… вражбицкая. Ну всё. С меня хватит!

Он набросился на неё с мрачной решимостью. Прежде чем соларийка успела свернуться кольцом, пальцы его очертили на её ключице необходимый знак.

Эпизод 10. По кому звонит колокол

Ежели мясо иль брагу ты нищему клал,
— Каждую ночь, о каждую ночь и всегда, —
Пламя чистилища не опалит тебя,
И Господь примет твою душу.

Песня нищих (англ. Lyke-Wake Dirge,
букв.—«причитание во время бдения над мёртвым»)
— британская традиционная народная песня XIV века

Хонза поморщился, разминая пальцами костлявую ступню.

— Эх, годы… — сказал он будто самому себе.

Овод стянул рубаху, стиснув зубы. Пятно от прижжённой раны болезненно тянуло.

— Помощь нужна? — Хонза участливо покосился в его сторону.

— Справлюсь.

Хонза приоткрыл дверь. Из парилки пахнуло жаром.

— А это ты зачем притащил? — алхимик удивлённо вскинул брови.

Овод молчаливо шагнул в облако пара. Подошёл к нижней полке и сел, положив предмет, замотанный в ткань, рядом с собой.

В дальнем углу теплилась каменка. Над ней сгущался сизый дымок. Рядом стояли два чана: в одном — мутный кипяток, настоянный на травах, в другой — разбавленная вода.

— Поддам, — Хонза взялся за ковш. — Держись-ка.

Алхимик вылил ковш на камни. Каменка зашипела, пар ударил в лицо. Дышать стало тяжелей, воздух сделался густым, и теперь его приходилось проталкивать в себя силой.

Овод потянулся к деревянному вёдрышку со щёлоком. Смочил тряпицу, провёл по лицу и шее. Хонза поднялся, поставив босые ноги шире, чтобы не поскользнуться, и принялся протирать Оводу спину.

Овод было возмутился, но алхимик лишь покачал головой:

— Не ребёнок, знаю. Сиди смирно. Сам не достанешь, хоть тресни.

Овод плачевно вздохнул и закрыл глаза. По шее тонкими струйками текла вода, смешиваясь с потом.

Берёзовые листья зашуршали по мокрой коже, оставляя горячие полосы. Овод заставил себя расслабиться. Жар постепенно делал своё дело, растворяя тяжесть дороги и холода последних дней.

— Тебе приходилось слышать о Грозовых Узлах? — вскоре спросил Овод.

— Да, что-то подобное попадалось. Но я с интересом послушаю ещё раз.

— Грозовые Узлы, или шуд'урме, — изобретения альвов. Сами по себе не представляют ценности, но в связке с определёнными реликвиями, способны вызывать бури и грозы. Альвы использовали шуд'урме против змееподобных крылатых хищников, — виверн, — обитавших на этих землях сотни лет назад. Когда виверны были истреблены, Грозовые Узлы стали использоваться… в башнях.

Хонза присел рядом.

— Охо-хо…

Овод указал на предмет, замотанный в тряпку.

— Я нашёл его в приюте. В сундуке, защищённом вражбицкой печатью.

— Стало быть, с его помощью, можно управлять башнями?..

— Само по себе изобретение бесполезно. Просто кусок механизма. Есть одно место… Моя наставница называла его Хранилищем Забытых Знаний. Нам-уру'галь. Оно скрыто в сердце пещер Галлу-Дар.

— Так вот к чему были эти твои вопросы про эти проклятые пещеры…

— Думаю, мне стоит отнести туда этот найденный шуд'урме. Там ему будет безопаснее всего. Если хочешь попытать счастье, идём со мной. Поищешь там сведения о том, как попасть домой. Только учти: украдёшь его без должных знаний — толку не будет. Что скажешь? Я выкладываю тебе правду не из большой любви к откровенности. Просто понимаю, что без твоих железок и мозгов в этой дороге будет совсем туго.

В воздухе плавал запах трав зверобоя и можжевельника.

Алхимик опустил голову, прислушиваясь к потаённым мыслям. Затем сказал:

— Подставляй.

И принялся лить из ковша. Вода тяжёлыми струями ударила по загрубевшей коже рук. Струйки потянулись по полу в угол. Кровь, засохшая под ногтями, медленно отходила, смывалась в потемневшую воду.

— Зачем ты его в баню-то принёс?

— Его нельзя оставлять без присмотра.

— Ты не доверяешь Татьяне? Думаешь, она смогла бы что-то сделать с этим шуд'урме по неосторожности?

— Нет. Просто мало ли, кому она додумается открыть дверь, пока нас нет.

Овод принялся отскребать с тела грязь. Он уже и забыл, что у той девушки было имя. Для него она оставалась временной затеей, хоть его и тянуло узнать её получше.

Всякий раз, когда Татьяна смотрела на него, внутри пробуждался соблазн подыграть её расположению. Но это уже граничило бы с откровенной подлостью.

Он был не тем человеком, по кому она рвала сердце. И у него не была права на неё, как на женщину.

— Почему ты помог ей? Она ведь для тебя никто.

— Я выучился на вражбита, чтобы помогать людям. Считай, тешу своё самолюбие через помощь другим.

— Похвально-похвально. И всё же… девушка стала сиротой в этом мире. Глядя на неё, я вспоминаю дочь. Сейчас ей, наверное, столько же лет, сколько и Татьяне… Она заслуживает знать правду о том, что происходит.

— Мне жаль, что она оказалась оторвана от дома. Но не стоит забивать ей голову опасными знаниями и… напрасной надеждой. Мы оставим её в городе. Найдём работу, чтобы она смогла выживать самостоятельно. Это всё, чем мы можем сейчас помочь.

— Ладно, — вздохнул алхимик. — Звучит более чем разумно. Пожалуй, спорить не стану.

Вода стянула жар с мышц, оставив после себя лёгкую, тихую усталость.

— В чём дело? — Хонза недоумённо обернулся.

Овод встал, взяв под руку шуд'урме.

— Запах, — бросил он, давя кашель.

— Перетопил?..

На густой банный дух распаренного дерева и смолы наложился едкий, царапающий горло дым. Овод подошёл к двери, и в это мгновение за стеной глухо ухнуло. В парную протянулся тонкий язык сизого дыма.

— Горим, — выдохнул Овод.

Они выбежали в предбанник. Горячий пар хлынул в тесные сени. На лавке лежала оставленная одежда.

Хонза схватил рубаху, накинул на мокрое тело. Овод надел кафтан и, не завязывая, шагнул к наружной двери, проверил её плечом.

Дверь не открылась.

Овод толкнул сильнее.

— В чём дело? — хрипло отозвался Хонза, натягивая сапог без онучи.

— Нас заперли.

— Быть того не может!

Овод проверил дверь ещё раз. Что-то тяжёлое упиралось в неё снаружи, держало намертво.

— Очевидно, может.

С потолка сыпалась горячая пыль. Жар опускался по стенам вниз. В щели у косяка мелькнуло рыжее свечение. Огонь стремительно пожирал сруб.

Под потолком виднелась щель с доской, но через такую было не пролезть.

Овод быстро провёл пальцами по петлям, очерчивая вражбицкий знак.

— Ломаем! — гаркнул он, ударяя ногой в косяк рядом с засовом, где дерево начинало темнеть от жара.

Дым давил на грудь, резал глаза, выбивая слёзы. Пол под ногами стремительно разгорался. Они взяли лавку вместо тарана. Последовала череда ударов. Дверь глухо взвыла в петлях.

— Давай!

Когда древесина дала слабину, засов дёрнулся. Снаружи прорезались голоса.

— Люди! Сюда! Воды!

Кто-то распахнул дверь, и внутрь ворвался морозный воздух.

Овод и Хонза вслепую вывалились на свободу. Обожжённые, с копотью на лице, задыхающиеся от кашля, рухнули в снег.

Теперь они выглядели гораздо грязнее, чем прежде.

— Славно… попарились, — Хонза принялся втирать снег в лицо. От горячей кожи его вздымался пар.

— Проклятье… — Овод перевернулся на спину, жадно глотая воздух, который резал лёгкие больнее дыма. — Татьяна. Нам нужно… к ней. Пожар был нужен… чтобы отвлечь…

Овод закинул взгляд на объятую огнём крышу и грязно выругался. Затем заставил себя выпрямиться. Подбежавшие мужики принялись хватать его под руку, кутать в плащ. Но Овод бездумно оттолкнул их, опасаясь, что кто-нибудь из них попытается отнять шуд'урме.

Запахнув кафтан, Овод бросился в сторону корчмы, оставляя на снегу следы босых ног.

***

Небо довлело над городом свинцовым оползнем.

С недостроенного остова церкви, высившейся над посадом, открывался вид на окраины. Горожане медленно брели по скользким тропинкам, кутаясь в тяжёлые одежды от пронизывающего ветра.

День угасал, подобно чадящей лучине на исходе. Слизывая углы домов, подкрадывались хищные сумерки.

Со временем тьма подступила к церкви, вползая в оконные дыры, окутывая строительные леса, забитые косыми стропилами. Последние напоминали Векше рёбра исполинского зверя.

Снег забивался в щели между досками, налипал на них ледяной коркой, словно исполняя первобытный погребальный ритуал.

Стройка церкви замерла, как только ударили первые настоящие морозы. Вскоре после того скоропостижно умер и сам заказчик — некий купец, оставивший после себя троих сыновей, которые тут же вцепились друг в друга из-за наследства.

С тех пор каменная церковь оставалась всеми покинутой, и лишь ветер блуждал в её мёртвом нутре, комкая глухое завывание, поскрипывая замёрзшими клиньями и слегка раскачивая задубевшие от мороза верёвки.

Деревянные леса, уже полуразрушенные и местами растасканные, обросли плотным снегом.

Векша подтянул повыше край платка, обмотанного вокруг шеи, и продолжил рыскать взглядом по земле. К церкви нельзя было подступиться незамеченным, вокруг простиралось нетронутое снежное полотно.

Убедившись, что с этой стороны всё было спокойно, Векша отступил с открытой площадки внутрь своего промёрзшего логова.

Он ступал мягко, стараясь не заглушать скрипом досок звуки извне. На миг Векша замер, вслушиваясь ещё раз. Затем проворно взобрался по боковой лестнице на третий ярус. Крадучись прошёл вдоль стены и выглянул в противоположный проём.

Отсюда просматривался противоположный край посада, чуть ближе — глухая стена заколоченного сарая и тёмная, проваливающаяся во тьму улица.

Векша осматривал местность, подобно охотнику изучая угодия перед тем, как зверь подойдёт к приваде.

Снег сыпал мелкой крупой, мороз жёг уши и щёки, но Векша не шевелился, крепко вцепившись пальцами в балку. Капюшон и меховая шапка глушили дальние звуки, и приходилось стоять на морозе, обнажив голову.

Векша довольно оскалился, припомнив, как силой нахлобучил шапку на ту девку.

Суть знаков «подчинения» была в том, что они держались на связи воль подчиняющего и ведомого. На зверях срабатывало безотказно, но на людях — половина на половину. Особенно когда речь шла о взбешённой женщине, которую только что отшлёпали по заднице.

Мастерства Векши хватило ровно на то, чтобы спустить соларийку со второго яруса через оконный проём. Дальше эта змея вырвалась из подчинения и принялась отплясывать так лихо, что ему пришлось натянуть ей свою шапку на голову, завалить в сани, спеленать мешковиной, как младенца, и для надёжности стянуть верёвками.

Доставив девку в убежище, Векша привязал её к стоячей балке и пошёл искать какого-нибудь ребятёнка, чтобы тот за ломаную монету отнёс послание вражбиту.

Когда Векша вернулся в церковь, девка выглядела совсем околевшей, и он невольно устыдился. Пока позволяло время, Векша растопил немного снега в краденом котелке, остудил его в сугробе и с театральным, вычурным жестом поднёс край к её губам.

— На, — он нехотя снял кляп. — Глотни, пока…

Договорить Векша не успел. Девка смачно плюнула. Вот только сразу стало понятно, что плевать в людей ей раньше не доводилось. Не хватило силы выдоха. Вся слюна стекла по губе и повисла на подбородке.

Векша помолчал, чуть склонив голову. Сперва его взгляд скользнул по глазам соларийки, мокрым от злости и стыда, с дрожащими ресницами, слипающиеся на кончиках. Векша опустил взгляд ниже, на красный от холода нос и пылающие щёки. И наконец на губы, с которых только что неудачно сорвался плевок.

У Векши пересохло во рту, по затылку пробежали мурашки. Он не мог оторвать взгляд от прозрачной тяжёлой нити. Отвращения не возникло. Капля напомнила ему совсем не слюну. От этой внезапной мысли внутри у него всё сжалось резким, горячим спазмом.

Векше страшно захотелось размазать эту влагу большим пальцем по её нижней губе, просто чтобы увидеть, как девка будет пытаться сохранить невозмутимость. Как станет сопротивляться, но всё равно не сможет скрыть собственной уязвимости.

Соларийка всё ещё стояла с жалким, неудавшимся вызовом на лице, и от её растерянности, от тщетных попыток казаться сильной, у Векши темнело в глазах.

Он сглотнул. Помолчал, достаточно долго, пока в голове проносилось всё то, о чём было неприятно думать нравственным людям. Затем скривил губы и с напускным, старательным отвращением протянул руку.

Большой палец коснулся её подбородка, но без ласковости, как хотелось, а с нарочитой резкостью.

— Ладно, — хрипло выдавил Векша. — Не переживай. В следующий раз, уверен, у тебя получится. Поупражняйся на досуге.

Он деловито провёл по влажной дорожке снизу вверх, но вдруг задержал палец. На пару ударов сердца дольше, чем следовало.

Ему вдруг захотелось, чтобы соларийка почувствовала его жестокосердную ласку, которую он так старательно сдерживал. Векша подождал, с любопытством ожидая перемены в её взгляде. Но соларийке явно было не до него. Она не почувствовала даже того, как он нарочно провёл по краю её губы.

Векша сжал челюсть, почувствовав укол разочарования под рёбрами. Грубо, чтобы заглушить то, что только что сделал, он вытер руку о край плаща.

Впрочем, чего он ожидал от замерзающей пленницы? Она, поди, околела настолько, что не почувствовала бы даже, засунь он ей палец в рот целиком, как уздечку.

Векша мысленно выругался и шагнул ближе, загораживая соларийку от ветра.

— Пей, — буркнул он. — Иначе помрёшь. Ну и где носит твоего вражбита? Только не говорит, что ему на тебя посрать, и мы тут только зря время теряем…

Соларийка не ответила. Её дыхание срывалось с посиневших губ слабым облачком.

Векша стиснул котелок так сильно, что едва не пролил воду. Ему вдруг стало противно от того, насколько бессмысленным оказалось его желание пробудить в ней симпатию.

Она видела его истинное обличие. Да вдобавок он похитил и выставил её на мороз. И всё равно теперь тёрся рядом, как идиот, и ждал хоть тени признательности в ответ. Признательности за что? Что он не убил её сразу?

Вновь сказывалась дурная привычка цепляться за любое внимание, как попрошайка за коркой хлеба, брошенной в грязь. Даже если это внимание было случайным или рождалось из страха, отвращения или из простой необходимости выжить. Векша всё равно хватал его зубами, прижимал к груди, будто это и было тем, чего ему всю жизнь не хватало.

Тепло внизу живота мучительно остывало, оставляя после себя лишь колющую злость.

— Пей!

Соларийка овладела собой. Она бросила взгляд на костерок, который Векша развёл поблизости, чтобы тепло доставало до её ног. Затем на котелок в его руке. И, наконец, на него самого. Посмотрела испытующе, будто позабыв о том, что корчилась минуту назад от стыда и злобы.

Векша растерялся. Он оказался не готов, что его старания окупятся, и соларийка взглянет на него как на существо, с которым можно вести диалог.

Когда Векша поднёс к её губам край котелка, соларийка спокойно подалась вперёд и сделала жадный глоток. Затем ещё один, ещё. Едва заметно кивнула, давая понять, что ей достаточно.

Прежде чем Векша успел вернуть кляп на место, соларийка вдруг вполголоса сказала:

— Альв? — она всё ещё дрожала от холода. — Ты… ты знать. Ты нужен. Ты мне нужен.

— Чего? — Векша ошеломлённо застыл.

— Ты — альв. Знать. Ты знать. Эм-м… плохо говорить по-ирийски. Ты знать. Говорить. Подожди! Эм-м… Говорить. Ты говоришь. Мы говорим. Надо говорить.

— О-о… Выучила пару слов, а уже не заткнуть. Знаешь, молчавшей ты нравилась мне куда больше. Была в тебе какая-то загадка. А теперь — теперь просто неразбериха.

— Нет, жди!..

— Ты молчишь. Я молчу. Мы молчим. Запомнила? А теперь повтори. Только про себя.

Векша поспешно сунул соларийке в рот тряпицу, чувствуя, как в груди разгорается волнение. Не хватало ещё, чтобы эта лисица заболтала его, и он прозевал приход вражбита.

Стараясь не пересекаться с ней больше взглядами, Векша взобрался по лесам на второй ярус и принялся ждать гостей.

И теперь, прислушиваясь в протяжный вой ветра, Векша снова вяз в мрачных раздумьях. Да, он привык жаждать чужого внимания. Привык ждать настоящей, пускай и мимолётной симпатии. Но больше всего привык к тому, что за каждым радостным ударом сердца, за каждым светлым порывом неумолимо следовало разочарование.

И отголосок этого разочарования никогда не затихал. Ни на день, ни на миг. Оно отдавало в нём всё тем же низким, тяжёлым звоном.

Точно бой колокола, звучавшего много лет назад в тот самый день.

***

— Векша? — в её мягком голосе сквозила тревога. — Что с тобой? Опять кто обидел?

Он мотнул головой, продолжая стоять как вкопанный, уставившись в траву. Пальцы за спиной ещё сильнее стиснули деревянную фигурку.

Ему было не больше десяти лет, и среди всех уличных мальчишек он считал себя самым слабым и неуклюжим. Оттого он научился только прятаться и молчать, чтобы лишний раз не попадать под горячую руку.

Его били за то, что он был худ, как осенний прут. Били за дырявую рубаху. Били за то, что он был сиротой и жил на улице.

Наизусть Векша знал лишь несколько молитв. За их повторение монахи иногда давали корку хлеба.

Может быть, именно поэтому сейчас он мучительно искал нужные слова и не находил.

— Живот болит? — Беляна глядела на него с тревогой.

Векша снова покачал головой.

Солнце пробивалось сквозь листву старой липы, рассыпаясь по траве белыми отблесками. Беляна стояла между грядками и плавно колышущихся на верёвках полотнищ: простыней, рубах, платков и прочих одежд людей, за которыми она заботливо ухаживала.

Беляна отложила мокрую рубаху на корзину, вытерла ладони о подол и приблизилась. Слегка наклонилась, заглядывая ему в лицо.

— Ты что-то прячешь? — спросила она тихо, без насмешки. И протянула руку.

Ей было около двадцати. Она не была красавицей в том смысле, как пели в былинах: лицо у Беляны было простое, щёки усыпаны веснушками, губы казались тонкими и всегда чуть сжатыми от забот. Она всегда носила выцветший сарафан, рукава её неизменно оставались закатаны до локтей, а из-под платка то и дело выбивались слипшиеся от пота русые пряди.

Но для Векши не было никого прекраснее неё на свете.

— Покажи, не бойся.

Векша сглотнул. Осторожно, будто опасаясь, что резная фигурка вдруг оживёт и юркнет прочь настоящей белкой, он вынул её из-за спины и бережно положил Беляне на ладонь.

Беляна повертела вырезанную игрушку, всматриваясь в крошечные лапки, носик и хвост, завитый тугим колечком.

— Белочка… — она улыбнулась. — Такая же шустрая и тихая, как ты.

— Это… тебе.

— Спасибо, мой хороший, — она погладила его по спутанным волосам. — Вот уж мастер растёт!

Векша затаил дыхание. Тепло её прикосновения разливалось по его макушке, стекало к шее и дальше, по всему телу, мягко обнимая сердце.

Убаюканный этим коротким, тихим счастьем, Векша прикрыл глаза.

Он возился с этой фигуркой из липового чурбачка денно и нощно. Будь его воля, он мастерил бы для Беляны что-нибудь своими руками каждый день. Ложки, гребни, да хоть свистульки для малышей из богадельни. Хоть к ним Векша и страшно её ревновал. За то, что Беляна смотрела на них так же ласково, как и на него. Так же гладила по голове, так же угощала ломтиками вяленой рыбы.

Векша из шкуры вон лез. Схватывал всё с первого слова, не капризничал, безропотно брался за любую работу и доводил её до конца.

Но этого оказывалось недостаточно. В глазах Беляны он был не лучше и не хуже других сирот.

И от этого на душе становилось невыносимо горько. Как же несправедливо! Ведь Векша был уверен, что никто из ребят, кроме него, закрывая глаза, не представлял Беляну, когда пытался вообразить, какой могла бы быть его мать.

— Сбегай, поставь её возле алтаря, чтобы не намокла. А я тут пока закончу. Совсем не успеваю к молитве…

Векша побежал относить фигурку. Сердце в груди казалось ему сказочно невесомым.

Когда Векша вернулся в огород, одна из холстин была сорвана и лежала на земле. Может, сняло ветром?

Векша прислушался. За сараем ему послышались голоса. Векша стал красться в их сторону, но неожиданно замер, услышав тихий всхлип, а затем чьё-то низкое бормотание.

Мужской торопливый голос:

— Тише… тише ты… чего ж…

— Отпусти, — он узнал Беляну. — Прошу…

Внутри Векши что-то оборвалось. Он обогнул сарай, остановился у поленницы.

Какой-то мужик прижимал Беляну к земле, одной рукой зажимая рот, второй разрывая ворот рубахи. Беляна вертелась, как кошка, которую пытаются задушить. Наконец, она ударила мужика локтем под рёбра, да так, что тот захрипел.

И тогда Векша узнал этого человека. Это был тот самый калека, которого Беляна выхаживала целый оборот…

— Сука! — мужик с размаху ударил Беляну ладонью по лицу.

Беляна забила коленями, принялась царапаться. Мужик придавил её бёдра своими коленями, рванул рукой подол юбки.

— Сама хвостом махать горазда… — бормотал он, тяжело дыша ей в шею.

Беляна отвернула лицо в сторону и коротко, рвано всхлипнула. Толчок заставил её тело дёрнуться против воли.

Мужчина схватил Беляну за подбородок.

— Смотри на меня, — прорычал он. — Смотри, когда я тебя...

По её вискам текли слёзы.

И тогда Векша услышал звук. Низкий, клокочущий рык родился где-то в груди и вырвался наружу раньше, чем он успел его осознать. Кости в запястьях треснули с влажным хрустом, когти полезли наружу. По пальцам потекла кровь.

Мир сузился до спины этого мужчины, до его движений и до всхлипов Беляны под ним.

Мужик обернулся, вытер рот тыльной стороной ладони и, не вставая, бросил взгляд в его сторону.

— А ты чего пялишься, щенок? — начал он раздражённо.

Договорить мужик не успел.

Время смазалось, как воск под пальцами. Векша пружинисто метнулся вперёд, вцепляясь мужику в горло. Когти его вошли в плоть, точно в мягкую глину. Мужик заревел, силясь стряхнуть с себя не ребёнка, но внезапного ожившего упырёнка с бездонно-чёрными глазами.

Он сбил Векшу с себя, но было поздно.

Из распоротой шеи толчком хлынула кровь.

Мужик отшатнулся, зажал рану ладонью. Развернулся и, спотыкаясь, бросился бежать. Портки его оставались спущены до щиколоток, болтающийся член нелепо хлестал по бёдрам.

— Помо…гите… кто-о… — голос его тонул в мокром кашле.

Векша выпрямился, тяжело дыша через рот. С кончиков его пальцев стекала кровь. Он слушал, как зов о помощи затихает где-то за сараем.

Беляна сидела на траве, поджав ноги и съёжившись в дрожащий комок. Растрёпанные волосы липли к мокрым от слёз щекам. Рваные края рубахи она взволнованно прижимала к груди, словно это могло её защитить.

— Я… Я не хотел… — Векша с трудом узнал собственный надтреснутый голос.

Он посмотрел на руки. Звериные когти в чужой крови вперемешку со своей.

— Я не хотел… — повторил он почти беззвучно.

По его щекам катились слёзы. Векша шагнул к Беляне. В груди теплилась отчаянная надежда, что она протянет руки и скажет: «Иди сюда», или «Всё хорошо, всё позади». И что он упадёт рядом, уткнётся ей в плечо и разрыдается, а она, как раньше, погладит его по голове.

Ты мой мальчик. Ты защитил меня. Скажи. Скажи это сейчас.

Но Беляна резко отстранилась.

— Нет… — она задрожала всем телом. — Помогите… Чудовище! Кто-нибудь! Помогите! Не подходи… умоляю тебя. Не подходи!

Векша попытался нацепить улыбку. В последней надежде, что Беляна узнает его и перестанет дрожать от страха.

Но на его лице, мокром от слёз, проступил лишь жуткий, трусящийся оскал.

— Это… я, — выдавил Векша, протягивая к ней руку. Кровь капала с когтей на траву.

Беляна зажмурилась и закричала. И голос её потонул в густом звоне колокола, возвещавшем дневную молитву.

Векша отступил, уткнулся лбом в запястья и надрывно, по-щенячьи завыл.

— Мама… — колокол поглотил его последние слова.

Эпизод 11. Говорить

Свет от факела движется по земле.

Щурюсь, пытаясь разглядеть человека, вошедшего вглубь заброшенного здания.

Над головой скрипят и постанывают строительные леса. По ним мечется гулкое, протяжное эхо.

— Čau, — узнаю флегматичный голос Хонзы.

— «Ух ты!» — отзывается сверху из темноты мой похититель. — «Был уверен, не дождусь!»

Естественно, говорят они на ирийском, и мне остаётся лишь угадывать общий смысл по интонациям и редким знакомым словам.

— «Итак, будь добр», — Хонза останавливается от меня в метрах трёх, если не больше, — «проясни, что именно от меня требуется?»

— «Вы притащили, что велено?» — голос похитителя скользит по верхним этажам.

Напрягаю слух, взволнованно всматриваясь за спину Хонзы. Овода нет. Или он просто таится у самого выхода.

— «Вы?» — рассеянно переспрашивает Хонза. — «Странно, если не ошибаюсь, я пришёл один. Вражбит, насколько помню, ушёл».

Справа, всё ещё сверху, раздаётся нервное шарканье подошвы по доскам.

— «Что значит ушёл?!» — реагирует похититель.

— «А то и значит», — Хонза слегка пожимает плечами. — «У всякого человека свои хлопоты, не до чужих, как правило».

— «Не гони пургу, хрен ты эдакий!»

— «Извини за прямоту, но твой замысел… оставлял желать лучшего практически во всех отношениях».

— «У меня башка гудит, как заледенелый колокол; так что избавь меня, пожалуйста, от риторических излишеств».

— «Прежде чем прибегать к столь радикальным мерам, как захват заложника, имеет смысл удостовериться в его действительной ценности».

Смысл последней фразы чеха доходит до меня с опозданием.

Они ещё долгое время спорят, точь-в-точь клиент и оператор горячей линии.

— «Вражбит ушёл. Полагаю, искомое тобой находится у него. Моё же присутствие здесь обусловлено сугубо частным интересом. Я намерен забрать свои вещи, которые ты имел неосторожность присвоить».

— «Кажется, ты не до конца просёк, что ждёт эту девку, если продолжишь в том же духе. Взгляни-ка сюда…»

Только теперь Хонза замечает петлю, обхватывающую мою шею. Верёвка тянется вверх, проходит через перекладину. Другой её конец привязан к мешку, набитому камнями. Мешок покоится на краю платформы рядом с похитителем.

— «Стоит мне столкнуть мешок…» — размеренно продолжает похититель, и я отдалённо понимаю, что он объясняет принцип действия ловушки. — «… и петля на её шее взлетит вверх. Шею сломает на раз. Я понятно объясняю?»

Хонза начинает заметно нервничать.

— «Ну и… какие действия способны это предотвратить?»

— «Кидай мне сюда то, что вы, болваны, спёрли из монастыря!»

— «Я ведь ясно выразился! Понятия не имею, о чём ты говоришь. Кроме денег, мы ничего не брали!»

Раздаётся шорох.

Похититель демонстративно пододвигает мешок к самому краю платформы.

***

— Стой! — алхимик вскинул обе руки ладонями вперёд, будто пытаясь остановить надвигающуюся лавину. — Ради всего святого, давай всё обсудим, мы же не звери!

— Звери убивают быстро, — со всей серьёзностью отозвался Векша. — Так что сейчас я предпочту выступить зверем и сделать так, чтобы она не мучилась.

Векша и сам не горел желанием убивать. Он даже не сомневался, что хруст ломающихся позвонков этой девки станет возвращаться к нему во снах.

Вот только эти дураки сами загнали себя в тупик. Выбора не оставалось.

В том, что именно вражбит опустошил сундук Хозяина, Векша не сомневался.

Приказ, который передала Таволга, был предельно прост: держаться рядом с тем, что спрятано в сундуке под печатью, и ни при каких обстоятельствах не выходить из роли. Никто не должен был заподозрить, кому на самом деле служит Векша.

А это значило одно: сундук пуст не был.

— Ради чего тебе это? — вскипел алхимик. — Ты хоть имеешь малейшее представление о том, что там содержалось?!

— Под такими печатями пустяков не держат, — Векша старательно напустил на себя вид жадного болвана. — Я просто хочу купаться в золоте. Покупать женщин и жрать до рвоты, пока не лопнет брюхо. Неужели я так уж много прошу?

Отчасти сказанное было правдой. За службу Хозяин кормил его вволю, не жалея ни жирной свинины с говядиной, ни привозного вина с пряностями. Удивительно, как Векша ещё не стал похож на откормленного борова.

Да и женская ласка становилась куда убедительнее за звонкую монету.

— И тебя не терзает совесть? — искренне поразился алхимик.

— Терзает. Так что давай поскорее заканчивать. Два.

— Будь благоразумен! Отпусти девушку, она невиновна!

Векша потерял остатки самообладания.

— Думаешь, я не учуял, как этот выродок залил своей вражбицкой кровью всю округу? Поразительно, он ещё держится на ногах… я чую гниющую в его крови эрхву, будто его выпущенные кишки уже остывают у меня перед носом! Хотели меня провести, но не учли, что я чую вас насквозь. Такая примитивная засада! Какие же вы жалкие… и как же вы меня достали!

Векша опустил взгляд на свои ладони. Когти, зудя, выползали из-под кожи. Он по своей воле отпускал поводья звериной ярости, бурлящей в крови.

Мир вокруг начинал искажаться: краски вспыхивали, тени отступали, и всё — каждый звук, запах, движение, — становилось в десятки раз пронзительнее.

— Вам плевать на соларийку. Вы пришли не спасать её. Вы здесь, чтобы прикончить меня…

Векша порывисто обернулся, в тот самый миг, когда вражбит огромным прыжком сорвался с верхнего яруса прямо на него, используя верёвку как опору для броска.

— Чтобы всё золото досталось только вам! — заорал Векша с безумным, ликующем восторгом.

Вражбит с размаху врезал ему подошвами в грудь. Векшу отбросило назад с такой силой, что перехватило дыхание. Он успел ухватиться когтями за край помоста, удерживая себя от падения.

— Три.

***

Овод пошатнулся.

Повязка над локтем пропиталась кровью. Свежие порезы горели, словно в них влили раскалённое масло. От каждого резкого движения раны раскрывались заново, кровь стекала по рукам,

Голова шла кругом. Он действительно переборщил, густо забрызгивая землю вокруг строения своей кровью в надежде, что запаховый шлейф собьёт с толку чутьё этого подонка.

Уловка сработала лишь наполовину: позволила подойти вплотную.

Овод опустил взгляд. Хонза как раз освобождал девушку от петли на шее.

— И это всё, на что ты способен? — подонок выпрямился во весь рост, голос его дрожал от злорадного восторга. — Ну давай, вражбит! Развлеки меня напоследок, прежде чем я оторву тебе башку и нацеплю на шпиль! Вот увидишь, вид оттуда на город просто загляденье!..

Подонок с ядовитой ухмылкой развёл руки в стороны, будто приглашая шагнуть к нему в объятия.

Овод застыл. Перед ним была засада, и довольно грубая. Но нельзя было позволить этому подонку сместиться вбок и, ухватившись за верёвку, прыгнуть вниз, к алхимику и девушке.

Овод сделал обманный выпад. Нож, спрятанный в рукаве, полетел подонку в голову. Тот, как и ожидалось, уклонился в сторону, уходя от траектории. Овод рванулся вперёд, занося топор для сокрушительного удара. Теперь этому гаду было не уйти.

И тогда этот подонок ткнул ему в лицо каким-то предметом.

Струя кипящей, едкой жидкости залила глаза. Боль обуяла разум. Овод вскрикнул, теряя равновесие. Топор взвился вслепую в отчаянном взмахе. Но подонок снова уклонился, обошёл его лёгким, почти танцующим движением и мгновенно оказался сзади.

Овод ощутил мощный удар ногой под зад, и его швырнуло вперёд, с края помоста.

В пустоту.

***

— Ваши гранаты, — выдавливаю я, как только Хонза срывает с меня кляп. — Он спрятал их где-то наверху. Вон там!

— Хорошо, — Хонза конвульсивно кивает, вспарывая верёвки ножом. — Хорошо.

В этот момент Овод срывается со второго яруса и глухо шлёпается в снег. Я кричу от ужаса, уверенная, что он сломал себе шею или позвоночник.

Мой похититель, нудясь от скуки, повисает на верёвке, упираясь сапогами в край помоста сверху.

— «Ну и ну», — тянет он разочарованно, глядя на распластанного внизу Овода.

Овод едва шевелится. Живой! Но движения его слабые, повреждения явно серьёзные.

Верёвки ослабевают. Я помогаю Хонзе стянуть их с себя, высвобождаюсь полностью. Хонза оттаскивает меня за свою спину, крепко держа за руку, не давая шагнуть к Оводу.

— «Эй, вы двое!» — похититель замечает нас, ловко спрыгивает, смягчая приземление верёвкой. — «Ваш защитничек на троечку справляется, не находите?»

Он обводит нас тяжёлым, налитым чернотой взглядом, разворачивается и неторопливо, с хищным расчётом направляется к лежащему Оводу.

Хонза толкает меня к лестнице.

— Уходим.

— Что?! Нет, как же?..

— Оружие. Нужно забрать оружие!

Делаю пару шагов вслед за ним, но взгляд моё всё равно прикован к Оводу.

Похититель уже нависает над ним, что-то угрожающе бормочет. Овод с трудом приподнимает голову, пытается сфокусировать на нём мутный взгляд.

Я вырываю руку из хватки Хонзы, отбегаю к костру и хватаю котелок. Тот самый, которым меня пытался напоить похититель.

На бегу размахиваюсь и швыряю котелок похитителю прямо в голову.

Котелок глухо бьётся по его затылку. Раздаётся тяжёлый, металлический звук. Похититель шипит от боли, хватает себя за голову. Порывисто оборачивается. Его чёрные глаза полыхают бешенством.

— «Ты!»

Он срывает с пояса предмет, — я узнаю свою перцовый баллончик! — и бросается в мою сторону. Вскидывает руку, жмёт кнопку. Я вздрагиваю, зажмуриваюсь. Но ничего не происходит.

Похититель удивлённо моргает, давит на кнопку ещё раз, потом ещё. Похоже, спрей полностью иссяк.

И тогда происходит чудо.

Этого краткого, яростного замешательства хватает с лихвой: Овод подползает, протягивает руку и касается его голенища.

Похититель вопит от боли, будто ему в ногу всадили раскалённое шило по самую рукоять. Он оседает на одно колено, всем видом изображая человека, которого ломает в агонии.

Похититель резко оборачивается. Когтистая пятерня обрушивается Оводу на голову. Но в тот же миг Овод успевает метнуть ей навстречу заострённый деревянный обломок. Тот вонзается в ладонь, останавливая удар.

Рык нарастает, похититель наваливается всем телом. Вторая рука его уже тянется к горлу Овода, но тот успевает прочертить вражбицкий знак.

Прямо на предплечье нападающего.

***

Векша застыл, точно кукла, которую рванули за верёвочки.

Знак подчинения? Ха! Неужто этот болван всерьёз полагал, что вражбицкое подчинение его сломит?

Самоубийство чистой воды! Его ничтожная эрхва не способна была противостоять той силе, что таилась в теле полукровного альва.

Векша растянул губы в кривой улыбке.

Обломок продолжала раздирать ладонь, и боль, похоже, уже перетекала в разум вражбита.

— Хочешь так, значит? — прохрипел Векша, с трудом шевеля онемевшими губами. — По рукам.

Он намеренно надавил ладонью, загоняя щепу глубже в плоть, наслаждаясь тем, как боль разгорается ярче, затмевая всё вокруг красным полотном.

Лицо вражбита исказилось от боли, желваки вздулись, но он не издал ни звука.

Схватка их воль уместилась в несколько ударов сердца. Вражбит лежал под ним, затылком вдавленный во взрытый снег. Векша — сверху, неподвижный, как статуя гаргульи.

Связь подчинения сработала, но была готова разорваться в любой миг. И как только она лопнет, Векша собирался вцепиться в глотку этому полудохлому вражбиту. И тот это знал. Чувствовал каждую вибрацию его мыслей, что передавались по нити подчинения.

Из всевозможных знаков вражбит выбрал самый бесполезный в подобных обстоятельствах. Тупица!

А ведь Векша был о нём куда лучшего мнения.

— Что за?..

Векша рванулся, но тщетно. Связь, которой полагалось уже истаять, держала его крепко, точно трясина, засасывая всё глубже в омут чужой воли.

Теперь Векша начинал понимать. Кровь, которую вражбит распределил по кругу от церкви…

— Что ты?.. — Векша осёкся.

У вражбита из носа хлынула кровь, но он даже не моргнул.

И тогда Векша понял.

Этот сукин сын опутал всю церковь паутиной. Запрятал в снегу вражбицкие усиливающие знаки, запечатав их собственной кровью. Опаснейшая затея. На такое требовалось нечеловеческое мастерство и годы, годы практики.

И всё же она сработала. Кто его только этому научил? Неужели, кто-то из альвов? Неудивительно, что ему известно о них так много.

— Ты не сможешь… — прохрипел Векша, надеясь не отчаиваться, — держать нас так вечно.

И тогда вражбит коряво улыбнулся.

Сбоку что-то шевельнулось. Векша скосил взгляд. Соларийка подкралась ближе, прерывисто дыша, словно после изнурительного бега. Её трясло от волнения.

Векша злобно сузил глаза.

— Только попробуй, су…

— Ты! Я! — выдохнула соларийка. — Говорить!

Вслед за этим котелок обрушился ему на лицо с такой силой, что эхо удара разнеслось по всем руинам.

ЧАСТЬ II. ЗАКОН ХИМЕРЫ. Эпизод 12. Клеймо

Кривоног ждал.

Мечущиеся языки пламени выводили на каменных стенах пульсирующие узоры.

Расставленные по границе свинцовые жаровни пылали, подобно посаженным на цепь солнцам. На полу, выведенная углём и белилами, раскинулась печать: пять с половиной саженей в поперечнике.

Хозяин застыл изваянием в середине малого круга. Босой, обнажённый по пояс, с заведёнными за спину руками. Кисти его покрывала густая сеть ветхих знаков, переплетённых письменами альвов; Кривоногу оставалось лишь гадать, что они могли значить.

Во вражбе он ничего не смыслил. Зато разбирался в подчинении, как в своей кривой ноге, и доподлинно знал, что на нём самом, как и на тех, кто ближе прочих приблизился к Хозяину, были выжжены вражбицкие клейма. Похожие на те, какими метили скотину. С той только разницей, что раб печати должен был покориться по своей воле и принести в жертву часть себя.

Таволга, — она же главная рабыня, греющая Хозяину постель, — отдала за право быть рядом с ним самое дорогое, что было дано бабе от природы: возможность рожать детей.

Лесьяр же, — некогда ходивший в княжеской милости, но павший в опалу за предательство, — заплатил за службу Хозяину зрением. Глаза его напоминали две выжженные пустоши. Впрочем, вживлённая в голову эрхва позволяла ему обходиться и без глаз: Лесьяр распознавал людей и вражбицкие следы, подобно змею.

Ну и, наконец, сам Кривоног, — обыкновенный кожевник, мастер по выделке «грязной» кожи, шедшей на простонародье.

Его клеймо лишило языка.

Верно, Хозяин был щедр к ним, да и дальновиден. Лишал того, без чего было можно жить. Владыка не ломал их, а сгибал, как лозу, делая гибкими и послушными. Кривоногу он мог бы отнять руки, сгубив его ремесло, или вовсе отобрать ноги, оставив ползать калекой у ворот. Но нет: выбрал язык. Пускай, чепуха! Разговаривать Кривоног и без того сроду не любил.

То же самое и с остальными.

За исключением поганого полукровка Векши.

На нём клеймо не приживалось. Подлая кровь альвов выжигала её, оставляя Векшу неподвластным. И это бесило Кривонога даже пуще кривой ноги, ноющей в непогоду.

Этот полукровок не доказал Хозяину свою верность так, как остальные, но владыка всё равно осмотрел на того иначе, будто этот выродок был лучшим кобелём в его псарне!

И теперь, когда Векша допустил такую непростительную оплошность, Кривоног не мог перестать радоваться.

В подземелье спустился один из рабов.

— Солнце в зените, владыка, — раб упал на колени, лбом в пол.

Хозяин открыл глаза и исполнил ленный жест, веля Кривоногу «начинать». На лице его не дрогнул ни один мускул.

Кривоног впопыхах выгнал раба в сырой коридор, захлопнул тяжёлую дверь. Лязгнул засов.

Хозяин развёл руки, и внутри Кривонога всё сжалось от глубокого, сладостного волнения. Оно бередило кровь пуще глотка вина после долгой дороги. Ладони Кривонога, покрытые мозолями и порезами, дрожали от благоговения.

Сегодня Хозяин, подобно искусному ваятелю, испытывал на своей новорождённой «кукле» узы абсолютного подчинения. Он творил «куклу» денно и нощно, не скупясь на кровь безымянных рабов. И вот, наконец, час пробил.

Подчинить химеру на расстоянии! Лишь величайшему из вражбитов, чья сила уже граничила с безумием, такое оказывалось под силу.

Тело чудовища и плоть Хозяина были сшиты кровавыми письменами, но удерживать эту связь через поприща, укрощая бушующий разум создания, не давая ему разорвать незримые цепи… то было уже не мастерство. То была песнь, которую был способен спеть лишь один-единственный голос!

И песнь эта, слышимая сегодня одному лишь Кривоногу, терзала его внутренности, сплетая в едином спазме исступлённый восторг и беспредельный ужас.

Свет пламени облизывал тело Хозяина, скользил по рельефным мускулам и старым шрамам, обращал сеть древних резей и письмён в карту могущественных знаний, добытых благодаря неисчислимым жертвам.

Хозяин медленно провёл пальцами по своей груди, очерчивая вражбицкие знаки. Кривоногу показалось, что кожа под ними расступалась, подобно кровоточащим бороздам под невидимыми клинками. В тот же миг тело Хозяина едва заметно дёрнулось, словно изнутри рвался зверь, прогрызая нутро. Но Хозяин обуздал его одним усилием, не изменившись в лице. Остался стоять, дыша глубоко и ровно, чуть закинув голову назад, прислушиваясь к эху далёкого, недосягаемого сердцебиения.

И вслед за этим правый глаз Хозяина заволокло мутью.

***

Солнце грело крыши, пробуждая робкие ручейки срываться и опадать на застывшую коросту снега.

Гробовщик сидел во дворе, укутанный в тяжёлый тулуп, и отрешённо глазел перед собой. Облака размётанной овечьей шерстью медленно катились по небу, подгоняемые ветром.

Прошло три дня со дня переполоха. Ватага Камышовых Котов разбрелась, и лишь немногие, — среди них и Гробовщик, — решили переждать зиму в приюте.

Однако с каждым днём в душе Гробовщика всё сильнее крепла решимость остаться здесь навсегда. Ему пришёлся по нраву размеренный уклад монахов. Да и возможность закупать и хранить книги в одном месте его значимо прельщала.

После встречи с живым альвом, — вернее, с полу-альвом, — Гробовщик всё чаще возвращался к старым сказаниям, быличкам и историям, что слышал когда-либо в жизни. Его завораживало таинство сокровищ, укрытых под землёй, и мудрость альвов, чья воля продолжала жить сквозь столетия.

Подумать только! Повстречать взаправдашнего альва… нет, полу-альва! Жница божья!

Гробовщик вознамерился накопить денег и по весне поездить по княжеству, в надежде разузнать что-нибудь об альвах. Ему уже виделось, как он изложит свои изыскания письмом, сведёт их под единый труд и получит за это добрую мзду. Быть может, и к княжьему двору призовут!

Вот только грядущий день был уже готов пустить все его замыслы козе под хвост, да поглубже.

Монахи распахнули ворота, и во двор, скрипя полозьями, въехали сани, запряжённые широкогрудыми лошадьми в богатой сбруе с серебряными бляхами и красными кистями.

Вот те на! Гробовщик осенил себя троекратным обережным знамением.

То была не просто крестьянская развалюха, годная лишь для возки дров да навоза на поля, а настоящий «терем на полозьях»! Такие не каждый воевода имел! Камышовые коты и на

версту бы не осмелились приблизиться к подобному выезду, опасаясь пики в бок от матёрых слуг.

За богатыми санями, громыхая цепями и железной решёткой, тащилась телега на обычных мулах. Под покровом нечто неистово билось, производя звуки столь чудовищные, что мороз продирал по коже.

Встречать гостей, — да к самым воротам! — выполз настоятель, отец Могута. Кланялся он столь низко, что едва не опрокинулся челом в сугроб.

Гробовщик подошёл ближе и встал среди сгрудившихся насельников.

С богатых саней, убранных резными досками и окованными медью дугами, сошёл долговязый мужик в тёплой шубе поверх червлёного кафтана. На вороте у него был густой мех, а на ногах — сапоги заморской выделки.

Гробовщик пристально вгляделся в лицо незваного гостя и мысленно ахнул. Мужик тот, на вид ему едва ли минуло сорок лет, был слеп как крот. Однако же ступал он скоро и уверенно, хоть и с некой резкостью в движениях. Распознать недуг было можно, лишь заглянув ему прямо в глаза.

У висков под тонкой кожей его нечто вздувалось и бугрилось, точно налитые жилы.

— Мда… — протянул гость с гнусавым вержданским выговором, обращаясь к своей спутнице. — Да здесь и увечный бы сдюжил! Спорю, Таволга, что ты всё проворонила. Этот твой Векша попросту предал Хозяина и сбежал. Ох, не терпится мне изловить его, чтобы Кривоног содрал с него живьём кожу на ремни. Справлю себе пояс. Или вовсе мошну из его срамных частей.

Вслед за ним на землю ступила женщина. Одеяние её было столь же дорого, сколь прекрасны были черты её лица. Однако вид она имела изнурённый, едва ли не болезненный: ещё миг, и падёт в снег, будто всю кровь из неё выпустили.

Женщина зябко куталась в шубу.

— Не испытывай моего терпения, Лесьяр, — отрезала она властным, стылым голосом. — Ещё раз тявкнешь, будто я что-то недоглядела или с чем-то не управилась — сама сделаю тебя увечным. Тогда и поглядим, как станешь ты рачительнее Векши во всяком деле. Ведь всё, что тебе останется — лишь усердно пресмыкаться перед Хозяином, вылизывая ему яйца.

— Во всяком случае, управлюсь я лучше тебя. И тогда не мне, душа моя, а тебе гнить на задворках жития, среди отбросов.

Грохот в повозке отвлёк их от пререканий.

— Пора за дело, — мрачно подытожила Таволга.

Лесьяр с досадой кашлянул.

— Ты! — он указал на одного из своих слуг, даже не повернув головы. — Отворяй.

Под перепуганные взоры собравшихся слуга приблизился к повозке. Тварь, заключённая внутри, почуяла его шаги и взбеленилась.

Слуга вздрогнул. Тяжёлое тело шевельнуло повозку и с глухим ударом налегло на крытую клетку. Сквозь процарапанные щели в полотне виднелось, как внутри ворочается нечто бледное.

Собравшись с духом, слуга развязал верёвки, стащил покров. И тотчас отпрянул, в ужасе уставившись на явленную тварь.

— О, Господь! — воскликнул игумен, и ему вторила гурьба насельников.

Тварь разъявила пасть, и слуга отступил, упал на снег и пополз прочь, не в силах отвести глаз от того, что предстало перед ним.

«Надобно сыскать Векшу и повиниться перед ним!» — решил про себя Гробовщик, стаскивая с головы шапку.

Ведь теперь не он был самым жутким созданием, какое Гробовщику довелось узреть за весь свой век.

***

Векша очнулся с гудящей головой.

Эта стерва сил не пожалела! Огрела знатно, как только не убила?

Мир расплывался, а тело и вовсе отказывалось повиноваться.

— Мать вашу… — Векша взрыл пяткой землю. — Прекрасно. Просто восхитительно. Что дальше? Осиновый кол в сердце и могилку без надгробия?

Он стоял возле столбца, где недавно была привязана соларийка. Да только вот его примотали так плотно, что даже шею захлестнули широким ремнём. Ремень стягивал горло, словно ревнивая любовница, которая решила задушить его насмерть. От этого усиливалось головокружение. И вовсе не от удовольствия.

Векша скривился, будто ему запихнули в рот ложку кислого рассола.

— Эй, вы там! — рявкнул он, начиная всерьёз нервничать. — Я вам не мешаю?

— Заткнись, — прорычал вражбит, наконец удостоив пленника бешеным взглядом.

Соларийка загородила вражбиту дорогу и разразилась яростной, захлёбывающейся репликой. Векша не разобрал ни слова.

Алхимик, стоявший ближе всех к столбу, услужливо перевёл. Он целился в Векшу из своей железно-деревянной штуковины. Векша мысленно прикинул хрен к носу. Видимо, эта штука была страховкой. Один неверный рывок пленника, и здравствуй, дырка в груди.

— Она заявляет, — начал переводить Хонза, — что не позволит лишить его жизни.

— Да мне посрать, что она там заявляет, — прохрипел вражбит, с видимым усилием удерживая себя, чтобы не зашвырнуть соларийку куда подальше. — Этот урод пытался нас прикончить.

— Не исключено, что ему известно нечто существенное… — Хонза не успел договорить.

— Даже если и знает, будет молчать. Разве не ясно? От таких, как он, надо избавлять сразу.

Векша удивлённо вскинул брови.

— Не надо избавляться, — вклинился он с нарочитой обидой в голосе. — Я, вообще-то, «за», чтобы поболтать.

— Разумеется, когда тебя уже прижали к стенке, — цыкнул вражбит. — Надо было думать раньше. Прежде чем поджигать баню с людьми внутри.

— А, так вы были внутри… упс, — Векша сделал вид, что только сейчас осознал оплошность. — Я просто хотел отвлечь внимание поджаром от…

— Видите? — вражбит повернулся к остальным, будто Векша только что вынес себе приговор. — Ни капли раскаяния.

Соларийка сжала губы, явно борясь с желанием ответить резкостью. Глубоко вдохнула, медленно выдохнула, заставляя себя успокоиться. Потом мягко коснулась руки вражбита. Указала взглядом и жестом на его раны.

Вражбит ворохнулся, будто её прикосновение обожгло его раскалённым железом. Отступил на полшага, уходя от её женской ласки так лихо, будто она могла его предательски подкосить.

— В этом есть определённая логика, — сдержанно отозвался алхимик. — Живые альвы — явление редкое.

— Он не альв, — отрезал вражбит, сутулясь сильнее. Раны давали о себе знать всё жёстче. — Хрен его знает, что он такое. Но точно не альв.

— Верно подмечено, — отозвался Векша, сузив глаза. — Я полукровок.

Вражбит дёрнул уголком рта, будто Векша помочился ему на носок.

— Слышите? Уже врёт. Люди и альвы несовместимы, и потомства не дают.

— Приятно быть редким исключением, — Векша попытался пожать плечами в привычной насмешливой манере, но ремень и верёвки не дали даже шевельнуться. Вышло жалкое колебание. — Но можете мне не верить. Вам же хуже. Вам известно, сколько можно взять за мои кости на чёрном рынке? Или… ну, не знаю, сперму? Некоторые считают, что сперма альвов лечит всё — от полового бессилия до проказы. Вражбит, тебе набрать? Да ладно, не кипятись! Я шучу. Про кости я выдумал.

Пряча замёрзшие руки в воротник потрёпанного плаща, надеясь хоть немного согреть пальцы, соларийка медленно приблизилась. Заглянула Векше прямо в лицо с каким-то странным, оценивающим напряжением, точно на ядовитую траву.

Векша не смог побороть отвращения. Его тошнило от злости, будто после протухшей редьки. Эта стерва огрела его котелком по башке без малейшей жалости! Ну нет. В следующий раз шлепком по заднице она точно не отделается.

От мысленного обещания самому себе Векше на миг стало чуть радостней.

— Ты знать… эм-м, — соларийка мученически поморщилась, борясь с чужим языком, затем повернулась к алхимику за помощью.

— По какому принципу действую башни альвов? — сухо перевёл тот.

— Серьёзно? — Векша случайно придушил себя ремнём, и ему понадобилось время, чтобы собрать мысли в кучу. — Ну уж нет, это свинство чистой воды. Я не настроен на разговор. Развяжите меня. А там, быть может, что-нибудь вспомню. По доброй воле.

— Либо ты говоришь, либо становишься трупом, — вражбит встал за спиной соларийки.

— Свинство, — упрямо повторил Векша и перевёл взгляд на девку, стараясь сосредоточиться именно на ней.

Кажется, она была единственной, кого по-настоящему волновало, чтобы ему не вбили топор в голову прямо здесь и сейчас. Соларийка выглядела до ужаса измученной. Кожа на ладонях и щеках потрескалась и кровоточила. Глаза покраснели и блестели от слёз. Но соларийка старательно изображала из себя кремень, усиленно выставляя подбородок вперёд и сжимая губы в тонкую линию.

В этом они с вражбитом были похожи. Тот тоже еле стоял на ногах. Сутулился, прижимая локоть в боку. Дышал через рот, и каждый его выдох вырывался белым облачком.

— Галлу-Дар, — внезапно произнесла соларийка. — Что такое Галлу-Дар?

Алхимик и вражбит мгновенно напряглись. Повисло неловкое молчание. Алхимик пришёл в себя первым: кашлянул, попытался что-то ответить ей на родном языке, но соларийка резко оборвала его на полуслове. Потом повернулась к Векше и повторила, уже медленнее, чеканя каждое слово:

— Говорить. Что такое Галлу-Дар? Башня?

— Скажи ей, что это её не касается, — велел вражбит алхимику низким, угрожающим тоном.

Векша мысленно усмехнулся. Вот оно! Трещина в их единстве! Его слабая, почти призрачная надежда на спасение вдруг обрела форму.

— Галлу-Дар, — повторил Векша как для ребёнка, по слогам, с трудом сдерживая издёвку в голосе. — Место альвов. Альвы живут в Галлу-Дар. Пещеры под землёй. Глубоко. Темно. Ясно тебе, лапушка?

— Лапушка? — недоверчиво переспросила соларийка, но вражбит уже не выдержал, резко толкнул её в плечо, отодвигая в сторону.

Соларийка от неожиданности шагнула, чуть не потеряв равновесие, потом опомнилась и взорвалась:

— Вы врать! — она ткнула пальцем в алхимика.

Последовал долгий, яростный спор. Векша старательно слушал. Мысли его путались, но он разобрал главное: вражбит и алхимик явно хотели избавиться от соларийки. Оставить в

городе, а самим… самим двинуться дальше. Попасть в Галлу-Дар. Они знали, где находится одна из пещер.

Не успел Векша вставить хоть слово, как вражбит схватил соларийку под локоть и подтащил прямо к столбу. Ткнул пальцем Векше в нос так близко, что тот даже не стал клацать зубами, ошалев от возмущения.

— Скажи ей, — обращаясь к алхимику, но глядя прямо в глаза соларийке, прохрипел вражбит, — раз так рвётся знать правду, пусть остаётся здесь вместе с этим выродком. А мы уходим. Только пусть учтёт: как только верёвки спадут — он её убьёт. А может, сперва изнасилует.

— А моё мнение знать не обязательно?! — возмутился Векша, вновь душа себя ремнём до боли в горле.

Алхимик быстро перевёл слова вражбита на язык соларийки. Она даже бровью не повела. Смотрела на вражбита с такой горячей смесью злобы и грусти, что казалось — ещё миг, и из глаз прыснут слёзы. Но вместо истерики соларийка лишь капризно поджала губы. Вырвала свою руку из его хватки. А потом замолчала. Так возмущённо, что ни алхимик, ни вражбит, ни даже Векша не рискнули нарушить это молчание.

Наконец, алхимик громко вздохнул.

— Предлагаю, если угодно, обмен, — он опустил оружие. — Ты просвещаешь нас относительно альвов и устройства их башен, а мы проводим тебя к Галлу-Дар.

— Что?! — взвился было Овод, но алхимик поднял руку в жесте, не терпящим возражений.

— Что касается предмета, который ты намеревался похитить, — продолжил Хонза, — в случае твоего содействия и согласия следовать с нами ты сможешь рассчитывать на куда более значительную выгоду.

Алхимик помолчал, устало взвешивая слова.

— Твои способности, с высокой долей вероятности, окажутся нам полезны в пути. Галлу-Дар изобилует древностями. Ресурсами и артефактами. Ты сможешь взять всё, что сочтёшь нужным. И утонуть в золоте. Насколько я понимаю, именно это тебя и привлекает, не так ли?

Векша молчал. Голова гудела, но в груди ворочался расчётливый интерес. Хозяин приказа не давал, значит, нужно было следовать роли…

Вражбит открыл было рот, чтобы снова рявкнуть, но вдруг ноги под ним подкосились. Он тяжело опустился на землю.

Соларийка мгновенно бросилась к нему, точно наседка к раненому цыплёнку. Присела рядом, обхватила за плечи. Вражбит даже не попытался её оттолкнуть. Вероятно, сил не осталось вовсе.

— Он нас всех едва не прикончил… А вы предлагаете его отпустить?

— Ты сам сказал, что твоё предназначение — помогать людям, — тихо отозвался алхимик. — Так окажи нам содействие и помоги вернуться в наш мир. Прошу простить мою настойчивость, однако этот полукровок едва не взял над нами верх. Подобная сила нам необходима. Особенно если мы намерены спуститься в Галлу-Дар.

— Ему требуются лишь деньги и кровь, — отрезал вражбит. — Откуда у вас к нему доверие?

Алхимик устало вытер лицо сгибом кисти.

— Скажем так, я имел достаточно времени, чтобы научиться распознавать проблески надежды в людях. Но, должен отметить… перед нами пример поистине запущенный.

— Я согласен! — поспешно воскликнул Векша, не давая углубиться мужику в философию.

— Тебе слово не давали, — вражбит отвернулся, будто его тошнило от одного только вида полукровка.

— А может, стоило бы, — парировал Векша. — Ваше предложение звучит заманчиво. По рукам. Я готов помогать. Галлу-Дар! Подумать только! Если вы действительно знаете дорогу в одну из этих…

— Я против, — повторил вражбит. — Он просто ограбит нас на первом привале и смоется. В лучшем случае.

— Ну я же не полный дурак. Чтобы вы там с собой не несли, сокровища Галлу-Дар куда ценнее и…

— Верно, ты не дурак. И именно поэтому не станешь совать нос туда, где запросто можешь сдохнуть.

— Мы все на пределе, — вмешался алхимик. — Нам необходимо отдохнуть и спокойно всё обдумать. Однако оставить его здесь на ночь мы не можем. К утру он просто замёрзнет насмерть.

— Если возьмём его с собой, он просто перережет нас всех во сне.

— Оставим его связанным. Я возьму на себя наблюдение до утра. Если он попытается что-либо предпринять, мне придётся стрелять без предупреждения.

— Я сама покорность, — без особой весёлости отозвался Векша. — И ещё бы не отказался… чего-нибудь сожрать. Да и холод уже изрядно надоел. Погреться бы. Давайте оставим наши разногласия на завтра, старик прав. Вернее, я хотел сказать — досточтимый господин алхимик.

Они ещё недолго поспорили, только уже без прежнего накала. Всё это время соларийка как-то странно косилась на Векшу. Тот же старательно делал вид, что она и выеденного яйца для него не стоила. Он ненавидел её всей своей сущностью и всячески тщился это завуалировать. Не хватало ещё, чтобы эти болваны передумали и оставили его подыхать на морозе.

Наконец, вражбит сдался. Вернее, его раны сдались за него. Он не мог стоять без поддержки. Полностью зависел от алхимика и соларийки.

Алхимик передал свою «пушку» девушке и принялся отвязывать Векшу от столба.

Вражбит стоял рядом, сжимая в окровавленной руке топор. Глаза его не отрывались от Векши ни на миг.

Соларийка дрожащими руками подняла оружие и приставила его прямо ко лбу Векши. Только тогда Векша был вынужден наконец на неё посмотреть. Её лицо застыло в сухом, почти театральном выражении ужаса. Векше уже приходилось видеть такое у людей, которые готовились совершить своё первое убийство.

— Да брось, — сказал он вполголоса, не скрывая злобы и отвращения. — Смотришь так, будто я человек.

Её брови дрогнули, пока она пыталась уловить смысл. Взгляд её, однако, неожиданно изменился. В нём мелькнуло что-то ещё. Вина? Сожаление? Или просто страх перед тем, что она была способна сделать?

— А разве нет? — отозвался из-за спины алхимик.

Оставаясь связанным, Векша смог отойти от столба на два шага. Алхимик взял конец верёвки, ведя его, как собаку на поводке. Соларийка продолжала целиться, только теперь в бок.

— Смотри не споткнись, — свысока бросил ей Векша. — Не хватало ещё, чтобы эта штука сработала мне под рёбра.

Эпизод 13. Змеиный царь

Лыжи шли плавно, сухо шелестя по насту. Дыхание на морозе вырывалось паром.

Багровое солнце проваливалось в глубину леса, оставляя над головой сгущаться злую стужу. Стволы сосен скрипели, смыкаясь во мраке, подобно людской гурьбе в ожидании ночи.

Где-то в отдалении послышался шелест снега, соскользнувшего с еловых лап.

Ёрш горестно вздохнул.

За плечами давил мешок; в нём было всего два зайца, один ещё тёплый, будто шевелящийся под дерюгой, но и этого хватало, чтобы спина болела от натуги.

Поблизости мелькал Волчок: старый и лохматый, с рыжими подпалинами на боках. Пёс не отставал ни на шаг: то забегал вперёд, принюхиваясь к чему-то в ельнике, то возвращался, тяжело дыша и вывалив язык из пасти. Волчку пуще хозяина не терпелось вернуться в тепло и полакомиться свежей требухой.

Ёрш сызнова думал о доме. Но не о курене, крытом дранкой и двором, обнесённым плетнем. Мысли в голове Ерша бурлили, готовые хлынуть через край, подобно половодью.

Намедни заявился сборщик: в беличьем меху, с глазами, как у рыбы на льду. Выскреб последнее подчистую: и зерно из закромов, и овчину, что на зиму берегли.

А Сурица, жена? До того опостылела, что и глядеть было тошно. В первые годы ещё теплилось в ней прежняя ласка: смеялась колокольцем, обнимала, будто боялась, что ветер унесёт. А нынче? Нынче одно ворчание да упрёки. Грудь, что когда-то манила под рубахой, после третьих родов обвисла, словно выдоили досуха. Глаза стали злющими, и в них скапливались лишь колючая обида.

А вот Белава, соседка… Ох, не раз Ёрш ловил себя на том, что стоит у плетня и не может оторвать глаз от её вихляющих бёдер. Грудь у Белавы вздымалась, будто сама в руки просилась. А губы… губы были полные, всегда чуть влажные, точно только что спелое яблоко надкусила.

Волчок подскочил. Загривок его поднялся дыбом, из глотки вырвался утробный рык.

Ёрш похолодел нутром. Пальцы сами скользнули к топорищу за поясом.

— Тише! — шикнул он на пса. — Чего взъелся, дурень?

Но Волчок и не думал униматься. Залаял взахлёб, скача по снегу. А затем вдруг по-щенячьи взвизгнул, поджал хвост и рванул прочь — стрелой через сугробы, взмётывая позёмку.

Ёрш обернулся на хруст веток, и сердце его ухнуло в самые пятки.

Из-за старой ели вдруг выросло… нечто.

Сначала Ершу почудилось, что это была всего лишь коварная тень. Ростом со стоящего медведя, кривая, с рогами, что ветвились подобно старому клёну, изъеденному морозом и временем. Но чудище вынырнуло из-за еловых лап целиком, и Ёрш различил скрюченное, будто изломанное в суставах чешуйчатое тело с костлявой грудью. Вместо рук — длинные, жилистые лапы, заканчивающиеся изогнутыми когтями.

А вытянутые змеиные головы… их было ровно три!

Первая морда скалилась клыками, точно щербатыми кольями. Вторая таращилась пустыми глазницами. Третья оставалась наклонена набок, прислушиваясь к чему-то в чаще.

Чудище! Нет, не просто чудище! А самый настоящий Лесной Царь из сказок, мать его раз эдак!

Ёрш хотел было полететь на лыжах вслед за псом, во всю прыть, как в молодости. Но ужас сковал: ноги заплетались, лыжи цеплялись одна за другую, скользили врозь. Ёрш споткнулся, грохнулся оземь, недотёписто взмахнув руками. Мешок с добычей съехал набок.

Земля гудела. «Ящер» наклонился, и все три его морды оказались прямо над человеком. Ёрш вдохнул и захлебнулся смрадом гнили.

Лапа протянулась, узловатые пальцы сомкнулись вокруг Ерша, подобно корням старого дуба. Сжала до хруста в рёбрах.

«Ящер» поднял Ерша, поднёс к себе, и тот оказался нос к носу с тремя мордами, да так близко, что различал глубокие трещины на рогах и каждую чешуйку.

Ноги Ерша беспомощно болтались в воздухе. Лыжи съехали, упали в снег рядом с мешком.

Центральная голова шевельнула пастью. Кожа на морде натянулась, напоминая Ершу старую кожу на барабане.

— Тебя… будет достаточно, — изрекла тварь утробным голосом.

Две другие головы покачнулись. Та, что была справа, моргнула пустыми глазницами.

Ёрш едва не лишился рассудка. Он открыл было рот, но не смог ничего выдавить. Ткань между ног набрякла, по бёдрам потекло.

Пальцы «лешего» сжались сильнее.

— Это тело… голодно.

— Не губи! — голос Ерша дал петуха. — Молю!

Центральная голова раздула ноздри, втянула воздух, будто вкушая его страх, пот и потаённые мысли: о Сурице с её опостылевшим ворчаньем, о Белаве с её влажными губами…

В глазах Ерша потемнело.

Может, это был всего лишь дурной сон? Лихорадка после стужи и голода? И он лежал сейчас в избе, а Сурица обтирала его холодной тряпкой?

Пальцы «ящера» разжались.

Ёрш перевернулся в воздухе и тряпичной куклой плюхнулся в снег.

— Беги, — благосклонно велело чудище, будто согласившись подыграть ему в догонялках. — Беги к своему дому.

Ёрш поднялся на колени. Снег набился за шиворот, но он его даже не чувствовал.

— Умоляю! — выдохнул Ёрш, не зная, о чём просит: о жизни ли, или о быстрой смерти.

— Беги, — повторило чудище. — Беги, чтобы я… догонял.

***

Зачерпываю деревянной ложкой остывающую гречневую кашу из глубокой глиняной миски. Крупа сварена на воде, с луковой поджаркой и лёгким ароматом диких трав.

— Хочешь? — спрашиваю, поднося ложку к его лицу.

Векша сжимает зубы так сильно, что на шее проступают жилы.

Наш новоиспечённый пленник сидит на полу, привалившись спиной к стене. Руки скручены сзади, запястья стиснуты грубой пеньковой верёвкой, которая несколько раз обхватывает грудь и снова уходит назад, заставляя плечи выворачиваться в неудобной позе. Ноги вытянуты вперёд и крепко связаны в щиколотках.

Спутанные каштаново-рыжие пряди выбились из-под шерстяной тесёмки, сползли с узла на затылке и теперь скользят вдоль щёк. Глаза, — не чёрные, а зелёно-карие, человеческие, — смотрят на меня так, будто хотят выжечь дыру.

Наконец, его взгляд цепляется за ложку. Векша моргает, отгоняя наваждение. Судорожно сглатывает. Кадык его ходит вверх-вниз.

Придвигаю ложку ещё ближе, почти касаясь его нижней губы. Векша дёргается, будто обжёгшись. Но я-то знаю, что это не так: ведь я специально подула на ложку.

— Спрашиваю, хочешь? — повторяю чуть ласковей.

Векша замирает, и я слышу его короткие, злые вдохи. Будто он пытается вытолкнуть из себя весь воздух, чтобы не поддаться искушению и не согласиться на милостыню. И всё-

таки… он приоткрывает рот. На миллиметр. Достаточно, чтобы я увидела, как кончик его языка касается внутренней стороны губы.

Несколько прядей, тяжёлых от пота, соскальзывают с его лба и падают на глаза, закрывая взгляд.

Мгновенно отдёргиваю руку. Ложка замирает в воздухе.

— «Тогда говори», — сообщаю менторским тоном. — «Говори, всё что знать»!

На секунду мне кажется, что Векша подскочит и вцепится в ложку. Или мне в пальцы.

Векша переводит взгляд с каши на меня и обратно. Дышит тяжело, через нос, будто вот-вот начнёт лягаться. Или плюнет? Я почти физически ощущаю, как ненависть пухнет под его кожей.

В итоге Векша вполголоса огрызается, что-то в духе:

— «Значит, вот ты какая… с гнильцой баба, да?»

Плавно, с демонстративным наслаждением кладу ложку себе в рот. Начинаю жевать, закатывая глаза, изображая удовольствие, граничащее с неприличием.

— Не скажешь — не поешь.

Векша от чистого сердца посылает меня куда подальше. Я не отвечаю. С лёгким, шаловливым шлепком припечатываю ложкой ему прямо по лбу. Кусочки каши разлетаются мелкими брызгами. Один прилипает к брови.

Векша замирает. Его глаза расширяются от неожиданности. На миг в них мелькает потешная растерянность. Слипшиеся пряди снова закрывают взгляд. Векша дёргает головой, недотёписто пытаясь их стряхнуть.

— Ещё раз огрызнёшься, — говорю, старательно сдерживая голос, — и я вытряхну эту кашу тебе на голову. Или в трусы. Чтобы сам себя вылизывал, как кот.

Тычу пальцем вниз, ему в пах. Потом высовываю язык и провожу им по воздуху, имитируя кота, лижущего лапу.

Мы смотрим друг на друга в тягостном молчании. Векша не усмехается, просто смотрит, всё ещё недоумённо, но не без толики брезгливого торжества. Ждёт, пока я пойму. Пойму, как со стороны вульгарно и жалко выглядела моя попытка его приструнить — будто предложила ему «дополнительный сервис» на время его заточения.

— Ладно, — изо всех сил стараясь сохранить остатки достоинства, я деловито вожу ложкой по воздуху, как указкой. — Я проиграла эту битву. Но не войну, учти,

— Ты даёшь свою порцию? — утомлённо вопрошает Хонза.

Он сидит за шатким столом, опираясь локтями.

Ветер проникает сквозь доски, которыми хозяин корчмы наспех заколотил окно. Ставни валяются возле стены — спасибо Векше и его варварской попытке ворваться внутрь.

Надеюсь, этому подлецу хотя бы задницу продует на голом полу. Пусть почувствует, каково это — когда тебя мороз щиплет за самые нежные места, пока ты связан и не можешь пошевелиться.

— Аппетита нет, — признаюсь.

— Potřeba síly. Надо есть.

— Знаю, просто… — я опускаю взгляд. На мгновение позабыв, что сижу напротив связанного человека. — Просто тошнит. В следующий раз съем всё до последней крошки. Пока не могу.

Хонза вяло перебрасывается с пленником короткими фразами. Векша всё ещё лютует в гневе, но теперь в его взгляде сквозит настороженное любопытство.

— Выслушивать его будем завтра, — подытоживает Хонза. — А сейчас надо спать. Takhle ho nerozmluvíš.

Я снова вздыхаю. Перевожу взгляд на Векшу.

Он что-то невнятно бормочет, явно пытаясь меня оскорбить или унизить. Его слова сливаются в низкий гул. Но я не вслушиваюсь. Устало зачерпываю из миски кашу и снова подношу ложку к его губам.

— На, — говорю спокойней, без издёвки. — Можешь съесть пару ложек. За то, что дал мне воды и развёл костёр. Будем квитами.

Векша недоверчиво хмурится. Хонза снова переводит. Векша долго молчит. Его взгляд изучающе скользит по моему лицу. Он вдруг становится… растерянным? Будто из врага я неожиданно стала ему роднёй. Или, по крайней мере, кем-то, кого он больше не может просто ненавидеть по привычке.

Он с видимым усилием приоткрывает рот. Губы касаются края ложки.

Векша жуёт без удовольствия, словно через силу, продолжая препарировать меня своим режущим взглядом. Будто он понял, что мой «пищевой оргазм» был всего лишь симуляцией, и каша на вкус — полный отстой.

— Значит, — размышляю я вслух, обращаясь к Хонзе, но продолжая кормить Векшу, — если скрестить альва с человеком, получается вот такой… метис?

Мне хочется избежать молчания. В голове моей роятся мысли, гудя громче усталости. Пока есть возможность, нужно задавать вопросы. Чем больше я узнаю об этом мире, тем лучше. Как бы ни тянуло зарыться с головой под одеяло, сначала нужно понять, что происходит.

Да, Векша похитил меня и пригрозил подвесить, как новогоднюю игрушку, если конфликт зайдёт слишком далеко. Однако вёл он себя не как какой-то закостенелый маньяк. Овод рвался избавиться от него, но мне категорически претила эта мысль. Да, тип Векша жуткий, и даже без чёрных белков таращится своими глазищами с тяжёлыми веками так, будто видит меня насквозь рентгеновским зрением.

Или, может, он просто отупел после удара котелком по голове?..

В любом случае, разве не правильней будет просто сдать его местным властям? Он же баню поджог, а это — покушение на убийство! За такое ему точно светит срок за решёткой.

— Мило, — я поспешно запихиваю ему в рот новую ложку каши, лишь бы он не пялился так пристально. — Наверное, ему жутко больно при превращении. А у него на ногах тоже когти вылезают? Наверное, столько обуви перепортил, бедолага.

Овод встаёт с соломенного тюфяка и, сердито сопя, ползёт к выходу. Перед этим он умылся из кадки, хлебнул вина с лечебными травами и погрузился в непродолжительный сон.

Видимо, наше неумолчное тарахтение его разбудило.

Перехватив мой встревоженный взгляд, Хонза кивает:

— Иди. Он плохо держит себя на ногах.

Овод что-то бормочет, но Хонза жестом велит мне следовать за ним.

Мы выходим в коридор. Овод бредёт впереди, пошатываясь, скользя растопыренной рукой по стене. Внезапно он остановился, тяжело дыша. Опирается плечом о косяк.

Я остаюсь позади, не решаясь подойти.

— Ну и куда ты собрался? — спрашиваю, заранее зная, что ответа не получу.

Овод мотает головой. Похоже, он в бешенстве и едва удерживается, чтобы не сорваться. Не понимаю, что тому виной — боль или моё постылое присутствие?

Вражбит поворачивается всем корпусом. Грубо хватает меня за запястье и не сильно, но твёрдо толкает назад, к двери.

— «Не ходи», — повторяет он гораздо жёстче. — «Сам схожу. Надо ещё выпить».

Перехватываю его руку чуть выше локтя и чувствую, как под пальцами напрягаются мышцы.

— Я принесу, — тихо отвечаю. — Ляг. Тебе нельзя… я принесу, устроит?

Чувствую на себе его взгляд и рваное дыхание. Слишком темно, лица не различить.

Где-то внизу, в корчме, кто-то громко беззаботно хохочет.

И вдруг Овод не громко, но отчётливо и быстро начинает мне что-то втолковывать. Достаточно одной интонации, она и без словаря понятна. Его слова переполнены злобой, смешанная с болью и каким-то горьким, ядовитым разочарованием. Будто я его в чём-то предала.

Овод упрямо вырывает руку, желая поскорее сбежать в одиночество.

— «Надо было его убить», — царапая горло каждым словом, бросает он. — «Так что иди, куда хочешь, только оставь меня, раз вам всем наплевать, что я говорю».

Моё оцепенение вмиг спадает. Хватаю его крепче, притягиваю, почти вплотную. Опускаю голос до шёпота, подражая его раздражённо-заговорщическому тону.

— Ну и куда ты намылился? С лестницы головой вниз? Иди ложись! Прекращай на сегодня. Если хочешь пить — я принесу.

Овод снова шевелит рукой. В этот раз слабее, как уставший капризный ребёнок.

— Сказала — стой. И вообще, не смей со мной так разговаривать! Я, между прочим, о тебе беспокоюсь. Неблагодарной меня называешь? Да я тебе безумно благодарна! Я…

Вдруг осознаю, что последние слова выдыхаю ему прямо в губы.

— Благодарна, понимаешь? — сглатываю. — Просто… давай сначала отдышимся. А уж потом будем решать, кого убивать, а кого миловать. Договорились? Понимаешь, что я говорю?

Овод молчит. Пальцы его осторожно ложатся на мои запястья. Скользят по коже, задерживаясь чуть дольше, чем нужно. По моему позвоночнику пробегает дрожь. Сердце бьётся где-то в горле тяжёлыми, влажными толчками.

Я жду. Жду, что он наклонился. Упрётся лбом в мой лоб. Или просто нежно поцелует.

Но он не целует. Лишь устало вздыхает:

— «Ладно».

Вот и всё.

Раскатала губу, дура…

— Ладно, — повторяю я, и почему-то голос мой звучит обиженнее, чем хотелось бы.

Судя по шороху, Овод чешет себе висок и, уже совсем будничным тоном, — будто мы внезапно перешли к обсуждению, кому выносить из квартиры мусор, — добавляет:

— «Но я всё равно спущусь вниз. Мне нужно отлить».

— Отлить? — переспрашиваю, машинально пытаясь перевести слово у себя в голове. — Тебе… помочь?

— «Нет, это не тот вид помощи», — он переступает с ноги на ногу и устало добавляет: — «Спроси у Хонзы».

— Так, не понимаю, чего ты хочешь, но я пойду с тобой. Вдруг плохо станет. Ты еле на ногах стоишь.

Овод собирается возразить, но вдруг передумывает.

— «Ладно».

Мы спускаемся по лестнице. Проходим через зал, не глядя по сторонам, и выходим во двор.

Снаружи темно. Где-то вдалеке надрываются псы.

Овод отходит на пару шагов от крыльца и останавливается. Следую за ним, но он резко выбрасывает руку в сторону, и, не оборачиваясь, умоляюще произносит:

— «Постой лучше там».

Он наклоняет голову, будто собираясь с духом, и второй рукой тянется к ремню.

И до меня доходит.

— А-а… блин.

Чувствуя себя самой большой идиоткой на свете, поспешно отворачиваюсь.

После мы садимся в зале кормы и заказываем по кружке горячего сбитня. Овод ссыпает в кружку щепоть каки-то сухих трав и, заметив мой любопытный взгляд, пытается объяснить,

для чего они. Понимаю, это что-то вроде природного обезболивающего. Овод молча сыплет горсть и в мою кружку, добавляя: «Чтобы крепче спать».

Чувствуется, что нам обоим хочется расспросить друг друга о происходящем, но ни у кого нет сил продираться через языковой барьер.

Поэтому просто сидим молча, понимая и принимая нашу общую усталость.

Вскоре мы возвращаемся наверх. Устраиваемся вплотную на лавках, спина к спине. Я ложусь на бок и старательно пытаюсь провалиться в сон.

Но через какое-то время вынужденно открываю глаза и натыкаюсь взглядом на нашего пленника. Он не спит, пристально таращась на меня вместо этого через всю комнату.

Терплю какое-то время, потом переворачиваюсь на другой бок, уткнувшись Оводу в затылок.

Так становится гораздо спокойнее.

***

Дым от печки висел под потолком, смешиваясь с запахом кислой капусты и жареной репы.

За столом сидели трое возчиков, — бородатые и красномордые, — допивали последнюю брагу. Один из них, здоровенный, как бык, хохотал густым голосом, смахивая псам кости со стола.

— Ну и где эту девку носит? Леший, что ли, утащил? — заорал корчмарь. — Ратко! А ну, вставай, ленивая твоя душа!

— Чего, дядь?

— Чего-чего! Милава во двор вышла и пропала! Поди снова с этим сукиным котом в конюшне потеет! Тащи её сюда, работать надо! Пущай не думает, что я задарма кормлю!

Ратко со вздохом усталости потянулся за старым овчинным тулупом с облезлым воротником. Натянул на себя, взял светец и вышел на мороз. Спустился с крыльца и направился в сторону конюшни.

— Милава? Эй! Ты где там, а? Жадко? Вылезайте, хозяин кличет…

Ратко прислушался. Сквозь вой ветра прорвался лошадиный визг. Доски конюшни трещали и скрипели, словно кто-то внутри бился, ломая перегородки.

— Что за?.. — Ратко прибавил шагу.

Добежав до конюшни, он увидел распахнутую настежь дверь. Лошади метались в стойлах, колотили копытами по дереву, в густом мраке.

Ратко попятился, но вдруг почуял за спиной движение и порывисто обернулся.

Что-то тяжело ворочалось в снегу, шагах в двадцати. Огромная сутулая тень, гораздо шире человеческого роста. Тень издавала влажное чавканье, будто кто-то рвал сырое мясо.

Ратко застыл. Глаза его постепенно привыкли к темноте, и он вдруг разглядел… ноги. Ноги Милавы. Один валенок валялся в стороне, подол юбки был разорван. Снег вокруг почернел, пропитавшись чем-то чёрным.

Тварь, склонившаяся над телом девушки, вскинула голову и посмотрела прямо на Ратко.

Лучина выпала из онемевших пальцев и зашипела, утонув в снегу.

Эпизод 14. Право выбора

Векше снился сон.

Руки его были заломаны за спину, в межлопаточном пространстве кололо и ныло. Ноги замёрзли и отекли от долгой неподвижности. Даже копчик и то назойливо саднило.

Однако это было меньшим из всех зол.

Векша сидел в трапезной за длинным, замызганным столом. Ватажники по соседству давились заплесневелым хлебом, обгладывали кости с остатками протухшего мяса.

Крошки и ошмётки скапливались на дереве, словно насекомые. Впрочем, если приглядеться повнимательнее, то и вправду были мелкие паразиты. Сизо-зелёные мухи тёрлись брюшками о липкий жир с тихим жужжанием, а тараканы и вовсе разгуливали среди объедков без тени смущения.

В воздухе висел запах размокшей плоти, густой и приторный, будто где-то рядом оттаивала груда трупов.

Почему же «будто»?

Векша огляделся. Лица ватажников были изъедены смертью: пустые глазницы, провалившиеся щёки и кожа, натянутая на кости, подобно пергаментной бумаге.

Все они смотрели в никуда одинаково рыбьими, безжизненными взглядами.

— Ежели не будешь, — мертвец, в котором Векша мгновенно узнал Мирко, выхватил из его тарелки комок сгнившей пищи, — тогда я возьму-ка.

Его язык, вывалившийся наружу, свисал тяжёлой чёрной тряпкой.

— Да, — замерев в напряжении, выдавил Векша, — не стесняйся.

Под самым ухом раздалось чавканье, и он стиснул зубы, побарывая тошноту.

Сквозь прорехи в обрушенных стенах косо пробивались бледные лучи солнца. В стылом воздухе кружились и опадали ворохи снега.

Очаг давно остыл; в его чёрной пасти завывал ветер, гоняя позёмку.

Всё вокруг казалось давно заброшенным.

— Чего-то ты уж больно смурной, хе-хе! — гаркнул сидевший напротив Прыщепа. — А-а… Не по душе тебе с нами за одним столом? Дворянина из себя, стало быть, строишь?

Мертвец захохотал, и из его кривой челюсти посыпались комки гнилой мякоти.

— А ведь ты такой же, как мы. Ни прибавить, ни убавить!

Векша с трудом удержал гримасу отвращения при виде гадких кусков, размётанных по столу. Один медленно сполз и шлёпнулся Векше на колено, оставив жирное тёмное пятно.

Мясистые, ощетинившиеся колючками стебли не давали Векше пошевелиться. Они лезли из-под лавки, обвивая тело жёсткими кольцами, подобно верёвкам из сырой кожи. Вдавливали вниз, норовя опрокинуть его на пол и вдавить в землю.

— Вот уж точно нет, — прохрипел Векша. — У нас с вами ничего общего. И жрать эту хренотень я не стану.

— Почему же? — мертвец подался вперёд.

— Я не упырь.

— Не бреши! Ты нас всех извёл, даже не дрогнул. Человек так не может. Только тварь. Такая, как мы. А твари должны жрать своё, что воняет да гниёт под самой мордой.

— Я был вынужден… от вас избавиться.

— Мы же бок о бок жили, как побратимы. Али ни пылинки раскаяния в твоей душе не уцелело, а?

— Я просто выполнял приказ.

Упырь пихнул локтем жрущего соседа. Тот поперхнулся, закашлял.

— Слыхал? — Прыщепа гнусно расхохотался. — Приказ! Удобно, м?

— Ой, только не начинай, — Векша мотнул головой, стряхивая слипшиеся от пота волосы со лба. — Вы первые на меня с железом полезли. Либо вы, либо я. Закон выживания для всех един. Уж вам-то он ведом.

— А ты бы хоть словом попробовал. Объяснить там. Побалакать. Людям, знаешь, свойственно языком молоть… не то что упырям.

— Поговорить?! — Векша утрачивал терпение. Колючки глубже впивались в тело, понукая шипеть от боли. — Да вы всего лишь шайка жалких головорезов! Грабили, баб мяли, набивали брюхо чужой кровью! О чём с вами можно было говорить?!

— Ну а прочие? — мертвец указал грязной ложкой в сторону. — Гля. Тут твоих прежних знакомцев пруд пруди.

Векша заставил себя оглянуться. Лица мертвецов начинали обретать знакомые очертания. Но никто по-прежнему не обращал на него внимания, продолжая жадно грызть кости и облизывать костлявые пальцы.

— Так вышло, — пробормотал Векша. — Я был не виноват.

Один из мертвецов схватил его за волосы и откинул голову назад.

— Ты даже не пробовал это изменить, сволочь!

Векша оскалился и скосил взгляд. Он узнал мерзавца: когда-то тот звался его другом, а потом, увидав чёрные глаза, попытался всадить ему нож в печень.

— А чего тут пробовать? Пустая трата времени.

— Ты сделал выбор. Ты нас убил. Каждого!

— Вы меня вынудили. Обстоятельства… вынудили. А так вы мне на хрен не сдались! Ни ты, ни эти…

— Ври больше. Мы-то правду знаем. Иначе зачем бы ты всякую грёбаную ночь звал нас к себе?

Векша зажмурился.

Нечто надвигалось, смыкалось вокруг руин, словно туча на горизонте. По полу волной хлынул запах крови, смешиваемый с конским визгом и гнилью.

Это грозное «нечто» приближалось, сминая под своей поступью чужие кости.

— Отвали, — настойчиво повторил Векша. — Я уже ничего не могу изменить!

Нутро вопило: беги, спасай шкуру! Но путы держали мёртвой хваткой, впиваясь, точно когти химер, вырвавшихся из клетей.

— Всё лёгкие пути выбираешь, Векша.

Они приближались. Охотничьи псы Хозяина. Клацали зубами, готовые впиться ему в глотку.

— Так поищи же их и теперь. Посмотрим, сдюжишь ли?

Сердце колотилось всё громче, заглушая слюнявый хохот мертвецов.

Нужно было бежать. Прочь, так быстро, как он бежал всегда; от прошлого, от правды и от самого себя.

***

Из горячечного забвения Овода вытолкнул громкий шёпот полукровка.

— Подъём! — бунтовал тот, ёрзая на полу. — Просыпайтесь, чтоб вас вши драли!

Овод окаменел, всем существом цепляясь за призрачное, ускользающее эхо. По затылку пробежал озноб. Поблизости расцветала угроза.

Быть может, вокруг действительно клубилась вражба? Поэтому полукровок уловил её первым. Его природа была сама по себе созвучна вражбе, как натянутая струна, дрожащая от низкого звука.

Эрхва помогала лишь подчинять силу с помощью знаков. Но чуять вражбу нутром Овод не мог. В этом смысле он был глух и слеп.

Задремавший за столом алхимик вздрогнул и крепче перехватил оружие.

— В чём дело? — сонно пробормотал он.

— Слушай! — огрызнулся Векша.

— Слушать?

— Тс!

Они прислушались. Сквозь вой ветра и скрип старых досок доносились крики.

— Эта тварь близко, — засвидетельствовал Векша.

— Какая ещё тварь? — Овод попытался приподняться, пыжась от боли.

Соларийка под боком очнулась, промямлила что-то невразумительное.

— Развяжите меня, — прошипел Векша. — Быстро!

— Вначале поймём, что происходит.

— Ничего хорошего! Там что-то… оно ползёт сюда. Ну уж нет. Я сваливаю!

Полукровок перевернулся и, извиваясь сердитой гусеницей, пополз по полу.

— Да ну что за… — издал стон алхимик.

Соларийка ахнула, услыхав шум внизу.

— Та хрень, что вы стащили! — опомнился Векша. — Она ещё у вас? Куда вы её дели?! Забирайте и валим отсюда!

— Хрена с два я тебе это скажу, — Овод выпрямился.

Перед тем как идти вытаскивать Татьяну из плена, он спрятал шуд'урме на стропилах конюшни. Там он и лежал до сих пор — на случай, если полукровку удастся сбежать.

Снизу, из корчмы, донёсся резкий грохот. Через щели между досками прорвался истеричный женский крик.

Овод толкнул Татьяну, жестом велев ей немедленно собирать вещи. Хонза уже торопливо натягивал на себя сумки при тусклом свете догорающей лучины.

— Развяжите меня, — Векша глядел на них снизу вверх. — Я даже бежать не могу!

Хонза что-то пробормотал и шагнул к нему, но Овод перехватил его за предплечье.

— Не вздумай!

— Хотя бы ноги освободить, — возразил Хонза.

— Пусть останется здесь. Вернёмся за ним потом.

— Потом? Мы даже не знаем, что тут происходит! Пусть хотя бы сможет передвигаться.

— С собой мы его не потащим. Запрём здесь. Ничего с ним не случится.

За их спинами раздался скрежет. Он шёл снаружи, ползя по стене корчмы и подбираясь к заколоченному окну.

— Уходим! — заорал Векша. — Мать вашу! Оно лезет сюда!

Алхимик схватил Векшу под мышки и волоком вытащил в коридор. Татьяна тут же принялась развязывать верёвки на его ногах. Овод хотел было их остановить, но всё внимание его уже приковывала тварь, проламывающая доски.

Овод захлопнул дверь.

— Вниз! — приказал он. — Бросай его, живей!

Алхимик помог Векше подняться и, поддерживая под руку, повёл следом за Татьяной. Овод замыкал шествие, то и дело оборачиваясь на дверь. Тварь, похоже, проломило окно, но не спешила пролазить внутрь.

В зале корчмы набилось полно народу. Все наперебой кричали, жались к стенам, словно скота в загоне перед грозой, сжимая в руках всё, что только могло сойти за оружие.

— Что происходит? — выдохнул Овод, приближаясь к хозяину корчмы.

Хозяин, — грузный бородач в засаленном переднике, — вытер со лба зернистый пот.

— Какой-то зверь… — начал он, но осёкся, заметив связанного Векшу.

Неудивительно, что хозяин насторожился. Наверх они вели пленника, тщательно скрыв путы под плащом, чтобы не привлекать лишнего внимания. А теперь вдруг Векша щеголял ими напоказ.

— Здоровенная тварина, — опомнившись, продолжил хозяин корчмы. — Саженей две с половиной, а то и три. Лапищи — каждая по полтора аршина. Нашу работницу загрызла. А теперь в корчму прёт. Держитесь на свету, покуда подмога не подоспеет из города…

С крыши посыпалась труха. Пыль закружилась в тусклом свете. Люди вскинули головы.

— Господи! — завизжала жена корчмаря. — Она на крыше!

— Мда… — Хонза подслеповато щурился, с каким-то странным отупением таращась наверх.

В толпе возгорелась паника.

— Нужно бежать!

— Нет, здесь оно нас не тронет!

Векша клацнул зубами у самого уха Овода:

— Развяжи верёвки, вражбит! Я могу помочь.

— Как эта тварь выглядит? — пренебрегая его ложью, продолжал спрашивать Овод.

— Я видел… — на полу трясся какой-то юнец. — Видел…

Балки над головой протяжно скрипнули. Глухо бухнуло.

Овод едва не задыхался от напряжённых мыслей. Что происходило? Кто мог так ползать по крышам? Ватага упырей? Да, они вполне могли погрызть девушку. И лазить по домам были способны.

Но откуда их столько? Один бы не поднял такой переполох. Судя по звукам, по крыше ползала целая стая.

— Развяжите меня! — суетился Векша. — Развяжите!

— Стой смирно, — Хонза не выдержал и принялся распутывать верёвки на его руках.

Раздался новый треск, гораздо громче прежнего. Венец сушки над очагом качался, будто маятник, отсчитывающий их последние мгновения жизни.

Ещё один удар.

Лопнула нижняя слега. По крыше пробежала трещина, словно молния по небу. Снег стал валиться внутрь целыми пластами, осыпаясь на головы людям.

Кто-то не выдержал и рванул прочь из корчмы, прямо в ночь.

Овод смотрел, как крыша осыпается внутрь, будто внутренности из вспоротого живота, обнажая жерди, луб и старые пучки соломы.

В пролом упёрлась огромная страхолюдина. Передними конечностями она вцепилась в края и потянула с нарастающим усилием, разрывая потолок шире. Рухнул ещё один пласт снега, и всё вокруг стало белёсым, будто в метели.

— Врассыпную! — надрывая горло, завопил Векша, ужом извиваясь в ослабленных верёвках, надеясь освободиться прежде, чем тварь пролезет внутрь. — Бегите врассыпную!

Но его уже никто не слышал.

***

Векша схватил какого-то мужика за шиворот и, вопреки боли в проткнутой руке, отшвырнул прочь от двери. А затем стрелой вылетел в ночь.

Когда давящий, рушащийся потолок корчмы остался позади, лёгкие обожгло морозным воздухом, а над головой вспыхнуло бездонное небо, Векша почувствовал, как всё его нутро зверем потянулось в лесную чащу.

Он подскочил, будто надеясь одним прыжком достать до звёзд. Сапоги с хрустом смяли снег.

Зрение переменилось. Тьма пульсировала движением, переливаясь оттенками серебра и глубокого снега. Луна лилась бурным потоком, усиливая его взгляд в десятки раз. Каждый её лучик, упавший на землю, делал мир насыщеннее.

О, нет! Ночь не была для него слепотой. Ночью мир становился его целиком.

И теперь он мог воспользоваться этим сполна.

Но сперва было нужно отбежать подальше и затаиться. Разобраться, что здесь происходило.

Раненая рука пульсировала, тряпица на ней набрякла от вытекшей крови.

Хозяин прислал химеру, — огромную, уродливую химеру, которую Векша видел впервые. Но зачем? В наказание ему? Ведь химеры не разбирали, кто свой, а кто — чужой. Векша для них точно такая же добыча, как и все эти смерды.

Или, наоборот, в помощь? Но как теперь было отыскать запрятанную вещь во всём этом бардаке? Разве что дождаться, пока химера сравняет всё с землёй, а потом рыться в обломках.

Что происходило?

И почему Таволга не спешила к нему на помощь?

Векша уже почти добежал до редких, голых осин на краю леса, когда что-то вдруг резко дёрнуло его за руку. Он порывисто обернулся и от неожиданности споткнулся о скрытый в снегу корень, рухнул. Чертыхаясь, заворошился в сугробе.

Над ним стояла, задыхаясь от ужаса, соларийка.

Во всей этой суматохе Векша и не заметил, что на его руке всё ещё болталась верёвка. Он не успел стряхнуть её, и на бегу она перекинулась через плечо. Соларийка держалась за свободный конец.

Она, что, всё это время бежала за ним?! Как хозяин, которого собака тащит на поводке!

— А ну, брысь, женщина! — он попытался скинуть с себя верёвку, но соларийка бросилась вперёд, вцепилась ему в пояс, будто того гляди начнёт раздевать.

— Нет! — отчаянно повторяла она, слепо глядя сквозь него в темноте. — Альв. Знать. Башня. Говорить. Ты нужен. Галлу-Дар.

Кажется, она совсем из ума выжила при виде той химеры!

— Отце… — Векша запнулся. — Хотя нет, стой-ка. Они сказали тебе, куда?..

— Говорить. Ты нужен.

— Ш-ш! — он схватил её за плечи, встряхнул и выжидающе заглянул в лицо. — Ты знаешь, куда эти твои дружки запрятали тот краденый предмет? Ну, ту штуку из приюта. Знаешь?

Соларийка таращилась сквозь него. В темноте она явно не видела ни зги.

Наконец, соларийка неуверенно кивнула.

— Ты хоть понимаешь, что я тебе говорю? — усомнился Векша.

Снова кивок.

— И я самый остроумный, красивый и впечатляющий мужчина, которого ты когда-либо видела в своей жизни?

Кивок.

Векша устало провёл ладонью по своему лицу, выдавливая досадливое мычание.

Да. Она совершенно ничего не соображала.

***

Толпа несла их, словно обломки в мутной воде разлива.

Овод успел заметить, как Татьяну, оказавшуюся у самого выхода, завертело водоворотом тел. Крики, мат и рыдания сплелись в один протяжный вой, в котором уже было не различить отдельного голоса.

И тогда он разглядел Векшу. Полукровок рвался вперёд, расталкивая людей локтями, раскидывая их направо и налево с тупой, злой решимостью.

Вот и вся обещанная помощь, мразь.

Овод рванулся к Татьяне, но его тут же зажали, хлестнули по рёбрам. В глазах потемнело, мир схлопнулся до пульсирующей боли.

Позади рухнула плаха, погребя под собой женщину. Та даже вскрикнуть не успела. Кто-то споткнулся о её тело и упал следом. Овод видел это лишь краем глаза. Он обернулся, чтобы оттащить доску и помочь, но алхимик вцепился ему в плечо:

— Некогда! Бежим!

Они вывалились из корчмы.

На пороге нога Овода подломилась, но Хонза подхватил его, сам едва удержавшись.

Жилистая тварь всё ещё сидела на крыше. Она висела, вцепившись когтями в остатки стропил. Её головы всматривались в мечущихся людей. Будто тварь знала кого-то в этой толпе и не хотела брать первого попавшегося.

Ветер трепал клочья шкуры на её загривке.

— Где Татьяна?! — Овод хватал ртом воздух.

— Не знаю. Не вижу. Этот, как его там… Векша тоже пропал!

Вспышки факелов выхватили змеевидную фигуру, соскочившую с крыши.

Тварь выгнула спину, взрыла лапами снег, подмяв под себя бегущего человека. Затем согнулась, внюхиваясь в раздавленное тело.

Овод пошатнулся. На одно страшное, бесконечное мгновение ему показалось, что жертвой под тварью оказалась Татьяна. Но, приглядевшись сквозь пелену снега и слёз, он понял, что это был тот самый юнец, который трясся от ужаса на полу в корчме.

Теперь юнец лежал в снегу, раздавленный, нелепо вывернутый, с раскрытым в безмолвном крике ртом. Одна рука его цеплялась за воздух скрюченными пальцами.

Овода затошнило от собственной беспомощности. Руки его повисли плетьми. У него не оставалось ни сил начертить знак, ни поднять оружие, ни даже броситься бежать. Оставалось лишь стоять истуканом.

И тогда тварь обернулась.

Овод был готов поклясться, все три головы изогнулись и воззрились на него. И в этот миг Овод понял: внутри этой твари было сознание. Она не была бездумным упырём, жаждущим крови.

Тварь что-то искала.

И, судя по всему, наконец нашла.

***

Захлёбываюсь темнотой. Она заливает рот и уши, давит на глаза. Сердце стучит всё отчаянней, противясь потоплению.

Луна скрылась за облаками. Белёсые пятна снега под ногами кружатся, словно меня несёт на карусели.

Я потеряла из виду Овода. Потеряла Хонзу. Даже этого неблагонадёжного Векшу.

Существует золотое правило: «Стой на месте, если потерялся — так тебя легче будет отыскать».

Но что делать, если вместо «отыскать» могут «сожрать»?

— Я сплю, это всего лишь сон… — хватаюсь за голову, жмурюсь, в тщетной попытке проснуться. — Давай. Просыпайся. Давай же!

Ритм сердца заглушает всё вокруг. Дышу через рот, давясь морозным ветром.

Если останусь здесь, то не доживу до рассвета. Каждая клеточка моего тела это понимает. И поэтому я стараюсь исчезнуть. Нужно только получше постараться, ведь так?

Раз, и я снова в своей квартире с недоделанным ремонтом. Лежу на мокрых от пота простынях, таращась в потолок. Сквозь шторы пробивается утреннее солнце.

Я выползаю на кухню, сажусь там, включаю какой-нибудь глупый подкаст и начинаю готовить омлет.

А потом раздаётся стук во входную дверь. Я радостно бегу открывать. Щёлкаю ручкой с вдетым в замок ключом с брелком в виде морского тюленя (сувенир после поездки в океанариум). Распахиваю дверь и с улыбкой встречаю…

— «Чтоб тебя»! — Векша выдыхает мне запах съеденной каши прямо в лицо. — «Чего стоишь?! Я же сказал…»

Стою, глупо раскрыв рот, глазея в движущуюся темноту перед собой. И вдруг замечаю блики. Глаза Векши бликуют в темноте.

Векша вернулся за мной? Или он просто бежит мимо, прочь от чудища?

От растерянности не могу выдавить ни слова.

Векша грубо, — даже чересчур грубо, — пихает меня и тянет за руку сквозь темноту. Врезаюсь плечом в дерево, путаюсь ногами в снегу, замедляя ход. Векша ворчит, уже почти тащит меня шиворот. От страха у меня подгибаются колени.

Прихожу в себя будто по щелчку. Мы двигаемся в противоположную от города сторону.

Я упрямо торможу, дёргаю Векшу за руку.

— Нет, нам надо… в город.

Векша тотчас огрызается, но вдруг затихает, не двигается.

Его голая ладонь ложится мне на рот, затыкая всхлипы. Жду, что сейчас этот вандал снова использует на мне один из своих колдовских знаков, но ничего не происходит.

Вслушиваюсь вместе с ним в звуки леса и, осознав, что к нам кто-то приближается, не могу сдержать хныканья.

— «Тс!» — Векша встаёт у меня за спиной и крепче прижимает ладонь к моим губам, того гляди челюсть свернёт. Его быстрое дыхание касается уха.

Сложно разобрать, что он бормочет. Похоже на попытку уговорить меня расслабиться и довериться ему.

Протестующе мотаю головой. Предложи он спрыгнуть с парашютом, держась за ручки, — и то шансов на то, что я соглашусь, было бы больше.

***

Дыхание соларийки просачивалось сквозь пальцы.

Векша скрутил её покрепче. Он чувствовал, как яростно бьётся её сердце. Совсем как крохотная пичуга, которую вот-вот раздавят пальцами.

Впрочем, он и сам чувствовал себя точно так же.

— Не шевелись, — Векша зашептал ей в висок, почти касаясь губами волос. — Молчи. Стоим и не шевелимся. Поняла?

Химера сокращала расстояние.

Но какого хрена она вообще гналась за ними? Векша напряжённо пытался это понять, с трудом подавляя нарастающую панику.

Почему химера кинулась в погоню, а не осталась в городе, где могла спокойно жрать свежие тела? Ведь к крови альвов химеры обычно испытывали отвращение.

Объяснение могло быть только одно из двух: либо эта тварь не подчинялась обычным законам, либо кто-то её направлял.

Химера мчалась через лес во весь опор, словно обезумевшая.

Чтобы выяснить правду, нужно было пуститься на рожон.

Векша убрал ладонь с губ соларийки. Та выдохнула.

— Тс.

Его пальцы скользнули по её дрожащим векам.

— Не смотри.

Если он просчитался, и химера решит напасть, придётся использовать соларийку как приманку: ранить её, чтобы кровь привлекла тварь, и, оставить на снегу, отвлекая хищника лёгкой добычей.

Несмотря на темноту, в которой соларийка ничего не различала, оставалась вероятность, что луна могла прорваться сквозь облака и осветить приближающееся чудовище. И тогда соларийка могла не выдержать — закричать или совраться в бегство.

А Векша предпочёл бы одним точным ударом попасть ей в артерию, пуская кровь без лишних мучений.

Тварь уже вырастала из-за деревьев.

Задние лапы вдавливали сугробы, передние — с хрустом раздвигали голые ветви.

— Векш… — прошипела змеиная голова, уставившись на них с изгиба длинной шеи.

Заслышав шум приближающегося чудища, соларийка всё же не выдержала. Но прежде чем она успела завопить, Векша прочертил на её шее знак подчинения.

Соларийка вздрогнула и начала стремительно слабеть, оседая в его руках. Он подхватил её под колени и за спину, не позволяя рухнуть лицом в снег. Рывком поднял. Её щека прижалась к его вороту.

— Я же просил тебя молчать, — выдохнул он с натугой.

Знак подчинения действовал безотказно и в полную силу, когда страх овладевал человеком. Ибо страх — главная узда, коей держат в повиновении чужой разум.

Повезло, что соларийка не помнила себя от ужаса. Её сознание подчинилось, как по щелчку пальцев, с благодарностью нырнув в забытьё.

Тварь остановилась. Все три головы, слитые в одно кошмарное целое, воззрились на Векшу.

Глаза химеры горели мертвенно-зелёным.

— Хозяин… — Векша даже не пытался скрыть обуявший его страх. — Р-рад приветствовать. А я сразу и не признал. А поближе пригляделся — ба! Это ты. Вот я глупый! Думал, одна из химер вышла подышать воздухом.

Тварь не ответила. Средняя голова, тяжело извиваясь, наклонилась.

— Ну и чем ты занят? — с трудом ворочая челюстью, прохрипела голова.

Векша тишком выдохнул.

Не прогадал! Химера оказалась всего лишь оболочкой для Хозяина!

Он едва устоял на ногах от облечения.

Векша вскинул соларийку поудобнее. Без должной осторожности, скорее нарочито небрежно, чтобы Хозяин понял, что она — не больше, чем пожива.

— Я выполняю твой приказ, Хозяин. И жду, что ты велишь делать дальше.

Молчание.

— Вражбит, — продолжил Векша, судорожно сглатывая, — перебил Камышовых Котов и украл у них то, что лежало в сундуке. Ты ведь велел стеречь это, да? Я ведь правильно всё растолковал? Вот поэтому я и следую за этим уродом. Он нанял меня в роли телохранителя. Собирается спуститься в одну из пещер альвов. Так что у меня всё под присмотром. А эта девка, она вроде как его подруга на ночь. Ни слова по-нашему не понимает, дура полная.

— Ты пытаешься… что-то скрыть.

— Нет, просто… то, что ты, господин, внутри этой химеры… меня немного смущает. Ну и душок! Аж глаза слезятся.

Змеиные головы плавно покачивались, обступая Векшу и накрывая плотной стеной.

— Вражбит мне ещё не до конца доверяет, — делая подыскивающие колебания, продолжал Векша, — Но я ведь только начал… Или прикажешь схватить его и допросить с пристрастием? О, поверь, Хозяин, я жду не дождусь, чтобы…

— Ты славно потрудился.

От неожиданности Векша на мгновение умолк.

— Ч-что, правда?

— Следуй за вражбитом. Теперь мне ведомо, кто мой враг. Кто вмешивается в мой порядок. Осталось… выяснить, где он прячется. Ступай. И будь готов в конце принести мне его голову.

Тварь потянула лапу к соларийке.

— А сейчас… это тело голодно.

Векша принял решение быстрее, чем успел это осознать:

— Постой, хозяин! — голос его прозвучал чересчур громко, и он тут же стушевался. — Если я её приволоку назад, то… в общем, вражбит станет мне доверять. Позволь ей воспользоваться.

Лапа повисла в воздухе. Когти застыли всего в ладони от шеи соларийки.

— Поверь, — продолжал Векша, — я бы с удовольствием поглядел, как ты наматываешь кишки этой стервы на сосну, но… но она мне пока что нужна. Для дела.

Векша ощущал, как по спине, от самого затылка до крестца, пробегает ледяная, обжигающая волна ужаса. Его будто пригвоздило когтями к стволу дерева.

Хозяин смотрел через тело змееподобной твари прямо на него.

«Почему я боюсь?» — пронеслось у Векши в голове. — «Ведь я не лгу!»

Наконец, тварь медлительно отстранилась, прислушиваясь к шуму леса, и, прежде чем Векша успел опомниться, скакнула с места, взметнув тучу снега и осыпав его с ног до головы.

Хрипло дыша, Векша проводил химеру взглядом.

Он ещё какое-то время постоял как вкопанный, боясь пошевелиться, а затем с громким, стонущим выдохом осел на колени. Опустил соларийку на снег.

В тот же миг путы подчинения лопнули, и соларийка пришла в себя. Она подскочила и отчаянно вцепилась в него, словно кошка, которую пытаются забросить в воду.

Проклятье! Не успей он начертить на ней знак подчинения, или вздумай она сопротивляться — Хозяин без раздумий разорвал бы её на части.

— Вот и всё, — с предательской хрипотцой в голосе пробормотал Векша. — Чудище ушло. Можем жить спокойно. Я же говорил тебе сидеть тихо и…

Соларийка, похоже, окончательно лишилась рассудка.

Векша взял её за плечо, пытаясь отсадить, но она вдруг перехватила его руку и прижалась щекой к тыльной стороне ладони. Той самой, изуродованной обращением. Вопреки стянутой коже и выпирающим когтям на ней.

Движение вышло порывистым, когти скользнули по её коже, оставляя след.

— Спасибо, — прошептала по-ирийски соларийка, захлёбываясь слезами.

Векша вздрогнул, словно получил удар кнутом.

Он попытался убедить себя, что ослышался. Но соларийка уже отпустила его когтистую руку и вдруг обхватила руками шею, прижимаясь всем телом. Он глубже вдохнул запах её волос с примесью пота и страха. И тогда в груди что-то лопнуло.

Вот оно, то, чего он ждал всю свою жизнь. Её пальцы на его когтистой ладони, тёплое дыхание у шеи, под взглядом его чёрных глаз, и доверие — настолько искреннее, что от него делалось больно.

И это всё обрушилось на него не вовремя и не к месту, но оттого сделалось ещё более лакомым.

Растерянно, словно боясь сломать, Векша обнял соларийку в ответ. Притянул одной рукой за талию, другую, когтистую, не дыша, положил на спину.

Всё его тело ещё колотило от недавнего ужаса перед химерой, но слёзы соларийки возле его горла выбили последние мысли.

— Ага… — Векша бездумно уставился перед собой. — Обращайся.

Эпизод 15. Солнцестояние

Они двигались по узкой улочке от Староместской площади в сторону Карлова моста. Жара стояла настолько несносная, что под подошвами, казалось, плавился асфальт.

В одной руке Хонза нёс потёртый чемодан, другой придерживал шагавшую рядом Аничку, не давая ей выбежать на дорогу.

Аничка шла вприпрыжку, переводя взгляд с голубей на старые пражские дома с облупившейся штукатуркой, а затем на свой вафельный рожок с шариком мороженого. На дочке было лёгкое ситцевое платьице в мелкий цветочек и сандалии, надетые поверх белых носочков.

Хонза помнил, что была суббота, но его всё равно попросили заехать в лабораторию. Зачем именно — он уже не помнил. Об этом свидетельствовал лишь оставшийся с ним чемодан.

Впрочем, годы спустя это уже не имело никакого значения.

— Пап, капает! — дочка показала ему подтаявшее мороженое.

— Ну так ешь быстрее.

Они вышли на более широкую улицу. Несколько секунд было слышно только дребезжание трамвая и далёкий звон посуды из открытого кафе.

— А почему вы с мамой всегда ругаетесь?

Хонза крепче сжимал ручку чемодана.

— Не всегда, — возразил он. — Просто мы устаём на работе.

— Вы из-за работы друг друга не любите?

Хонза резко остановился. Поставил чемодан на брусчатку и присел, чтобы оказаться на одном уровне с дочкой.

— Ну что за выдумки? Мы просто иногда спорим.

Анна немного помолчала, обдумывая его слова, и слизнула подтаявший край мороженого.

Хонза горестно вздохнул. Если даже их тихая Аничка начала задавать такие вопросы, значит, со стороны всё и правда могло выглядеть серьёзнее, чем ему казалось. Дети ведь редко ошибаются в подобных вещах, ведь они лишены толстого слоя предубеждений и рационализаций.

Он вспомнил вчерашний вечер: как стоял у стола, уткнувшись в расчёты, не слушая, что говорит Маркета. Тогда он ответил ей с резкостью, — вовсе не желая обидеть, просто все мысли были заняты формулами, температурными режимами, давлением и выходом продукта.

Маркета тогда умолкла, а затем и вовсе сделалась странно задумчивой. Улыбка, которой она обычно встречала его по утрам, тоже исчезла, оставив лишь тонкую линию сдержанной печали.

Хонза провёл ладонью по лицу.

Он был хорош в своей работе: там всё подчинялось чётким законам. Если реакция шла слишком быстро — понижаешь температуру; если росло давление — ищешь утечку или усиливаешь стенки.

Причина, следствие, решение. Это был мир, который можно было просчитать.

А вот с чувствами жены всё выходило иначе.

— Пап, ты снова задумался.

— Знаешь, — Хонза решительно выпрямился и взял и дочку за руку, — сегодня мы вернёмся домой пораньше.

— Правда?

— Правда. И я попробую… поговорить с мамой нормально. Не как профессор.

Аничка задумалась, а затем серьёзно кивнула:

— Ты справишься.

На краю дороги стоял цветочный ларёк. Вёдра с водой были выставлены прямо на улице, и от них тянуло влажным запахом ромашек, гвоздик и астр. Хонза скользнул по цветам взглядом и уже было пошёл дальше, но через несколько шагов замедлил ход.

— Хм, у меня появилась идея.

— Какая?

— Давай выберем маме цветы. Подожди, куда собралась? У тебя руки грязные. Доедай лучше.

— Я помогу!

— Ты вся в мороженом.

— Ну пап!

Они подошли к киоску. Хонза пригляделся к цветам с той же сосредоточенностью, с какой вчера в лаборатории пересчитывал трижды все значения в таблице.

— Пап!

— Аничка, не капризничай, очень тебя прошу. Доедай мороженое.

Дочка что-то пробормотала и откусила рожок без прежнего энтузиазма.

Собрав букет, Хонза зашёл внутрь ларька, поставил чемодан у ног. Расплатился, перекинулся с продавщицей парой фраз о жаре, о цветах, взял букет и обернулся к выходу.

— Аничка?

Он вышел на улицу, ожидая увидеть дочку на краю тротуара.

— Аничка! Пойдём.

Улица жила своей жизнью: гремел трамвай, сновали люди, где-то раздавался юношеский смех: какие-то пионеры кормили голубей крошками от плетёных булочек.

Всё оставалось прежним — кроме одного.

Анички не было.

Хонза вернул вышедшей продавщице букет.

— Дочка… она стояла здесь, — он беспомощно махнул рукой в сторону улицы.

Продавщица рассеянно покачала головой. Тогда Хонза отбежал и остановил какую-то прохожую.

— Простите, вы не видели? Девочка здесь стояла… Минуту назад.

И вдруг его осенило. Аничка говорила про грязные руки. Хонза огляделся, выискивая уличные краны, где можно было бы набрать воды.

— Вода, — прохрипел он.

Аничка могла пойти мыть руки! Ну разумеется, всё просто.

Хонза свернул в проходной двор и перешёл на бег, спотыкаясь о неровную мостовую.

— Аничка!

Он больше не чувствовал себя рассеянным профессором — теперь он был просто рассеянным отцом, который на секунду отвернулся и потерял самое дорогое.

Вот так вот он «порадовал» жену. Дурак безмозглый!

Каменная арка вывела его во двор. Стены домов заслонило солнце, воздух стал тяжелее из-за сырости и удушающего жара.

Во дворе и правда оказался кран, вмурованный в стену. У него стояли двое мальчишек лет восьми-девяти: один держал ладони под струёй.

Но Анички с ними не было.

Хонза метнулся обратно к цветочному ларьку. Чемодан бил его по ноге, мешал бежать.

Продавщица ждала на улице.

— Нашли?

— Нет…

— Возле моста стоят милиционеры. Я позову их, вы пока стойте здесь. Да на вас лица нет! Выпьете водички?

Хонза обследовал всю улицу: каждую сувенирную лавку, каждый киоск и витрину. Анички нигде не было. Тогда он снова нырнул в лабиринт дворов.

Сердце колотилось, как барабан на пионерском слёте. Пришлось сбавить шаг. Голова кружилась от жары, бега и нарастающей паники. Желудок подкатывал к горлу.

Хонза шагнул к стене и прислонился к ней спиной. Камень, пробившийся сквозь мокрую рубашку, оказался неожиданно холодным. Хонза снял очки, провёл ладонью по влажному от пота лицу.

Когда шум крови в ушах немного стих, он открыл глаза, оттолкнулся от стены и поплёлся вдоль неё.

Внезапно стена под его рукой оборвалась. Хонза остановился, недоумённо уставившись на образовавшееся пространство. Что это за место такое? Будто кусок здания вырвали!

Двор, из которого он пришёл, теперь тоже выглядел иначе. Хотя Хонза знал эту часть города как свои пять пальцев. Когда он только успел забежать так далеко?

Хонза прислушался. Вокруг стояла неестественная тишина. Лишь ветер шелестел в траве, пробивающейся сквозь трещины в камне.

И тогда Хонза поднял взгляд.

Перед ним возвышалось каменное кольцо, уходящее вверх и обрывающееся неровным краем, словно сломанный зуб.

Хонзе понадобятся десять лет, чтобы разгадать: причиной случившегося стали башни альвов и проклятое летнее солнцестояние, о котором он прежде даже не задумывался.

И правда, зачем это вообще могло ему понадобиться в прежней жизни?

***

Сотский свёл кустистые брови и сердито постучал пальцами по столу.

— Как у зайца? — переспросил он. — Ты же только что твердил: у твари были ноги, как у козла.

Сидящий сбоку писец снова зашелестел гусиным пером по пергаменту, продолжая вести запись.

— Или как у рыси, — равнодушно пожал плечами допрашиваемый, назвавшийся Векшей.

Малым ножичком Векша неторопливо вырезал из сосновой чурки фигурку. Из-за раненой ладони он постоянно морщил нос, и только изредка поднимал взгляд, когда скрипела дверь.

Чем дольше сотский глядел на Векшу, тем больше тот ему не нравился.

На вид ему было лет тридцать. Сухой и жилистый, будто волк, перезимовавший в голой степи без добычи. Плечи не широкие, зато в руках жила так и перекатывалась, да и пальцы — рабочие. От безделья не маялся, сразу видать.

Лохматые волосы у него были с рыжеватым отблеском, как осенний камыш под солнцем, и всё время лезли тому на грязный лоб. Под глазами залегли тени.

Но пуще всего сотского злили его глаза.

Зеленоватые, чуть широко расставленные, от чего взгляд выходил особенно прямым и цепким.

Отвечал Векша без суеты и смотрел так, словно не его тут за грудки держали да допрашивали, а он сам исподтишка приглядывался: что за люди перед ним, и на что они все годились.

И от такого взгляда сотскому делалось тошно и зло единовременно.

Слишком уж по-хозяйски и уверенно держался этот шельмец для того, кого всего ничего назад чудище едва не разодрало в клочья.

Сотский ударил кулаком по столу. Чернильница подпрыгнула, а писец вздрогнул и сбился, оставив на пергаменте жирную кляксу.

Векша замер, — его пальцы, державшие фигурку, остановились. Поднял глаза, тая в уголках сухих губ усмешку.

— Время наше тратишь, собачий сын! — рявкнул сотский. — Дело кровавое: люди погибли, а ты тут кривляешься!

— Кто кривляется? — Векша ткнул себя остриём ножичка в грудь. — Я? Упаси Господь. Был там, сам всё видел. Мне вот не до смеха. А что вы допрашивать грамотно не умеете — так это уж не моя вина.

От его нарочито спокойного голоса у сотского аж зубы свело.

— С меня хватит, — обернувшись, он махнул помощнику, что держал под мышкой стопку записей. — Кто он? Откель будет?

— С тем торговцем, у которого дочь по-нашему не кумекает.

— Кем им приходишься, сучёныш?

Векша помедлил с ответом, не прекращая строгать фигурку. Лезвие ножичка мягко скользило по дереву, снимая тонкие завитки стружки. Векша сдунул их с ладони, оглядел работу прищуренным глазом и только потом, словно между делом, обронил:

— Мужем. Дочери торговца.

Сотский сделал глоток из кружки и вытер усы.

— Разве муж не тот, темноволосый?

Векша недовольно прищурился, уголки рта его дёрнулись. Он повернул фигурку в пальцах и стал с явным наслаждением ковырять ей ножичком глаз.

— А у нас, у соларийцев, так заведено. Многомужество. Ещё вопросы будут?

Сотский сжал кулаки так, что костяшки побелели. Удавить бы эту сволочь на месте! Сжать за шею, пока глаза не вылезут, и наглость не выветрится из башки.

— Пошёл вон! Заводите следующего!

Векшу вывели, и в избу сразу затолкали нового очевидца.

Они опросили уже столько народу, что сотский и сам сбился со счёта. А в сенях ещё гудело скопление людей. И попробуй разбери: кто из них в самом деле видел что-то стоящее, а кто просто приблизился к толпе, желая поучаствовать в шуме да языком почесать.

Нужно было спешить: собрать всё, — слово в слово, без утайки, — сложить записи и отправить с гонцом к наместнику. Наместник уж сам рассудит.

А время не ждало. Кровь стыла, следы заносило снегом, а правда путалась меж людей. И некогда было тратить часы на таких вот скоморохов, что любят всё внимание на себя тянуть.

Слетятся на беду, словно мухи на дерьмо, мать их раз так…

***

Наступаю в лошадиный навоз, размазанный по дороге. Брезгливо кривлюсь и начинаю вытирать подошву о снег, придерживая повыше подол тяжёлой юбки, надетой поверх джинсов.

— Я приняла решение, — бурчу, прилежно тая обиду в голосе. — Не надо меня отговаривать.

Хонза стоит ко мне спиной, будто и вовсе не слушает. Наблюдает за тем, как мясник в засаленном тулупе заматывает нам кус сала в холстину. Скрутив ткань узлом, он перехватывает свёрток бечёвкой.

За его спиной, на перекладине, висят куски вяленого мяса.

— Я кто, чтобы отговаривать? — Хонза пытается скрыть раздражение; напускная деловитость служит тому лишь доказательством. — Prostě si… думай, к чему приводит выбор.

— За эти дни меня избили, я чуть не околела от холода и едва не пошла на корм динозавру. Поверь, я отлично всё осознаю!

Расплатившись за сало, Хонза кладёт его в мешок, и мы идём дальше вдоль торговых рядов, сквозь клубы дыма от костров.

— Зима, монстр, зверь, — привередливо перечисляет Хонза. — Люди. Ti poslední největší опасно. Даже не пневмония тебя губить. Маленькая рана. Смерть. Понимаешь? Медицины доброй нет.

— Понимаю, — разглядываю на руке подаренную им рукавицу.

— Jak chceš.

Дальше мы ступаем в гнетущем молчании. Ёжусь, плотнее кутаясь в шерстяной платок.

После того как чудище ушло в лес, оставив за собой развороченную корчму, староста велел перенаправить пострадавших в церковь. Она представляла собой деревянное строение без пышных украшений, стоящую посреди торговой площади.

Кого-то везли на санях, кого-то волокли по снегу на наспех сколоченных носилках. Священник на фоне торопливо читал молитвы, пока его помощники грели котлы с водой и промывали кровоточащие раны.

Хоть я и старалась держаться рядом с Оводом, — ведь он всё ещё не оправился после своих ран, — мне несколько раз пришлось отрываться, чтобы помочь каким-то незнакомцам. Толку от меня, конечно, было немного, но подержать или подать что-нибудь я вполне могла.

Как только Илье удавалось справляться с такой психологически тяжёлой работой? Среди вони, стонов и бесконечного жалобного хныканья?

Я так отчаянно пыталась удержаться на ногах посреди этой сумятицы и запаха мокрой шерсти и сырого дерева, что даже не заметила, как у меня самой начался жар.

В какой-то момент я просто застыла посреди сутолоки и раздражённых голосов, тревожно таращась на медные таблички, что висели полукругом в церкви — от самого входа до алтарного камня (вкопанного в землю, обитого железом, и с бьющимся внутри огнём).

Таблички выглядели потемневшими от времени. В углублениях зрела тёмная краска, отчего контуры проступали резче. Местами линии выглядели неровно, словно рука мастера дрогнула или вовсе сорвалась в отчаянии. Жуть какая.

Когда пламя свечей колыхалось, и по стенам метались тени, знаки оживали, исчезая и проступая вновь. Казалось, они менялись, пока на них смотришь.

Или это просто мерещилось мне от усталости?..

Ко мне подошла какая-то женщина в платке. Встала перед табличкой и принялась протягивать к ней руки, словно пытаясь вобрать её знак в себя. Затем она лихорадочно повернулась ко мне и посмотрела так, точно ждала, что сейчас я присоединюсь к этому безмолвному обряду.

Но я лишь трусливо попятилась. Местная религия не будила во мне ничего, кроме первобытного ужаса.

Попятилась и наступила кому-то на сапог. Обернулась, мямля извинения, и столкнулась с Векшей. Мне даже стало неловко за свою неуклюжесть перед этим неудавшимся ворюгой. Злиться на него, как раньше, уже не получалось. Ведь ничто так не сближает людей, как совместны побег от динозавра по ночному лесу.

К тому же это ведь Векша уберёг меня от зубов той твари. Гидра не нашла нас лишь потому, что Векша нейтрализовал меня колдовским знаком, и я не выдала нашего присутствия своей истерикой.

Векша натянул капюшон пониже, так что, казалось, сам толком не разбирал, куда ставит ногу. Когтистые руки он прятал в рукавицах.

Он исподтишка глянул на меня; его чёрные, будто налитые смолой глаза, тускло сверкнули. Заговорщицким шёпотом Векша обронил что-то вроде: «Твои боги тебя здесь не услышат». Казалось, он собирался продолжить, но моё терпение иссякло.

Его угроз мне только не хватало для полного счастья!

Я поспешно обогнула его и направилась обратно к Оводу.

— Не отходи, — упрекнул меня сидящий спиной к стене вражбит, когда я вернулась к лавке с вещами. Вид у него был совсем унылый — так и хотелось укутать его в одеяло и принести кружку какао.

Рядом мандражировал Хонза. Он стерёг вещи, будто это было его единственным занятием, и время от времени украдкой прикладывался к фляге, от которой тянуло самогоном.

На рассвете дверь притвора с грохотом распахнулась, и в церковь ввалились стражники. Сотский приказал немедленно тащить всех на допрос.

Нас троих, — меня, Хонзу и Овода, — отпустили довольно скоро. А вот Векшу задержали. Я даже подумала, что он сумел сбежать. Но к вечеру Векша вернулся, измотанный, насквозь промокший от снега и долгой ходьбы. На голове его материализовалась меховая шапка, очень походящая на ту, что я оставила в корчме.

Векша забился в пыльный угол и всю ночь ворчал, сетуя на чешский храп.

— «Чтоб тебя, алхимик!» — шипел он, таращась в нашу сторону, как взлохмаченный барабашка. — «Это, видать, ты свёл с ума половину того приюта! Эй, вражбит! Пни старика в бок, а то я сейчас сам с ума сойду!»

На следующее утро мы с Хонзой отправились на рынок за припасами. Вскоре из города выходил вооружённый торговый караван, и Овод, вопреки своему состоянию, решил к нему примкнуть.

Караван направлялся в сторону Галлу-Дар, точнее, к одному из спусков туда.

Когда я узнала, что меня собираются оставить в городе прачкой, меня охватило такое недовольство, что мы с Оводом окончательно рассорились. Из-за этого даже Векша не смог вставить свои пять копеек по поводу того, что он, между прочим, тоже собирался подать прошение о вступлении в команду.

Овод не желал видеть рядом и его.

— Я не договорила! — возмутилась я, наблюдая, как вражбит ковыляет к корыту с водой, чтобы сполоснуть руки.

— «Зато я договорил», — бросил он, даже не оборачиваясь.

Я присела, сгребла снег, скатала снежок и со всего размаху залепила им Оводу в затылок. Вражбит злобно выругался, обернулся и, кажется, пригрозил отправить меня в женский монастырь, где меня обреют со всех сторон.

Векша стоял в стороне с какими-то незнакомыми зеваками и наблюдал за нами, жуя колбаску на палочке. Кажется, его наша ссора откровенно забавляла, хоть и он старательно делал вид, что всего лишь нудился от скуки.

— Что ты там бзднул? — я подавилась возмущением. — Да ты кто такой, чтобы меня куда-то отправлять?!

Прежде чем кто-то из нас успел ляпнуть что-то непоправимое, Хонза деликатно увёл меня в сторонку. А после снарядил мешками для провизии, и мы отправились на рынок.

И вот Хонза останавливается у следующего прилавка и вальяжно начинает складывать в мешок лук и репу. После нападения чудовища чех словно постарел ещё лет на десять.

Хотя не удивлюсь, если и у меня прибавилось седых волос.

— Я могу… — пытаюсь подойти к нему сбоку, заглядывая в лицо, но Хонза усердно делает вид, что я ему только мешаю. — Я говорю — я могу помогать. Вещи стирать. Еду готовить. Что от меня требуется в дороге? Только скажите. Поймите, я правда не могу тут остаться. Если есть хоть какая-то идея, как вернуться домой…

Хонза складывает лукавицу и устало косит линию губ.

— Я понимаю, — изменившимся тоном отзывается он, а затем вдруг поворачивается и смотрит мне прямо в глаза. — Я сам столько лет. Это тяжело. Těžší, než si dokážeš představit.

— Вы меня научите? — дрогнув голосом, спрашиваю.

— М-м?

— Выживать?

Хонза пожимает плечами и подаёт мешок с овощами продавцу для оплаты.

— Ты делать это dobře sama.

— Спасибо, — шмыгаю носом. — А если серьёзно?

— Лекция первая. Учи язык. Говори s místními. Каждый деталь je важно.

Прежде чем я успеваю обмозговать услышанное, Хонза указывает пальцем куда-то мне за спину.

— С ним можешь. A já mám teď práce.

Оборачиваюсь и натыкаюсь на Векшу.

Полукровок стоит, смастерив на лице гримасу гробового уныния. На плече он нёс какую-то поклажу.

— «Дай ещё денег», — делая вид, что меня здесь нет, Векша тянет варежку к прилавку.

Хонза с выдержкой настоящего аскета качнул головой.

— «Денег не дам», — отрезал чех. — «Вон развлеки пока сеньориту, а то она…»

Последнее не понимаю вовсе, но о сути догадываюсь. Хонзе надоело со мной возиться.

Векша с каменным выражением лица убирает руку с прилавка. Его взгляд по-прежнему пристально следит за движениями Хонзы, хотя мне кажется, что внутренне он уже сосредоточен на мне. Будь у Векши уши, они наверняка повернулись бы в мою сторону.

Полу-альв выглядит так напряжённо, словно я собираюсь на него наброситься с кулаками или вымазать его в дерьме. Явно одно из двух, третьего не дано.

Задумчиво разглядываю его вблизи при свете дня.

Что ж, а он ведь действительно местный. Лучшего кандидата на роль языкового наставника и не придумать. Да и без своих превращений выглядит весьма прилично, разве что прищуренный взгляд слишком напряжённый и цепкий. Ну ещё, конечно, если не считать его общей непредсказуемости, из-за которой внутренний голос настойчиво велит держаться от него подальше.

Да и о чём с ним говорить? О погоде? Или о том, как я всерьёз думала, что он скормит меня чудищу в ночном лесу? Прелестная тема для беседы.

— Эм-м… — с усилием заставляю себя смотреть Векше в лицо до тех пор, пока он не заметит моего взгляда. — Извини.

Векша переводит на меня взгляд с таким мрачным выражением, будто я только что оскорбила его мать, бабку и всех прочих прародительниц до девятого колена.

Он моргает, будто прислушиваясь к назойливому комариному жужжанию, и, чуть наклонив голову, переспрашивает:

— Чего?

Из-за скудного словарного запаса мне приходится объяснять жестами:

— Прости, что… сделала тебе пшик-пшик в лицо. Пеппер спайси.

Поскольку Векша странно молчит, — будто завис между пониманием и полным отсутствием интереса, — я настойчиво продолжаю:

— Я. Ты. Твоё лицо. Мокро, горячо.

— А-а… м? — на его лице проступает внутреннее напряжение, словно ему натирает ботинок. — Да, кажется, я понял.

По всей видимости, он решает, что если согласиться, можно поскорее закончить этот разговор.

Повисает неловкое молчание. Начинаю из-за этого не на шутку злиться.

Мог бы хоть из вежливости поддержать беседу! Сам-то ведь не сахар: ввалился в комнату, напугал до чёртиков, обращался со мной, как с мешком картошки. За такое хотя бы извиниться следовало.

Как не просят, так трещит без умолку. А как пытаешься с ним вежливо побеседовать, так язык прогладывает.

Может, он мизогинист и женщин на дух не переносит? Для их доисторических порядков — диагноз, можно считать, рядовой.

Голова моя гудит от усталости, от голода и от беспрестанных попыток выдавливать слова на чужом языке. Пошло оно всё к чертям собачьим! Не желает говорить — и не надо, обойдусь.

Хонза отходит от прилавка, и мы тянемся за ним.

Стоит мне примерить на себя образ оскорблённой до глубины души дамы, как он тут же начинает распирать пространство вокруг. Векшу давит, как бедного кавалера, которому пышная юбка рококо спутницы не даёт пройти в узком проходе.

Векша прочищает горло, явно побарывая раздражение, и пытается деликатно отодвинуть мою обиду в сторону:

— Так как тебя там зовут?

Опаляю его взглядом.

Ах, то есть ему было настолько на меня наплевать, что он даже имени не удосужился запомнить? Мог бы хоть из элементарной вежливости подслушать потом в разговоре!

Впрочем, на мне снова сказывается усталость.

Кто мы друг другу такие, чтобы имена запоминать?

Нужно быть проще, Таня. Чуточку попроще.

— Таня. Татьяна. А тебя?

Решаю сыграть в ту же игру: сделать вид, что и я не удосужилась запомнить его имени.

Боже, на что я только трачу время, лишь бы отвлечься от происходящего вокруг безумия?

Замечаю, как по лицу Векши пробегает едва уловимая тень. Мне хочется думать, что его это всё-таки задело. Он ведь так старательно представлялся, когда был связан, будто самого графа Шрусберийского в плен взяли.

— Векша.

— Векша? Что это значить? — мямлю, пытаясь сформулировать вопрос. — Ты значить «ничего»? Как это говорить по-ирийски? Не знаю, как сказать. Понимаешь?

Мы проходим какое-то расстояние молча. Кажется, Векша не хочет разбирать мой детский лепет. Но неожиданно он указывает пальцем на стену одной из лавок, где на жердях висит ряд беличьих шкурок.

— Векша.

— Что? — кошусь на него, не понимая, правильно ли расслышала. — А-а…

Мои губы предательски дёргаются вверх. Пытаюсь закусить их, но поздно: из меня вырывается нервный смешок. Поспешно отворачиваюсь, пряча лицо в платок.

Белка. Воображение смешивает фантазии с действительностью. Представляю Векшу в образе фурри или квадробера. Что ж, теперь куда проще воспринимать его обличье альва. Как же смешно! И немного… мило?

Нет, Таня, стоп. Не начинай. Этот социопат днём ранее привязал тебя к мешку с камнями.

Поднимаю голову и смотрю на Векшу. Он резко втягивает воздух через нос и отводит взгляд.

Смотрю на его профиль, а в голове крутится дурацкий вопрос: вырастает ли у него хвост?

Теперь его взгляд и сжатые губы больше не кажутся мне уже настолько грозными. Как будто по щелчку пальцев вместо непонятного альва передо мной вырастает белка-переросток.

Я прижимаю ладонь ко рту, пытаясь задушить нервный смех, рвущийся наружу из-за этого абсурдного несоответствия.

— А твои?.. — успеваю кивнуть ему на варежку и вдруг осекаюсь.

Мне хочется задать вопрос про когти. Втягиваются ли они обратно? Есть ли у него специальные мышцы, которые ими управляют? Из того же ли они материала, что у людей, или твёрже? Остаются ли шрамы после превращения?

Но не здесь же, не посреди толпы! Да и не в том я состоянии, чтобы подбирать такие сложные слова на чужом языке.

И кто знает, вдруг это слишком интимный вопрос? А то ещё окажется, что в этом мире за такие слова легко схлопотать клеймо невежды или хуже — дискриминатора по происхождению?

— А мои?.. — повторяет Векша тихо.

Варежка на его правой руке слегка шевелится. Кажется, он сжимает пальцы.

Вспоминаю, что у него была проткнута ладонь. Ну дак сам виноват, не надо было нападать на Овода.

Качаю головой, мол: «Забей, ничего существенного!». А затем поспешно ускоряю шаг, нагоняя Хонзу.

Нет, пошло всё к чёрту. Я слишком устала, чтобы налаживать связь с этим чокнутым индивидом.

Всю оставшуюся дорогу чувствую, как Векша недовольно сверлит мой затылок взглядом.

Можно подумать, я ему косарь задолжала.

Эпизод 16. Расходный материал

Таволга подняла руку, сжав пальцы в кулак.

Сова опустилась на плотную сокольничью рукавицу. Сложила крылья, и серо-бурые перья слегка взъерошились под порывом ветра.

По заснеженной поляне вихрилась позёмка. Солнце, отражаясь от снега, слепило взор, и Таволге приходилось щуриться, разглядывая пойманную птицу.

Вражбитка провела кончиками пальцев по груди совы. Та не отпрянула, лишь издала мягкий, переливчатый звук, похожий на кошачье мурлыканье.

Таволга вздохнула, тая улыбку в изгибе губ.

— Умница. Прости, но мне придётся занять твоё тело. Тише, тс.

Сова вытянула шею, расправила крылья. Наклонила голову, прислушиваясь к чужой воле, которая уже вплеталась в её разум кованым стержнем.

— Стань моими глазами, — Таволга вывела на теле птицы следующий знак подчинения, — стань крыльями.

Глаза совы сузились, зрачки вытянулись в узкие щёлочки.

Таволга глубоко вдохнула. И сердце её тотчас пронзило тонкой иглой.

Прошлая связь с птицей оборвалась смертью последней. Вражбитка успела разорвать нить подчинения в последний миг, но даже этого оказалось достаточно, чтобы прикосновение смерти отозвалось в ней самой.

Таволга всё ещё помнила могильный холод, сковывавший тело. Помнила неимоверный страх и отчаяние, захлестнувшие разум.

Нет, не будь на то воля Хозяина, она ни за что не решилась бы вновь сплетать своё сознание с птицей. Ни в ближайшие месяцы, ни, возможно, годы.

Таволгу охватывал озноб, стоило ей лишь подумать, что ей снова предстоит стать беспомощной. Чьей-то лёгкой мишенью.

Но выбора не оставалось. Хозяин требовал повиновения. Таволга слишком хорошо знала, что ждало тех, кто навлекает на себя его гнев.

Уж лучше погибнуть в открытом небе, чем от его наказания.

Полдня ушло на поиски подходящей птицы в лесу. Ещё больше сил потребовалось, чтобы подчинить её на расстоянии. В нынешнем состоянии Таволга едва держалась на ногах. Вражба текла сквозь пальцы, не подчиняясь с первого раза.

Воспоминания сами собой всплывали в сознании, и Таволга, стоя посреди снежной опустелости, вдруг увидела себя лежащей в тепле, прижавшейся к ровно дышащему мужскому телу. И с удивлением поняла: в её воображении был не Хозяин. А Овод. Овод из прошлого.

Он лежал, закинув руку под свою голову, а она смотрела, как он дышит во сне — на контуры его губ, и на ту тихую беззащитность, которой он был подвластен во сне, — и Таволгу накрывала тёплая волна нежности, проникая сквозь рёбра и обжигая сердце.

Таволге было спокойно, и не хотелось больше возвращаться. Ни домой, ни в прежний мир. Отступала глухая тоска и лютая злость на то, что она — чужая в этом мире, что ей здесь не место, и что всё, что с ней происходило — лишь кошмарный сон, затянувшийся на столько лет.

И ей неожиданно верилось, что она до сих пор всего лишь потерявшаяся школьница, стоящая на остановке и ждущая троллейбус, среди плывущих в воздухе пушинок одуванчиков.

Правильный ли выбор она сделала, решив следовать за Хозяином, надеясь, что тот поможет ей вернуться на ту остановку? Но куда вёл тот троллейбус, могла ли она теперь это вспомнить?

Где был её дом? Существовал ли он вообще?

Или её настоящим домом был…

Таволга встретилась с птицей взглядом.

— Как бы я хотела… стать тобой по-настоящему.

Один из немых слуг подал раскрытую клетку. Таволга бережно поместила туда сову и захлопнула дверцу.

— Быть может, одна из нас всё же сможет вернуться домой?

***

Овод сидел, привалившись спиной к борту, чувствуя даже через плотный слой одежды каждую неровность дороги.

Вокруг раскинулись заснеженные поля с проплешинами. Дорога, изрезанная полозьями и копытами, тянулась вперёд сырой, измаранной лентой. По обочинам редели чахлые берёзки с тёмными прожилками на светлых стволах.

Долгая вереница грузовых саней, запряжённых лохматыми лошадьми, помалу двигалась вперёд. Угрюмые извозчики в тулупах переговаривались вполголоса с людьми на возах; лошади всхрапывали, выпуская клубы пара и тяжело взрывая дорогу мохнатыми копытами.

Спереди и сзади ехали вооружённые всадники. Рядом, на лыжах, брели присоединившиеся путники.

В караване было шесть купцов, возчики и охрана. Позднее к ним примкнуло ещё около десятка одиночных путников, а также несколько наёмных сторожей и сопровождающий… вражбит.

Точнее, нет, не вражбит. А государев посланник, владеющий вражбой. Таких частенько брали в охрану или отправляли с поручениями от властей.

Овод терпеть не мог государевых мастеров. Не только потому, что сами они отвергали слово «вражбит», считая его признаком дикости и отступничества, и именовали себя «волетворцами». Скорее потому, что их мысли были непроглядны, и от них можно было ожидать любой пакости.

Некогда люди, стремясь сравниться с альвами в силе, решили подчинить эрхву. Её начали выводить рукотворно, в потаённых государевых садах. Но такая эрхва уступала дикой в мощи и при этом была куда более ядовитой.

Многие волетворцы не доживали и до тридцати.

Вот и сопровождавший караван волетворец был как раз из таких. Юный и хилый, будто его мог унести слишком сильный порыв ветра. На вид ему было годков шестнадцать или семнадцать. У волетворца были длинные светлые кудри, и если не присматриваться, его легко можно было принять за девушку в мужской одежде. Оттого мужики то и дело над ним подло подшучивали.

Звали волетворца Ярмола, соларийским именем, переиначенным на ирийский лад. Ещё один повод для насмешек, хоть и менее прискорбный.

Ярмола вздрагивал от каждого шороха и при малейшем движении навстречу хватался за оружие, принимая всякого встречного-поперечного за разбойника.

Похоже, выведенная людьми эрхва была совсем плоха, раз по дорогам ходили такие вырожденцы.

К счастью, мальчишка явно не представлял для них угрозы. Хотя бы по этому поводу Овод мог не беспокоиться.

В отличие от Векши. Этот урод всё-таки увязали за ними. Но Овод скорее бы себе руку отгрыз, чем позволили тому себя провести.

— Это знаю, — смеялась Татьяна. — Это — морковка.

— А это? — спрашивал сидящий напротив ребёнок.

— Белый лук, — горделиво отвечала она.

Татьяна сидела рядом с Оводом, плечом к плечу. Напротив, среди мешков с поклажей, устроились женщина с ребёнком.

Овод упирался до последнего, не желая трястись в санях, словно какой-то калека, вместо того, чтобы ехать верхом. Но раны его всё ещё давали о себе знать, и в итоге было принято отдать Сивку полукровку.

Животное, чувствуя на себе чужака, да ещё и полу-альва, брыкалось. И всякий раз, слыша, как Векша ворчал на кобылку, Овод с трудом сдерживал недовольство.

Сперва чуть не убил, ограбил, а теперь ещё и лошадь отнял. Может, подсыпать ему корень змеевика? Пущай вдосталь просрётся и отстанет от каравана.

— Как сказать: «делаешь хорошо»?

— Молодец.

— Молодец. Я есть молодец?

— Ты есть молодец! — девочка захлопала в ладоши.

— Ты молодец, — заботливо поправила дочку женщина.

Игра «научи тётю говорить по-нашему» пришлась ребёнку по душе. Да и этот наивный лепет отвлекал Овода от дурных мыслей.

Хоть он и был по-настоящему взбешён тем, что никто его не слушал, а Татьяна и вовсе повела себя безобразно, напросившись с ними в опасную дорогу, которая, почти наверняка, закончится для неё и алхимика ничем. Овод не видел никакой надежды на то, что им удастся найти способ вернуться в свой мир.

Но надо было отдать Татьяне должное. Она не жаловалась и всячески старалась помогать. Хотя, как вскоре выяснилось, ни в готовке, ни даже в разведении костра она толком ничего не понимала.

Им предстояла воистину сложная дорога…

— Спасибо за помощь, — Татьяна пожала девочке ладошку.

— А вот это дерево — берёза!

— Да, берёзу уже знать.

Явление той твари в корчме также не давало Оводу покоя. Ничего подобного он прежде не встречал.

Тварь напоминала виверну, если бы только не одно «но». Виверны давным-давно вымерли.

Разве только…

— Жених и невеста? — вопрошала девочка.

— Жених и невеста, — неуверенно повторяла Татьяна.

Явно не поняв вопроса, она обратилась за помощью к Оводу, ткнув его локтем.

Овод отвлёкся от размышлений.

— М?

— Видно, нелегко было жениться на чужестранке? — поддержала беседу мать девочки. — Слышала, соларийцы нам братья и чтут Веру Истока?

Овод какое-то время напряжённо глядел перед собой, пытаясь постичь суть вопроса.

— Да, разумеется.

— А вы на свадьбе раздавали медовые пряники? — наседала девочка твердолобей сотского на допросе, словно вопрос с пряниками был важнее разницы вероисповеданий.

— Да, — Овод помолчал и деловито добавил: — И пастилу.

— Люблю пастилу, — похвасталась девочка и отвлеклась на то, что принялась доставать из котомки соломенную куколку.

Убедившись, что девочка устала «обучать тётю уму-разуму» и притихла, Татьяна поёжилась, подтянула овчинное одеяло до самых глаз и, доверчиво, будто они и не ругались вовсе, устроила голову у Овода на плече.

Овод чувствовал, как она пыталась отгородиться от внешнего мира. Вскоре её дыхание стало ровнее, и Татьяна погрузилась в сон.

От тепла и тяжести её тела ему неожиданно стало спокойнее; тревожные мысли таяли, обволакивая влагой ресницы.

Овод и не заметил, как вскоре склонил голову, прижавшись щекой к её платку на волосах, и как у него вдруг не осталось сил даже раздражаться на то, что она видела в нём непонятно кого.

***

Векша сглотнул.

— Благодать… — он принялся выскребать остатки жира в миске хлебным мякишем. — Проклятье, уж думал, сдохну с голоду!

Хонза отхлебнул пива, рыгнул, предусмотрительно отвернувшись в сторону.

— Качество еды, признаться, приятно удивляет, — заметил он, приподняв брови. — Не ожидал, что за столь скромную плату нам подадут что-то приличное.

Векша покосился в сторону. По проходу корчмы, в которой остановился на ночь караван, брёл волетворец. Парнишка выглядел настолько подавленным, что, казалось, вот-вот расплачется. Никто не звал его к себе, да и свободных мест почти не было.

— Эй, парень! — окликнул его Векша, махнув рукой. — У нас есть место, подсаживайся.

Ярмола мгновенно просиял. Его опалённое морозом лицо вспыхнуло ещё ярче, из носа, как по щелчку, потекли сопли.

— Б-благодарю!

— Охренеть, — впечатлился Векша, — ты ещё и заика?

— Ч-что? Нет, просто замёрз.

— А, ну ясно. Первый раз в дороге?

Ярмола уткнул нос в кружку со сбитнем.

— Нет, уже приходилось, только… Камышовые Коты, слышали о таких?

Векша перестал жевать и переглянулся с Хонзой.

— Эм-м, — протянул Векша, почёсывая за ухом. — Что-то не припомню. Кто такие? Чем известны?

Ярмола сжал ложку в кулак.

— Разбойники. Напали на обоз, который меня наняли охранять… О, жница божья! — он вдруг всплеснул руками и схватился за лицо, чуть не выколов глаз ложкой. — Это было… было… столько крови. Пожар. Я до сих пор вижу это перед собой. За что Господь уготовил мне участь волетворца?! Нет, я не могу, я не справляюсь… Мне потребовалось несколько месяцев, чтобы осмелиться вновь выехать на большак!

Векша многозначительно посмотрел на Овода и не смог сдержать усмешки. Вражбита от слов паренька перекосило, будто его ударом хватило. Векша уже догадался, что Овод не горел желанием иметь дело с волетворцем, и не упустил случая поглумиться, позвав сопляка к ним за один стол.

Соларийка тем временем клевала носом, отвернувшись в сторону. Разговор её не интересовал, она явно устала слушать непонятную речь. И, похоже, она была здорово пьяна. Векша прикинул, что она выпила больше Хонзы раза в полторы.

Что ж, тем проще.

Проще?

Векша поймал себя на мысли, что чересчур много думает об этой бесполезной девке. Она не представляла собой никакой ценности или угрозы. Тогда почему каждый раз, когда

она смотрела на него, внутри всё переворачивалось от ужаса, будто она была судьёй, а он — обвиняемым с кровью на руках?

— Правильно мыслишь, — Хонза похлопал Ярмолу по руке, лежащей на столе. — Если бы тебя не задела гибель тех людей, какой из тебя тогда защитник слабых, так?

Ярмола вытер слёзы.

— Так, но…

— Никаких «но»! — перебил Хонза. — Давайте лучше выпьем. Хватит невесёлых разговоров. Пора немного расслабиться. Поплакать ещё успеем, согласны? Векша, будь любезен, умерь пыл взгляда. Он выдаёт желания, кои приличному уму следовало бы скрывать.

— А? — Векша опомнился. — Ты о чём это?

— Жениться решил? Нет? — Хонза смерил его таким взглядом, что Векше показалось, алхимик приставил ему под столом «пушку» к коленке. — Тогда попридержи хозяйство.

Векша какое-то время переваривал сказанное.

— Без понятия, о чём ты, — наконец процедил он сердито.

Ну да… выходит, всё до смешного просто. Неужели он так женщин давно не трогал, что мысли в голове поплыли? Вот же дрянь! Хотя, нет, тут было нечто иное. Страх. Страх, что она держала его за руку и…

Векша с удивлением обнаружил, что сжимает в кармане деревянную фигурку.

Соларийка резко поднялась на ноги, едва удержав равновесие. Векшу прошиб такой страх, что он чуть было не нырнул под стол.

Вдруг она всё поняла? Вдруг сейчас посмотрит на него, как на последнее ничтожество?!

На миг Векше даже привиделось, как он сидит рядом с Ярмолой и размазывает слёзы и сопли по тарелке.

До чего же он докатился за эти месяцы среди грязи и нищеты! Быстрей бы вернуться к сытой жизни…

Соларийка сонно потёрла глаза и что-то невнятно пробормотала. Овод поднялся следом, и вместе они направились на второй ярус конюшни, где им всем отвели ночлег.

Стоило соларийке и этому грязному вражбиту уйти вместе, как внутри у Векши яростно заскребло. Его чуть наизнанку не вывернуло от этого гнилостного чувства.

Да и болтовня Хонзы с волетворцем начала вдруг нестерпимо раздражать.

Совсем быстро Векша не выдержал: залпом допил пиво и, резко вскочив, рванул наверх, сославшись, что ему не терпится уснуть до того, как Хонза начнёт храпеть на весь постоялый двор.

Векша протиснулся к лестнице, злобно расталкивая плечами и локтями посетителей корчмы. Но вдруг прямо ему под ноги бросилась худенькая растрёпанная девчонка лет шести. Она носилась между столами, как шальной воробей, визгливо хохоча и уворачиваясь от взрослых.

— Куда прёшь, сопля? — рявкнул Векша.

Девчонка задрала голову и высунула язык.

— Совсем страх потеряла? — удивился невоспитанности ребёнка Векша. — Да я тебе сейчас…

Но он не успел договорить. Девчонка с размаху пнула его по голени. Удар получился неожиданно сильным для такого маленького существа, сложенного будто из птичьих косточек.

— Тьфу ты, пропасть! — Векша согнулся, морщась от боли.

Девчонка звонко рассмеялась, крутанулась на месте и порскнула наутёк.

Векша, всё ещё шипя сквозь зубы, ухватился за перила лестницы и стал подниматься наверх.

— Я тебя запомнил, бесово семя!

Некоторые из гостей уже устроились на ночлег. Приходилось обходить их или перешагивать через раскиданные вещи, по-бычьи угнув голову.

Их место находилось в самом дальнем углу. Там пока было пустовато: остальные гости сидели внизу за столами.

Векша прислушался, распознав тихий, заговорщицкий голос соларийки. Она говорила на своём языке, но даже не видя её лица, Векша понял: она больше не сдерживала слёзы.

Прижавшись плечом к стене, Векша выглянул.

Соларийка стояла к нему спиной. Овод — напротив, нагло положив длиннопалую ладонь ей на щёку, стирая большим пальцем дорожки слёз.

— Всё хорошо, — произнёс вражбит с приторной горечью в голосе, от которой у Векши свело зубы. — Нам всем нужно отдохнуть.

Вражбит наклонил голову, заглядывая соларийке в лицо, и попытался изобразить улыбку. Получилось весьма жалкое зрелище.

Но в этот миг всё сорвалось.

Векша и глазом не успел моргнуть, как соларийка отчаянно рванулась к вражбиту, обвила руками шею и жадно впилась в его губы своими. От неожиданности этот урод подался назад и по-глупому стукнулся затылком о низкий скос потолка.

Но Векша даже не усмехнулся. Всё это время он считал, что соларийка для вражбита и яйца выеденного не стоила, а их связь была всего лишь прикрытием. Он ведь даже подумывал избавиться от неё, сплавить в монастырь и…

Вражбит замер, переваривая случившееся, затем неловко отступил и наконец застыл, пойманный, как муха в паутине. Одна его рука соларийке на талию, вторая скользнула под платок, будто он уже давно мечтал это сделать.

Платок предательски соскользнул, и в спутанных прядях соларийки заиграли отблески света. У Векши перехватило дыхание. Тело отзывалось на увиденное: на то, как они касались друг друга, как она прижималась к этой унылой обросшей харе.

Векша не хотел этого чувствовать — только не сейчас, не здесь и не из-за этой зассанной чужачки. Ему будто ребро выковыривали, а он стоял, не зная, зачем и за что.

Векшу ослепила злость. На вражбита, на его закрытые глаза, на его пальцы в её волосах, и на то, что этот гнойный подонок получил то, чего он даже не смел просить.

Соларийка прижималась к вражбиту всё сильнее, её пальцы скользили по его шее и затылку. Этот сволочь судорожно сжал её в объятьях, но вдруг трусливо опомнился, перехватил её руки. Мягко, но решительно отстранил.

— Постой… — прохрипел он, проводя рукой по своим волосам. — Я не… проклятье. Я не смогу заменить тебе твоего… Ты же это понимаешь?

Она качнулась, словно от удара, сделала шаг назад. И, не дав вражбиту вымолвить ни слова, развернулась и стремглав бросилась прочь.

Векша отпрянул, наивно пытаясь претвориться частью стены. Он даже невольно втянул живот, будто мог сплющиться до плоскости лягушки, по которой проехалось колесо телеги.

Но соларийка всё равно налетела на него в темноте, отшатнулась, но так и не подняла заплаканных глаз. Не останавливаясь, она сбежала вниз по лестнице.

Овод было шагнул следом, но поморщился от боли и тяжело вздохнул. Замер, погружённый в свои мысли. Он явно не спешил следовать за ней.

Оставаясь незамеченным, Векша отступил и начал спускаться. На ходу он вытащил из кармана фигурку и с досадой швырнул её под лестницу.

Но у самого основания вдруг остановился, обернулся и начал выискивать фигурку взглядом.

Нет, это уже ни в какие ворота… Он совсем раскис, кисель киселём.

А ведь ситуация складывалась как нельзя кстати. Нужно было только взять себя в руки и действовать как взрослый человек. Грамотно воспользоваться тем, что имелось.

В конце концов, Хозяин поручил ему ответственное задание.

Эпизод 17. Пробуждение

Лесьяр вынул пробку из глиняного стаканца, обитого железом.

— Ещё раз — браво!

Сторожевой разъезд был уничтожен. Полностью. И до чего изящно, просто «загляденье»!

Всего-то и надо было, что подъехать поближе на дорогих санях, в сопровождении толпы рабов. И улыбаться, искренне настолько, насколько способен тот, кто собирался устроить бойню чужими руками.

— Доброго пути, — бросил Лесьяр главе разъезда, хлопнув того по плечу. Пальцы незаметно вывели знак подчинения.

И всё, спектакль начался.

Сначала один, затем другой. К чему пачкать руки, если вокруг полно дивных марионеток? Стоит только потянуть за нити, и, вуаля: взрослые, вооружённые мужики превращаются в стадо бешеных волков, истребляющих друг друга со стремлением, достойным лучшего применения.

Лесьяру оставалось лишь ждать, скучающе вычищая грязь под ногтями ножичком.

Когда последний ратник упал мордой в снег и затих, Лесьяр похлопал в ладоши:

— Браво, мальчики. Особенно ты, одноглазый. Старался больше всех.

В живых остался лишь один жалкий отрок, да и тот, как червь, волочился по снегу: под перерезанными сухожилиями на ногах темнела кровь.

— Кто-нибудь! Помогите! — скулил отрок, и изо рта его клубился пар, лип к его обескровленному лицу.

Лесьяр сделал глубокий вдох.

Эрхва, вживлённая в его голову, пульсировала, насыщаясь струящейся силой. Теперь Лесьяр не просто «видел» мир — он ощущал его на многие поприща окрест: улавливая дрожь земли, протяжное скольжение по насту, вкушая дыхание ветра в зарослях.

В эти мгновение Лесьяру чудилось, будто он владеет всем княжеством. Нет, всем этим убогим, жалким миром!

В городе Хозяин не позволил ему насытиться кровью, присвоив всю потеху себе. Да, Хозяин был жаден и изворотлив в своих изысканиях — метался в теле химеры, перенимая её повадки. Забава, что и говорить. Да только Лесьяру того не требовалось. С эрхвой в голове он и без того был силён…

И всё его нутро ныло, жаждая раскрыть свои возможности. Хозяин держал его на слишком коротком поводке.

Но ведь даже псов время от времени выпускают на волю, чтобы те не переломали себе клыки о прутья.

— До дна! — расхохотался Лесьяр, плеснув зелье на павших ратников. — За здравие нашего господина!

Лесьяр скривился, вспомнив полукровка. Смердючий выродок! Ему Хозяин позволял бродить где вздумается, и творить всё, что душа пожелает. Не по чину честь!

Ну ничего, недолго этому отродью оставалось числиться в любимчиках.

Тела ратников, на которые пролилось зелье, начинали шевелиться. Лесьяр ощущал, как в них сгущается тьма, уродуя плоть.

Зелье звалось «Инферия» и создано было самим Хозяином в скупой мере. Каждому из верных слуг досталось по малой порции и строго наказано: пускать в дело лишь в крайних случаях. Ведь пробуждение трупов — дело нешуточное, будоражащее всю округу.

А Хозяин лишнего внимания не жаловал.

Но сегодня Лесьяру было всё равно.

— Начнём же пир!

Уцелевший отрок пытался отползти, судорожно цепляясь за промёрзшую землю.

— Нет… не надо!

Ратник, лежавший ничком с перерезанным горлом, порывисто выгнул спину. Пальцы его скрючились, удлиняясь в когти. Кожа на руках трескалась, сочилась кровью.

Рядом зашевелился другой — с разрубленной щекой. Глаза его налились густой чернотой, будто в них плеснули чернила.

Упыри неуклюже поднимались на четвереньки: ещё слабые, шаткие, точно новорождённые жеребята. Когтистые руки загребали снег.

Отрок в ужасе наблюдал, как ожившие соратники ползут к нему.

— Господи, помилуй! Братцы, родимые! Не надо!..

Упыри хрипели, булькали горлом, втягивая со свистом воздух. Один из них ухватил отрока за ногу. За ним навалились остальные.

Крик мальчишки захлебнулся в крови, хлынувшей из его разодранного горла. Он ещё бил руками по снегу, царапал лица упырей, но голос его заглох; слышно было лишь жадное чавканье и треск ломаемых хрящей.

Лесьяр запрыгнул в сани и, расхохотавшись, заливисто свистнул, созывая своё новоиспечённое стадо:

— Эй! За мной, дурачьё! За мной! Кто последний, тот…

***

Хонза вытер нос, но только сильнее размазал по лицу сажу.

— Эм, вот здесь ещё, — Татьяна указала пальцем под глаз.

— Хм, — он снова провёл рукавом. — Неважно. Так что тебе от меня нужно?

Татьяна следовала за ним, словно привязанная. Видать, у молодёжи вчера что-то стряслось. Впрочем, ничего удивительного.

— Вы не могли бы… — Татьяна смущённо поправила платок.

Хонза прикрыл глаза, чтобы не выдать, как закатывает их от досады. Вот уж чего ему сейчас не хватало — разбираться в чужих сердечных передрягах. У него и без того хватало забот: где раздобыть компоненты, да ещё и не разориться при этом. Его припасов пороха едва хватило бы, чтобы ещё раз отбиться от той трёхголовой твари. А если придётся спускаться в Галлу-Дар, считай, пиши-пропало.

Хонза недолюбливал холодное оружие. Ему претила сама мысль о том, чтобы сходиться с врагом вплотную и проливать кровь своими руками. Да, такие схватки считались честными — испытанием силы и доблести, — но ни того, ни другого Хонза за собой не признавал.

Кстати о вооружении. Хонза задумчиво поскрёб бороду. Татьяну следовало чем-то снабдить. Можно было отдать ей старый смастерённый им арбалет, которым он давно не пользовался, но толку от этой штуки было немного — разве что глаз выбить какому пройдохе на близком расстоянии.

Хотя, если учесть, как за ней таскался Векша, словно кобель в разгар гона, и такой самострел мог сгодиться.

Кобель, гон… Хонза нахмурился. И когда это он начал мыслить такими грубыми, приземлёнными образами? Стыдоба.

— Ну, говори, — не выдержал Хонза. — Я мысли читать не умею.

Они общались на странной смеси языков. Татьяна осваивала ирийский куда медленнее, чем ему хотелось, но винить её было трудно. По профессии она была… Хонза так и не разобрался, кем она была. Да и значения это, пожалуй, больше не имело.

«Три-дэ аниматор в геймдеве» — звучало для него как бессмысленная скороговорка, которую было невозможно ни выговорить, ни осмыслить.

— Извинитесь за меня перед Оводом, — Татьяна зажмурилась, будто ей было больно, а не просто неловко. — Я вчера… в общем, я перепила. Я полезла к нему целоваться. Но теперь… в общем, мне хотелось убедиться, что он не… не Илья. Я убедилась.

Хонза едва поборол недовольное ворчание.

Убедилась она. Ей уже сто раз было сказано!

Господи, почему в молодости так мало рассудка? Впрочем, иные и до беззубого рта опилки в голове носят, чему тут удивляться?

— И как же именно ты это поняла? — Хонза всё же решил уточнить.

— Он… на вкус другой. Хотя учитывая, сколько он лука жрёт… Боже, может, вы меня просто пристрелите?

Хонза помолчал. Какой ещё вкус? Он что-то упускает? Голова совсем отказывалась соображать.

— Порох я экономлю. Ну всё, хватит чепухой заниматься. Иди и скажи Оводу обо всём этом сама. Про этот… вкус. И про лук.

— Не могу. Да и… не знаю, как это объяснить всё на другом языке. В общем, передайте ему, что мне ужасно стыдно, и что я так больше не буду. Просто я… немного не в себе после нападения того динозавра или как его там? Это ведь был динозавр? Они тут водятся? Слушайте, здесь что-то наподобие «Затерянного мира» Конана Дойля?

Хонза прищурился, оглядываясь и прикидывая, скоро ли тронется караван. Его близорукость помогала с мелкой работой, но вот вдаль он видел из рук вон плохо.

Очки он потерял ещё тридцать лет назад. Вернее, их разбили вместе с его лицом, когда грабили.

— Теперь ясно, почему его так тянуло ехать верхом, — пробормотал Хонза, отворачиваясь и забираясь на сани.

— Что? — Татьяна нахмурилась и тревожно огляделась. — Овод поедет на лошади? А как же его раны?

— Не маленький, сам разберётся. Ну? Садишься или тебе ещё что-то нужно?

Татьяна замешкалась. Пока она устало смотрела на колодец, возле которого возился работник постоялого двора, Хонза заметил, как Овод пытается взобраться в седло.

Вражбит поднялся, согнулся вперёд, пронзённый болью. Тут и думать не надо, точно свалится по дороге.

Впрочем, упрямство — его выбор.

— Мда… — Хонза откупорил флягу и сделал пару быстрых глотков.

Когда же он окончательно ослепнет или окочурится от местного пойла и перестанет видеть всё, что происходило вокруг?

Стало бы куда проще.

***

Я заболела. Сомнений нет.

Меня трясёт от озноба, зубы стучат, а по вискам стекает обильный пот. Мир расплывается, словно меня заперли в душной парной.

Я из последних сил пытаюсь сосредоточиться на словах Хонзы. Он показывает, что и где у него лежит: где порох, где гранаты, к чему можно прикасаться, а что лучше не трогать вовсе, если я не хочу остаться без рук.

— Это, — он настойчиво суёт мне крохотный арбалет, — žlábek. Класть сюда. Ale…

Он вскидывает указательный палец вверх, точно профессор, вышедший на кафедру перед студентами.

— Потом takhle. Понимать? Ne, sem ne. Musíš se naučit, как se делать.

Верчу в руках самострел. Почти как игрушечный! Что им вообще можно сделать? Белке в глаз попасть?

— To je.

— А это ещё что?

Хонза вкладывает мне в ладонь маленький мешочек. Сначала я решаю, что там дробь. Шарики, как в детстве, что я собирала во дворе.

— Jed.

— Яд?!

— Pilulky s akonitem.

— Пилюли с ядом? Боже!

— Aha, skvěle, souhlasím.

— А есть что-нибудь… повеселее?

— Повеселее? — Хонза приподнимает бровь. — Мышьяк?

— Нет, что-нибудь… может, дубинка? Или давайте я лучше с вилами ходить буду? Не хочу ничего взрывающегося или стреляющего.

— Ходи, — он пожимает плечами. — Никто не nezakazuje.

Закрываю глаза, пытаясь справиться с головокружением. Может, и правда — принять эти пилюли прямо сейчас и больше не мучиться?

— Не против, если я немного посплю? — возвращаю ему арбалет.

Хонза деловито убирает его в чехол, спасая от сырости. Интересно, он и стрелы своими ядами пропитывает?

— А вы не думали открыть лавку? Продавать все эти… ваши штуки. Давно бы уже разбогатели.

— В этом мире есть своё оружие. Довольно его. Не хочу делать больше.

Задумчиво отвожу взгляд, потом невольно оборачиваюсь к Оводу. Я слишком разбита, чтобы испытывать стыд за вчерашнее.

Какой кошмар. Как с ним теперь говорить после такого?

Пожалуй, и правда — пилюлю под язык.

Закрываю глаза и проваливаюсь в болезненный сон.

Мне снится, будто мы с Ильёй сидим в одной комнате. Рядом, почти касаясь коленями, но не глядя друг на друга. Между нами висит тяжёлое, обвиняющее молчание. Комната плывёт, как в горячем бреду.

Я не выдерживаю первой.

— Прости… Я думала… я думала, это ты.

По моим щекам ползут слёзы.

Илья не оборачивается. Только теперь замечаю, что он курит. Илья подаётся вперёд, упираясь локтями в колени, и тягуче выдыхает. Запах дыма перебивает запах его тела.

Я не чувствую его. Не могу воссоздать в памяти.

К горлу подступает ком, сердце захлёстывает паника.

— Илья?..

Но Илья безмолвствует, вынуждая меня смириться с простой истиной — он больше никогда мне не ответит. Ни словом, ни взглядом, ни теплом своих рук.

И что мне пришла пора перестать искать его в других.

***

Векша поёрзал в седле, потирая спину.

Кобылка алхимика под ним шла ладно, куда лучше той сивой стервы. Векша выгнулся, сильнее сжал бёдра, стараясь удержаться одними ногами, чтобы высвободить руку и как следует почесаться. Другая, раненая, всё ещё плохо слушалась и с трудом удерживала поводья.

— Так откуда ты знаешь дорогу до Галлу-Дар? — словно невзначай спросил он.

Солнце стояло в полдуба. Вокруг тянулись всё те же унылые поля с редкими проплешинами. Тепло, однако, сбивало с толку. Можно было решить, что пришла оттепель, но Векша знал, что мороз никуда не делся, а лишь притаился.

Овод держался чуть позади.

Векша презрительно фыркнул. Может, это из-за его взгляда у него так спина зудела?

— Давай не будем говорить об этом при людях, — удручённо отозвался вражбит.

— Боишься, что подслушают? Да брось. Даже если услышат — не поймут, о чём речь. Ну хоть намекни: что это за штука была в сундуке? И на кой ляд её тащить в Галлу-Дар? Может, просто продать её, раз уж она такая ценная?

— Я же сказал…

— И как ты вообще вскрыл печать? Даже я не смог!

Он, разумеется, лгал. Смог бы, и без труда. Но вражбиту об этом знать не следовало.

— Просто я куда способнее тебя, — небрежно кинул Овод.

Это уже звучало как вызов.

Векша перешёл в наступление.

— Стало быть, — он обернулся и пристально посмотрел вражбиту в лицо, — ты похож на покойного жениха той соларийки? Что ж, не зря говорят: незаменимых людей нет.

Овод оторвал взгляд от седельной луки и зло уставился на Векшу.

— Что? — Векша изобразил искреннее недоумение. — Разве я не прав?

— Это не твоё собачье дело.

— Если её стоны будут мешать мне спать так же, как храп Хонзы, то ещё как моё…

— Заткнись, пока зубы целы.

— Ой, как страшно. Сейчас расплачусь от ужаса, прямо как твоя подружка. Драпала вчера от тебя так, что пятки сверкали. Чем же ты её, сердешную, так напугал? Своим дрыном или тем, что он у тебя крошечный, как жёлудь? И посмотреть не на что, и потрогать стыдно.

Векша, разумеется, привирал. Он ведь сам всё видел, что вчера произошло. Да и не понаслышке знал, что значит, когда женщина удирает, сверкая задком. Особенно, когда увидела то, что увидела.

Однажды Векша забавлялся с одной прачкой в тесной кладовой. Девка скакала на нём так яростно, что Векша уже решил, что у него вот-вот задымится подпупная жила. И в какой-то момент он не удержался, чуть отпустил себя, расслабился. В тот же миг глаза его полностью почернели, когти выскользнули и невольно полоснули по коже её бедра, оставив тонкие царапины, мгновенно набухшие кровью.

Девка на миг замерла, широко раскрыв глаза. А затем заорала, да так пронзительно, что у Векши заложило уши.

Она отчаянно попыталась соскочить, но ноги её заплелись, и девка рухнула на грязный пол. Однако уже через мгновение она вскочила как ошпаренная, и рванула из кладовой. Она неслась сломя голову и не заметила открытый люк погреба. Раздался короткий, обрывающийся крик, и девка канула под пол.

Судя по тому, как она страшно завыла, она сломала себе руку или ногу. А может, и то, и другое.

Помочь ей Векша не смог. Самому пришлось удирать, как последнему трусу.

Позже поговаривали, девка та хромала до самой зимы и больше ни с кем в кладовую не ходила. Вот уж действительно. Привил целомудрие чьей-то дочке — достижение!

После того случая Векша обзавёлся категоричной привычкой: брать женщин только сзади, либо накрепко завязывать им глаза, чтобы те не видели, как у него чернеют глаза или как выскальзывают когти.

А женщины, что удивительно, такому вовсе и не противились. Более того — многим такое дело даже приходилось в охотку.

Им, должно быть, казалось, что он обожал корчить из себя хозяина. Но для Векши это была не прихоть, а самая настоящая необходимость — иначе кто-нибудь опять бы что-нибудь себе сломал.

Но раз им нравилось… что ж, тем проще. Векша любил, когда всё было просто.

— Думаешь, если я ранен, не смогу тебе башку свернуть? — вскипал Овод.

— Ну не на людях уж точно.

Договорить Векша не успел. С ними поравнялся волетворец. Ярмола или как там его там было звать.

Векша сделал вид, что не замечает волетворца, но сопляк оказался настойчив.

— Эй! Доброе утро! К-как спалось?

— Как убитому, — буркнул Овод.

Векша шмыгнул простуженным носом. Болтать с парнишкой он вовсе не собирался. И зачем только вчера его позвал? О чём думал?

— А меня вот вши заели… — приуныл Ярмола, но вдруг оживился, будто вспомнив что-то важное. — Слушайте, а это правда, что в Яровском городе чудище объявилось? Огромный трёхглавый змей! Вы вроде как оттуда едете, видели?..

— Эм, да, что-то такое было, — неохотно отозвался Овод. — Вон, поспрашивай у него. Он вроде даже воочию чудище видел.

Векша цыкнул, сразу поняв, что Овод просто спихивает разговор на него.

Порыв ветра приволок с полей влажный запах, чуть горьковатый с привкусом затхлого сена.

И вдруг Векша содрогнулся. Волосы на затылке под шапкой встали дыбом.

Он порывисто обернулся, уставился куда-то за спину волетворцу.

— В чём дело? — напрягся Овод.

— Не знаю…

— Что не так? Говори уже.

— Наверное, показалось.

— Показалось «что»?

— На краю леса бродят ожившие мертвецы. Целая орава. Раз я их отсюда почуял, в такой мороз… они, стало быть, близко.

— Сколько?

— Много. Не могу сказать.

— Почему молчал раньше?

— Да не молчал я, говорю же. Только учуял.

Овод дёрнул ремень и обвёл взглядом людей.

Ярмола выпрямился, прислушиваясь к их разговору:

— Что-то случилось?..

— Они движутся сюда? — не обращая на мальчишку внимания, спрашивал Овод.

— Не знаю, — Векша повёл челюстью, будто смакуя гнилой след. — Может, отстанут, как мы выйдем на лёд? Вон уже и река близко.

— Сперва чудище, теперь стая упырей. Ты к этому причастен?

— Ага, как, по-твоему? Мне не хватает радости быть сожранным вместе со всеми?

— Упыри? — растерянно переспросил Ярмола. — Я не ослышался?

Они замолчали, оглядывая караван.

— Постойте, а какие у вас доказательства? — волетворец попытался придать голосу уверенность.

— Это наша работа, мы вражбиты, — Овод даже не взглянул на него.

Лицо парнишки перекосило от ужаса.

— Враж?!

— Ты ведь волетворец, — Векша сплюнул в снег, будто был способен избавиться от гнилостного привкуса во рту. — Сможешь сражаться, если понадобится?

Ярмола побледнел как полотно. Ухватился за луку седла, чтобы не пошатнуться.

— Д-да, но…

— Успокойся. Может, ещё разминёмся.

Впереди, за поворотом, уже проступала река. Шириной в полторы, а то и две версты, она тянулась до дальнего берега ровным, побелевшим полотном, исчерченным следами полозьев. Местами лёд темнел, проступая сквозь снег пульсирующей синевой.

Дорога шла под уклон, снег становился глубже, рыхлее, и полозья резали его с тяжёлым, вязким шорохом. Поля оставались позади, уступая место прибрежным лугам, таким же белым и ровным. Кое-где торчали сухие стебли камыша, обледенелые и звенящие на ветру.

Им предстояло пересечь реку до наступления темноты.

Векша пришпорил кобылку и поравнялся с санями, где ехали алхимик и соларийка.

— Эй! — позвал он. — У нас тут… веселье намечается.

— В чём дело? — лаконично отозвался Хонза.

Векша покосился на женщину с ребёнком, которые могли услышать лишнее. Хонза перехватил его взгляд и сразу всё понял.

— Ясно, — вздохнул алхимик и потянулся к оружию, завёрнутому в мешковину. — Как скоро?

— Не знаю. Может, ещё обойдётся. Разбуди-ка нашу горемычную. Ей, кажется, совсем худо.

— Что? — алхимик обернулся к соларийке и вдруг уставился на неё так, будто впервые заметил её присутствие. — У, гангрена!

Он торопливо похлопал соларийку по щеке рукавицей. Девушка жалобно застонала. Она сидела в полудрёме, тяжело дыша, словно её душил жар.

— Почему ты не сказала, что заболела?! — обозлился Хонза.

«Боялась, что бросим», — догадался Векша, но вслух не сказал. Лишь снова посмотрел вперёд, на реку.

Им нужно было всего лишь перейти её. Всего лишь выйти на другой берег, а там уже и город, и укрытие.

Всего лишь реку…

Мда. Им точно конец, как пить дать.

Но откуда столько мертвецов? Что-то здесь было не так. Неужто Хозяин снова решил поразвлечься? Нет, это было бы уже слишком. Они ведь условились!

Векша стиснул раненую руку, намеренно растравливая боль перед дракой.

Эпизод 18. Переправа

Овод провёл рукавицей по поджарой шее Сивки.

— Тише, милая. Не бойся.

Возчики поочерёдно спрыгивали с саней, перекликаясь осипшими от мороза голосами. Подходили к берегу, топча снег валенками, чтобы проверить прочность льда.

Осматривали заодно и лошадей: проверяли подковы с шипами, или обвязывали бабки копыт войлоком и кожаными полосами для лучшего сцепления со льдом; перераспределяли вьюки так, чтоб груз лежал ровно и не кренился в сторону.

Те, кто ехал верхом, спешивались, ведя лошадей на поводу.

У первых саней, в окружении дюжих помощников, стоял начальник охраны — широкоплечий вождариец по кличке Бурелом. Ростом он был в два аршина с лишком, а лицо его, испаханное шрамами, походило на потрескавшийся булыжник, вывороченный из речного ложа.

Его седая борода, заплетённая в толстые северные косы, была перехвачена кожаным ремешком, а под правым глазом темнели воинские знаки — три острых клина, вбитые серой краской под кожу ещё в молодости.

— Надо поговорить, — Овод приблизился.

Бурелом окинул его снисходительным взглядом, будто юнца, осмелевшего встать в круг взрослых мужей.

— Чего тебе, братишка?

— За нами упыри. Целая стая. Нужно срочно уходить на тот берег. Идти двумя колоннами, чтобы как можно быстрее пересечь реку и укрыться за стенами поселения. Медлить нельзя.

На передних санях повисла короткая тишина. Возчики переглянулись. Кто-то высморкался в утирку.

Затем Бурелом запрокинул голову и раскатисто расхохотался, пуская клубы пара.

— Упыри? Здесь?! Да ты что, братишка, совсем мозги себе отморозил на ветру? — он хлопнул себя по бедру. — Разведчики мои с утра до полудня рыскали по берегу. Это самая спокойная дорога на моём веку, а ты мне про упырей толкуешь. Или тебе вчерашний мёд в голову ударил?

Векша уже открыл рот, чтобы встрять, но Овод его опередил: протянул руку и резко выдвинул вперёд Ярмолу. Мальчишка едва не упал, запнувшись.

— Мы государевы волетворцы, — громко произнёс Овод, чтобы слышал не только Бурелом, но и все вокруг. — Ярмола, у тебя ведь при себе удостоверение? Покажи людям.

Бурелом перевёл взгляд на мальчишку. Ярмола втянул голову в плечи, будто его кузнечным молотом по шапке огрели.

— Д-да…

Его озябшие пальцы долго рылись под тулупом, пока не извлекли на кожаном шнурке тяжёлую серебряную гривну с двуглавым орлом, перевитым красной и золотой нитью.

Металл сверкнул на солнце.

Все разом притихли.

Овод настойчиво продолжал:

— Если замешкаемся, упыри достанут нас на открытом льду. Нужно ускориться. Двумя колоннами.

Бурелом долго смотрел на подвеску, затем сплюнул в снег.

— Ладно. Быстрее так быстрее. Оружие станем держать наготове.

— И передайте людям: бить только в головы. Обычные раны упырей не берут.

Вскоре первые розвальни тяжело сползли на лёд. Вместо привычного скрипа полозьев по снегу послышался ровный шорох, словно огромная змея выбралась на лёд.

Караван стремительно выступал на искрящуюся твердь. Над рекой катилось огненное белое колесо, катящееся по небу вместе с людьми.

Сивка всхрапнула, насторожила уши. Копыта с железными шипами звонко ударили по обледенелому краю. Здесь ветер гулял свободнее и сильнее, продувая широкое русло.

«Чую, не повезёт», — с тоской думал Овод. — «Вот ведь морока проклятая!»

Когда караван миновал треть реки, Векша свистом подал знак. Овод подавил горестный стон. Пальцы его сами легли на рукоять топора. Сивка уловила напряжение и нервно мотнула головой, фыркая паром.

Овод оглянулся, и сердце его ухнуло, пропустило удар.

Сперва ничего не было видно. Всего лишь пустынный берег. А затем по склону, вздымая тучи снежной пыли, покатились вниз упыри.

С виду — люди как люди: правда, в стёганых тегиляях и подшлемниках. Но по их ломким, неуклюжим движениям Овод сразу узнал в них недавно обращённых, ещё не отпущенных смертью.

Векша оказался прав. На караван нёсся целый отряд. Проклятье! Откуда их столько? Будто разом подняли с какого-то поля брани.

Упыри наперегонки рвались на лёд, шатаясь и припадая на руки, точно бешеные звери.

Векша соскочил с лошади, хлопнул её ладонью по крупу и рявкнул:

— Пошла!

Лошадь шарахнулась вперёд и галопом понеслась по льду, подавая сигнал тревоги.

— Эй, люди! — зычно позвал Векша. — Упыри на подходе! Полсотни саженей! Готовьтесь!

Охранники и вооружённые мужики выскакивали из саней, выстраиваясь в неровный ряд.

Овод выругался. Двое самых расторопных возчиков уже успели развернуть розвальни поперёк реки, пытаясь создать хоть какую-то преграду. Но времени выставлять сани в полный круг не было.

Лошади ржали, путались в постромках, били копытами по льду.

Упыри резво неслись по льду, совсем как волки на загоне. Расстояние между ними таяло на глазах: вот были полторы сотни саженей, вот уже за сотню, вот и полсотни не осталось.

— Лучники — на возы! — гаркнул Бурелом, перекрикивая ветер.

— Так это взаправду?! — Ярмола стоял столбом, не в силах оторвать заворожённого взгляда от надвигающейся нежити.

— Женщины и дети к берегу, бегом! — рявкнул кто-то их охраны. — Бросайте лошадей! Бросайте всё, если не хотите провалиться под лёд!

По мере того как упыри приближались, лица людей вытягивались, а в глазах всё явственнее проступал животный страх перед неведомым.

— Жница Божья, они, что — пьяны все?! — удивлённо пробормотал седой купчишка, щурясь.

— Нет! — голос одного из молодых охранников сорвался, дал петуха. — Это упыри! Орда упырей! Я видел упыря на южной границе прошлой зимой! Клянусь всеми сёстрами-мученицами и Богомилом Прозорливцем, это они самые! Мы все здесь ляжем!

— Не ссым, мужики! — грубо подхватил один из помощников Бурелома, скаля гнилые зубы. — Будет, что потом за выпивкой рассказывать! Как с упырями на равных гуляли!

Овод взвесил в руке тяжесть топора.

Рядом, будто нехотя, встал Векша, опираясь на длинную косу с широким, хищно изогнутым лезвием.

— Ты где это достал? — изумился Овод.

— Занял у вон того деда. А у тебя что? Топорик? Ты упырей щекотать собрался? Ещё бы ложку взял, для верности.

Подошёл Хонза, крепко сжимая за приклад свою «пушку». Овод сразу заметил тлеющий фитиль, который алхимик бережно прикрывал ладонью от ветра.

— Так, что у нас тут? — алхимик широко расставил ноги и вскинул оружие. — Мда… ну, гранаты, пожалуй, не помогут. Ветер в нашу сторону, весь дым нам в морды потянет.

— Лучники! — прогремел сзади голос Бурелома. — Цельсь! Ждать! Ждать!.. Стреляй!

Стрелы впились в бегущие тела упырей, но те лишь качнулись и продолжили нестись вперёд, не сбавляя хода.

По рядам людей прокатился тревожный ропот.

— Мы все умрё-ём! — завопил надрывным бабьим голоском тот самый молодой охранник, что видел упыря на южной границе. — Клянусь Богомилом, это конец!

— Стреляй падлам в рожи! А ну! Стреляй, мать вашу!

Хонза дождался, пока один из вырвавшихся вперёд упырей подбежит шагов на тридцать, и нажал на спуск. Фитиль опустился. Грянула вспышка, хлопок, и повалил густой едкий дым.

Свинцовая «пуля», — как называл это алхимик, — прошила упыря насквозь. Тварь отбросило на лёд, но уже через мгновение она поднялась и протяжно завыла.

— Прошу прощения, — Хонза зубами надорвал какой-то крохотный свёрток и стал засыпать «огненный порошок» в пушку. — Зрение с годами уже не то.

— И это всё?! — изумился Векша. — А разговоров-то было!

— Сейчас перезаряжу, попробую ещё.

Подбитый упырь с вытянутым изуродованным лицом и стрелой, торчащей под ключицей, метнулся в сторону, обходя Овода, Векшу и Хонзу, и ринулся прямо на одного из ратников. Тот с размаху ударил рогатиной, но остриё пришлось упырю по плечу.

Упырь взвыл, взвизгнул и прыгнул на стоявшего рядом купца. Зубы с хрустом вцепились тому в плечо. Купец с криком рухнул на лёд. Несколько человек навалились сверху, пытаясь заколоть тварь рогатинами. Без толку: острия проходили сквозь тело, лишь сильнее разъяряя тварь.

Овод ринулся было следом, но острая боль в боку заставила его оступиться и замедлить шаг. Векша обогнал его, бросив лишь:

— Назад!

Полукровок подскочил к упырю и одним махом срезал тому, точно бурьян, половину черепа. Лезвие косы с хрустом прошло через височную кость, срезая верхнюю часть темени и оставляя глубокую рубленную борозду. Голова упыря мотнулась вбок и повисла.

Ярмолу вырвало на лёд.

— Рубите головы!

Овод замахнулся. Топор свистнул, рассекая ветер, и с тяжёлым, вязким чавканьем вонзился подскочившему упырю в шею. Мёрзлое тело оказалось твёрдым, как дерево: топор намертво застрял между позвонками. Овод надавил на топор всем весом, пригибая тварь ко льду, и быстро начертил на её плече вражбицкий знак.

Отсекать голову целиком — дело хлопотное, требующее силы и времени. Куда проще было обезвреживать вражбой.

Хонза выстрелил снова, подпустив очередную тварь почти вплотную. На этот раз пуля ударила точно в голову.

— Перезаряжаюсь, — бросил алхимик, отступая и пропуская вперёд Векшу.

— Ах ты ж, лодырь старый! — выругался тот, широко занося косу. — Пошустрее нельзя?!

Караван встрепенулся, словно потревоженный улей. Упыри выли, топоры и рогатины взмётывались и обрушивались на их упрямую, мёрзлую плоть. Лошади дико ржали, били копытами по льду.

Некоторые сани успели отъехать далеко вперёд. Безоружные бежали пешком, кто-то уходил на лыжах, бросая и лошадей, и поклажу.

Овод стёр с лица слизь и пригляделся. На руке влажнела кровь, перемешанная с беломутью.

— Тела… ещё свежие, — выдохнул Овод, когда к нему, тяжело дыша, приблизился Векша.

— Вижу, — буркнул тот, смахивая с бровей густую слизь. — Только сегодня поднялись…

А мертвецы всё выползали из белёсой пелены полей, но уже не с прежней жадной и слепой спешностью. Теперь в их вое звучала злоба, словно они осознали, что живые раскрыли их уязвимость.

Хонза в очередной раз приложился к «пушке». Грянул выстрел.

***

Тяжело дыша, Векша проводил взглядом исподлобья, — сквозь пот, катящийся по ресницам и щиплющий глаза, — сову, парящую высоко над рекой,

Упыри больше не пёрли прямо в лоб. Стая разделилась: часть продолжала с воем лезть на обороняющихся, другие же метнулись в стороны, обтекая караван широкой дугой, словно волки, заходящие с флангов.

Лошади бесились, вставали на дыбы, рвали постромки. Одни розвальни качнулись, накренились… и с грохотом перевернулись. Полозья взрыли лёд, разбрасывая снежную крошку и мелкие осколки.

Векша увидел бегущие по льду трещины. Лёд стонал под тяжестью мечущихся тел, под копытами и под падающими санями.

Векша бросился за упырями, и почти сразу увидел, как от гурьбы бегущих отделилась знакомая фигурка.

Соларийка. Она мчалась, закрывая собой женщину с ребёнком. В руках соларийка недотёписто сжимала вилы. За ними, шагах в двадцати, скачками нёсся упырь.

Трещина под ногами бегущих женщин ожила. Блеснула тёмной полосой, потом начала неумолимо расходиться. Солайрика споткнулась, едва не упала. И в тот же миг её настиг упырь.

Векша уже было решил, что соларийке конец, но та внезапно развернулась, выставляя вилы перед собой, подобно копью. Упырь с разбегу насадил себя на железные зубья. Лезвия с хрустом пробили рёбра. Тварь завыла, забилась в агонии, но вместо того, чтобы отступить, яростно рванулась вперёд, насаживаясь глубже. Зубцы вил вышли у него из спины.

Соларийка не удержала равновесия, и они с упырём рухнули на лёд. Девушка с криком принялась отчаянно пинать тварь по морде.

И в этот момент раздался протяжный треск.

Векша был уже совсем близко, когда чёрная паутина разломов разбежалась во все стороны от места падения. Тёмная вода хлынула на поверхность, заливая снег. Лёд начал проседать, наклоняться.

Векша подоспел в последний миг. Косой удар пришёлся точно в основание шеи упыря. Голова твари мотнулась и повисла, продолжая скалить зубы. Тело, насаженное на вилы, дёрнулось и обмякло.

И тогда время замедлило свой бег.

Векша увидел, как солайрика подняла на него глаза. В них не было страха, лишь… удивление? Словно она осознала, что последним, что ей суждено было увидеть в жизни, станет его виноватое, беспомощное лицо.

Соларийка протянула к нему руку.

Векша рванулся навстречу, выронив косу, отчаянно пытаясь дотянуться до неё в ответ. Их разделяли всего два коротких шага. Пальцы уже почти соприкоснулись.

И в следующий миг соларийка беззвучно провалилась под лёд.

***

Овод, тяжело дыша через рот, навис над корчащейся тварью. Не дав ей извернуться и вцепиться ему в ногу, он быстро вывел на её теле вражбицкий знак. Упырь содрогнулся, издал хриплый звук и замер. Его мутные глаза слепо уставились в седое небо.

Овод осел на одно колено. Голова шла кругом, перед глазами плясали цветные пятна.

Нельзя было терять сознания… Вокруг царила неразбериха. Убитых людей больше, чем упырей, хотя последних было куда меньше изначально.

Овод водил вокруг взглядом. Всё глохло, будто доносилось из-под толщи ледяной воды.

Над ним склонился Хонза. Алхимик что-то говорил, но слова тонули горячем вареве мыслей и расплывались, не достигая разума. Хонза закинул руку Овода к себе на плечо и потянул, помогая подняться. Они вдвоём начали отступать.

Сбоку выступил очередной упырь. Хонза крякнул, и Овод рухнул на лёд, больно ударившись челюстью.

Вот и всё, значит?..

Овод повернулся, ожидая встретить над собой раскрытую пасть, но вместо этого увидел, как Ярмола с размаху втыкает горящий факел упырю в морду.

— Назад! — вопил мальчишка, больше от ужаса. — Назад! Повелеваю силой Господа, назад!

Упырь выбил факел и с оплавленной, дымящейся мордой ринулся на мальчишку. Но Хонза уже успел подняться и с разбега врезался твари в ноги, опрокидывая её на лёд.

Ярмола не растерялся: отскочил в сторону и, пока упырь не изловчился, быстро вывел на его спине один из благословляющих знаков — слабый, но вражбицкий, как Овод поймёт позже.

Тварь ткнулась мордой в лёд и забилась в судорогах, скребя когтями по льду.

Ярмола перевёл зарёванный взгляд с поверженного упыря на Хонзу, потом на Овода. Криво усмехнулся дрожащими губами. И его снова вырвало.

***

Векша рухнул на живот и заскользил по льду, вытянув руки вперёд.

— Сука!

Пальцы вцепились в ткань у соларийки на груди. Векша дёрнул её на себя, вода разлетелась ледяными брызгами. Соларийка вынырнула из полыньи наполовину, судорожно кашляя и хватая ртом воздух.

Векша ушёл по грудь в обжигавшую черноту следом за ней. Лёд предательски проседал, угрожающе треща. Свободной рукой Векша вцепился в край льдины, напряг все мышцы и, рыча сквозь стиснутые зубы, выволок соларийку на твердь.

Пар от дыхания валил густыми клубами. Изо рта соларийки вырвался хриплый, надрывный кашель, будто её лёгкие пытались вытолкнуть из себя саму смерть.

Векша оглянулся: упырь, всё ещё насаженный на вилы, соскользнул в воду. Черенок вил тонул, уходя в чёрную полынью.

Не теряя ни мгновения, Векша поднялся на колени, рывком сорвал с соларийки промокшую верхнюю одежду. Сбросил с себя тулуп, накинул ей на плечи и крепко запахнул. С головы сорвал меховую шапку и нахлобучил соларийке на голову, закрыв мокрые волосы.

— Не спать! — рявкнул.

С её посиневших губ сорвался лишь тихий, надрывный стон.

— Шевелись! — он завёл её руку себе за голову, обхватил под спину. — Давай, дрыгай ногами, не то замёрзнешь насмерть, поняла?!

Они поволоклись по льду, оскальзываясь и тяжело дыша.

— Проклятье… — вырвалось у Векши сквозь зубы. — Не вздумай… Падла!

Последние слова он бросил самому себе.

Он из последней могуты сдерживал обращение, жгущее вены.

***

Ярмола, спотыкаясь на подгибающихся ногах, плёлся следом за Хонзой и темноволосым вражбитом, имени которого он так и не узнал. Хонза тащил того на себе; до берега, где уже сбились в тесную кучу уцелевшие, оставалось всего ничего.

У костра суетились люди. Дым стелился по земле, смазывая очертания фигур.

Ярмола не отрывал взгляда от спины вражбита.

В голове не укладывалось! Этот человек не только почуял упырей заранее, но и спас стольких от верной гибели! А он сам… он, волетворец, только и делал, что трясся от страха.

Им с сызмальства вбивали: вольные вражбиты — нечестивцы и мерзкие подлецы, наживающиеся на чужом горе. Да только ни этот вражбит, ни Векша не походили на злодеев.

Злодеи ведь не прикрывают собой чужих жён и детей?

Ярмола обхватил себя за плечи, чувствуя, как внутри снова разрастается стыд.

Все эти годы он так упорно учился, оттачивал знаки, стремился стать лучше. И что в итоге? Очередное сражение, настоящие упыри — а он лишь рыдал и блевал!

Даже простые мужики с топорами и вилами сделали больше, чем он.

— Я их не вижу… — прохрипел вражбит.

— Должны быть здесь, — упрямствовал Хонза. — Где же им ещё быть?

Они принялись расспрашивать выживших, не видел ли кто Векшу и солайрику. Но люди только качали головами, отводя глаза.

Неожиданно к ним подбежала женщина, прижимающая к груди зарёванную девочку.

— Тот зверь, — женщина рухнула перед вражбитом на колени, словно узрев пред собой восставшего пророка Ила. — Он гнался за нами. Был так близко, так близко… твоя жена, господин. Она помогла нам уйти. Но сама… сама… я видела, как она… ушла под лёд.

Ярмолу пошатнуло. Он вообразил, как соларийка проваливается в чёрную воду, захлёбываясь ледяным ужасом. Какая страшная смерть! Несчастный вражбит! Наверное, он вот-вот рассудка лишится от горя!

— Мне жаль… — Ярмола попытался коснуться его плеча, но вражбит уже зашагал дальше.

Спустя время им удалось отыскать его серую кобылку. Та была цела, лишь дрожала от холода и нуждалась в уходе. Лошадь Хонзы они нашли раньше, ещё на льду; бедняжка переломала ноги, и помочь ей было уже нельзя.

Конь Ярмолы исчез без следа. Либо ушёл в лес, либо его увели. Ярмола всей душой надеялся на второе: что с конём всё было в порядке, и о нём уже было, кому позаботиться.

Пока он метался в мыслях, вражбит вдруг достал нож и провёл им по ладони, пуская кровь. Затем ещё раз, глубже.

Ярмола в отчаянии кинулся к нему, перехватывая руку.

— Господин вражбит! — ноги у него подкосились, и Ярмола повис на нём всем весом. — Не надо! Твоя жена хотела бы, чтобы жил!

— Не мешай! Чтоб тебя!

— Я не позволю! Это грех! Грех смертный!

Вражбит ударил его наотмашь.

— Кончай истерику. Возьми себя в руки и займись лучше делом. Многим здесь требуется твоя помощь. А я всего лишь подаю знак этому уроду. Раз он почуял тогда — почует и теперь.

— П-почует что? — пролепетал Ярмола, держась за горящую щёку. — О чём ты, господин?

Вместо вражбита ответил Хонза:

— Эрхва в его крови. Векша должен её учуять.

Эпизод 19. Соглашение

В келье мерцали свечи из пчелиного воска; их зыбкое сияние скользило по вытканным на гобеленах ликам сестёр-мучениц, позолотой высветляло церковную утварь, выставленную ровными рядами на поставцах. Пылинки брезжили в воздухе, пропитанном запахом полыни, можжевельника и болотного аира.

Гробовщик не сводил взгляда с переплёта старого служебника.

Вражбитка, зовущая себя Таволгой, стояла возле подвешенной клетки с совой и держала за хвостик очередную мёртвую мышь, опуская между прутьями.

— Хочешь жить? — спрашивала вражбитка, чуть склонив голову набок; кормление птицы явно занимало её куда больше, нежели ответ Гробовщика.

— Хочу, госпожа. Всем сердцем хочу.

Гробовщик стоял на коленях с мятой шапкой в руках, ожидая приговора.

Сова в клетке щёлкнула клювом, жадно сминая мышиные косточки. Медовое пламя свечей дрогнуло, отбрасывая на стену колышущуюся тень птицы.

Гробовщик судорожно сглотнул. Облик вражбитки поневоле навевал ему мысли о тех несчастных, что томились за решётками в сырых подвалах обители. И этот её гадючий взгляд, обращённый вглубь себя, а не вовне. От него кровь стыла в жилах.

— Старый игумен оказался совершенно плох, — утомлённо продолжала Таволга. — Посему мы заключим соглашение с тобой. Отныне ты — настоятель Могута. Продолжай вести дела обители так, как они велись прежде.

Гробовщик сглотнул, проталкивая ком в горле.

— Не взыщи, госпожа… да не удержусь, спрошу: ради чего?

— Тебе надлежит обеспечивать моего господина людьми — теми, кого обитель примет под своё покровительство и кого ты изволишь признать… надлежащими.

— Обеспечивать?! — Гробовщик сделал над собой усилие. — Но на что могут сгодиться безумцы и убогие?

Таволга впервые обратила на него взор, и Гробовщик внезапно отметил, что её лик и этот глубоко посаженный, устремлённый сквозь него взгляд поразительно сродни облику одной из старших сестёр-мучениц, запечатлённых на иконах.

— Это уже не твоего ума дело, отец настоятель.

Гробовщик потупился. Удары сердца гулом отзывались в горле.

— Слушаюсь, госпожа. Исполню всё, как пожелаешь.

— Я оставлю здесь своих людей. Прошу тебя оказать им надлежащее попечение. Не тревожься: они лишены языка, дабы не обременять окружающих излишними речами.

Гробовщик склонил голову ещё ниже, почти касаясь бородой пыльного пола.

— Позволь мне ещё одно слово, госпожа.

Таволга некоторое время молчала, продолжая кормить сову; затем, словно опомнившись, с лёгким досадливым вздохом прервала своё занятие.

— Говори.

— Зверь, которого вы изволили доставить с господином Лесьяром. Не виверна ли это? В старинных летописях мне доводилось встречать подробные описания. И ещё — Векша… он ведь альв. Если не сочтёшь мою дерзость предосудительной, госпожа, удостой меня хотя бы кратким просвещением.

Сова вновь щёлкнула клювом.

— В тебе обнаружился куда более изощрённое разумение и пытливость, нежели я полагала. Служи прилежно, отец настоятель; и, быть может, со временем тебе будет даровано нечто большее, чем жизнь и золото — несравненно больше.

Таволга отошла от клетки и опустилась на скамью.

— Стало быть, облик Векши тебя не устрашил?

— Устрашил, госпожа, не стану отрицать! Признаться, я изрядно смутился и едва не потерял самообладание. Однако при тебе упоминать подробности представляется мне несколько неловким.

Таволга усмехнулась, выдерживая грань между надменностью и скучающей уверенностью. В светлых глазах вражбитки плавилась злая горечь.

— Любопытно. Что же, присаживайся, отец настоятель. Или тебе угоднее продолжать беседу, оставаясь на коленях?

Гробовщик замешкался, почуяв неладное.

— Кхм… признателен, госпожа.

С тяжёлым пыхтением он поднялся.

Птица в клетке не сводила с него взгляда, прикидывая, не он ли станет её следующим уготовленным лакомством.

***

Векша сползал по склону, прижимая одной рукой к груди охапку сухих веток, другой — волоча за собой еловые лапы.

В глубине прибрежного оврага, где склон делал небольшой изгиб, густо разросся молодой ельник: плотная стена невысоких елей, пихт и ивняка. Ветви их переплетались столь тесно, что образовывали собой настоящий живой шатёр.

С одной стороны шатёр надёжно прикрывал крутой глинистый склон, увенчанный нависающим снежным карнизом. С другой стороны высилась завеса еловых лап, отяжелённых снегом, спускавшаяся до самой земли и образовывавшая низкие арки и узкие тоннели.

В щербатых кронах завывал ветер, касаясь земли стылым дыханием.

Векша наткнулся на это место случайно, стремясь оторваться от толпы уцелевших. Глаза его вновь потемнели. Не желая разделять участь упырей, обезглавленных на льду, он предпочёл укрыться в лесу.

Только вот имелось одно большое и увесистое «но».

Вернувшись в укрытие, Векша пригнулся, ныряя под тяжёлые снежные ветви и раздвигая их плечом. Выпрямляясь и выискивая взглядом соларийку, Векша вдруг ощутил, как сердце его сжалось от тревоги: что если соларийка околела, пока сидела одна? Если он задержался слишком долго, и после всего, что случилось на льду, она просто потеряла сознание и…

Что-то твёрдое с хлёстким ударом врезалось Векше прямо в лицо.

— А-а-а! — он признал отчаянный крик соларийки.

Удар пришёлся Векше в скулу и висок. Векша пошатнулся, в глазах его вспыхнули искры. Охапка хвороста выскользнула из рук и рассыпалась по снегу.

Векша вскинул ладонь, обиженно ограждаясь от дерзкого нападения.

— Какого хрена ты творишь?! — залаял он.

Солайрика стояла перед ним, обеими руками сжимая обломок елового сучка. Шапка съехала ей на брови, мокрые волосы липли к вискам. Соларийка сапно дышала, будто это она, а не он только что наламывала сучья без топора.

— Прости, — сбивчиво пробормотала она. — Я думать, ты… упырь.

— Да я всего на три шага отошёл! — Векша показал когтистой лапой нужное число, на случай, если она окончательно выстудила себе мозги. — На три, мать его, шага! Бездушная ты баба!

— Прости… — соларийка неуклюже пошатнулась и выронила сучок. — Мне холодно.

Векша выругался. Соларийка выглядела оглушённой, и как бы он ни силился по-настоящему злиться на неё не выходило.

— Я же сказал тебе расчистить землю, — сменил тему Векша. — Но нет! Ты предпочла залепить мне по морде! Знаешь, пока ты нисколько не оправдываешь усилий, на тебя затраченных!

Векша быстро разгрёб снег, смахнул верхний слой мокрой хвои, освобождая небольшой круг для костра. Снизу уложил сухой хворост и тонкие ивовые ветви, сверху крест-накрест — более толстые еловые сучья.

— Упырь, — ворчал он себе под нос. — Совсем глазами обнищала? Эй! Иди сюда. Лезь мне в поясную сумку. Достань ту штуку…

— Где мы?

— Соберись. Помоги мне развести огонь. Обойдёмся без вражбицкого пламени. Оно тут всё спалит, глазом моргнуть не успеем. А потом снова таскаться по лесу за хворостом и получать от тебя по морде. Суй руку, чтоб тебя!

Соларийка дрожащей рукой выудила из его поясного кошеля, где Векша хранил трут, кремень и кресало, предмет, который он похитил у неё не так давно.

— Моя зажигалка, — ахнула соларийка.

— Стой рядом, будешь закрывать от ветра.

Соларийка встала вплотную. Векша разжёг огонь и принялся раздувать, осторожно подбрасывая тонкие веточки одна за другой. Костёр оживал, потрескивая и разливая вокруг себя мягкое, спасительное тепло.

К запаху снегу и смолы примешался густой дым и аромат нагретой хвои.

Стоило пламени разгореться, как солайрика осела, ударившись спиной о дерево.

— Тпру, — Векша выбросил руку в сторону, хватая её и не давая удариться головой. — Что на этот раз?

Векша отдёрнул руку, внезапно осознав, что коснулся её когтями. На мгновение он позабыл, что не стоило так запросто размахивать ими направо и налево.

Вот уж вышел бы казус, задень он её по шее. Вражбит с алхимиком были бы в восторге!

— Вставай, — Векша заставил соларийку подняться и прислониться к стволу дерева. — Жди, почти готово.

Соларийка кивнула, но её взгляд всё равно уплыл куда-то в сторону.

Векша быстро разложил у костра еловые ветви, укладывая их толстыми концами в одну сторону. Сверху набросал мягких еловых лап. Слой получился плотный, в две ладони толщиной. Векша прошёлся по нему ногами, утрамбовывая. Подстилка улеглась ровным ковром, колючая, но достаточно мягкая и, главное, удерживающая тепло за счёт воздушной прослойки между ветками.

Солайрика обессиленно опустилась на лапник. Села, поджав под себя ноги, и потянулась к огню.

Векша поставил рядом с костром пару жердей, устроился чуть в стороне и несколько мгновений молча смотрел на соларийку.

— Сейчас я тебе кое-что скажу, — он шмыгнул носом. — Тебе это не понравится. Но так дело не пойдёт. Одежда тянет холод.

Соларийка подняла виноватый взгляд.

Векша замялся. Он и сам не понимал, кто из них был больше смущён: она, потому что не догадывалась, к чему он клонит, или он — потому что она смотрела прямо в его чёрные глаза и, кажется, вовсе не боялась.

— Э-э… — Векша указал на неё когтем. — Снимай.

Соларийка не шелохнулась.

Векша горестно вздохнул и начал первым стягивать с себя остатки одежды.

— Нам надо идти? — уточнила соларийка.

Векша снял рубаху, оставаясь обнажённым по пояс. Кожа на груди и плечах сразу покрылась мурашками.

— Разумеется. Прямо сейчас. Я голый, ты в бреду — самое время устроить переход, — он сердито швырнул ей рубаху. — Ты спереди, я сзади с голой задницей. Ну?

Соларийка с усилием поймала тряпку негнущимися пальцами. Векша некоторое время наблюдал, как она скованно пытается сообразить, что ей нужно делать.

— Нет, ну это ужу курам на смех…

Векша придвинулся ближе и приподнял тулуп на плечах соларийки, прикрывая её от ветра. Их лица оказались совсем рядом, дыхания смешались. Векша почувствовал металлический привкус речной воды в её мокрых волосах, и солоноватый запах женского пота под ним.

— Что… Овод? Хонза? — промямлила соларийка, неуклюже возясь с одеждой.

— Не знаю. Где-то там. Что с ними будет? Управятся… как-нибудь.

Соларийка с блаженным любопытством смотрела ему в глаза, не отводя лица, в своём бреду не помня ни про наготу под распахнутым тулупом, ни про то, что ей следовало бы вопить от страха или отвращения.

Векша внезапно опомнился: его глаза были черны и непроницаемы, и она не могла отследить в них направление его взгляда. Стараясь не выдать себя ни единым лишним движением или напряжением, он опустил взгляд и уставился на обнажённую грудь.

Он ждал, что в нём вспыхнет прежнее влечение, да только не вышло. Нечто тёмное и непреклонное тяжёлым ударом низвергло этот порыв. Глухая боль с пустотою сжали его грудь, отнимая дыхание.

И вместо женского тела в его руках ему внезапно привиделась сама жизнь, дерзновенная в своей наготе, трепещущая и беззащитная. Среди той опустелости, к которой он давно привык. И в то же время — ничто и всё одновременно, сродни тем бездушным деревянным фигуркам, что он вырезал и бросал в огонь.

Творить, не разрушая… неужели это способно дарить такой трепет и восторг?

Но к чему всё это? Что он здесь делал, вместо того чтобы прикрывать вражбита? Ведь именно он был ключевым звеном в этом задании.

В груди плотными корнями расплеталась суровая нежность, сродни той святости, о которой говорилось в церковных книгах.

— Спасибо, — голос соларийки извлёк его из бездны раздумий. — И прости.

— А? Ага… Будешь должна.

Соларийка уже почти натянула верхнюю одежду, когда вдруг снова спросила:

— А это больно?

— Больно что?

— Твои руки.

Она высвободила руку и коснулась его ладони. Векша едва не выронил край тулупа.

— Пальцы. Когда, эм… — она показала, как они вытягиваются. Наверное, имея в виду когти.

— Больно. Но я привык.

Она перехватила у него край тулупа, и Векша поспешно отодвинулся, принявшись развешивать мокрую одежду на жердях.

— Ноги тоже? — шмыгнула носом соларийка.

— Ноги?

Она шевельнулась, показывая «когти» на ногах.

Векша уже хотел возмутиться, что он ей не барсук, но вовремя прикусил язык: для человека, который ничего об этом не знал, вопрос был вполне разумный. Векша невольно усмехнулся, и тут же стушевался.

В обличье альва его улыбка обычно вызывала у людей не смех, а панический вопль и желание упасть пластом.

Но соларийка неожиданно усмехнулась, словно её саму развеселило то, как он мог выглядеть с когтями на ногах. А затем и вовсе зашлась в хохоте, который Векша поначалу принял за надрывный кашель.

Видать, она окончательно отморозила остатки рассудка.

— Векша, — с трудом выговорила она сквозь смех, вытирая слёзы тыльной стороной ладони.

Мда. У неё начиналась истерика.

— Эм… да?

— Ты… ты есть смех. Очень смех. Ты сидеть. Сидеть как…

Векша нахмурился, всё ещё сидя на карачках, сгорбленный, с её мокрой одеждой в руках. Ему неожиданно пришло в голове, что хуже, чем испуг женщины перед твоим истинным лицом, — её насмешка.

— Судя по твоему смеху, тебе немного осталось…

— Сколько надо ждать? — отсмеявшись, спросила соларийка, опуская взгляд в огонь. Глаза у неё сделались влажными и осоловелыми. Ещё немного, и хлопнется в обморок.

Векша глянул на свои руки — на обеих ещё держались когти.

— Не знаю.

Оставалось лишь надеяться, что вражбит был ещё жив. Иначе весь замысел Хозяина полетел бы к химерам под хвост.

Надо было оставаться на льду. Надо было.

Морду и грудь жгло жаром от огня, спину и задницу драл холод. После боя всё тело ныло, будто его били батогами: мышцы ныли, ушибы пульсировали, а в голове стоял гул.

Пальцы тоже почти онемели, кровь в жилах текла медленно, густея от усталости. Мысли тоже.

— Мне жарко, — вдруг сказала соларийка.

Векша отвлёкся от размышлений.

— А?

Как ей могло быть жарко?

Соларийка распахнула тулуп.

— Жарко. Не могу дышать.

Векша вскочил, будто перепуганный девственник в первую ночь, не зная, за что хвататься.

— Нет, нет, нет, нельзя…

Ну разумеется, её тело остывало быстрее, чем успевало согреться. Сердце едва стучало.

Векша быстро подполз и сел рядом. Накинул на них сверху тулуп и, не дожидаясь, пока соларийка опомнится, попытался устроить её поудобнее. Соларийка тем временем настойчиво пыталась раздеться.

— Холод тебя обманывает. Тебе не жарко. Не двигайся. Хватит.

Он принялся растирать её плечи и руки поверх одежды.

— Дыши, чтоб тебя!

Соларийка продолжала слабо вырываться, бормоча, что ей жарко, и что она сейчас сгорит. Постепенно её дыхание стало глубже и ровнее, а попытки высвободиться свелись лишь к мотанию головой.

Векша прижал её крепче, тяжело дыша сквозь стиснутые зубы.

Его собственное тело отзывалось чересчур болезненно на возвращающееся тепло: тысяча мелких иголок разом впивались в замёрзшую кожу, мышцы и жилы. Сначала было невыносимо вовсе: каждый прилив крови отдавался колющей, резкой болью в спине, избитых руках и ногах. Но постепенно боль отступала, растворяясь в густом, зреющем жаре.

Векша начинал понемногу приходить в себя. Усталость тяжелила позвоночник, но вместе с ней оттаивало и тело. И в подобном расслаблении таилось тихое, постыдное наслаждение — от одного лишь присутствия живого, хоть и трясущегося всем телом, существа под боком.

И тогда над головой раздался хлопок крыльев. Сова чёрной тенью опустилась на ветви и уставилась на них сквозь переплетение сучьев.

Векша уставился на птицу исподлобья, напрягшись всем телом, будто перед ними предстала самая лютая из всевозможных угроз.

Таволга взирала на них огромными неподвижными глазами, утопленными в пернатую маску лицевого диска, и видела всё. Видела, что он оставил вражбита на льду. Видела всё до конца и знала, что он заходит в своей дерзости слишком далеко.

И вскоре об этом станет известно Хозяину.

***

Ярмола завизжал от ужаса и отскочил, прячась за Хонзу.

Сивка тоже испуганно всхрапнула, тревожно переступив с ноги на ногу.

— Ну и где вас так долго носило? — раздражённо рявкнул вылезший из темноты Векша. — Ну а этого сопляка на кой ляд притащили?

Одет Векша был совсем легко для такого холода. Диво, как ещё держался. Он сутулился, прижимая руки к бокам, тщетно пытаясь сохранить тепло. Волосы, выбившиеся из-под тесёмки, падали на глаза, закрывая половину лица.

Хонза накинул на него свой плащ, и Ярмола с досадой отдёрнул себя за недогадливость: это ведь ему следовало первым поделиться с Векшей одеждой, а не стоять истуканом!

— Где она? — вместо восторженного приветствия огрызнулся Овод.

— У костра.

— Её укусили? Ранили? — Овод был готов накинуться на Векшу с кулаками, будто тот в чём-то провинился.

— Нет, но… да что? Да убери от меня руки! Я не виноват, сделал, что мог.

Они поспешили к его укрытию, продираясь сквозь густое переплетение ветвей.

Ярмола невольно дивился тому, с какой уверенностью Векша определял своё местонахождение в сгущающихся сумерках. Сам Ярмола уже сбился с пути, едва они сошли с дороги.

Соларийка, лежавшая возле костра, при их появлении даже не шелохнулась.

— Думаю, ей конец, — сипло отозвался Векша. — Её трясёт, сколько ни грей. Знаки не помогают. И, похоже, начинался бред. Наша игра теряет одного игрока.

Овод метнулся к соларийке, рухнул рядом на колени.

— Почему не пошли сразу в город? — прорычал он, метнув на Векшу свирепый взгляд. — Решил её прикончить?

— Я не мог, — Векша как-то странно помолчал, качая головой, стоя к Ярмоле спиной, — как сам видишь.

— Из-за тебя она умирает.

— Поправка. Я её, вообще-то, спас.

— Ты мог оставить её вместе с людьми и сбежать один!

— Ага, а если бы кто-то из упырей добрался до берега? Стали бы эти твои «люди» её спасать?!

Хонза бросил поклажу на землю, подошёл к костру и присел, вглядываясь в лицо соларийки. Вздохнул всей грудью, словно её уже можно было свозить на погост.

— Давайте перенесём споры на другой раз. Сейчас нужно искать ночлег, желательно в городе. Денег хватит до начала следующего месяца. А за проезд, думаю… нам уже не вернут.

— Я… я могу помочь, — неожиданно выдавил Ярмола. — Я больше осваивал… целительство. Может, хоть здесь пригожусь. Если позволите.

Он дрожащей рукой вытащил из-под воротника серебряную подвеску.

— И в городе я тоже смогу помочь. По государеву закону волетворцам постоялые дворы обязаны давать приют и еду, не взымая платы. Позвольте отплатить вам за… за спасение. И ещё… г-господин вражбит, не возьмёте ли меня в ученики?

Хонза, Векша и вражбит уставились на него, как на недобитого упыря. Повисла гнетущее молчание, и Ярмоле стало не по себе.

Отчётливо слышалось потрескивание веток в костре.

Ярмола помолчал, а затем всё же жалобно добавил:

— Пожалуйста?..

Эпизод 20. Delirium

— Не мог бы ты прекратить? — неуверенно попросил Ярмола. — Право же, не стоит уродовать чужие стены.

Векша искоса взглянул на волетворца, отвлёкшись от броска ножом в воображаемую цель.

Ярмола заметно стушевался, но взгляд выдержал.

— Как прикажешь, обладатель самой увесистой мошны в нашем кругу, — проказничая, Векша прижал ладонь к сердцу, словно присягая на верность.

Он плюхнулся на лавку, выудил из поясной сумки точильный брусок, положил его на стол и лениво повёл по нему лезвием.

Голова у него уже который день трещала по швам, и он не знал, чем себя занять.

— Подумать только, — Векша шмыгнул носом. — Стоило помучиться на льду, чтобы теперь лакомиться рябчиками на ужин.

Ярмола страдальчески замешкался, прежде чем вернуться к делу. Волетворец был занят тем, что растирал в ступке семена для лекарства, которые он готовил для соларийки.

— Надеюсь, это место вас устроит. Признаюсь, это наилучший постоялый двор, какой только мне удалось сыскать в городе.

— До княжеских палат, разумеется, не дотягивает, да и ладно, — с нарочитой серьёзностью отозвался Векша. — Жить можно.

— Неужели тебе доводилось там бывать?! — юноша изумлённо округлил глаза.

Векша покрутил лезвие, разглядывая его край.

— Было дельце. Шатался там с бродячей труппой. Мы ставили балладу о Верности Кипариса, написанную в Эпоху Раздора, будь она неладна.

Лицо Ярмолы вытянулось, и он стал похож на растерянного вьючного ослика.

— Неужто ты и впрямь там бывал? Прошу, извини, я такой рассеянный… не напомнишь ли, какую именно роль тебе довелось исполнять?

Сбившись с ритма, Векша перестал водить лезвием по камню и перевёл взгляд на волетворца.

— Парень, ты сейчас серьёзно или издеваешься? По-твоему, я похож на скомороха?

— Осмелюсь заметить… тебе пошёл бы колпак с бубенчиками. У тебя весьма выразительные черты лица.

Векша прищурился. Юноша настойчиво ему кого-то напоминал.

Пока Ярмола заметно нервничал, Векша, пристально наблюдая за ним, вдруг почувствовал, как его память проясняется. Нет, этого быть не может! Дело происходило в столице, когда он сопровождал Хозяина несколько лет назад.

Этот мальчишка был при дворе государя.

— Эй, да ты ведь… — Векша запнулся. — Государев байстрюк. Я тебя вспомнил. Значит, эдак тебя спровадили? Сослали в монастырь, обрядив волетворцем?

Ярмола подскочил, будто его ужалило.

— Нет, прошу тебя! Заклинаю, не произноси этого вслух, не выдавай меня! Я… право же, затрудняюсь внятно объяснить, но… умоляю…

Векша затих, поражённый тем, что случайно сковырнул чужую тайну. Впрочем, пользы в этом не было: мальчишка был бесполезен, как снег на проталине, серый и убогий. Ещё тогда, при дворе, к нему относились с явным презрением. И неудивительно: государь зачал его с какой-то то ли прачкой, то ли кухаркой. Странно, что его вообще пощадили в младенчестве.

И всё же, увидеть государево семя здесь, среди простонародья…

Вот почему на подвеске у Ярмолы две нити: красная — знак волетворца, прошедшего обучение, золотая — покровительство самого государя. Последняя милость перед тем, как бросить незаконнорождённого сына на растерзание судьбе.

Векша сжал рукоять ножа. Если мальчишка вспомнит, где уже видел его раньше, — и, главное, с кем! — могут возникнуть неприятности. Оставлять его в живых теперь было недопустимо.

В горницу шумно ввалились Хонза с Оводом. Они бросили вещи на стол.

— Ну и что сказали в кузнице? — Векша принялся водить лезвием по бруску, украдкой подмигнув мальчишке.

Ярмола всё ещё выглядел встревоженным, но прикусил губу и опустил взгляд.

Подумать только, какой живучий сопляк! Его губил собственный отец, эрхва в его крови, упыри на льду. А он всё ещё цеплялся за жизнь, словно вьюнок. Такой даже топтать жалко.

— Теперь у нас хватит и денег, и времени, — Хонза стащил валенок, принюхался и горестно вздохнул. — Можно спокойно работать, не думая о заработке. Спасибо за это Ярмоле.

— И сколько времени это всё займёт?

— Ну, надеюсь, с вашей помощью, трёх вражбитов, мы управимся за месяц, — Хонза высморкался в утирку. — Главное, не взорвать кузню на тестовых этапах.

Векша с должным впечатлением кивнул, про себя думая, что Хозяин будет не в восторге. Если брать в расчёт, что через месяц начнётся весенняя распутица, а реки ещё не полностью очистятся ото льда — ждать придётся конца весны.

Проклятье! Его задание становится длиннее с каждым днём!

— Хозяин постоялого двора не спляшет от радости, если мы у него до лета задержимся. Ему бы серебро считать, а не нашу братию кормить-поить без меры.

— Не придётся, — Овод рылся в своих вещах. — Выдвинемся, как только закончим.

— Напомни, сколько нам добираться до Галлу-Дар?

— Пусть это будет для тебя приятной неожиданностью.

Векша поковырял в носу.

— А мне, знаешь ли, милее без домыслов.

— Как Татьяна? — внезапно спросил Овод.

Векша растерянно помолчал, не ожидал, что Овод так резко сменит тему.

— Ей заметно полегчало. — поспешно и чуть запинаясь проговорил Ярмола. — Да, и я позволил себе отослать помощницу, чтобы она могла передохнуть. Мне осталось закончить приготовления, и я непременно пробуду при вашей спутнице всю ночь.

— Я могу подежурить, — предложил Овод.

— Нет, господин вражбит, на тебе самом лица нет. Тебе самому следовало бы отдохнуть. Я, право же, управлюсь…

Векша припомнил, как они заселились на постоялый двор: после бани соларийка заметно ожила и даже сидела с ними за ужином. Можно было решить, что, оказавшись в безопасности, она пошла на поправку.

Тогда за столом Векша не знал, о чём говорить, и всячески пытался разгонять гнетущее молчание пустой болтовнёй:

— Почему не подашься на службу к государю? — допытывался он у Овода, обсасывая мясо с косточки. — Ходил бы всегда сытый, одетый, и не пришлось бы шататься по деревням, выгребая упырей их нужников. Есть ведь занятия и посолиднее. Как у того же Ярмолы.

— А ведь и впрямь! — подхватил юноша, от волнения позабыв про еду. — Подобных мастеров нарасхват берут! Стоит лишь пройти надлежащее посвящение в церкви и, разумеется, принести присягу Государю в храме Бессмертных.

Векше было занятно наблюдать, как по-разному люди относились к вражбитам и волетворцам. Последних превозносили, чуть ли не в ноги кланялись, боясь лишний раз взглянуть

им в глаза. Первых же призирали, считая подонками, которые чуть ли не в дёсны лобызались с упырями.

— Стать псом на чужой цепи? — Овод монотонно жевал, устало глядя в стол. — Нет уж, благодарю.

— У цепи, между прочим, есть свои выгоды, — Векша откусил, прожевал и продолжил: — Хотя бы полная миска и крыша над головой. А, или тебя просто как вольной свинье тянет в грязи валандаться? Тогда вопросов не имею, валандайся на здоровье!

Векша ел так жадно, что, пожалуй, мало отличался от тех самых упырей, напавших на караван. Наверное, именно поэтому соларийка украдкой поглядывала на него с осторожностью, когда думала, что он не замечает. Но Векша ничего не мог с собой поделать. Голод и усталость брали своё.

Единожды он не сдюжил: с набитым ртом повернулся, поймал её взгляд и, не понимая, чего она от него ждёт, неловко предложил ей вторую ножку рябчика со своей тарелки. Солайрика смотрела на него осоловело, будто уже дремала и принимала его за ожившую снежную бабу с морковкой вместо носа.

Под утро соларийке сделалось совсем худо. Она кашляла и сотрясалась так, будто готова была выплюнуть лёгкие. Векша привык считать себя чёрствым, одна это зрелище даже его повергло в ужас.

Соларийку перевели в отдельную горенку через сенцы, и теперь с ней оставалась молоденькая челядинка. Она приносила еду, помогла справляться с нуждами и дежурила у постели по ночам.

— Пенициллина, полагаю, ни у кого не найдётся? — подытожил Хонза.

— Не знаю о чём ты, но у меня даже трав из Галлу-Дар не осталось, — злился Овод, — я всё израсходовал. Проклятье! Будь у неё перелом или кровотечение… Да хоть роды — я бы справился. А здесь я бесполезен. У меня не осталось средств на отвары, чтобы побороть горячку.

— Роды? — Векша воззрился на него в ступоре. — Ты что, умеешь их принимать?

— Приходилось.

— Как вражбиту тебе не доплатили, так ты в повитухи подался? Надо же! И как тебя, скажи на милость, к чужой-то бабе пустили?

— За это меня потом чуть на сосне всем селом не вздёрнули. Да только выбора не было. Надо было помочь.

— Да, помогать людям — занятие не из безопасных.

К солайрике никто не заходил, кроме Ярмолы и местной знахарки. Единожды туда сунулся Овод: многие лечебные травы были горькими и вызывали тошноту, и солайрика в бреду отказывалась их пить — приходилось вливать силой. Но вскоре вражбит выбрался оттуда сам не свой, подавленный, словно с похорон.

Векша слышал, как солайрика, бредя в жару, увидев вражбита, вскричала от ужаса, будто перед ней вылез упырь. Она звала какого-то Илью, молила, чтобы он вернулся, но не таким «мёртвым». Похоже, ей привиделось, что Овод и есть тот самый упырь.

После этого Векша решил к соларийке даже не приближаться. Если уж Овод вызвал у неё такой ужас, то его появление и вовсе могло бы её добить. Да и чем он мог помочь? В целительских знаках он мало что смыслил.

Векша привык разрушать, а не созидать.

— Ярмола использует знак «подчинения», разобранный до составляющей «разделения», — Векша подслушал, как поражался вражбит, обращаясь к алхимику. — Это требует особой точности. Собьётся хоть на волос, ей станет хуже. И ему тоже. Нужно его остановить.

— Волетворцы — лекари по своему предназначению, — пасмурно вмешался Векша. — Им не дозволено касаться вражбы, способной поколебать единодержавие, зато в умении лечить

им, по слухам, нет равных. Их вывели, чтобы хранить здоровье княжеских династий. Может, ему всё-таки лучше знать, как действовать в этой ситуации?

Они схлестнулись взглядами, но Овод в конце концов уступил, всем своим видом показывая, что признаёт правоту Векши. Только вот смириться с ролью стороннего наблюдателя ему оказалось не по силам.

Весь оставшийся день вражбит провёл в конюшне, заботясь о своей ненаглядной сивой кобыле. Там же он и заночевал, несмотря на то, что им предоставили лучшее место на всём постоялом дворе.

Странный он всё-таки был. Видать, уж слишком привык спать среди навоза.

Прошёл день, и вот они вновь собрались в одной горнице.

— … их глаза, — из раздумий Векшу выудил голос Хонзы. — Или мне показалось?

— Ты о чём? — отозвался со своего места Векша, вырезая фигурку.

Его раненая рука по-прежнему плохо слушалась, хоть и быстро заживала — одно из дарований крови альвов.

Хонза отхлебнул кипятка с ромашкой и поставил чарку на стол.

— Об альвах и упырях.

Векша напрягся.

— Они похожи, — продолжал Хонза. — Разве нет?

Векша крепче сжал нож, замедлив движения.

— Похожи? Эй, следи-ка за языком!

— Когти и глаза…

— Неужели, тебе доводилось видеть настоящего альва?! — с благоговейным изумлением осведомился Ярмола.

Никто не посвящал парнишку в подробности. Овод не хотел становиться его наставников и уж тем более не хотел вести его в Галлу-Дар. Вражбит был уверен, что сопляк обязательно сдаст местонахождение затерянной пещеры государю.

Хонза бросил быстрый взгляд на Ярмолу, затем на Векшу и поспешно добавил:

— Когда я был моложе, то спускался с экспедицией в одну из пещер Галлу-Дар. Нас сопровождал альв старшей крови. Кажется, его имя было… нет, не выговорю. Мы звали его просто Когтем. Когти у него, скажу тебе, были куда внушительнее твоих. Я ещё тогда спросил его об этом, но внятного ответа так и не получил.

— Да, — неожиданно вмешался Овод, тяжело опускаясь на скамью. — Между ними есть связь.

Векша отложил заготовку и с силой вогнал нож в стол.

— И как, по-твоему, эти безмозглые твари могут быть связаны с древней расой, породившей величайшие артефакты? Между ними не больше сходства, чем между…

— Моя наставница говорила, — с расстановкой перебил его Овод, — что люди, стремясь обрести силу и долголетие альвов, создали хворь. Скверну. Она должны была превратить их в альвов. Но вместо лекарства получилось проклятие, цепляющееся за мёртвых.

— Вирус, — тихо произнёс Хонза.

— Что?

— У нас есть такое понятие в мире. Вирусы. Зараза, но не наведённая вражбой, а возникающая сама собой и передающаяся. Похоже, речь идёт о чём-то подобном. У вас тоже есть вирусы, просто ещё нет понятия о клетках и…

— Брехня! — Векша и сам не заметил, как вскочил и зашагал по горнице, словно волк в клетке, раззадоренный ударами по прутьям. — Нельзя просто так взять и присвоить сущность альвов. А вот сгнить и стать упырём — запросто.

Все трое как-то странно уставились на него со своих мест.

— Моя наставница была альвом старшей крови, — спокойно сказал Овод. — Тебе известно больше, чем ей? Тебе, недоделку на полморды?

Векша шагнул к нему, навис, резко рассекая рукой воздух.

— Твоя наставница говорила, что человек и альв не могут иметь потомства. Но вот он я. Перед тобой!

— Что это значит? — растерянно спросил Ярмола, но на него не обратили внимания.

— Полегче, — Овод напрягся.

Векша отступил.

— Тогда следи за языком.

— Кем были твои родители? — внезапно задал вопрос Хонза.

Векша порывисто обернулся.

— Чего?

— Твои родители. Кто они?

— Я их не знал. Какое это имеет значение?

— Ты родился таким?

Векше не нравились их взгляды. Это было даже ещё сквернее того, если бы они смотрели на него с отвращением или страхом, как он привык.

— Может, ты был заражён в детстве? — продолжал наседать Хонза.

Сердце заколотилось быстрее. Векша отступил на шаг.

— Что? Не мели чушь! Мой отец был альвом.

— Откуда тебе об этом известно?

Векша отвёл взгляд. Он не собирался вдаваться в подробности. Это их не касалось.

— Мне сказал один человек, который знал их при жизни.

— Стало быть, — безжалостно продолжал Хонза, — ты что-то наподобие… химеры?

Тук. Тук.

Векша замер.

— Что?..

— В нашем мире так называли существ из древнегреческих мифов. Я немного знаю о химеризме у растений и животных: такие формы могут возникать из-за спонтанных мутаций, а могут создаваться искусственно. То есть «рукотворно». В природе это редкость, чаще их выводят люди. Но какой генный инженер сумел бы вывести подобную породу в вашем мире с помощью одной лишь вегетативной селекции? Наука у вас не развита, разве что с помощью вражбы…

Тук. Тук.

Векша не слушал и не вникал. Его стремительно уносило в прошлое.

Сквозь холодный, секущий дождь к нему тянулась крепкая рука, перевитая вдетыми под кожу письменами.

Голос Хозяина пробирал его до костей:

«Наконец-то я тебя нашёл».

Сильные, по-отцовски уверенные руки поднимали его с земли. Векша голодал уже седмицу и был на грани смерти. Дождь размывал огни города, превращая улицы в грязное, текучее месиво.

«Больше ты от меня не сбежишь».

— Скажи, ты способен давать потомство? — Хонза сделался сосредоточенным, будто выверяя в кузне параметры чертежа. — Или ты стерилен? Это значит «бесплоден». Учитывая, что у тебя нет жены и детей, я бы предположил…

— Заткнись, — выпалил Векша. — Я не… я не имею ничего общего с теми тварями… с теми…

Хонза растерянно моргнул.

— Прости, я просто рассуждал. Векша? Ты в порядке? Прости, я устал, могу не следить за языком. Если сказал что-то не так, то…

Векша схватился одной рукой за голову. Тук-тук. Каждый удар сердца гулко отдавался в ушах, будто кто-то бил его кувалдой по черепу. Сердце рвалось, подобно химере на цепи, пытающиеся выскочить из клетки.

Нет, химера уже была внутри него. Она клацала зубами, скребла когтями по костям.

Голос Хозяина сочился в сознание:

«Больше ты от меня не сбежишь».

«Стало быть, ты что-то наподобие… химеры?»

Векша встряхнулся, пытаясь стряхнуть наваждение, но оно лишь глубже вгрызалось в его нутро. Перед глазами всё плыло: дождь, чёрные лужи… подземелье. Решётки. Запах мертвечины.

— Решил устроить представление? — Овод тяжело поднялся. — Прекрати, кто-нибудь заметит. Нам ещё лишних проблем не хватало.

Векша опустил взгляд на руки. Действительно. Его когти разрывали кожу изнутри. Он даже не заметил…

Пол под ногами качнулся в такт сердцебиению.

Ярмола вскочил, но Овод преградил ему дорогу.

— Стой, всё в порядке.

— В порядке?! — мальчишка трясущейся рукой указывал на Векшу. — Он… он обращается в упыря!

Векша мотнул головой:

— Я не… упырь.

Перед глазами вспыхивали образы. Зажжённая лучина, женщина. Женщина, держащая его на руках. Каштаново-золотистые пряди падают ей на лицо, когда она поёт ему колыбельную.

— Векша, тебе лучше присесть, — Хонза тревожно приподнялся.

Векша сжался, проводя когтями по лицу, пытаясь содрать ненавистную оболочку, отринуть в безумии то, что скрывалось под ней.

— Я в порядке… — он пятился, чувствуя кислый вкус на языке.

— Выглядишь иначе.

— Пойду подышу воздухом, — Векша изобразил улыбку, и Ярмола при виде его оскала лишь сильнее вжался в стену. — От вашей пустой болтовни становится слишком душно. Удавиться можно.

— Ну и куда ты собрался в таком виде? — окликнул Овод.

— Не твоё дело.

И, не дожидаясь, пока его остановят, Векша, пошатываясь, словно в бреду, шагнул к выходу, на ходу натягивая шапку на глаза.

В сенях Векша ударился плечом о стену и, согнувшись, сипло задышал, не в силах больше сдерживать обращение.

Но голос Хозяина звучал в нём громче шума крови. Громче собственных мыслей.

«Больше ты от меня не сбежишь».

***

В приоткрытые ставни льётся свет.

Тёплый летний ветер колышет жалюзи, поднятые наполовину. Они тихо постукивают о раму.

Тяну за ручку холодильника и заглядываю внутрь. Шарю взглядом по полупустым полкам, выискивая что-то конкретное, хотя сама до конца не понимаю, что именно. Кажется, сладкую газировку.

В горле пересохло. Нестерпимо хочется пить.

Илья сидит у меня за спиной, за кухонным столом, опершись локтем о край. Курит, хотя я сто раз просила его не делать этого в квартире. Вытяжка не справляется, запах взъедается в мебель.

Где же газировка?..

Пот стекает под майкой, даже дышать тяжело. Надо уйти в другую комнату к кондиционеру, а то мысли вязнут, всё будто в тумане. И этот запах дыма…

Сердито захлопываю дверцу, разворачиваюсь на пятках и зло смотрю на Илью.

Вдруг ловлю себя на мысли, что меня тянет тоже взять сигарету. Странно, я ведь никогда не курила.

С кем поведёшься — оттого и наберёшься, блеск.

— Это ты мою газировку выпил? — я выхватываю у него сигарету и тушу её в чашке. — Мог бы хотя бы спросить!

Илья провожает взглядом окурок, тонущий в потемневшей воде, и поднимает глаза на меня. В его глазах отражается стылая, тягучая горечь. И она будто не имеет отношения к сигарете.

— У тебя всё в порядке? — я встаю между его колен, провожу ладонью по его волосам над ухом. — Опять что-то на работе? Кто-то… умер?

Илья молчит, лишь склоняет голову и касается губами внутренней стороны моей ладони, задерживая прикосновение.

Что-то не так.

Сердце срывается, летит в бездну. Воспоминания окутывают волной холода, не затапливая с головой, но тяжеля тело.

— Это я… умерла?

Илья снова обращает на меня взгляд. В нём нет боли, нет страха, лишь всё та же незыблемая горечь. Словно он уже прошёл через всё то, что предстояло пройти мне самой, но теперь ему оставалось лишь наблюдать.

— Значит… я могу остаться?

Я хватаю его за плечи.

— Здесь, с тобой? — будто прошу разрешения.

Илья переводит взгляд на дверь, затем снова на меня. Понимаю: он не в силах меня остановить. Его уже нет. А у меня всё ещё есть выбор.

В его взгляде нет осуждения, лишь зеркало меня самой. Он показывает мне, что я делаю.

— И что теперь? Как мне поступить?

Хочу, чтобы боль наконец прекратилась. Хочу простоты. Хочу вечного лета и его близости рядом.

— Просто скажи… скажи, как правильно?

Если я пройду в эту дверь — я выберу жить с болью. Если останусь — выберу исчезнуть. Навсегда. И если я сейчас останусь, то растворюсь, как пепел в воде.

Но я не хочу умирать, просто хочу перестать чувствовать боль. Я хочу стереть воспоминания.

Но ведь в них не только кошмары. В них и этот летний день, и эта кухня, и его губы, касающейся моей ладони.

Запах свежескошенной травы. Птицы в небе. Голоса родных.

Я отстраняюсь и делаю шаг назад. Последний раз смотрю Илье в глаза. В них читаются облегчение и тихая гордость: «Ты поняла».

— Ты говорил, что самый лёгкий путь — это сдаться.

Я не позволю ему стать свидетелем моего бегства.

Делаю шаг, на этот раз уже в сторону. Ладонь ложится на дверную ручку.

Оглядываюсь напоследок.

— Мне пора назад. В будущее. Ты ведь простишь меня за мой выбор?..

Илья отвечает мне печальной улыбкой. И этого достаточно, чтобы понять: он никогда на меня и не злился. Прощать было нечего.

И я распахиваю дверь и возвращаюсь на догорающую закатом ледяную дорогу, тянущуюся следами саней до берега.

Вопреки знанию, что возвращаться — плохая примета.

***

Ярмола зажёг в горенке все лучины и огарки свеч, которые только смог достать. Затем он устроился вполоборота к двери, чтобы не упустить момента, если Векша попробует пробиться внутрь.

Ладони его были влажными от тревоги, пальцы до побелевших костяшек сжимали кочергу.

Когда девушка на соломенном тюфяке шевельнулась, приходя в себя, Ярмола испуганно икнул и вскочил, словно она тоже могла обратиться в упыря. Но девушка лишь слабо повернула голову, обводя горенку влажным взглядом из-под тяжёлых век.

Отблески огня таяли в её глазах, стекая мерцающими дорожками к вискам.

— Где я?..

— В безопасности, — Ярмола поспешно отставил кочергу и наклонился, с усилием подбирая слова по-соларийски: — Эм, ты узнаёшь меня, сестрица? Я волетворец.

— Я не понимаю.

— Прости, мой соларийский оставляет желать лучшего. Я, эм… Ярмола. Не припоминаешь? Волетворец.

Во взгляде её ворохнулось узнавание.

— Да, — она провела языком по пересохшим губам. — Пить.

— А? Да, прости. Вот.

Ярмола осторожно принялся поить её отваром из бузины, липового цвета и остатков корня живоглота — тех его жалких крох, что ему выдали ещё в зелейной лавке монастыря волетворцев.

Девушка попыталась приподняться на локтях, но сразу же обессиленно опустилась обратно.

— Всё болит, — призналась она.

— Знаю, так и должно быть. То есть, это скоро пройдёт, если проявить немного терпения.

— Где все? Векша?

Ярмола в смятении замер. Вероятно, последнее, что сохранилось в её памяти, было лицом Векши, спасшим её. Как странно, ведь она сидела с ними за столом, и дурно ей стало лишь к утру. Должно быть, разум её начал мутнеть куда раньше, чем можно было заметить.

— Он… — Ярмола запнулся.

Глаза соларийки широко распахнулись.

— Он… умер?

— Что? Нет! — Ярмола поспешно замахал руками. — Нет, он… просто… его всего лишь разыскивают.

Не стоило расстраивать её признанием, что Векша — полуальв.

— Разыскивают? — она снова попыталась привстать. — Он… глаза чёрные, да?

— Так ты знаешь… Нет, не вставай!

Они недолго помолчали. Ярмола вытер пот с её лба.

— А он… Векша, он может быть опасным?

— Опасным?

— Должен признаться, я был чрезвычайно напуган. Если он вздумает вернуться, я не знаю, как поступить. Боюсь, мне едва ли достанет сил одолеть его.

— Одолеть? — солайрика, морщась от боли и слабости, старалась следить за ходом его мыслей. — Что ты говорить? Он хороший. Он помогать много. Зачем надо «одолеть»?

Пока Ярмола, пристыженно опустив взгляд, сидел молча, её пальцы легли поверх его ладони. Ярмола поднял взгляд. Девушка улыбалась, пытаясь его приободрить.

— Он… как вы говорить «пентюх», но… хороший. Не бойся.

Ярмола накрыл сверху своей и, шмыгнув носом, кивнул.

Ну вот, он снова опозорился! Ещё и нашёл перед кем — перед умирающей девушкой. Стыдоба! Как хорошо, что ни вражбита, ни алхимика не было поблизости.

— Тогда, стало быть… мне стоит скорее перед ним извиниться. Вот беда! Я ведь додумался назвать его упырём!

Соларийка рассмеялась, но её смех тут же перешёл в кашель. С трудом справившись, она, вытирая слёзы, добавила:

— А я… как сказать? Стучать его голову палкой. И ещё этим… как его… ковшик. Не переживай. Меня он «не любить» больше, чем тебя.

Эпизод 21. Кузня и кот

Хонза в кожаном фартуке стоял у верстака. Перед ним лежал чертёж s-образного рычага для фитильного замка.

— Здесь — ось, — объяснял алхимик. — Рычаг должен ходить свободно, но без люфта. Верхний конец держит фитиль. Если зазор большой, то тлеющий конец пройдёт мимо полки, выстрела не будет.

Овод, ритмично барабаня пальцами по второй руке, стоял рядом.

— Я правильно понимаю, — спустя время, осведомился он, — может разорвать?

— Если разорвёт — перекуём, — алхимик шумно высморкался в утирку. — Одно плохо — привлекаем слишком много внимания. Нам бы ускориться.

Овод неуверенно кивнул.

Новость о том, что волетворцы, спасшие караван от упырей, ковали своё снаряжение в одной из городских мастерских, разнеслась по округе со скоростью пожара. С тех пор едва ли проходил день без толп любопытствующих: они то и дело заглядывали в закрытую мастерскую, мешая работе.

— Полагаю, нам следует поговорить без утаек, — со вздохом произнёс Хонза, сворачивая чертёж и тем самым прерывая размышления Овода.

Овод напрягся, как перед прыжком через яму.

— О чём ты?

— Почему для тебя так важно отнести этот «грозовой узел» в Галлу-Дар?

Алхимик избегал его взгляда, но Овод понял сразу: придирчивость была не случайной.

И без этого хватало забот с Векшей, ещё только проблем с Хонзой не доставало. А может, полукровок настроил алхимика против него, и теперь они действовали заодно, за его спиной?

Зря он был с ним так откровенен.

— Я уже объяснял, — Овод внимательно следил за алхимиком, движущемся в полумраке мастерской. — Пусть лучше он пролежит ещё хотя бы пару столетий в сокровищнице альвов. Нежно отсрочить грядущий переворот мира. Шуд'урме — слишком опасное и непредсказуемое оружие, людям пока рано им обладать.

— В таком случае, — Хонза пожал плечами, — отчего бы нам попросту не предать его земле где-нибудь под деревом? Даже если какой-нибудь крестьянин её и выкопает, вряд ли сумеет постичь его истинную природу. Ты о чём-то умалчиваешь. И всё же мне хотелось бы, чтобы между нами не оставалось секретов. Дело здесь даже не в том, что мы прошли боевое крещение. Я, видишь ли, открываю тебе тайну собственного оружия и намерен последовать за тобой в Галлу-Дар, рискую жизнью. Быть может, ты ответишь мне тем же — хотя бы долей откровенности.

Овод выдохнул и отступил, уперев руки в бёдра. Он обдумывал слова алхимика и не находил, с чем можно было бы поспорить.

— Сокровищницу, — вполголоса начал он, — охраняет действующая башня альвов. Точнее будет сказать — её барьер. И за этим следит её Хранитель. Шуд'урме поддерживает барьер, скрывающий сокровищницу от внешних поисков. Поэтому мне нужно передать этот найденный узел Хранителю — чтобы никто не смог проникнуть туда без приглашения. Вот почему я не хочу, чтобы об этом знали ни волетворец, ни Векша. Я им не доверяю. Теперь понимаешь?

Хонза усердно размышлял, разглядывая невысокую глиняную печь с придирчивостью кузнеца. Жёлто-оранжевый свет дрожал на его лице, затемняя морщины.

— Так что я не собираюсь ничему учить этого мальчишку, — Овод покосился на каганец. — Вопрос, надеюсь, закрыт?

— Прискорбно слышать, — после недолгого раздумья отозвался алхимик. — Юноша, между прочим, на редкость даровит. Не забывай: именно его стараниями Татьяна так быстро встала на ноги — чудо, иначе не назовёшь. Быть может, если посвятить его в суть дела, он поймёт. И окажет нам содействие.

Овод лишь презрительно хмыкнул. Да этот волетворец и сам, видно, не верил, что сумел выходить человека, а не отправить в могилу.

— В нём нет ни одной своей мысли. А всё, что есть, вложила церковь. Скрывать о существовании сокровищницы для него всё равно что идти против государя.

— Мальчику недостаёт уверенности в себе, это верно, — Хонза поскрёб шею. — Может, ты сможешь ему в этом поспособствовать. Толковый вышел бы вражбит. И в ратном деле не лишний, и в мастерской.

— А смысл? — отрезал Овод. — Ему жить-то осталось совсем ничего…

Он сокрушённо умолк. Слова прозвучали, будто сорванные с чужих уст. Перед мысленным взором возникла Хворь, не таящая презрения во взгляде.

В груди заворошились настойчивые змеи сомнений.

— И он, смею заметить, это осознаёт, — сдержанно парировал Хонза. — Потому и старается быть полезным, понемногу превосходя самого себя, насколько ему отпущено. Не разумнее ли, вместо того чтобы стеснять его порывы, позволить им раскрыться? И, при случае, извлечь из этого пользу?

Овод закрыл глаза и глубоко втянул в себя дымный воздух.

Всё из-за этого Векши! Не отлынивай он от дел, не пришлось бы даже поднимать эту тему. Даже работу с деревом и то забросил.

Как игрушки выстругивать — так первый, а как по делу — ищи ветра в поле.

— Не боишься, что мальчишка утащит твои чертежи? — Овод скрестил руки на груди, выдвигая последний аргумент.

Хонза постучал пальцем по виску.

— Основное у меня здесь. Так что бояться нечего.

***

— А ну, пошёл отседова, пьяная твоя душонка! — надрывалась торговка, худенькая старушонка, сунув своё обветренное, красное с прожилками лицо лицо в лицо мужчине.

Тот стоял, пошатываясь от её криков, словно дерево в степи под натиском бури. Шапка его съехала набок, кафтан, вопреки холоду, был распашку. Мужчина не огрызался и не отмахивался, лишь грубо комкал пальцами разложенные на прилавке женские платки.

Торговка с силой пихнула пьяного мужчину в грудь. Тот качнулся, но устоял.

— Ишь, козёл, прицепился! Руки убрал от товара!

— Чего орёшь? — пробурчал себе под нос Векша. — Не ворую ведь. Просто гляжу.

Таволга замерла у него за спиной, не веря своим глазам.

Этот валежник, что, додумался явиться на встречу нажравшимся?

Векша обернулся, опираясь поднятой рукой о деревянный столб, и Таволга наконец разглядела его лицо, обожжённое хмелем: осоловевшие глаза, приоткрытый рот, слюна на щеке, нос, точно перезревшая слива.

Волосы его липли к вискам и падали на глаза, выбившись из-под тесёмки на затылке. Прежде всегда бритый, теперь полукровок оброс неровной щетиной, и лицо его утратило прежнюю чёткость, огрубело и будто постарело лет на десять. В уголках глаз резко проступили морщинки, словно начерченные углём.

Таволга шагнула вперёд. Векша узнал её, но не успел ничего сказать. Подойдя почти вплотную, Таволга, не скрывая гневного раздражения, прошипела, не забывая озираться по сторонам:

— Ты что, пьян? С каких это пор ты начал пить на людях? Да что с вами со всеми происходит? Сначала Лесьяр, теперь ещё и ты…

— Твой, что ли, пропойца? — торговка упёрла руки в бока, смерив Таволгу презрительным взглядом. Таволга была одета просто, нарочно, чтобы не выделяться в толпе. — Забирай-ка его отседова, пока я стражу не позвала! Пущай идёт харчи мечет в другом месте! Вон, к Мелаве! У неё платки подешевле будут.

Таволга не ответила, лишь услужливо подтолкнула Векшу в плечо. Он пошатнулся и, описывая ногами вензеля, тронулся с места.

— Не тычь меня, стерва, — буркнул он.

— Сдержанней, — велела Таволга. — Сдержанней.

Они отошли к краю торгового ряда, растворившись в толпе. Никому бы до них не было дела, но от Векши смердело за версту, и это притягивало недовольные, косые взгляды.

— Вот так зрелище, — прошипела Таволга. — Пьяного полукровка закалывают вилами средь бела дня на рынке. Браво!

Векша ссутулился и уставился на неё своим цепким взглядом, на миг прорезавшимся сквозь завесу мути.

— А может, и пусть заколют, — он кощунственно усмехнулся. — Какая разница?

Таволга отпрянула, не выдержав запаха из его рта.

— Да что с тобой?

— А чего ещё ждать от тупой химеры?

— Что ты несёшь?..

Таволга осеклась и громко сглотнула.

— Значит, ты знала? — сапно дыша, прохрипел Векша с горечью.

На миг Таволге почудилось: ещё шаг, и полукровок вцепится ей в горло, словно бешеный пёс. Она никак не ожидала, что этот холуй напустит на себя личину озлобленного пьянчуги. Ведь чтобы опьянеть, полукровку понадобилось бы выпить целую бочку — кровь альвов не давала ему скудеть умом, как обычному человеку.

Но на этот раз Векша, похоже, сумел прыгнуть выше головы.

— От кого ты узнал?

— Так это правда? — Векшу скрутило внезапным спазмом; его едва не стошнило. — Говори… говори всё, что знаешь.

— На мне печать подчинения. Или ты полагаешь, что ради твоего утешения я стану рисковать собственной головой?

— Говори, иначе, — Векша указал в сторону ребёнка — девчурку лет шести, держащую корзинку рядом с матерью, пока та выбирала товар. — Я начну резать всех, до кого дотянусь. И начну с неё.

— Ты этого не сделаешь, — Таволга стерпела его одичалый взгляд.

— Да ну?..

Таволга скорбно вздохнула.

Из полукровка ковали убийцу, но он был бракованным с самого начала. Сколько его ни бей, ни держи в огне и холодной воде — всё равно выйдет перекошенный, хлипкий кусок железа.

Даже того несчастного писца пощадил, хотя тот уже намеревался выдать его страже. Таволге пришлось самой доводить дело до конца.

— Тогда действуй, — приказала она.

Гомон торжища отступил и потускнел, обратившись в далёкий шум.

Таволга ждала, что Векша сорвётся. Но тот лишь взирал на неё, слегка склонив голову. Во взоре его странным образом переплетались презрение и некая глухая боль, которую Таволга прежде видела лишь в собственном отражении.

Наконец, веки его едва дрогнули, и Векша с видимым усилием отвёл глаза. В тот же миг он обмяк, точно был пронзён под рёбра коварным железом, и теперь ему оставалось лишь истекать кровью посреди толпы, не замечающей произошедшего.

Таволга приметила, как по горлу его перекатился кадык.

— Славно, — подытожила она. — Мы почти у цели. Не стоит портить всё своей пьяной выходкой.

— Да ну? — Векша выпрямился, глядя на неё с измученным вызовом. — Не ведаю ни о какой такой цели, представляешь? Ни о том, что тут, мать его, творится. Я — всего лишь безмозглая химера, выпущенная погулять на воле. А что химере делать? Гадить где попало, вот и всё.

Векша схватился за пояс, будто и впрямь собрался стянуть портки и навалить дымящуюся кучу на соседний прилавок с капустой.

— Слушай сюда, жердь ты упрямая, — теряя терпение, отозвалась Таволга. — Пока Хозяин возится с Лесьяром, у тебя есть время показать, чего ты стоишь. Не лезь в могилу раньше времени.

Чуял ли он сейчас её страх, или хмель окончательно разъел его мозги, подобно желудочному соку? Таволга не знала, но держалась из последних сил, усмиряя предательскую дрожь в голосе.

Если не станет и Векши — весь гнев Хозяина обрушится на неё. И тогда она никогда не попадёт в свой мир. И все эти годы заточения окажутся напрасными.

Таволга вскинула подбородок и перешла в наступление:

— Или тебе опротивели сытные трапезы, доброе вино и общество мытых женщин на свежих простынях? Не будь ты химерой, ничего бы этого в твоей жизни не было. Пас бы свиней где-нибудь на окраине. Так что тебе следовало бы проявить благодарность за возвышение, дарованное безо всяких заслуг.

— Он заставлял меня… убивать.

— Полно, Векша, тебя никто не заставлял. Ты делал это сам. На тебе нет печати подчинения, забыл? Так что не строй из себя жертву. Это что же, слёзы? Нет, избавь меня от подобного зрелище, очень тебя прошу. Лучше объясни, что ты учинил на реке? Оставил вражбита и бросился спасать ту…

И тогда во взгляде полукровка что-то переменилось. Он резко дёрнул головой вниз и в сторону, ссутулился, втянул шею, и тут же выпрямился, будто ничего не произошло.

Таволге было знакомо этот его короткий импульс. Она уже не раз замечала его за годы совместной работы. Он появлялся в те моменты, когда Векше особенно трудно давалась ложь, задевающая в нём нечто личное.

Таволга не сразу поверила своим глазам. Неужели, ей удалось нащупать его слабое место?

О, Боги Старого Порядка! Неужто, это правда? Он и впрямь прильнул к той чужачке, словно блоха к пёсьему хвосту? Какое поразительное сочетание жадности и избалованности. Стоило возжелать именно эту — и он будет упорствовать в своём капризе, пока не добьётся желаемого.

Времени на раздумья не оставалось. Таволга ухватилась за эту мысль с упорством гончей:

— Исполни свою работу должным образом, и, быть может, Хозяин сочтёт возможным оставить её при тебе. В качестве живой забавы. Тогда уж поступай с ней, как будет угодно твоей… небезупречной душе. Хоть в три узла её скрути. Однако прежде изволь довести порученное до конца.

Векша скривил рожу так мастерски, что на ней разом сошлись отвращение, злоба, жадный интерес и какое-то подлое сомнение.

— В доме Хозяина у нас ничего своего не бывает, — проговорил он с жалкой, собачьей надеждой в голосе. — Тебе ли не знать?

Таволга стиснула кулаки так, что ногти впились в ладони. Ей необходимо было немедленно найти иные доводы, чтобы хоть в какой-то мере привести это пьяное недоразумение в чувство.

— Сделаю тебе снисхождение, учитывая, что ты уцелел в той ледяной бойне. Неужели возраст даёт о себе знать? Прежде тебя подобным было не задеть.

— Да и ты, погляжу, не молодеешь. Уже год, как без отметин на лице ходишь. Помнишь хоть, когда Хозяин последний раз тобой пользовался?

Таволга была готова поклясться: таким Векшу ей видеть ещё не доводилось. Прежде этот болван позволял себе разве что колкости или язвительные замечания, но никогда не опускался до столь откровенной низости. Она будто с Лесьяром беседу вела!

Однажды ведь ей даже почудилось, будто Векша испытывал к ней нечто вроде сдержанного сочувствия. Однако, по-видимому, она заблуждалась. Ей лишь хотелось усмотреть в нём подобное. Векша оказался именно тем, кем и следовало ожидать: химерой, не способной на сожаления или сострадания.

— Следи за языком.

— Что, поистаскалась, как старая кляча, которую и в упряжь-то ставить стыдно?

— О, боги! До чего же ты жалок…

— Ха! Боги! — Векша сдавленно расхохотался. — Забавно. При всём этом поганом бардаке ты до сих пор молишься старым богам. Что, вера Истока не принимает такую пропащую суку, как ты?

Таволга закусила губу. Векша, безусловно, владел своим ремеслом безупречно, оттого и бил точно по живому. Однако мысли Таволги были заняты отнюдь не жалостью к себе, а холодным, тревожным расчётом.

Дело было вовсе не в хмеле. В полукровке нечто окончательно надломилось.

Впрочем, имело ли это теперь хоть какое-либо значение? В подобном состоянии Векша становился не просто бесполезен — он представлял собой явную опасность.

— Я пришла предупредить тебя, что Лесьяр предал Хозяина. Хозяин в ярости. Даже мне пришлось спасаться бегством, чтобы не угодить ему под горячую руку. Понимаешь, к чему я клоню?

На мгновение взгляд Векши прояснился. Полукровок принялся рыскать им по сторонам, словно заново пытаясь сообразить, где находился и кем являлся.

— Предал? Но как?..

— Это Лесьяр натравил на караван тех мертвецов. Нет, тише, без вольностей. Хозяин сам с ним разберётся. И, как мне известно, он уже подыскал замену. Хотя я и предупреждала, что выпускать её ещё рано, но…

— Её? — Векша поморщился, хватаясь за голову. — Постой, что? Проклятье, погоди, ничего не соображаю. Повтори ещё раз. Лесьяр? Замену Лесьяру?

— Уже неважно, — отрезала Таволга. — Вижу, ты и двух слов связать не в состоянии. Проспись, приведи мысли в порядок. Иначе окончишь жизнь в грязи, с пустыми руками. И не ты один.

Она шагнула ближе и встала с ним плечом к плечу.

— Я тебя предупредила.

***

Бурый кот со скуластой мордой таращится на меня с края стойла своими янтарными глазищами. Левое ухо его порвано: верхняя часть отсутствует, и краешек напоминает зазубренный рубец.

Из-за этого я повадилась звать кота Корноухим. Этот кавалер уже не первую неделю следует за мной по пятам.

— Я могу быть полезной?

В конюшне густеет запах сена, конского пота и свежего навоза — настоящая идиллия. Работники не обращают на нас никакого внимания. Видимо, давно привыкли к странным гостям.

Между стойлами важно бродят козы, тыкаясь мордами в солому, а наглые гуси, вытягивая длинные шеи, поминутно норовят ущипнуть за голень. Только и успеваю, что отбиваться от них рукавицей.

В углу, у самой дальней стены, поверх охапки чистой соломы лежит расстеленный плащ и чужая шерстяная попона, которую, видимо, кто-то пожалел для вражбита. На низкой деревянной колоде, рядом с седельной сумкой, стоит глиняная кружка.

Уютно, но всё равно удивительно: почему Овод ночует здесь, а не в горнице?

Похоже, вражбит совсем не ожидал, что я вторгнусь в его «мальчишечье логово». Он нехотя отвлекается от лошади, хмурит брови, обмозговывая мои слова, а затем отворачивается и невозмутимо отвечает:

— Нет.

Что ж, по крайней мере, честно.

Перекатываюсь с пятки на носок, невольно морщась в раздумье. Плотнее кутаюсь в овчинный тулуп.

Мне всё ещё нездоровится. Слабость не отступает, но лучше двигаться и дышать свежим воздухом, чем сидеть в той затхлой коморке.

— Я… эм, — с трудом подавляю приступ кашля. — Слышала, ты теперь учишь Ярмолу.

Овод упорно делает вид, что меня нет. Полирует лошадь с таким усердием, что мне кажется, если подойти ближе, можно увидеть в её боку собственное отражение.

— Да. Надеюсь, теперь он от меня отстанет.

Последнее Овод произносит с красноречивым нажимом: «И ты тоже, вали за ним».

— Ясно, — тяну, не находя, что добавить.

Меня раздражает, что я вечно оказываюсь лишней.

Хонза злится: я, видите ли, не предупредила, что заболела, и из-за меня у них вышли затруднения, которых, по его мнению, можно было бы избежать. Будто это я была повинна в том, что на нас напали упыри!

Я вызубрила названия всех его ядов — и ни слова похвалы в ответ. Попала в цель из арбалета — а чех и бровью не повёл. Этот перфекционист только заметил, что я стою, как пугало, когда целюсь, и с такой скоростью меня сто раз пристрелял в ответ.

Ещё Хонза стал отказываться говорить не на ирийском. От этого сделалось совсем невыносимо.

Хорошо хоть Ярмола охотно помогает с грамматикой. Но чаще волетворец всё же занят, а в редкие свободные часы пропадает в местной богадельне, оказывая бесплатную помощь калекам и сиротам. Как-то раз я отправилась туда вместе с ним, но испугалась подхватить заразу и с тех пор постоялого двора не покидала.

Что касается Векши — он исчез. Где-то слонялся, но отыскать его у меня никак не получалось. По жалобам остальных выходило, что он увиливал от работы в кузнице.

Мне ведь следовало поблагодарить его за то, что он снова меня спас, даже если я и не помнила, как именно. Всё, что осталось в памяти — как я провалилась под лёд, а потом начались странные видения: будто Векша, в майке и домашних штанах, развалился на диване в

моей гостиной и уплетал бутерброды с паштетом. Я пыталась его выгнать, а он в ответ только жевал быстрее. А потом и вовсе предложил мне попробовать куснуть бутерброд самой.

Ну а что касается Овода…

Я открываю рот, собираясь извиниться за тот внеплановый обмен слюнями, и тут же закрываю. Не сейчас — сейчас не выходит, хоть тресни!

— Вообще-то, я пришла, чтобы уговорить тебя пойти с нами на праздник. Но можно и делом заняться.

— Я уже сказал. Не люблю толпу. Хочу побыть в тишине. Лучше займусь чем-нибудь полезным.

Между нами снова сгущается молчание.

Украдкой смотрю на Корноуха. Кот сидит на краю, обвив лапы хвостом, и с откровенной сердитостью косится на вражбита. Не в первый раз замечаю, что кот его недолюбливает и старается держаться подальше. Даже сегодня, когда я заходила в конюшню, Корноух кидался мне под ноги, будто отчаянно пытаясь меня остановить.

Появился кот в моём мирке нежданно-нагадано, ещё когда я лежала в постели, приходя в себя. Просто однажды он проскользнул в приоткрытую дверь, запрыгнул на одеяло и уставился на меня впритык, стращая не только мощными челюстями, но и свалявшейся шерстью на задке.

— Эй, давай-ка брысь! — я осторожно попыталась его прогнать. — Лишая мне ещё не хватало! У вас здесь антисептиков нет, так что фу!

Но кот оказался упрямым до невозможности. Перебрался мне на грудь и уселся там, гипнотизируя меня узкими вертикальными зрачками.

Я решила, что его привлёк запах травяных настоев. Возможно, в них была кошачья мята — иначе объяснить, почему кот выбрал именно меня, я не могла.

Корноух то исчезал, то возвращался, и со временем я убедилась, что он выглядит здоровым, и его можно касаться.

— Ну ладно, красавчик, иди сюда, — сдалась я однажды, почесав его под подбородком.

С тех пор кот решил, что между нами было заключено негласное соглашение. Он всё чаще без всякого стеснения (как и полагается котам) устраивался у меня на коленях, а затем и вовсе повадился мять мне грудь лапами. Сначала я терпеливо смахивала его коготки, но Корноух явно выбрал мой свитер лучшим местом для своих упражнений, и разубедить его оказалось не так-то просто.

Однажды, когда я сидела за столом, пытаясь освоить письмо пером и чернилами, а Корноух дремал у меня на коленях, в горенку вошёл Ярмола. Увидев кота, волетворец растрогался и потянулся его погладить, но кошак вдруг ощетинился и полоснул волетворца когтем.

За такое дурное поведение я тут же стряхнула наглеца на пол.

— Чучело-Мяучило! Фу таким быть! — пригрозила я коту, и тут же обеспокоенно обернулась к волетворцу. — Ты как? Кровь есть?

— Так даже лучше, — смутился Ярмола. — Я очень люблю котов, но… стоит им оказаться рядом, начинаю без конца чихать. Видно, бог меня за что-то наказал.

— Так у тебя аллергия! — опешила я. — Слушай, это дело серьёзное. Я больше не буду пускать его к нам в горницу. Слышал, дружок? Уходи за дверь! Ты и так безобразно себя ведёшь.

Кот при этих словах вскинул голову, чуть свесив челюсть, будто понял каждое моё слово и теперь намеревался выступить в свою защиту.

— Нет-нет, — поспешно остановил меня Ярмола. — Оставь его, пожалуйста, он ведь такой славный. Я просто буду держаться от него подальше.

Всё же я попыталась выставить кота за дверь, вот только он юркнул под лавку и уставился оттуда на меня, как на заклятого врага. Так и сидел в пыли, не шелохнувшись, пока не вернулся Овод. Тогда кот стрелой вылетел в сенцы.

Корноух и правда был на редкость ласковым. Стоило мне почесать его, как он тут же млел от удовольствия. Но его привязанность временами нагоняла страху.

К примеру, вчера кот увязался со мной в баню, словно решив, что я настолько узколобая, что могу утонуть в тазике. Удивившись кошачьей целеустремлённости, я запустила его внутрь. Но пока мылась, всё с опаской поглядывала в его сторону.

Кот устроился на лавке и, ничуть не смущаясь ни жара, ни пара, не сводил с меня взгляда, будто ждал, что я вот-вот поскользнусь на мыле, рухну, и ему придётся бежать за подмогой.

Нет, честное слово, поведение этого кота начинало меня не на шутку тревожить.

— Мда, — разглядев как-то вечером Корноуха в горнице, отреагировал без особой весёлости Хонза. — Ну и страшный твой избранник, как калоша. Что, посимпатичнее в округе не нашлось?

— Ну, зато он умненький, — я подняла кота под мышки, вытягивая его во всю длину, чтобы чех мог разглядеть его как следует.

— Стало быть, у тебя довольно скромные критерии для «умненького».

— Нет, я серьёзно, — вступилась я за Корноуха. — Либо все коты в этом мире такие, либо конкретно этот. Кажется, он понимает, что я говорю.

— Здесь самые обычные коты. Думаю, ты просто от скуки приписываешь ему человеческие качества.

— Иногда мне кажется, он отвечает на мои вопросы. Не буквально, то есть… — я понижаю голос до заговорщицкого шёпота, — он пытается показывать!

Хонза насторожённо покосился на меня.

— Ты давно показывалась Ярмоле? Температуры нет?

— Иногда ощущается лёгкий жар, но нет. Я не брежу!

Перехватываю кота поудобнее и поворачиваю его мордой к себе.

— Я ведь не брежу? — спрашиваю у него с тоской в голосе. — Эм, чтобы тебя спросить… Придумала! Знаешь, где Векша?

Ставлю кота на пол.

— Давай, Корноушко, ищи! — командую, слегка подталкивая его ногой под зад, чтобы он быстрее соображал. — Ищи Векшу, говорю. Мне нужно с ним поговорить. Ну же!

Кот уставился на меня снизу вверх с таким изумлением, словно мой пинок по его филейной части попрал некое священное табу.

— Вот видишь, — сухо резюмировал Хонза. — Самый обычный кот.

И вот я стою в конюшне, рядом — всё тот же самый «обычный кот», и он смотрит на меня с гневным недовольством, топорща усы, будто я насильно притащила его сюда, отвлекая от куда более важных дел.

— Могу я остаться и помочь? — снова пробую пристать к Оводу. — Заодно и поучусь.

— Только если будешь платить так же щедро, как Ярмола.

При виде моего ошарашенного выражения лица Овод усмехается:

— Ладно. Шучу. Что тебе? Ирийский?

— Нет. Лошадь. Я могу помогать с лошадью? Эм. Седло. Щётка. Хонза говорит, надо уметь «всё по немного», чтобы выжить.

Овод вытирает ладони о штаны и смотрит на меня так, будто прикидывает, не проще ли ему пойти и повеситься.

— Ладно, — сдаётся он. — Раз Хонза говорит. Сначала покажу, потом попробуешь сама. Подожди.

Вражбит фиксирует лошадь за короткий повод в стойле, чтобы та не смогла развернуться и припечатать меня к стенке задом. Затем показывает, что нужно делать, чтобы я увидела правильную технику и уловила, как реагирует Сивка. Когда настаёт моя очередь пробовать, Овод остаётся рядом и страхует.

Корноух по-прежнему держит дистанцию: наблюдает за нами, время от времени перескакивая с места на место.

Оказывается, произвести на Овода впечатление оказывается куда проще, чем на Хонзу. Неудивительно, что Ярмола так за него держится: объясняет Овод спокойно и терпеливо, без той снисходительной заносчивости, которой часто грешат учителя.

— Ногу, — коротко командует Овод, нажимая лошади на бабку.

Сивка послушно поднимает копыто.

— Ого, — едва сдерживаю нервный смешок. — Может, ты и задом-наперёд ездить умеешь?

Овод молчит, будто не сразу успев переключить мысли, и совершенно серьёзно отвечает:

— Не знаю. Не пробовал.

Он ссыпает мне в ладонь овёс и позволяет покормить Сивку.

Я делаю глубокий вдох, набирая в грудь побольше воздуха.

— Извини за тот раз.

Закрываю глаза, стараясь не сбиться, пока Сивка нежно ощупывает мою ладонь, подхватывая зерно.

Я столько раз прокручивала это в голове, — репетировала, подбирая слова, — но сейчас всё равно допускаю ошибки, теряя окончания слов:

— Это тяжело. Видеть того, кого больше нет, а он тебя не помнит. Тебе это неприятно, знаю.

— Ну, не сказать, что «неприятно».

Повисает неловкая пауза. Чувствую, как Овод смотрит мне в затылок.

— Я пошутил, — пристыженно добавляет он.

— Да, я просто... Я бы хотела, чтобы между нами не было… эм.

— Недомолвок, — подсказывает Овод.

Меня предательски щиплет воспоминание: как он не сразу отстраняется, как его руки удерживают меня, как пальцы путаются в волосах…

Лицо моё вспыхивает так, что я не решаюсь обернуться. Делаю вид, будто полностью занята тем, что старательно натираю Сивке нос до блеска. Сивка с завидным терпением выжидает, пока мы соизволим завершить свою беседу и, наконец, оставим её в покое.

Но наше шапито продолжается:

— Я хотела сказать «неловкости», но да, наверное, «недомолвок» тоже сойдёт. По тому, как ты себя ведёшь, я вижу, что ты другой человек. Сейчас, когда я привыкла, мне легче. Но тогда было… плохо.

Овод молчит. Да и что ему ответить? Здесь и так всё очевидно.

— Ты снова будешь здесь ночевать? — поспешно перевожу тему.

— Хонза выделывает по ночам такие рулады, что… да, пожалуй. Если хочешь, приходи. Места хватит.

— Ого, а ты смелый. Не боишься, что тебе придётся, эм… бить меня вилами?

Чтобы вражбит точно понял, о чём речь, я начинаю размахивать воображаемыми вилами, показывая, как он тычет ими, словно копьём, отгоняя меня в образе бешеной кабанихи.

— Ну, и не с таким справлялся, — отшучивается он. — Уж с одной женщиной как-нибудь разберусь. От упырей же отбился.

Мы переглядываемся и почти одновременно срываемся на смех.

— Слушай, вряд ли, но, — достаю из кармана разряженный телефон. — Вы тут, случайно, с помощью вражбы не умеете такие штуки «заряжать»? Я пока болела, его совсем разрядила.

Эпизод 22. Гра'Морна

Вельмата замерла, исполненная благоговейного восторга.

Сердечко её трепетало, не обретая покоя от изобилия дарованной радости. И даже когда служка смиренно преклонилась, призывая госпожу сойти на землю из крытого возка, Вельмата лишь крепче вцепилась в краешек рысьей шкуры, страшась утратить ниспосланное ей блаженство.

Ах! Никогда в жизни она не вкушала столь великой радости! Недавно папенька изволил прибыть за нею в монастырёк на окраине болот. Вопреки своему обычаю, папенька не только провёл с Вельматой целый день, потакая её капризам, но и восхотел забрать её с собой во внешний мир.

До сих пор Вельмата ни разу не преступала монастырских стен. Папенька утверждал, что всему виной её телесная немощь и припадки падучей, и потому Вельмате надлежало таиться в уединении, вдали от многолюдства.

Но теперь всё преобразилось. Папенька возвратился за нею насовсем. Вельмата всегда верила, что однажды сей день настанет; ради него она прилежно трудилась над грамматикой и риторикой, над астрономией и счётом, и над прочими науками, так часто наводящими на неё скуку.

О, как тяжело давалась ей геометрия со всеми этими томительными высотами и расстояниями! Но отец неизменно называл их «практическими нуждами», и потому Вельмата, превозмогая себя, с терпением и усердием одолевала счётные таблицы, меры и чертежи.

Оттого сейчас, впервые оказавшись на свободе, Вельмата не могла сдержать слёз: глаза её ужасненько жгло, она то и дело утирала личико рукавицей.

Папенька строго-настрого повелел ей крепиться, и Вельмата не дерзнула бы ослушаться его воли. Иначе папенька мог разгневаться и возвратить её в обитель.

Нет же, новые и старые боги! Она ни за что туда не вернётся! А если вдруг её всё же постигнет эта беда, она переломает все свои игрушки, перестанет есть и умрёт! Даже от ватрушек отречётся! Новой разлуки с папенькой ей было ни за что не перенести.

Когда папенька приблизился к саням, Вельмата тотчас протянула к нему руки. Его глаза, такие разные по цвету, сияли во свете полуденного солнца.

Над санями на ветру колыхалась хоругвь со знамением дома Гра'Морна: серебряный щит, на коем был изображён чёрный медведь, стоящий на задних лапах, и удерживающий в передней златой топор. Над щитом довлел стальной дворянский шлем, по чину древнего, хотя и не титулованного нынче рода, во свидетельство гордости старшей крови.

Вельмата знала, что предок их дома принял некогда во владения дикие, хладные и едва плодоносные земли на востоке, но трудами и усердием своим обратил мрачные леса и болотные топи в богатые промыслы: в заготовление леса, резное дело, смолокурение и торговлю. Посему ныне дом Гра'Морна обрёл достаток и силу, снабжая казну государя деньгами и ценными товарами.

Папенька легко подхватил Вельмату, будто она не имела веса, и усадил к себе на руку. Вельмата крепко обвила его за шею и увидела подле слугу с незрячими глазами. Тот улыбался ей так, будто зрел взаправду.

— Госпожа Гра'Морна, — Лесьяр (она довольно быстро вспомнила имя незрячего слуги), смиренно поклонился.

— Папенька, — Вельмата хотела грызть ногти, но рукавицы ей в том препятствовали. — Не хочу здесь оставаться. Это ещё один монастырь? Ты оставишь меня? Оставишь, скажи?

— Нет, — спокойно отвечал папенька, и Вельмата чувствовала, что он говорит правду. — Мы пробудем здесь недолго.

Вельмата робко улыбнулась, перестала терзать зубами рукавицу и с любопытством начала озираться по сторонам, жадно вдыхая воздух.

— Там что-то есть! Там! — она указала в сторону затворенной пострйоки.

— Веди себя тихо, — отец уже шёл прочь, — и не смей подавать голос, пока я сам к тебе не обращусь.

— Да, папенька.

— Умница.

Вельмата выпрямилась, как струночка, приподняла подбородок, стараясь выглядеть истинной госпожой дома Гра'Морна. Да узрят же эти ничтожные люди в ней ту же власть, что пребывала в её отце!

Они вошли в трапезную. В очаге вилось пламя, и в воздухе смешивались благоухания хлеба и жареного мяса. У Вельматы тихонько заныло в животе.

Папенька опустил её на пол, и Вельмата послушно встала подле него. Сам же папенька устроился у огня и начал снимать рукавицы. Потом с осторожностью снял рукавицы с Вельматы.

— Вижу, — сказал папенька, обращаясь к незрячему слуге, — Таволга смогла навести здесь порядок.

— Не сочти за дерзость, господин, но и я внёс не меньший вклад в это дело, — дерзновенно ощерился Лесьяр. — Место, разумеется, захолустное, но благодаря твоей проницательности даже отсюда можно добыть всё необходимое. Ты, как всегда, всё предусмотрел, владыка!

— Нет нужды исчислять очевидное.

— Господин, позволь… Дать мне новое поручение. Не держи меня в ожидании. Я способен на большее!

Вельмата тихонько вздохнула, когда тёплая ладонь папеньки легла ей на голову и мягко провела по волосам.

— Тебе надлежало отправиться в столицу и уладить дело с поставщиком, — изрёк папенька. — Однако от него пришли вести, что тайная сыскная служба государя послала своих людей разведать, что за смута происходит в этих краях. Известие о чудище, напавшем на бедную корчму, исходившее от городских властей, я перехватил и предал уничтожению: случившееся дошло бы до столицы не иначе как в виде людских басен. Но нашествие орды упырей на иноземных торговцев средь бела дня в мои замыслы не входило. Потому я уготовил тебе иное дело. Теперь мне ведомо... ты воистину способен на большее.

Лесьяр упал на колени.

— Владыка! Помилуй! — возопил он. — Это всё Таволга, эта блудная дрянь! Она подговорила меня! Мне думалось, я исполняю твоё повеление, о милостивый!

Вельмата, грызя ноготь на указательном пальце, наблюдала за беседой. Ей было скучно, и она мало что понимала.

Лесьяр продолжал скулить и ползать на брюхе, словно презренная тварь, готовая с радостью принять любое попрание.

— Сей ничтожный полукровок! Он предал тебя, владыка! Он провалил твоё поручение и сбежал! Он недостоин твоей милости! Он, а не я!..

Папенька слегка воздвиг руку, и слуга тотчас замер. Совсем как одна из тех бабочек, которых Вельмата насаживала на иглы.

Лесьяр тщетно шевелился, из его уст исходили сдавленные хрипы.

— Вельмата, — папенька скучающе опёр щёку на ладонь. — Ты вела себя похвально.

— Правда? — она подскочила, радостно хлопнула в ладоши.

— Мне ведомо, как тяжело тебе было, как ты себя сдерживала. Но ты доказала, что достойна моего доверия. Этот вражбит перед нами. Теперь он полностью твой.

— Мой?..

— Тебе ведь всегда было любопытно, что сокрыто у него внутри? Как эрхва сплетается с его сердцем?

Вельмата лишилась дара речи.

— Правда, папенька? Мне можно?

— Или ты не рада? Тебе не по нраву моя щедрость?

— Нет, папенька, что ты! — она со слезами приникла щекой к его ладони. — Я даже мечтать не смела! Можно? Прямо сейчас?

Папенька кивнул.

Вельмата, едва дыша от волнения, сделала малый шаг. Лесьяр дрогнул, его незрячие глаза расширились, как кукольные глазки. Слуга всё тщился исторгнуться из невидимых уз, сковавших его на месте.

С каждым шагом, сокращающим расстояние меж ними, с каждым биением сердчишка в Вельмате пробуждалось её истинное предназначение. Взгляд становился острее.

Вельмата глубоко вдохнула, внимая запаху страха и эрхвы в крови человека. Запах был мерзок, но в то же время прельстителен, влекущий, точно клубок пряжи, который хотелось расплести как можно скорее, раскидать по полу.

Вельмату обуял смех, и она не стала его сдерживать: коготки, разрывающие кожу, путались в длинных рукавах.

— Папенька велел тебе поиграть со мной, — она приблизилась, вся трепещущая от нетерпения. — Чур — я вожу!

В этот день она чувствовала себя счастливейшей девочкой во всём мире.

***

Дверь оказывается незапертой. Толкаю её и застываю от неожиданности, воззрившись на сидящего за столом мужика.

Он сплошь мокрый, видно, только что из купальни. Влажные волосы топорщатся, будто растрёпанный куст. Раздетый по пояс, мужик сидит, сгорбившись, и зашивает прореху на рубахе, щурясь в тусклом свете огарка свечи. Ставни плотно закрыты, чтобы не пускать холод.

Мне необходимо приглядеться, чтобы узнать Векшу, ведь на моё появление он никак не реагирует, продолжая уверенно орудовать иглой.

Теперь понятно, почему он так тщательно брился прежде. Без привычной гладкой кожи его лицо выглядит потешно и пугающе одновременно. Беспорядочная медная поросль оттеняет его глаза, делая взгляд ещё более «неуравновешенным».

— Где ты был? — развожу руками.

Векша перекусывает нить зубами.

— Ты меня искала, — огрызается он с каким-то непонятным раздражением, будто это я ему дырку на рубахе прогрызла. — Что ты хотела от меня услышать?

От его нахального тона и того, что он даже не удосужился посмотреть в мою сторону или поздороваться, — не говоря уже о его исчезновении, — на мгновение теряю дар речи.

— Я спросила: где ты был?

Векша перестаёт шить и поднимает на меня взгляд. С досадой откладывает рубаху на стол, отодвигается, свешивает руку между колен и глазеет на меня с откровенным недовольством.

Как будто я заставила его раньше времени выйти из отпуска на работу.

— Заштопай мне одежду, — требует он. — Или ты иглу в руках тоже держать не умеешь?

Нет, ну это уже наглость сверх всякой меры! Вернулся наш главный мизогинист, бессменный лидер по этой части в команде! Мало мне было упрёков от остальных за мою медлительность, так теперь ещё и он объявился.

Решаю, что пора продемонстрировать свой прогресс в ирийской речи:

— А ху-ху не хо-хо? — вопрошаю.

— Ну должен же от тебя быть хоть какой-то прок! — в недоумении отвечает Векша, будто искренне не понимая, с чего это я вдруг корчу лицо. — Любишь смородину — люби и оскомину, как говорится.

Решаю, что лучший способ послать его подальше — просто проигнорировать. Молча прохожу мимо, сажусь на пол и начинаю заглядывать под лавки.

Векша с опаской косится на мой выставленный зад.

— Ну и что ты делаешь?

— Ищу кота, — вздыхаю, усаживаясь поудобнее. — Ты его не видел?

Векша остервенело чешет подбородок и молчит.

— Да, точно, — спохватываюсь я. — Ты ушёл раньше, значит, не видел. Кот появился недели две назад, когда ты ушёл… или позднее?

Пытаюсь прикинуть в уме, как давно исчез Векша, и когда объявился Корноух.

— Наверное, это из-за тебя он убежал, — сержусь. — Ты его напугал.

— Чего?! — Векша фырчит, явно задетый, отводит взгляд и тут же возвращает обратно, собираясь с мыслями. — Кот? Серьёзно? Тебе не угодить: то я тебе нужен, то кот. Определись уже!

— Выбираю кота. Пожалуйста, исчезни ещё на неделю.

Векша выпрямляется, собираясь распушить невидимый хвост, и в этот момент я вдруг замечаю, как сильно он исхудал. Он всё ещё кажется жилистым, но лицо заострилось, да и скулы выступают резче. Белки глаз ярко-красные, пронизанные лопнувшими капиллярами, а под глазами зреют синевато-фиолетовые круги.

Я уже собираюсь спросить, всё ли с ним в порядке, но внезапно Векша перегибается через стол и с размаху хлопает стопкой моих записей. В ужасе округляю глаза: они все перечёркнуты и заляпаны кляксами.

— Что ты сделал?! — издаю горестный вой.

— Если я исчезну, то кто тогда тебе поведает, что ты через слово ставишь неправильные ударения? — кипятится Векша. — А что это за выражения: «егда», «днесь» и «аще»? Да так уже лет сто никто не говорит! Ну, разве что Ярмола… но ему простительно. Волетворцы в своём мирке существуют.

Хватаю свои конспекты и начинаю в отчаянии рассматривать испорченные страницы. Теперь там ничего не разобрать! А я ведь так старалась, аккуратно выводила каждую букву этим неудобным пером…

— Ты рылся в моих вещах?!

— Я искал гребень, — безмятежно отвечает Векша, усаживаясь обратно и засовывая в рот «зубную метёлку» — разжёванную с одного конца веточку, местный аналог зубной щётки.

Косо смотрю на его волосы. Гребнем там и не пахло.

— Гребень?! — хватаю прядь его торчащих волос, растираю между пальцами и тут же отдёргиваю руку. — Да тут не «расчёсывать», тут «граблями шур-шур» надо!

Векша лениво катает во рту деревяшку, словно Чупа-Чупс, глядя на меня исподлобья.

— Теперь ничего не понятно! — продолжаю сокрушаться.

— Зато не «неправильно».

— Да все местные говорят, что хорошо!

— А я вот не местный. Знаешь, сколько сил мне стоило избавиться от произношения и этих глупых ошибок, чтобы проще было выживать? Так что я понимаю, о чём толкую. Вот это, например, что? А?

Векша снова вскакивает и вытягивает из стопки один из клочков пергамента, и я с досадой узнаю в нём черновик, в котором я репетировала благодарственную речь.

— «Спасибо, что спас, когда упырь хотело меня кушать», — Векша насмешливо глядит мне в глаза. — Тебе пять лет?

— Это черновик! — вырываю у него клочок.

— А вот здесь? — не унимается он. — Будущее время у тебя совсем не держится. И, судя по всему, ты это уже заучила?

Молчу, вчитываясь в его пометки. И понимаю, что он прав. Я действительно всё это выучила и активно использовала в речи. Его слова бьют по самому больному: по самолюбию и тем жалким остаткам уверенности, что у меня хоть что-то получается во всём этом безумии. Векша только что смёл все мои «достижения» одним взмахом.

Я ведь думала: меня не поправляют, потому что у меня всё получается на все возможные сто процентов. А все вокруг просто проявляли снисходительность или им было просто-напросто плевать на то, как и что я болтаю на заднем фоне.

Выставляю руку в сторону, слегка отталкивая Векшу в грудь, отодвигая его на полшага. Меня начинает напрягать, что он стоит близко наполовину раздетый.

— Ты подмышку не домыл, — мрачно бурчу себе под нос, не отрываясь от его правок.

Векша вскидывает руку, принюхивается, что-то ворчит, мол, всё он домыл, и что я напрасно придираюсь. Затем снова подходит ближе, упирает руки в бока, нарочно расставив их пошире.

— Вот здесь, — он снова указывает на строку, — если хочешь выразить кому-то высшую степень признательности, можешь сказать: «Восхваляю тебя в таинстве сладострастного поклонения».

Морщусь, пытаясь разобрать вычурную формулировку.

— Восхваляю… эм. Покороче нельзя?

— Можно. «Я вся твоя в пороке».

— Вся твоя в порке?

— Нет-нет, — с важным видом поправляет. — В пороке.

— В пороке, ясно. Получается: «Я вся твоя в пороке, Векша?»

Поднимаю взгляд, ожидая очередного упрёка, но Векша стоит с закрытыми глазами и расслабленным лицом, будто полностью погрузившись в смакование звучания фразы. Он медленно качает головой вверх-вниз, в такт потаённым мыслям.

— Да, блистательно, — заключает Векша. — С этим можно работать. Но потом. Да, потом. Хватит меня отвлекать.

После этого он резко встряхивается, открывает глаза и с размаху ободряюще хлопает меня ладонью между лопаток. То ли специально, то ли не рассчитав силу, но я едва не падаю грудью в стол.

— Эй! — возмущаюсь.

— Нет, потом, у меня дел невпроворот, — бросает Векша, отходя и начиная рыться в вещах Хонзы.

От такой наглости рассеянно молчу, наблюдая, как он без стеснения натягивает на себя чужую одежду.

— И каких же?.. — наконец осведомляюсь.

— Как «каких»? Пора выручать этих простаков в мастерской, а то так до явления пятого пророка возиться будут. Ах да… — Векша оборачивается и грозит мне пальцем. — Сегодня нас собираются грабить. Так что лучше не высовывайся.

— Нас… что?!

***

Слабое свечение горна едва разгоняло мрак, отбрасывая пляшущие блики на бревенчатые стены.

Раздался стук. Векша швырнул в ставни камешки, по одному на каждого из подступающих грабителей, подавая сигнал.

Овод изготовился к драке. За порогом послышались крадущиеся шаги, следом — скрежет замка. Векша оказался прав: у воров был запасной ключ.

Первый вор толкнул дверь и шагнул внутрь. Натянутая у самого пола цепь дрогнула и рванулась. Ведро с утробным грохотом рухнуло наземь. Двое грабителей споткнулись о невидимую преграду. Один выругался, второй же, охнув, рухнул на колени прямо на железные шипы. Разнёсся протяжный стон.

Овод вихрем подлетел из-за укрытия и обрушил обух топора на затылок ближнему грабителю. Хонза, немного с отставанием, опустил лом на плечо второго. Схватка выдалась короткой, короче и представить сложно.

Связав грабителей и оттащив их в сторонку, Овод подошёл к горну и подбросил туда пару поленьев. Хонза вышел в сени и скоро вернулся вместе с Векшей.

— Было ещё двое, — вяло отозвался Векша, шмыгая носом. — Оставил их в сугробе без портков. Проклятье! Думал, будет повеселее. Тоска смертная!

— Ты уверен, что больше никого не осталось? — Овод вытер руки куском старой тряпки.

— Да, остальных я обезвредил ещё раньше. Запугал так, что думаю, они уже из города драпанули.

— Под полом прятать вещи бесполезно, — проворчал Хонза, страдальчески морщась; кажется, у алхимика заклинило спину. — Что-то мне подсказывает, кто-то из подмастерьев продался. Мы вот-вот закончим, так что им уже есть, что выносить. Видать, поэтому-то они и полезли сегодня.

Овод качнул головой.

— Надо, чтобы кто-то оставался и ночевал в мастерской.

Они уставились на Векшу. Полукровок скривил недовольную морду, будто ему в рот сунули пучок полынных листьев.

— Я не стану здесь торчать.

— Ты две недели пил, не просыхая.

— Я перенервничал!

— Выбирай: остаёшься дежурить, либо вали на хрен, чтобы морды твоей паскудной мы больше не видели.

Векша открыл было рот, чтобы возразить, но замялся. Перевёл смурной взгляд с Овода на Хонзу, потом на связанных грабителей, валявшихся у столба.

— Ладно, уговор.

— Если что — кричи громче, — любезно посоветовал Овод.

— Ну а с этими что делать?

— Давай их в подвал до утра. И спать. А то уже скоро петухи запоют.

В конюшню Овод вернулся лишь под утро. Зимняя темень ещё не отступила — она вязко сгущалась под ногами, размешиваемая сапогами по снегу.

Спать оставалось совсем немного.

— Овод?

Он остановился посреди конюшни, не сразу сообразив, откуда доносился голос. А когда понял, вытянулся в лице.

Таня целилась в него из самострела, присев за стойлом, точно в засаде. Стрела лежала на ложе, готовая сорваться.

— Ты чего? — приглушённо удивился Овод.

— Нас вроде грабить собрались, — пробормотала она, опуская самострел. — Думала, Сивку уведут. Тебя нет, а вдруг. Я здесь и осталась. Корноуха не нашла. Наверное, его собаки загрызли. Ещё и Сивку терять — совсем грустно.

Овод смерил её долгим взглядом, пока она вынимала стрелу.

— Здесь столько работников, лошадь вряд ли украдут, — усомнился он. — Одни затейники пытались ограбить мастерскую, но мы им помешали. Так что заканчивай свой караул, ты отважно справилась.

— Ха-ха, очень смешно, — Таня виновато улыбнулась. — Ну уж извините, пыталась быть полезной. Векша ничего толком не сказал, сказал только: «Со двора не уходи». И Ярмола куда-то исчез. Что мне ещё делать?

— Ярмола разве не вернулся?

— Нет. Наверное, остался в богадельне. Может, кто-то сильно болен?

Овод достал флягу, свинтил крышку и налил немного в кружку. Раньше он держал одну, но теперь Таня так часто наведывалась, что пришлось и под неё просить из корчмы.

Таня протянула обе руки, охотно принимая жест «перемирия».

— О, я вся твоя в пороке, Овод.

— Повтори-ка.

— Эм… я вся твоя в порке? — переспросила она, запнувшись и явно пытаясь исправить сказанное.

— Ты где ж такого нахваталась?

— Векша помог. Или не так надо говорить?

— Зависит от настроения.

Устало потирая переносицу, он в двух словах разъяснил ей, что к чему. Говорил быстро и коротко: сон тянул к себе всё настойчивее.

— Понятно, — сделавшись подозрительно притихшей, ровно отозвалась Таня. — Что ж, ладно. Подло, но выводы я сделала.

***

Волетворец едва ли не рвал на себе волосы от отчаяния.

— Умоляю, госпожа, позволь мне уйти! — он не смел поднять взгляд выше её колен.

Таволга безучастно разглядывала юношу, оценивая каждое его движение. Пальцы его дрожали, запутываясь в светлых, спутанных прядях; взгляд метался из угла в угол, словно ища спасительную щель в стене, через которую можно было бы выбраться на волю.

Нет, волетворец не врал. Он действительно стремился спастись бегством.

Таволга задумчиво скрестила руки, прикрывая грудь.

— Какой ты… занятный, — произнесла она с неподдельным удивлением.

Юный волетворец стоял, склонив голову. Едва Таволга позволила себе предстать перед ним без одеяний, как юноша продемонстрировал поразительное разнообразие чувств: начиная от первородного ужаса, заканчивая благоговейной, жертвенной отрешённостью, сродни состоянию пророка Ила. В поведении юноши не было ни малейшей фальши. Ни намёка на вожделение.

Рядовым волетворцам были неведомы правила знаков подчинения. Они попросту не имели о них ни малейшего представления, поскольку церковь предусмотрительно ограждала своих воспитанников от подобных знаний. Исключение составляли, разумеется, лишь те их них, кто поступал на тайную сыскную службу государя. Там из них взращивали душегубов, по жестокости своей превосходящих бездушных упырей.

Однако государев байстрюк к службе допущен не был вследствие своего чрезмерно слабого здоровья, и потому оставался ограничен в своих познаниях. Именно поэтому Таволга

решила воспользоваться им, чтобы выяснить, была ли встреча байстрюка с Оводом случайным стечением обстоятельств или же результатом чьего-то умелого расчёта.

Человек становился уязвим не только во страхе: не меньшую власть над ним способна была обрести и страсть. В сущности, трудно найти что-либо более доступное, чем мужская воля в тот миг, когда разум уступал телесному влечению. В такие моменты им можно было внушить практически всё — вплоть до готовности следовать самому губительному приказу.

Однако кто бы мог предположить, что этот юноша окажется столь неприступен? Быть может, она попросту не пришлась ему по вкусу? Нет, в его взгляде не было ни тени любопытства; он без умолку повторял что-то о целибате и клятве целителя. Волетворец казался безгрешным, словно слеза святой мученицы.

— Целибат? Ты об установлении, воспрещающем волетворцам заводить семьи? Соколик, не всякое прикосновение к женщине сопряжено с браком. Видимо, тебя забыли предупредить.

— Вне брака всякое сближение есть грех! Грех!

Таволга невольно ловила себя на мысли, что перед ней было нечто сродни живому чуду.

— Успокойся, я не намерена причинять тебе вреда, — Таволга отпила вина.

Она всё же ожидала, что юноша взглянет на неё иначе, но тот, казалось, был готов скорее разрыдаться, нежели пойти на компромисс.

— Прошу, поскорее брось меня в темницу, госпожа!

— В темницу? — Таволга приподняла брови.

— Простолюдин, осмелившийся отказать воле знатной госпожи… чего ещё ожидать? Горе мне горе! Я так много не успел!

Таволга вальяжно размышляла.

Жизнь подавила этого горемыку настолько, что он был готов к самоуничтожению в любой момент дня и ночи. Юноша даже не принимал в расчёт собственного положения волетворца, тогда как она представилась всего лишь купчихой несколько выше среднего достатка. Таволга привлекла его под предлогом болезни, нуждаясь, якобы, в помощи волетворца. Но стоило им остаться наедине, а ей снять одеяние, как юноша едва ли не выколол себе глаза пальцами. Он был готов столкнуться с чем угодно, но не с женскими амбициями.

Таволга горестно вздохнула. Разумеется, она не собиралась ложиться с ним в постель: её целью было лишь заставить его утратить самообладание и наложить знак подчинения.

Что ж, вместо этого юноша был охвачен страхом. Страх — тоже весьма пригодное средство.

Таволга приблизилась, мягко ступая босыми ступнями по расстеленным звериным шкурам.

Волетворец вжался лопатками в запертую дверь, зажмурился, будто спасаясь от вихря, способного подхватить его и подбросить под потолок вверх-тормашками.

— Ну что за диво, — милостивей повторила Таволга, протягивая руку. — Не бойся, господин волетворец. Я просто хочу узнать тебя получше.

Юноша истошно взвизгнул, и сразу обмяк, расслабил плечи. Таволга прочертила на нём знак подчинения.

ЧАСТЬ III. ПАСТЫРЬ И ЛЖЕЦ.
Эпизод 23. Первый и Последний

Девять перевернул страницу.

Она покорно откликнулась тихим шелестом, и Девять провёл кончиками пальцев по пергаменту, утомлённо лаская строки и хитросплетения узоров. Но даже изысканный орнамент, обрамлённый золотом, больше не услаждал его взора, отяжелевшего и пресыщенного созерцанием тщеты всего сущего под солнцем.

«Вторая книга Пророка Ила, глава 14»

[1] И возгордился Крум, Царь Царей, и гордыня обуяла дух его, и возжелал он превзойти само Вечное Пламя.

[2] И воспылало сердце его выше тверди небесной, и сказал Крум в гордыне своей: «Ниспровергну Вечный Огонь, что горит в сокровенных глубинах бытия, и вберу Его в себя; я сам стану Пламенем Всего Сущего, и всякая искра, всякая душа на небе и на земле будет гореть во мне одном».

[3] И простёр Крум руку свою сквозь бездны небесные, желая схватить само Вечное Пламя, поглотить его целиком и сделаться единственным Огнём, в котором сгорят все искры мира.

Девять ощущал, как смерть уже стояла за его плечом, безмолвная и терпеливая, словно ветхий послушник, смиренно ожидающийся дозволения.

Она взирала на него с иконы Пророка Ила, глазами строгими и всеведущими, не таящими невыразимой усталости, свойственной лишь тем, кто узрел бесчисленные человеческие кончины.

[4] Тогда восстал Господь на суд против земли Аурелии и против народа Крума.
[5] И были моры и глады, и огонь пожирал селения их.
[6] Приходили орды дикие с севера, разоряя землю,
и морозы лютые поражали нивы, и язвы косили людей, как серп колосья.
[7] Но не смирился Крум и не отвратился от дерзновения своего;
ожесточилось сердце его, и возопил он громким голосом, говоря:
[8] «Я — Царь Царей! Я поглощу Вечный Огонь и стану Пламенем вместо Пламени!»
[9] И когда настала девятая казнь, разверзлись небеса над землею Аурелии.
[10] И низвергся огонь с высот, и поглотил Царя Царей, и не стало его среди живущих.
[11] И возопили люди во тьме, призывая имя царя своего, но голоса их тонули в бездне.
[12] И искали они света — и не находили;
искали царя своего — но не могли узреть даже лица ближнего своего.
[13] Ибо искры их, отделённые от Вечного Огня, угасали во мраке, и не было им ни тепла, ни сияния.

Девять перевернул следующую страницу и равнодушно скользнул взглядом по строкам, давно заученным наизусть.

Сию повесть Девять зрел мысленным оком столь часто, что сегодня она утратила всякую силу над его сердцем, как было это в далёкие мальчишечьи годы, когда мир ещё казался светлым и исполненным тайны.

Ныне же слова проходили сквозь него невесомыми тенями, навевая лишь горькую стынь, подобную угасшей лампаде в заброшенной келье.

[13] И тьма, нисшедшая с высот, отравляла землю, и угасали искры человеческие во мраке.
[14] Восставали мёртвые из могил своих и бродили по селениям, стеная и стуча в двери, ибо не было им покоя в холоде без Огня.
[15] И почернели поля, и воды стали неподвижны и мрачны,
и хлеб истлевал в житницах, и скот падал без причины, словно искры, лишённые пламени.
[16] И объяло народ отчаяние великое, ибо не было ни света, ни тепла, ни царя, которого они чтили как бога.
[17] Так поглотила их бездна скорби, ибо возгордился владыка их и дерзнул поднять руку на Вечный Огонь, что горит в сокровенных глубинах бытия и даёт жизнь всякой искре.
[18] И уразумели люди, что не дано смертному поглотить Пламя Господне и стать вместо Него,
и что гордыня приводит лишь ко тьме, угасанию и вечной погибели.

Дверь в часовню со скрипом отворилась, и поперёк каменного пола легла узкая полоса света.

Девять поднял тяжёлые веки.

В проёме стоял Один. Совсем ещё юный, девятнадцати лет, наимладший среди волетворцев Малого Круга. Жилистый, невысокого роста, с короткими светлыми волосами, обритыми едва ли не до кожи. Его острое скуластое лицо с лисьим раскосым взглядом глядело на него сквозь полумрак часовни.

На бледном лбу его отчётливо выделялась свежая чёрная татуировка. Отличительная метка волетворцев Тайной Сыскной Службы при Государе. Иначе говоря — печать Малого Круга. Её наносили на лбы каждого, чтобы при дворе Государя они не терялись среди прочих. Каждый, в чьих жилах текла хотя бы капля княжеской крови, мог сразу распознать волетворцев Малого Круга, не оставляя им возможности спрятаться или выдать себя за обычного слугу.

В остальное время, отправляясь по тайным поручениям, волетворцы Малого Круга скрывали метку под широкой лентой или головным убором.

Такую же метку носил и сам Девять. Он был старшим из ныне живущих волетворцев Малого Круга. Тридцать два года — редкая доля для волетворца; не всякому было даровано дожить до такого срока. Потому-то его служение близилось к концу.

Метка представляла собой сложный, угловатый символ. В центре находилось подобие креста: но его вертикальная перекладина была длиннее, а концы всех четырёх лучей заканчивались острыми, хищными шипами, направленными наружу. Внутри «креста», в самом сердце символа, виднелся малый круг — око Творца, глядящее в вечность.

Девять наблюдал, как Один окинул взглядом часовню с выражением, каким глядят лишь юнцы, пребывающие в расцвете сил и мечтающие перепрыгнуть выше собственной головы, но ещё не ведающие ни тяжести жизни, ни цены каждого шага.

— Нам пора, — отрывисто произнёс Один, одёргивая высокий воротник. — Я тебя обыскался! Чего ты так долго?

— Хотел проститься с этим местом. Быть может, мне будет не суждено вернуться.

— Вздор! — Один усмехнулся; в голосе его всё же клубилось горькое сожаление. — Ты прекрасно выглядишь, тебе ещё жить да жить.

Девять закрыл книгу и, не глядя, спрятал её за ворот, ближе к сердцу.

— Ты понимаешь, о чём я, — вполголоса возразил Девять. — И ты тоже можешь не вернуться. Мы не ведаем, что ждёт нас завтра.

Один косо усмехнулся, обнажая выступающий кривой клык:

— Да ничего нас не ждёт. Просто где-то на краю княжества крестьяне байки распускают. Орда упырей? Полно тебе. Кто в такое вообще поверит? Один упырёнок где-нибудь вылез, всех перепугал, вот и насочиняли!

— Будь серьёзней, брат, — с укором отозвался Девять. — Смерть не любит, когда над ней смеются. Она приходит и к тем, кто считает себя слишком молодым для неё.

И всё-таки Девять понимал его сомнения. Их отсылали вдвоём потому, что в столице действительно не верили, будто там, в глуши, может таиться нечто по-настоящему опасное для Государя.

Одному следовало набраться опыта, пройтись дорогами, закалить тело и разум в настоящем деле. А Девять… Девять был уже на исходе. Ему в столице не находилось места.

Сильнейших волетворцев Малого Круга держали при Государе. А их двоих, — старшего, утомлённого, и младшего, абсолютно неопытного, — отсылали, точно слабые звенья.

— Довольно! — взмолился Один. — Пойдём, мне уже не терпится уехать и вернуться!

Девять зашёлся надрывным кашлем. Он успел выхватить платок и прижать его к губам. Когда Девять отнял платок, на ткани проступало ярко красное пятно крови.

Младший волетворец стоял неподвижно рядом, и в его лисьих глазах зрел мальчишечий страх.

— Эй, я серьёзно, — голос Одного дрогнул. — Не вздумай умирать, пока мы не закончим с делом, Девять. Не оставляй меня одного там, куда мы едем.

Девять подошёл ближе и тяжело опустил руку ему на плечо.

— Уйду я, — произнёс он сдавленно, — и на моё место придёт другой. Один ты не останешься, брат.

***

Откладываю собрание священных текстов, — Книгу Пророка Ила, — раскрытым в сторону, и перевожу взгляд на отдельный пергамент.

Там я нарисовала башенку и пляшущих вокруг чёртиков. Нарисовала маркером, который я отняла у мальчика в подъезде.

Верчу маркер в руке, как последнюю осязаемую улику того, что жизнь в 21 веке мне не приснилась.

— Царь царей Крам… — начинаю я задумчиво.

— Крум, — поправляет Векша, не переставая жевать запечённые орешки.

Он сидит рядом со мной на скамье, только повернувшись спиной к столу и небрежно опершись локтем о край. Другой рукой Векша выуживает орешки из мешочка и отправляет их в рот.

Без бородки лицо его снова резко преображается, и передо мной будто снова чужой человек. От этого мне делается некомфортно. А если учесть, что Векша повадился ходить по горнице полураздетым, хотя у нас тут не так уж и жарко, то и вовсе от всего происходящего попахивает абсурдом.

— Крум захотел «уподобиться пламени», — перечитываю я, ведя пальцем по строке. — И в наказание получил… «восставших мертвецов». Здесь как будто некая параллель с тем, что говорил Овод.

Векша, лениво двигая челюстью, поворачивается и смотрит на меня, всем видом изображая, что не собирается догадываться, к чему я клоню.

— Люди хотели уподобиться альвам и создали «хворь», поднимающую мёртвых из могил. Может, это как-то связано? Может, это Крум хотел стать альвом. Получить долголетие и силу.

Подкрепляя свою теорию, пододвигаю к нему книгу. Векша скользит по ней равнодушным взглядом, закидывает в рот ещё один орешек и снова глядит на меня всё с тем же скучающим видом. Затем придвигается ближе и понижает голос до шёпота.

Изо рта его настойчиво тянет крахмалистым запахом орешков, напоминающим сладковатый запах печёной картошки.

— Не советую говорить такое за дверью. За такие слова тебя быстро обвинят в ереси.

С появлением Векши мой распорядок дня пришлось слегка перекроить.

Ещё до его появления я плохо спала по ночам, и дело было не только в храпе Хонзы. Меня преследовали кошмары, и нормально отдохнуть удавалось лишь под утро. Поэтому ирийский язык и местные священные тексты я изучала по ночам при свечах.

Последнее я делала не ради того, чтобы угодить Ярмоле, а в надежде найти в них хоть какие-то намёки на возможность возвращения в свой мир, или хотя бы понять, существуют ли у них представления о переселении душ и чём-то подобном. Сходство Овода с Ильёй попрежнему не давало мне покоя.

Теперь же возник Векша. Ночами он копошился в мастерской и приползал лишь под утро, ел и заваливался спать. Но перед тем как устроиться на боковой, неизменно лез ко мне с общением, методично уничтожая последние остатки моего терпения.

Контактирование с ним было сущим наказанием. Векша вёл себя как ребёнок, издевающийся над взрослым: избегал прямо отвечать на некоторые вопросы, дразнил, хоть и беззлобно, но с какой-то странной, потаённой обидчивостью, если вдруг я реагировала не по его задумке.

Но больше всего напрягало то, как он пытался то и дело встать у меня за спиной. Сначала я думала, что это просто дурная привычка. Как у кота, который любит подкрадываться сзади. Но нет. В его поведении чувствовалась осознанность. Векша ждал, пока я отвлекусь, сосредоточусь на чём-то, и лишь затем, как снайпер, выбирал позицию за спиной.

Я всё никак не могла понять: намеренная ли это была тактика, чтобы держать меня в напряжении, или он и правда считал такое поведение нормальным способом сближения?

— Ты в курсе, что нормальные люди стоят лицом к лицу, когда разговаривают? — спокойно спросила как-то я, не оборачиваясь.

— Я просто смотрю, — отозвался он со своей излюбленной невинной интонацией, будто я только что обвинила его в том, что он дышит слишком громко.

— Ты слишком «сильно» смотришь. Может, мне начать брать с тебя плату?

Векша демонстративно обошёл меня сбоку, всей наружностью транслируя, что делает мне великое одолжение.

— Ну и сколько будешь брать?

— Пять сепок, — не отвлекаясь от перелистывания Книги Пророка Ила, серьёзно ответила я.

— Пять? Почему именно такие расценки?

— Ровно столько стоит карта, которая мне приглянулась на рынке. Но у вас тут с атласами туго, как я погляжу. Так что мне любая сгодится.

— Не так уж дорого. Выходит, вот за сколько тебя можно купить? По цене какой-то задрипанной карты?

— Для начала — да, а там «посмотрим».

На третий день, к моему удивлению, Векша действительно притащил ту самую карту.

— Ого! Это мне? Спасибо, правда!

Я уже было потянулась за ней, но Векша тотчас поднял руку выше, уводя карту из-под пальцев.

— Э, нет, как-то вяленько. Где положенное: «О, ты лучший, я твоя должница навеки?» Давай по всем правилам, лапушка, иначе сделки не будет.

Векша подставил щёку и пару раз постучал по ней указательным пальцем. Но, заметив выражение моего лица, — предельно ясное и категоричное, — лишь деловито пожал плечами:

— Ну, тогда карта отправится в печь.

— Если сейчас не дашь мне карту, я заявлю всем, что ты меня изнасиловал.

Улыбка мгновенно исчезла с его лица.

— Чего?! Да кто тебе поверит?

— Вот и проверим.

— Брешешь, — он с подозрением прищурился.

— Я морально разложилась в вашем мире, так что нет. Давай сюда, живо.

— Бездушная баба! — он раздражённо протянул мне карту.

— И только попробуй ещё раз назвать меня «бабой». Знаешь, давай лучше: «Будет исполнено, о, моя прелестная госпожа! Я весь твой: и в пороке, и в порке!» Только с чувством и расстановкой. Ну? Повторяй, сказала, чувырло ты тоскливое.

Последнюю фразу я произнесла с таким эмоциональным нажимом, что Векша сразу понял: моя обида за тот языковой казус ещё никуда не делась.

И вот мы уже час трёмся в гнетущем уединении. При этом Векша ведёт себя на удивление спокойно, даже подозрительно. Лишь изредка ковыряет пальцем в носу и расшвыривает по горнице свои козявки, чем бесит меня и провоцирует на него ворчать.

В какой-то момент я решаю, что он делает это мне назло, и перестаю реагировать. Как ни странно, это срабатывает.

Мысленно жду, что Векша придумает что-нибудь новое, чтобы меня поддеть. И вдруг, случайно переведя взгляд, замечаю, как он со скучающим видом почёсывает волосы у себя на груди. И до меня доходит: этот клоун не без причины разгуливает полураздетым. Это как с козюльками.

Устало тру лицо руками. Мне опостылело сидеть в этой горнице: спина ноет, глаза болят от постоянного напряжения. Ирийский раздражает, и новая информация не усваивается вовсе. Мозг бунтует против образования.

На улице холодно и нечего делать. В мастерской — мешаюсь. А ещё мне безумно скучно и не хватает светской беседы. А из всех доступных собеседников только этот инфантильный эксгибиционист.

Ощущаю себя запертой в камере пыток.

Даже Корноух от меня отвернулся. Я наткнулась на него случайно во дворе, попыталась подозвать, но кот лишь взглянул на меня, будто видел впервые, зашипел и удрал, ясно давая понять: между нами всё кончено.

Это был уже удар ниже пояса. Я прорыдала около получаса на холоде и в итоге заработала сильный насморк. Скорее всего, я плакала не из-за кота, а из-за скопившейся усталости и ощущения полной изоляции. Корноух просто стал последней каплей.

— Значит, ты тоже долгожитель? — всё же решаюсь снова заговорить с Векшей, поддавшись безысходности. — Итог, которого пытался достичь Царь Царей. Ты считаешь себя больше человеком, или альвом?

Ожидаю, что Векша с привычной самодовольной важностью объявит себя альвом — вершиной природного замысла. Но по лицу Векши вдруг пробегает тень, и его полусонная, ироничная маска даёт глубокую трещину.

— Итог Царя царей… — повторяет он с неожиданной горечью. — Звучит красиво. Особенно если говорить это тому, кого слепили из чужого дерьма, как куклу. Отвечая на твой вопрос: я не считаю себя ни тем ни другим. Потому что ни тем ни другим я не сдался.

Подпираю щёку ладонью, опершись локтем о стол.

— Ладно, убийца веселья, допустим. Но звучит как-то слишком жестоко. Даже для тебя самого. Всё-таки тебя кто-то растил. Кто-то дал тебе имя…

— В детстве я забрался во двор к какому-то пастуху. Воровал яблоки. Он вышел ловить меня, и я обнаружил, что он слепой. Но этот дед всё равно угадал, что я прячусь от него на дереве. Так как у меня не было имени, он стал называть меня Векшей. Этот старик был единственным, кто относился ко мне, как к обычному ребёнку. Просто потому, что не мог видеть, каков я на самом деле.

Растерянно молчу, не зная, что сказать. Векша тоже молчит, взгляд его уходит куда-то вглубь, будто он заново проматывает те старые воспоминания в голове.

— Ещё вопросы будут? — Векша косится на меня, проверяя, не ляпну ли я что-нибудь ещё.

— Эм, ну… Ты говорил, что ты сам чужестранец. Откуда ты родом?

— Без понятия. Но когда я начал себя осознавать, я был… — он притягивает карту и тыкает в неё пальцем. — Здесь. Союз Вольных Городов на юго-западе. Там сплошная мешанина народов, все давно перетрахались, как овцы в загоне. Так что уже и не разобрать, к кому я принадлежал. Но раз я жил в районе айлирцев, вероятно, наполовину айлирец.

Склоняю нос над картой.

— И где живут айлирцы?

— Здесь, — его палец уходит северней. — Это большой холмистый остров на севере. Там вроде как нет единого правителя, одни мелкие князья. Ни разу там не бывал, но, по слухам, весь год этот остров покрыт ярко-зелёной травой из-за мягких погодных условий.

— Если накопишь много денег, поедешь туда?

Векша поглядывает так, будто я сморозила несусветную чушь.

— Зачем? Что мне там делать?

— Ну, ты говорил, что хочешь много денег. После того, как продашь сокровища. Не знаю, просто предположила. Посмотреть на… родину предков?

— Без понятия, кем были мои предки.

— Вечнозелёный остров. Звучит хорошо в любом случае.

— Слышал, край острова, что упирается в океан, поглощён туманом. Из-за этого кажется, что земля заканчивается… на этом острове.

Мы ненадолго замолкаем, разглядывая карту, словно и правда можем различить на ней край мира.

— Что такое «химеры»? — Векша как-то странно дёргает шеей, не отрывая взгляда от карты. — Хонза сказал, что это слово из вашего мира.

— Внезапный вопрос. Ну, это чудовища. Если не ошибаюсь, у них голова льва и тело козы, а хвост в виде змеи.

Пока я говорю, беру маркер и начинаю рисовать на клочке пергамента: львиную морду, козье туловище, хвост верёвочкой. Выходит сносно.

— Нет, это не то, — задумчиво бормочет Векша.

— Ну, в переносном смысле «химера» — несбыточная идея. Или что-то… условно бессмертное.

— Бессмертное, — вторит Векша, примеряя слово на вкус. — Хонза говорил что-то про растения и животных.

— Про это не знаю, лучше спроси у него. Знаю только про литературу и кинематограф.

Пока Векша угрюмо грызёт орешки, начинаю рисовать рядом с химерой его лицо. Линии ложатся сами собой. Думаю напоследок закрасить его глаза чёрным, сделать их такими же, как у альвов, но вдруг останавливаюсь. Решаю, что будет выглядеть жутко, как у того человечка на стене в подъезде.

Векша недоумённо таращится на рисунок.

— Что это?

— Это ты.

— Я не так выгляжу. Совсем не похоже.

— А по-моему очень даже. Я заканчивала художку, так что не надо мне тут ля-ля.

Векша отбирает у меня маркер и принимается что-то неуклюже рисовать.

— Что это? — приглядываюсь.

— Угадай.

— Кошка?

— Нет.

— Коза?

— Нет.

— Я?!

Начинаю хохотать так сильно, что становится плохо. Уже и не помню, когда последний раз смеялась. Точно не в этом мире, так точно!

С пергамента на меня смотрит кривоватое круглое лицо, с кривой улыбкой. На глазах ресницы веером, а нос в виде прямоугольника.

Прежде чем Векша, — с уязвлённостью взрослого человека, впервые попробовавшего что-то и потерпевшего неудачу, — успевает выхватить рисунок и швырнуть в огонь, я быстро хватаю клочок пергамента, прижимаю к груди и торжественно клянусь хранить этот шедевр у самого сердца до конца жизни.

***

— Что с тобой происходит? — голос Овода донёсся до него будто из бездонной пропасти.

Ярмола отвлёкся от пергамента, на котором он чертил вражбицкие составные знаки, чтобы упражняться и иметь их непрестанно под рукой.

Знаки вольных вражбитов являли собой дивную красоту, Ярмола не мог это этого отрицать. С дерзновенною новизной они соединяли в себе простые знаки волетворцев, сплетая их и воздвигая сложные, многосоставные образы.

Ярмола непрестанно дивился, сколь просто и вместе с тем премудро они создавались. Ведь он даже и помыслить бы не дерзнул употребить знаки, привычно служащие волетворцам в ремесле исцеления, на поле брани.

К примеру, на упыря Ярмола возложил знак «пульса», ведомый всякому волетворцу и почитаемый одним из труднейших в исполнении; этот знак служил умиротворению тела, чтобы страждущие в агонии не повредили себя ещё сильнее. Но Овод применял на упырях иной знак: складывал знаки «ветер» и «поражение», спаивал их связующей чертой, проходящей через середину.

Ярмолу этот знак пугал. Это ведь буквально значило «разрушение головы изнутри».

Хонза, подслушав поучения Овода, не преминул изложить свои рассуждения:

— Интересно, что вражба, по сути своей, не что иное, как примитивная, но весьма любопытная химия. Наука о строении материи и о её расщеплении. Пользуясь энергией, что эрхва черпает из земной коры, вы научились менять форму и свойства тел, разлагать на молекулы и атомы и вновь соединять их. Мда. Не терзай меня столь острое желание возвратиться в свой мир, я, право, с превеликим удовольствием занялся бы серьёзным изучением этой вашей вражбы где-нибудь в Соларийской Империи. Увы, ныне уже поздно предаваться сожалениям.

Да, алхимик был прав. Столько знаний, опасных, но сладостных для ума! Как же собрать их воедино?

— Ты рассеян в последнее время, — повторил Овод.

— Ничего, просто…

Ярмола вспомнил женщину, которая хотела предложить ему своё тело. Воспоминания обрывались на месте, где она приблизилась. Ярмола не мог побороть смущение и стыд. Согре-

шил ли он? Или, как ему и было сказано, просто лишился чувств? Вероятно, что лишился. Поэтому та женщина, сжалившись, дала ему серебра, а он, будучи в смятении, не помыслил отказаться.

Но признаться в этом перед вражбитом и алхимиком было равным предать себя на погибель.

— Я давно не исповедовался, — признался Ярмола.

— Ты же не вознамерился поведать священнику, чем мы тут промышляем? Тебе ведь известно, что если вражбит представится волетворцем, ему уготована смертная казнь?

— Что?!

— Только не говори, что не знал.

Ярмола едва снова не лишился чувств.

— Я догадывался, но не вникал. Да, по правде сказать, это разумно. Не знаю, чем я думал, подвергая вас такой опасности!

— Послезавтра мы уберёмся из города, не переживай.

— Но преступление уже совершено. И беда даже не в том…Моя исповедь ничего не изменит, потому что я не раскаиваюсь.

— Не до конца понимаю.

— Я не раскаиваюсь, что помог вам. Сам не разберусь, что со мной происходит. Это ведь противоречит всему, чему я был научен. Почему же мне кажется, что вы — самое верное, что Господь мог послать в мою жизнь? Нас учили, что сердце может быть «лукавым паче всего и крайне растлено», и не подобает бездумно доверять чувствам. Следует держаться устава, но…

Овод хранил молчание. Впрочем, чего ещё можно было ожидать от вольного вражбита? Ярмола и не надеялся на ответ: он просто сорвался, ему нужно было выговориться, потому что всё это разъедало его изнутри.

Ярмола закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

— Книга Пророка Ила, глава пятая. Через искру сию глаголет Единый Творец ко всякому сыну человеческому. Когда творит он угодное Творцу — светит искра и согревает сердце его. Когда же уклоняется ко злу — меркнет искра и угасает в нём, и не чувствует он ни тепла, ни света, и немеет сердце его. Дана же она человеку, дабы, если поколеблется Закон земной, разумел человек сердцем своим, что есть добро и что есть зло.

Ярмола открыл глаза и снова посмотрел вражбиту в лицо.

— Стало быть, Господу угодно, чтобы я был сейчас здесь, с вами?

***

Он слишком долго пробыл в кошачьем облике. Очередной сон вновь путал границы между явью и разумом зверя.

Тело сжалось, как натянутая пружина. Усы подрагивали, улавливая малейшие колебания воздуха. Цвета казались блёклыми, но любое движение вспыхивало в его восприятии ярче любых красок.

Мышь метнулась из укрытия, и в тот же миг Векша сорвался с места. Задние лапы мощно оттолкнулись от сундука, передние вытянулись вперёд. Мир сузился до единственной цели — до серого комка, стремящегося ускользнуть от выпущенных когтей.

Прыжок вышел безупречным. Левая передняя лапа прижала добычу к полу. Под мягкой подушечкой Векша ощутил судорожную дрожь. Мышь пискнула. Векша наклонил голову и сомкнул зубы на её шее. Клыки легко прошли сквозь тонкую кожу и позвонки.

Тело дёрнулось ещё пару раз и обмякло. Векша втянул запах крови и тёплого меха, а затем сомкнул зубы на черепе. Кости поддались с сухим треском, и тёплая, мягкая масса мозгов наполнила пасть, отдавая металлическим привкусом крови.

И вдруг сознание его вывернулось, исказив пространство вокруг. Он больше не был котом. Три дня уже не был. И теперь это стало очевидно с пугающей ясностью: произошла ошибка. Страшная, непоправимая ошибка.

Векша опустил взгляд. Перед ним лежала вовсе не мышь, а изуродованное тело девушки. Голова её была неестественно вывернута, шея разорвана глубокими, рваными ранами. Кровь, ещё тёплая, растекалась по доскам тёмной лужей.

— Нет! Это не я… я не мог!

Он зажмурился, пытаясь вытолкнуть себя из происходящего, но открыв глаза, снова увидел тело. Увидел свои руки и когти, обагрённые кровью.

Векша ворохнулся прочь, повалился на спину, упираясь в пол локтями.

— Нет. Я не хотел…

Взгляд его зацепился за лицо девушки. Узнавание рассекло грудь.

— Нет…

Он подполз к ней на четвереньках, схватил и с отчаянной, мучительной силой прижал к себе. Его тело начало раскачиваться само вперёд и назад, словно в напрасной попытке убаюкать мёртвую девушку, как ребёнка.

— Не хотел… не хотел, — бессвязно шептал он, уткнувшись в её окровавленные волосы. — Я не хотел…

Его когтистые пальцы судорожно скользили по её спине, оставляя новые следы. Векша ощущал, как тело в его объятьях стынет, как густеет кровь. Во рту держался вкус её плоти, прежде манящий, а теперь невыносимо отвратительный.

— Не хотел…

Порыв пыльного ветра ударил ему в лицо, обжигая кожу и вырывая из рук последнее, что он пытался удержать. Кровь, запах смерти, деревянный пол — всё растворилось в один миг.

Теперь он стоял на коленях посреди холмистой пустоши.

Над головой довлело грозовое небо, разорванное вспышками молний. Холодный ветер гнал по земле серую пыль.

Векша узнал это место сразу.

Много лет назад здесь, по приказу Хозяина, он убил молодого дворянина — просто потому, что тот оказался не в то время и не в том месте, помешал чужой сделке.

Всё повторялось, но роли были поменяны местами.

Теперь на коленях в пустоши был он сам.

Его руки были пусты. Кровь исчезла, когти втянулись, но пальцы всё ещё дрожали. Векша поднял взгляд к грозовому небу, и голос его сорвался в хриплый вопль:

— Я не хотел!

Слёзы текли по его лицу, смешиваясь с пылью. Он будто молил само небо, чтобы оно его услышало, услышало хоть раз в жизни и помогло всё исправить.

Но было уже слишком поздно. Над ним высился палач, закутанный в тёмный плащ, развевающийся на ветру. Лицо его было скрыто глубоким капюшоном, но Векша узнал вражбита сразу.

Овод занёс над ним топор. Лезвие вспыхнуло холодным светом молнии, на миг отразив всё небо. Ветер усилился, закружив вокруг них плотное облако серой пыли.

— Я не виноват…

Топор опустился, и мир разорвало на части. Голова отделилась от тела и, кувыркаясь, полетела в воздухе. Векша видел, как его обезглавленное тело повалилось набок в сухую траву, и как из шеи толчками вырывалась тёмная кровь.

И в самый последний миг, прежде чем тьма поглотила всё вокруг, Векша услышал тревожный женский голос:

— Векша? Просыпайся! Да что с тобой? Хватит, не кричи!..

Странно, этот голос вообще не должен был звучать. Ведь его обладательницу он только что загрыз.

Эпизод 24. Бродячие артисты

Края маховых перьев рассекали воздух, дробя его на тончайшие вихри. Сова скользила над большаком на высоте около семи саженей, удерживая в поле зрения весь отряд.

Мир представлялся Таволге искусно начерченной картой: на светлом полотне выделялись острые тени древесных стволов, причудливо изломанные линии колей и лошадиные силуэты, волокущие сани. Всё это образовывало строгую, геометрическую композицию.

Государев отряд насчитывал сорок душ. Число, достаточное, чтобы внушать уважение, но не более того.

Во главе, следуя за дозорными, на крепких вороных конях ехали двое волетворцев. Поверх одежд монашеского покроя на них были надеты тёмные шубы. Головы укрывали шапки из чёрного лисьего меха с длинными отворотами. Под слоями угадывалась кольчуга, а на поясах покачивались сабли, выкованными отнюдь не для показной красоты.

Волетворцы переговаривались между собой, обмениваясь краткими взглядами из-под низко надвинутых шапок. За ними следовала основная часть отряда, в хвосте — двое саней. Весь строй держался собранно и без лишнего растяжения, что позволяло с должной лёгкостью проходить узкие участки дороги.

Сова наклонила голову, и ушные пучки её дрогнули. Крылья совершили редкий, плавный взмах. Тело качнулось, подхваченное восходящим потоком.

И в тот самый миг, когда кони волетворцев оказались зажатыми между крутыми склонами, а колонна невольно вытянулась, в воздухе раздался вороний крик.

Первая стрела впилась в шею коня младшего волетворца. Животное пронзительно взвизгнуло, встало на дыбы и тяжело рухнуло на бок. Волетворец успел спрыгнуть, перекатился по земле и мгновенно вскочил на ноги. Следующие стрелы уже находили свои цели, вонзаясь в крупы других лошадей.

Затрещали подпиленные стволы сосен. Два дерева с грозным хрустом повалились поперёк дороги, отрезая путь. И из леса, словно из снежной пучины, хлынули разбойники.

Таволга наняла их по воле Хозяина. Медвежатники из дальних лесных починков, движимые, в сущности, весьма прозаическими побуждениями, согласившиеся на дело за пригоршню золота. Они хорошо знали местность и умели брать на себя сильного зверя. А ещё привыкли действовать в тесном лесном пространстве, налегке и без должной защиты.

Даже если им не удастся уничтожить государев отряд, они смогу его серьёзно ослабить: тем придётся тратить время на перевязку раненых, усиление охраны, возможно даже послать гонцов за подкреплением. А значит, драгоценное время будет выиграно.

Молодой волетворец, светловолосый, с гордым взглядом, обнажив саблю, охотно ринулся в бой. Первая стрела с громким стуком вонзилась в центр его щита и застряла, пробив кожу, но не пройдя насквозь. Вторая стрела пришлась выше, однако волетворец уже поворачивал руку, гася её силу.

Не опуская щита, волетворец стремительно подался вперёд. Сабля в его правой руке описала короткую дугу. Первый разбойник не успел завершить замах — клинок волетворца вошёл ему под рёбра. Второй разбойник рухнул с разрубленным горлом; третий получил точный укол снизу вверх в подмышку.

Таволга не смогла побороть восхищения. Волетворцем руководило выверенное, холодное мастерство уже в столь юном возрасте!

Старший волетворец действовал иначе. Он спешился неторопливо, словно остановка была продиктована не нападением, а лишь будничной необходимостью. Конь его оставался невредим, видно, разбойники пощадили столь дорого скакуна, рассчитывая завладеть им позже.

Когда двое разбойников кинулись на старшего волетворца разом, он лишь отступил на полшага, отвёл удар, перехватил рогатину и коротким, небрежным движением сломал нападавшему запястье. На груди второго вражбит прочертил благословляющий знак, и в тот же миг разбойника переломило изнутри. Лицо его перекосилось; рука с оружием бессильно дёрнулась и тут же повисла плетью вдоль туловища, ноги подкосились.

Старший волетворец поднял голову и посмотрел вверх, на парящую в свинцовом небе сову. Медленно поднял руку в кожаной перчатке; пальцы его сомкнулись, сжимая воздух.

Таволга с трудом подавила порыв к бегству: ей надлежало довести наблюдение до конца и убедиться, что замысел оправдается.

Вот только ход боя уже явно склонялся не в её пользу. Младший волетворец со своими людьми теснили разбойников с настойчивостью княжеских гончих, тогда как старший оставался неподвижен, держа поднятую руку.

Внезапно из-за елей стремительно вынырнул коршун. Таволга ринулась вниз, пытаясь укрыться в лесу, лавируя между стволами, но коршун оказался быстрее на разгоне и настиг её в крутом вираже.

Последняя попытка укрыться в кроне сосны не спасла. Удар был неминуемо точен: коршун сбил сову с траектории и впился когтями в спину и крыло. Боль парализовала сознание; Таволга закричала, беспорядочно отбиваясь, но хватка лишь усилилась. Клюв коршуна наносил смертельные, неотвратимые удары.

Таволга вырвалась из тела совы с судорожным вдохом; её собственное тело тотчас забилось в конвульсиях, взор затянула колышущаяся тьма.

Сова была мертва. Её иная плоть, частица её разума — вновь утрачены.

Таволга вскочила с ложа. Обнажённое тело её блестело от тонкого пота. Она метнулась в сторону, налетела на стену, ударилась плечом так, что затрещали кости, и, отскочив, бросилась обратно.

После долгой связи с птицей собственное тело казалось ей бренной оболочкой. Кожу жгло, будто по ней всё ещё скользили когти коршуна.

Вражбит, слишком долго пребывавший в зверином или птичьем облике, неизбежно утрачивал привычку к тесноте человеческой плоти; оттого всякая одежда казалась ему стесняющей и невыносимой, словно навязанное извне ограничение воли.

Шатаясь, Таволга шагнула вперёд и врезалась бедром в тяжёлый дубовый стол. С яростным визгом она смела рукой всё, что лежало на поверхности.

— Будь ты проклята! — голос её сорвался. — Будь ты проклята, Хворь!

Она металась по горнице, подобно птице в тесной клетке: босые ступни мешали сухие травы и клочья пергамента.

Не задумываясь, Таволга схватила кувшин и швырнула в стену. Тот разлетелся с громким треском.

Таволга замерла среди разгрома. Под рёбрами её разрасталась плотная ненависть.

Хворь. Вот чьей рукой она была сломлена. Именно Хворь внедрила в неё эрхву, искалечив тело и разум, едва не сведя всё к гибели. Для неё Таволга была не более, чем куклою.

Таволга обхватила себя руками и затряслась, сдерживая подступающие рыдания. Безумие пережитой смерти путало мысли, смешивая правду и ложь в беспорядочный, тревожный узел.

Виноватой во всём, что происходило, была лишь Хворь: отвратительное создание, альв, не знающий ни меры, ни милости к людям.

Ненависть Таволги более не металась вслепую; она выпрямлялась, приобретая ясные очертания, словно окружающие её тени, хищно ползущие к потолку и сплетающиеся когтями над головой.

Прежде всего следовало покончить с тем волетворцем, что вёл коршуна. Его смерть она оставит за собой. Приказ Хозяина будет исполнен, но на её условиях: не быстро и уж тем более не милосердно.

Однако прежде надлежало уведомить Векшу о том, волетворцы Малого Круга вскоре достигнут города.

***

Векша щёлкнул пальцами.

— Та-да! Любуйтесь!

Овод с Хонзой застыли, как два надгробия: ни тебе аплодисментов, ни даже вежливого фырканья. Кислые морды — хоть капусту квась.

— Да вы издеваетесь? — буркнул Векша уязвлённо. — Я тут, между прочим, чудо сотворил. И заметьте — без капли крови! Даже запугивать никого не пришлось. Ну?

Хонза смачно высморкался в утирку.

Овод с подозрением разглядывал скоморошьи сани, запряжённые мулами: некогда пёстрые пологи, теперь вылинявшие до унылой рыже-серой тоски. Снег припорошил их, стыдливо прикрывая облезлую нищету. По краям болтались бубенцы и обрывки цветастой ткани.

На одной из крытых повозок был выведен смеющийся месяц, но краска облупилась, и вместе с ней, казалось, стёрся и сам смех.

Рядом на цепи сидела исхудавшая лисичка, с таким видом, будто просящим об одном: чтобы это всё поскорее закончилось.

Да и сами скоморохи выглядели под стать своему скрабу.

Главный, долговязый Щегол, в облезлом полушубке и колпаке с бубенцом, поклонился гостям. Безрадостно звякнул бубенчик.

— И сколько стоит этот… передвижной балаган? — наконец выдавил Овод, скрестив руки, будто хотел задушить саму идею на корню.

Векша с готовностью оживился:

— Вот тут, друг мой, начинается настоящее искусство. Следи за рукой. Нисколько! Даром.

— Я серьёзно.

— Ну ладно, ладно. Взамен мы, как представители государевой, хм, особой службы, якобы будем чуять всякую нечисть. Упырей, кикимор, прочую зубастую романтику. И, разумеется, героически их отваживать от этих славных ребят.

— Ясно, — угрюмо подытожил Овод.

— «Ясно»?! — Векша начинал заводиться. — Нет, ты сейчас серьёзно? Просто «ясно»? Ты вообще улавливаешь, насколько это изящно? Бесплатный проезд, плюс почёт и уважение и даже — отдельный фургончик! Смотри. Вот. Ну разве не прелесть? Колпаки с бубенчиками прилагаются.

Хонза горестно вздохнул, поневоле признавая справедливость происходящего:

— Мда. Повезло, что ты подхватил слухи про волетворцев. И что эти балаганщики от них драпают так же шустро, как и мы. Идея… толковая, парень. Молодец.

Векша закивал с видом человека, которому и без того всё было ясно, но который великодушно принимал чужое прозрение. Попутно он уже подмигивал скоморохам — то одному, то другому — будто успел стать их законным украшением труппы.

— Хорошо, — сдался Овод. — Едем. Но если что… первым спросим с тебя.

Векша развёл руками, изображая оскорблённую невинность.

— Обижаешь! Я же всё делаю исключительно ради общего блага…

Он вдруг огляделся и нахмурился, вспомнив о самом важном:

— Кстати, о благе… А где соларийка и тот сопляк? Они ведь тоже едут?

— В церковь пошли, если не ошибаюсь, — Хонза снова высморкался.

— В церковь? И вы их туда отпустили? Одних? Вы вообще слышали, что эта затейница в последнее время несёт? Да она же ересью фонтанирует направо и налево!

Векша выдохнул пар, желая выплюнуть дурное предчувствие:

— Пойду-ка я за ними схожу, пока они чего не учудили.

— Уверен, что именно тебе стоит идти? — усомнился Овод.

— Вы пока обживайтесь.

— В прошлый раз, когда ты сунулся к Татьяне, она перебила посуды больше, чем мы проели по цене за месяц на постоялом дворе. Поэтому повторю. Уверен, что стоит?

Векша не выдержал и расплылся в блаженной, откровенно глуповатой ухмылке. Прикрыл глаза, смакуя воспоминание:

— Да-а… — шмыгнул носом. — Она восхитительно злится. Страсть в чистом виде.

Он открыл глаза и посмотрел на вражбита.

— Ну правда же?

Под неодобрительными взглядами Векша кашлянул и поспешил исправиться:

— В смысле… в церкви она буянить не станет.

— Может, уже наконец скажешь, что у вас произошло? — потребовал Овод.

— Всё в пределах допустимого.

— Говори сейчас, пока в дорогу не отправились. Ну?

Векша пожевал изнутри щёку, взвешивая в уме за и против. После недолго раздумья пришёл к заключению, что откровенность будет надёжнее домыслов.

— Ну, подглядел, как она моется, пока был котом.

— Ты… что?

По выражению лица вражбита Векша мгновенно сделал вывод: небось огорчился, что сам до такой блестящей мысли не додумался.

— Вот только одного не понимаю — как она меня раскусила? — пробормотал Векша, задумчиво почёсывая шрам на подбородке. — Да ну ладно вам, не смотрите так! Я всё улажу, никаких проблем в дороге не будет. Честно. Впредь буду внимательнее.

Вражбит опешил настолько, что его брови поднимались всё выше и выше, будто пытаясь покинуть лицо.

— Тебя волнует не то, что ты сделал, а то, что тебя поймали?

Векша не сразу уловил смысла:

— Ну а как же иначе-то?

— Хрен знает, что тебе на это ответить. Ты ведёшь себя, как шелудивый пёс. А может, ты таким просто уродился. Ты, того... Гляди ей об этом не ляпни. Не про то, что ты пёс шелудивый, а про то, что ты не вынес урока. Не то всю дорогу грызться будете.

Векша хмыкнул, как задетый мастер своего дела:

— Ты меня за кого держишь, за идиота?

***

— Не бойся, — Ярмола протягивает ладонь. — Страх — лишь тень, рождённая светом истины. Перешагни через него.

Киваю, но с места не двигаюсь: ноги приросли к каменным ступеням. Церковь Истока внушает мне тревогу. Не потому, что я не верю, а наоборот, верю слишком сильно: вдруг здесь может быть настоящая сила? И вдруг она меня отвергнет? Что, если я, чужая, пришедшая из другого мира, буду замечена и… наказана? Меня поразит молния или разорвёт изнутри, как надувной шарик?

Вопросы жгут сильнее всякого страха, и мне остаётся только смириться с участью челобитницы. Может, здесь, в этом странном храме я всё-таки найду ответы на злободневные вопросы?

Переступаю порог.

Внутри царит полумрак, рассечённый тонкими лучами света из узких окон-бойниц. На стенах темнеют знакомые таблички со знаками, похожие на вражбицкие. Воздух пропитан горечью воска с примесью смолы и сала. Под этим таится глубокий, смолистый дух старого дерева.

— Отворяющие знаки, — Ярмола указывает на стены. — Мосты к Истоку.

Вглядываюсь в один из знаков, и по спине пробегает холодок. Кажется, что знак смотрит на меня в ответ.

— Проведи его на себе, — продолжает Ярмола и берёт мою правую руку и мягко, но уверенно направляет пальцы.

Повторяю за ним. Пальцы мои дрожат, пока знак не замыкается.

— Знак свяжет тебя с Единым Истоком. А он уже знает, откуда ты пришла. И куда тебе нужно.

Закрываю глаза и начинаю ждать чуда. Ничего не происходит.

— И?

Голос Ярмолы становится тише:

— Когда ты обратишься через отворяющий знак, к искре твоей явится Божья Жница. Не страшись её облика. Жница не карает, она дарует очищение.

— Эм… а она будет страшной? Эта ваша Жница.

— Что? Нет! Её нельзя увидеть, но твоя душа её почувствует.

— Нет, знаешь, мне как-то не по себе…давай в другой раз всё-таки.

Разворачиваюсь, чтобы уйти, но волетворец расторопно хватает меня под руку.

— Да постой же! Послушай: «Серпом своим светлым она отделит страх твой и сомнения от тебя, как отделяют плевелы от зерна». Так говорил пророк Ила. Это значит, что всё, что мешает тебе слышать Исток, Жница возьмёт и бросит в Вечное Пламя. А Вечное Пламя ничего не уничтожает. Оно очищает и преображает. Оно примет твой страх и сомнения, сожжёт их дотла, и в том же огне, где они сгорят, родится ответ.

— Эм… — переступаю с ноги на ногу. — Ладно, половины не поняла, но давай пробовать.

Снова закрываю глаза и пытаюсь сосредоточиться на чуде. Постепенно чувствую, как внутри что-то начинает шевелиться — то ли страх, который готовится быть отсечённым, то ли первые искры будущего ответа, не разобрать. Сердце истошно колотится, но уже не от одного только ужаса. В нём расцветает цепкая, трепетная надежда.

Вдруг получится?

— Только не сопротивляйся, — настаивает Ярмола. — Когда почувствуешь, как тяжесть отходит от сердца — не пугайся. Это Жница. Отдай ей свой страх. Отдай сомнения. Пусть она бросит их в огонь. И ещё… Ответ не всегда приходит словами. Иногда видением, а иногда — внезапным знанием в груди или просто покоем, в котором вдруг всё становится ясно.

Я с максимальной интенсивностью пытаюсь собраться с мыслями, даже ладони потеют.

Жница Божья. Вечное Пламя. Ответы на мои вопросы. Ну?

Стою, закрыв глаза, и не смею пошевелиться, боясь спугнуть божественную связь. Сердце колотится так громко, что, кажется, его стук разносится под сводами церкви, заглушая чужие шепчущие молитвы.

Но абонент не отвечает. Жница не берёт трубку и даже не проверяет сообщения.

Что же должно произойти? Вдруг это всего лишь местный способ медитации? Глубокая молитва через знак, чтобы я сама откопала ответ внутри себя? Или всё-таки мне будет явлено настоящее чудо — видение, голос, знамение?

Сосредоточиться. Ждать. Я лишь искра, чужая искра в этом мире, и мне страшно, что Пламя меня не узнает.

И вдруг за спиной, совсем близко, звучит насмешливый голос:

— Вот вы где, бездельники!

Я вздрагиваю, подскакиваю и постыдно вскрикиваю:

— Жница Божья!

Мгновенно оборачиваюсь, вскидывая руки в защитном жесте.

Передо мной стоит Векша.

— Нет, — он снисходительно улыбается. — Это всего лишь я.

А затем он переводит взгляд с меня на Ярмолу.

— Нам пора. Поглазеете на стены в другой раз.

— Что ты тут забыл?! — шиплю я раздражённо, всё ещё напуганная его резким вмешательством в мою связь с космосом. — Ты как вообще в церковь вошёл?!

Векша смотрит на меня сверху вниз. Губы его изгибаются в кривой усмешке. От этой его наглой физиономии и прямого, ничуть не стыдливого взгляда меня опаляет бешенство, и я едва сдерживаюсь, чтобы не огреть его кадилом по башке.

— А что, по-твоему, я должен был вспыхнуть на крыльце? — произносит он низким голосом, не забывая добавить побольше издёвки.

Щёки мои вспыхивают, но не от какого-то там «знака свыше». Просто Векша умудрился появиться в самый неподходящий момент, когда я стояла с закрытыми глазами, вся такая возвышенно-дрожащая, готовая принять любой намёк вселенной за откровение, и, должно быть, выглядела при этом донельзя нелепо.

Таким образом, перед Векшей я предстала во всей полноте — и телом, и, как ни назови, душой. Впрочем, по зрелым размышлениям, едва ли это могло его сколько-нибудь тронуть. Какая там душа, когда его склонности, мягко говоря, куда проще и куда более земного свойства?

Меня накрывает раздражение. Не то что дышать становится тяжелее, терпеть его рожу — невыносимо вовсе.

Молча обхожу Векшу и ретируюсь к выходу, не реагируя на жалобные увещевания Ярмолы. Внутри бурлит коктейль из досады, уязвлённого самолюбия и невольного унижения.

Стоило лишь достигнуть соглашения с местным логосом, как явился этот несносный субъект и обратил всё в пошлый фарс.

Разлад в нашем общении с Векшей наметился ещё днём ранее, когда он неожиданно и по-настоящему рассмеялся над моей неловкой шуткой. Впервые за всё время его смех был открыт и неподделен, а то и вовсе лишён той привычной, неприятной издёвки. Взгляд его потеплел, и Векша на миг оставил свою излюбленную игру в искажённые отражения и сразу стал по-своему, хоть и необъяснимо, привлекателен.

Я невольно замерла, поражённая, и уставилась на него так, будто видела впервые. Сердце от неожиданности тут же выкинуло кульбит и напугало меня до чёртиков.

Однако это краткое помрачение рассудка, своеобразный «стокгольмский недуг», вскоре рассеялось. Потому что уже к полудню Векша явился с тем нелепым горшочком, наполненным терпкими бродильными яблоками: точнее сказать, он принёс горшок с обедом, тогда как отдельную миску с извлечёнными из него яблоками унёс с собою и с видимым удовольствием принялся их поедать.

— Что не так? — заметив мой ошарашенный взгляд, проворчал он. — Ты всё равно их не ешь. Глупо. Как можно отказываться от самого вкусного?

И впрямь, я имела обыкновение украдкой извлекать яблоки из поданных блюд, когда оставалась одна. За общим столом я старательно доедала всё до последней крошки, чтобы не прослыть привередливой и неблагодарной особой, отказывающейся от дарового угощения; но в уединении аккуратно откладывала яблоки в отдельную миску.

Вот только… делала ли я это при Векше?

Вот именно. Никогда.

Позднее, когда все разошлись, а Векша, по обыкновению, задремал — раскинувшись на спине и небрежно свесив с лавки руку и ногу, — я осталась при тусклом свете свечи. Чтобы занять себя и хоть немного унять беспокойные мысли, я водила углём по клочку пергамента, выводя бессмысленные узоры, завитки, линии… пока вдруг не осознала, что пытаюсь изобразить улыбающегося Векшу.

Сердце болезненно сжалось и заколотилось от внезапного, панического страха: это уже было не простое упражнение праздной руки — это походило на тревожный симптом.

И тут взгляд мой упал на пустую мисочку из-под яблок, которую Векша так и не удосужился вернуть в корчму. Мысли, до того беспорядочные, внезапно начали складываться в цельную картину: и продолжительное отсутствие Корноуха, и столь же длительное исчезновение самого Векши, и то, как я извлекала яблоки в присутствии кота, после чего тот неизменно похищал их из миски…

И всё же, прежде чем линчевать Векшу, я сочла разумным сперва удостовериться в своих догадках. Собравшись с духом, я направилась в мастерскую.

При моём появлении на пороге присутствующие заметно насторожились. Я поспешно отвела Овода в сторону:

— Слушай, эм… Такой нескромный вопрос. А вражбиты могут превращаться в животных? Собачки там, кошечки.

— Зачем тебе это?

— Просто ответь: могут или нет?

— Нет, превращаться не могут.

Я с облегчением выдохнула.

— Но могут подчинять сознание и занимать чужое тело, — продолжал Овод. — Это уже серьёзное умение, с ним нужно быть очень осторожным. Если слишком долго находиться в теле животного, сознание начинает путаться. Эй, с тобой точно всё в порядке?

— Да, просто замечательно, — ответила я, хотя внутри всё сжималось. — А можно как-то понять по самому животному, что оно… подчинено?

— По зрачкам.

— Они узкие? Всегда? Даже в темноте.

— Да, именно. Так что у тебя случилось?

— Да так… ничего особенного.

По возвращении на гостевой двор я застала Векшу на прежнем месте: он лежал, не подавая признаков сна, прикрыв глаза сгибом локтя. Едва за мною затворилась дверь, как он недовольно забрюзжал, точно дед на печи:

— И где же тебя носило?

Даже будить его не пришлось, славно. Я без всяких предисловий метнула в него грязный сапог. Векша, в одних портках, босой, мгновенно вскочил, заслоняя голову руками, тогда как я, утратив всякое самообладание, разразилась потоком брани на всех известных мне — и, вероятно, ещё неведомых — наречиях, швыряя в него всё, что попадалось под руку.

Сперва Векша ответил ругательством, затем последовало недоумение, и лишь спустя ещё пару моих криков до него, наконец, дошёл смысл происходящего.

— Поразительно! Как ты догадалась? — воскликнул он с неподдельным воодушевлением. — Нет, в самом деле, ты куда умнее, чем кажешься на первый взгляд!

— Ты только что назвал меня тупой?!

— Нет, тупой я считал тебя чуточку раньше…

— Если я плохо говорю на твоём языке, ещё не значит, что я тупая! Так, всё. Пошёл вон!

С этих слов Векша внезапно вообразил, будто перед ним разыгрывается одна из его потаённых, весьма сомнительных грёз. Вместо того чтобы обороняться, он стремительно вскочил, широко раскинул руки и с вызывающим видом уставился на меня.

— О, моя жестокая госпожа! — воспел он с нарочитой театральностью, явно упиваясь происходящим. — Карай меня своими варварскими ударениями! Я преданный твой вассал, всецело преданный даже в пороке! Истинно говорю: готов простоять на коленях хоть весь вечер, если…

Он даже не пытался всерьёз уклоняться, лишь с ловкостью отшатывался в последний миг, словно участвовал в какой-то игривой забаве. При этом взгляд его был исполнен откровенной жадности и восторженного азарта, и каждый мой бросок лишь сильнее разжигал в нём странное и неуместное воодушевление.

В дело пошли глиняные миски: пустые и с остатками еды. Первая просвистела мимо цели, вторая с громким звоном разбилась о стену позади него. От третьей Векша увернулся, возбуждённо рассмеялся и вскочил на скамью, как обезьяна, откровенно провоцируя меня бросать точнее.

Однако с каждым новым броском его пыл заметно угасал. Кривая усмешка ещё держалась на губах, но в глазах уже мелькнула тень сомнения.

Окончательно она исчезла лишь тогда, когда я схватила арбалет.

Векша наконец понял, что это у нас была вовсе не прелюдия.

— Сдурела?! — рявкнул он уже без всякого позёрства.

А я уже вошла в раж: орала какую-то бессвязную смесь русских ругательств, ирийских слов, подслушанных на торгу, и дикого визга.

Векша больше не пытался играть в верного вассала, теперь он просто хотел выжить.

— Эй, эй, стой! — кричал он, заслоняясь руками. — Стой, дура!

Я выстрелила в стену сбоку от него. Векша подпрыгнул, как ошпаренный кот, и наконец рванул к двери.

— И эта вся твоя бабья благодарность?! Я тебя дважды вытащил, рискуя шкурой! А ты меня пристрелить вздумала только за то, что я за тобой ходил, чтобы тебя какая-нибудь мразь не прирезала за сараем?!

— Ты меня, сука, сталкерил!

— Ну и что это значит?

— Это значит — подойдёшь, я тебя кастрирую!

И вот проходит день, и мы выходим на крыльцо. Векша намеренно держится от меня подальше, обходя стороной. Я снова смотрю ему в спину, уже не убегающую. Странно, как только накануне он не выбил у меня из рук арбалет и не дал в ответ по морде?

Напоследок оглядываюсь на церковь Истока, втайне надеясь, что Жница всё же даст мне ответ, только более внятный.

Но ничего не происходит. По всей видимости, Векша окончательно нарушил хрупкую связь, и теперь мне было вовсе отказано во внимании местных божественных сил.

***

— Значит, целый месяц здесь хозяйничала шайка самозванцев? — Один говорил ровно, но во всей его сдержанности ощущалась столь явная угроза, что воевода, дородный мужчина с курчавой бородой, невольно вжался в резное кресло. — И единственное доказательство — одно удостоверение на пятерых? На пятерых?!

Воевода залепетал, разводя потными руками:

— Ваше преосвященство… удостоверение с золотой нитью… кто ж мог усомниться? Говорили, что вы… то есть они… прибыли по воле Церкви…В наших краях нечасто являются волетворцы! Откуда ж нам было знать?

Один ударил кулаком по дубовому столу. Кубок с мёдом опрокинулся, и тёмная струя разлилась по доскам.

— Где они?! — рявкнул Один, наклоняясь. — Говори, пёс, пока я не решил, что ты был в сговоре! Они уже уехали? Куда? В какую сторону?!

Воевода сглотнул, взгляд его метался по углам горницы.

— День назад… отправились на запад.

Девять, стоявший у двери, негромко заметил, не отрывая взгляда от свитков с донесениями стражи:

— Это не простое совпадение.

Один не обернулся, продолжая пристально взирать на воеводу. Девять, без сомнения, был прав. Слишком многое складывалось в единую, недобрую цепь: сперва нападение на дороге и вражбит, принявший обличье совы и неотступно следовавший за ними; затем — шайка самозванцев, по слухам, наделённых опасными умениями, которые на протяжении целого месяца за счёт государевой казны предавались чревоугодию и, между тем, трудились в кузнице, создавая нечто, по всей видимости, весьма опасное, будь то оружие или иное средство пагубы.

И к тому же, все эти нелепые толки о чудовищах. Нет, всё это отнюдь не могло быть простым стечением обстоятельств.

— Дальше. Говори!

Воевода совсем сник, лицо его пошло красными пятнами.

— С… со скоморохами, господин. Те бродячие увеселители как раз собирались в путь. И эти… ваши… то есть самозванцы… ушли с ними.

Наступило скорбное молчание. Один выпрямился.

Нет, сие уже не могло быть сочтено простой кражей. Перед ними открывалось дерзкое и кощунственное посягательство на честь Государя и Церкви Истока.

Церковь издавна изгоняла скоморохов, дерзающих искажать святыни, обращать страх Божий в посмешище, а саму власть — в предмет шутовского увеселения.

— Со скоморохами?! Волетворцы и со скоморохами?! Да вы что, не только глазами обнищали, но и рассудком?! Известно даже блохам на собаках: Церковь не терпит скоморошества! А вы… вы позволили пятерым самозванцам уйти с ними?! Дай-ка угадаю, они уезжали верхом на медведях под музыку? А?!

Один шумно втянул воздух. Разумеется, в подобных захолустных городах со всякого тянули мзду: и с купцов, и с бродяг, и даже со скоморохов с их сомнительными потехами. Кто станет разбираться? Столичная власть сюда редко заглядывала, и потому здесь давно привыкли жить по своим, весьма вольным порядкам.

Но каковы бы ни были местные обычаи, порядок мог быть лишь один — Единый; всё прочее подлежало безусловному искоренению.

С этой мыслью Один подался вперёд, ухватил воеводу за ворот и без видимого усилия приподнял его над столом.

— Говори всё до последней мелочи. И молись, чтобы мы их догнали. Иначе, клянусь, я сам вздёрну тебя на самой высокой виселице в этом городе и буду смотреть, как ты танцуешь в петле, пока вороны не выклюют тебя глаза.

Эпизод 25. То, что мне не принадлежит

Когда его разлучили с матерью, ему было семь лет.

Ярмола хорошо помнил, как она, сокрушённая, плакала и рвалась за ним, пока стража уводила его прочь. Ярмола и сам тогда захлёбывался слезами, задыхаясь от страха, рвущего его, точно волк ягнёнка.

Вместе с прочими детьми его доставили в монастырь волетворцев близ столицы, и вслед за этим потянулась череда дней изнурения и ночей, лишённых сна.

Ярмоле постоянно внушали, что он должен быть благодарен за проявленную к нему милость: ведь такому, как он, незаконнорождённому, оказали великую честь — быть принятым в круг волетворцев, вместо того чтобы он угас в бесплодной жизни.

Но сердце Ярмолы не откликалось на это радостью. Он жаждал лишь возвратиться к матери и помогать ей в простых делах. Ярмола был готов снова покорно скрести полы, выносить нечистоты, трудиться на кухне, лишь бы не быть разлучённым с родительницей.

Вот только Исток уже определил его путь.

— Ишь ты, немощь схоронился! Думал, не найдём, сучоныш?

Ярмола сохранил в памяти тот день, как и многие другие, преисполненные печали. Трое старших мальчишек приблизились к нему и обступили со всех сторон. Ярмола тотчас попытался скрыть деревянную пастушью дудочку за спиною, но было уже поздно.

Прокша единым махом вырвал дудочку из его рук. Он был старше Ярмолы на два года. За всё время пребывания Ярмолы в обители волетворцев Прокша сделался для него настоящим бедствием, соединяя в себе и жестокого мучителя, и недосягаемый образец для подражания.

Прокшу почитали за даровитого и едва ли не наилучшего среди всех учеников. Посему никакой управы на его жестокость не было и быть не могло. Ярмола же считался немощным и, при всём своём старании, не внушал наставникам твёрдой надежды на пользу в будущем.

О, сколь тяжело было сердцу Ярмолы от той зависти, что он неотступно носил в себе! Она жгла его денно и нощно: и за крепость тела Прокши, и за его дерзновенную уверенность, с какой тот глядел на мир, и даже за то великое будущее, что ему сулили!

Так и сбылось. Когда Прокша окончил обучение, его взяли в столицу. Ярмоле довелось однажды встретить его при дворе Государя. Имя волетворца было отнято, и наречён он стал Один, нося на челе метку Малого Круга.

— Что это у тебя за убогая свистулька? — Прокша согнул дудочку о колено с громким треском. Щепки и обломки посыпались на землю. — В скоморохи надумал податься, а? Давайка помогу, пока тебя за такую дурь не заперли в подвале!

Двое других отроков загоготали, тыча в Ярмолу пальцами. Тот попытался подняться, но его сразу толкнули в грудь. Он покачнулся и упал спиной наземь, ударившись локтем о корень старой липы. Пыль взвилась облаком.

— Хотя, кому тебя наказывать-то? Кому ты, такой, сдался? — продолжал Прокша, пихая его сапогом под рёбра. — Твоя мать — базарная потаскуха, а отец… да кто его породу разберёт?

Второй мальчишка, худой и вертлявый, с глазами, как у хорька, добавил пинок в плечо, понукая Ярмолу съёжиться ещё сильнее.

— Только хлеб зря переводишь! — визгливо выкрикнул «хорёк», и смех его брызнул слюной. — Лучше бы тебя в лесу волки сожрали ещё в люльке!

Все трое громко расхохотались, переглядываясь и подталкивая друг друга локтями. И снова посыпались удары: по спине, рукам, которыми Ярмола закрывал голову, боясь, что из него выбьют дух.

— Ползи в свою нору и там сдохни, чтоб глаза наши не мозолила твоя сопливая рожа! А то, гляди, снарядим тебя в юбку да заставим плясать, как базарную девку!

Ярмола лежал ничком в пыли и молчал. Лишь тихо всхлипывал, удерживая себя от громкого плача, чтобы не умножать их злорадства.

Он помнил, как пыль смешивалась со слезами на его щеках, как была разорвана рубаха на плече, и как солнце жгло ссадины и царапины. Помнил, как тихо шелестела над его головой липа, не ведая человеческой скорби и позора, и как смех обидчиков гулко отражался от стен обители.

Не помнил Ярмола лишь одного: как он додумался вынести на всеобщее обозрение пастушью дудочку?

Ведь воистину, это было очень, очень глупо.

***

Векша терпел долго.

Он соскрёб с деревяшки несколько тонких стружек, прежде чем тоскливое дребезжание дудочки окончательно вывело его из себя.

— Да прекратишь ты уже дудеть?! — рявкнул он на Ярмолу, который сидел рядом и мучил свою дрянную деревянную свирель. — Достал до самых печёнок!

Лисичка, дремавшая у его ног, вздрогнула и настороженно пошевелилась, приподняв ушки.

Ярмола одолжил у скоморохов этот проклятый инструмент и теперь, словно назло всему белому свету, пытался учиться на нём играть. И, как на грех, выбрал для этого место рядом с Векшей.

Ярмола опустил дудочку. Некоторое время волетворец молчал, уставившись перед собой в одну точку.

— Нет, — сказал, наконец, он твёрдо. — Я хочу играть и буду играть.

Пожалуй, впервые парень выглядел по-настоящему решительным. С ним явно творилось что-то неладное. Может, съел какую-нибудь дрянь и теперь его корёжило изнутри?

Лисичка села, обвив хвостом передние лапы, и уставилась на гомонящих людей своими жёлтыми, вечно голодными глазами.

— Чего?.. — опешил Векша. — Совсем страх потерял? Думаешь, усы над губой проклюнулись, можно теперь старшим дерзить?

Он уже занёс руку, чтобы отвесить волетворцу добрый подзатыльник, но тот неожиданно перехватил удар.

— Какая разница, кто старше, а кто младше, если ты ведёшь себя отвратительно?! — залаял Ярмола. — Вздумал сестрицу обижать! То, как ты с ней обращаешься, просто позор!

Векша настолько растерялся, что не сразу нашёлся с ответом. Он несколько раз беззвучно открыл и закрыл рот, изображая вытащенного на берег сома.

Вот, значит, чему Овод научил мальчишку за всё это время: хамить ему?

— Что ж, вижу, у тебя не только волосинки проклюнулись, но и яйца, — Векша сурово прищурился. — Поздравляю, герой. А теперь иди и свисти в свою дудку, празднуя это великое событие, где-нибудь в другом месте.

Ярмола нахмурился и замешкался. Но затем, быстро сообразив, что так и правда будет лучше им обоим, выпрямился, поднялся на ноги и молча отошёл в сторону, прижимая к груди свою злополучную дудочку.

Векша проводил его напряжённым взглядом, тихо выругался себе под нос и снова попытался сосредоточиться на деревяшке.

Одна из скоморошьих телег крепко увязла в глубокой колее. Рановато сняли полозья. Ранняя весна, сошедший снег, грязь и рыхлая жижа, так что ничего удивительного. Пока всей ватагой, матерясь и упираясь плечами, скоморохи вытаскивали телегу, было решено сделать привал и развести несколько дымящихся костров.

Алхимик отошёл с соларийкой подальше от остальных и показывал ей, как обращаться с самодельным самопалом. Векша предпочёл держаться в стороне. Мало ли, вдруг ей вздумается проверить дальность стрельбы именно на нём. С неё станется.

Векша повертел в руках деревяшку, прикидывая, как лучше срезать лишнее, когда к нему подступили дети. Они окружили его, словно собираясь брать на приступ. Стая молодых волчат с сопливыми носами, тютелька в тютельку.

— Ну, чего вам ещё? — буркнул Векша, не поднимая головы.

— Дяденька-вражбит, расскажи ещё, как ты упырей бил!

— А ну кыш, я занят.

— Ничего ты не занят! Бздишь сидишь!

От такой наглости Векша поднял взгляд. Детишки глядели на него с явным вызовом, грязные, замотанные в тёплые одежды и оттого походящие на огромные катышки из пупка.

Векша вперил взгляд в того, кто осмелился ему перечить.

— Слушай сюда, собачонок…

— Она девочка, — тут же поправил второй.

— Чего?

— Мила — девочка.

— Да какая разница. Если я сказал, что занят — значит, занят. Проваливайте.

Детишки притихли, но расходиться не спешили. Всё так же стояли стеной и пялились на него, мешая сосредоточиться хуже мошкары.

— Да что ещё?!

— Дяденька-вражбит, — не унималась настырная Мила, — а ты меня в жёны возьмёшь? Мамка говорит, вражбиты в столице большие деньги гребут. Можно и сытно есть, и платьица справлять. Давай ты меня в жёны возьмёшь и в столицу увезёшь. И мамку мою тоже. Я мамку не кину.

Векша покрутил недоделанную фигурку лисички, приглядываясь. Проклятье, срезал лишнее! Теперь не поправить.

— Вот вы какие все, женщины, — пробормотал он. — Алчные, хитрые. Всё вам столица да наряды подороже.

И вдруг обрывки его дум сложились в едином вихре. Векша снова посмотрел на детей.

— А ведь и то правда. А я тут колесо изобретаю. Мда!

Дети переглянулись, хлопая ресницами в недоумении. Векша поднялся, сунул девочке в ладошки недоделанную фигурку одноухой лисички и небрежно заявил:

— Староват я для тебя. Вон, видишь, с дудкой сидит? К нему иди, предлагайся. У него мошна куда толще моей будет. И сам помоложе. Завидный жених! И тебя заберёт, и мать твою, и всех родичей со всех волостей. Каждого прокормит, не сомневайся.

Девочка перевела сияющий взгляд с фигурки на него, радостно закивала, и они с дружками тут же помчались свататься к Ярмоле.

Векша присел на корточки и, не раздумывая, чиркнул ножом по верёвке. Лисичка вздрогнула и, почувствовав свободу, испуганно прижала хвост и съёжилась, будто ожидая плети.

— Иди уже, дурёха, — махнул рукой Векша.

Лисичка юркнула под телегу.

— Она ручная, никуда не денется, — раздался голос подошедшего Щегла.

Векша недовольно выпрямился, пряча нож.

— Тогда на кой ляд её на привязи держали?

— Чтобы не утащили.

***

Хонза в который раз подводил итоги своей работы.

Скорострельность нового самодельного устройства заметно возросла: теперь удавалось достигать, в благоприятных условиях, двух, иногда трёх выстрелов в минуту. По меркам родного мира — величина, не заслуживающая особого внимания; однако в их обстоятельствах это можно было бы назвать настоящим чудом.

И всё же Хонза не питал иллюзий. Рычажный механизм оставался примитивным: фитиль то и дело подводил, держался ненадёжно, либо гас при малейшем резком движении. Возвратной пружины не существовало, и потому после каждого выстрела рычаг приходилось возвращать в исходное положение вручную, теряя на этом драгоценные секунды. Влага, ветер, сырость — всё это действовало на механизм разрушительно: фитиль с упрямством, достойным лучшего применения, стремился угаснуть. Шарнир, если не уделять ему регулярного внимания, постепенно разбалтывался. Словом, вещь оставалась сугубо экспериментальной, а её надёжность — далёкой от желаемой.

Завершив предполагаемый выстрел, Татьяна расслабила плечи и, слегка опуская ствол, перевела на него свой карий взгляд.

— Ну? — произнесла она с долей сомнения, ожидая оценки.

Хонза кивнул. Мелькнула мысль, что Татьяна держалась при наведении уверенно, что выглядело весьма похвально.

— Попробуем ещё раз.

Татьяна приступила к перезарядке, воздержавшись от выстрела. Пороха было слишком мало, чтобы позволить себе роскошь стрелять без счёта.

— Придётся подпускать ближе, — уже, должно быть, в десятый раз заметил Хонза, наблюдая, как девушка действует с заметной уверенностью.

— Да, вы говорили. Помню. И всё же арбалет мне нравится больше.

— Тот, что ты носишь на бедре, не более чем игрушка. Тяжёлый, бронебойный ты не взведёшь: он чрезмерно громоздок и потребует слишком много времени. Так что этот самострел для тебя — наиболее разумный компромисс. Пара занятий, и дело пойдёт лучше.

Татьяна закончила воображаемую заправку пороха; затем, примериваясь, повела стволом, привыкая к его весу.

— Ну, это, знаете ли, тоже не лёгкое, — сдержанно возразила она.

— Он гораздо легче моих первых версий. Так что…

— Да, я помню.

— Раз помнишь, тогда разбирай и чисти.

Татьяна принялась за дело. Тщательно прочистила ствол длинным шомполом, убедилась, что нигде не осталось тлеющих крупинок воображаемого пороха, протёрла полку и змеиный рычаг от следов предполагаемого нагара. Затем аккуратно завернула оружие в промасленный чехол, удостоверившись, что всё сухо и приведено в порядок.

Хонза вздохнул. Образцовая, педантичная аккуратность! Придраться, по существу, было не к чему.

— Вы встречали ещё кого-нибудь… из нашего мира? — не прерывая занятия, неожиданно спросила Татьяна.

Хонза помолчал. В памяти проступили образы без лиц, с которыми его когда-то связывало нечто большее, чем случай.

— Да. Троих.

— И где они теперь?

— Погибли.

Татьяна посмотрела на него так, словно сомневалась, верно ли расслышала.

— Все трое?

— Все, — подтвердил Хонза и, после паузы, равнодушно добавил: — Поэтому я, признаться, полагал, что ты станешь четвёртой, если поедешь с нами.

Татьяна отвела взгляд, но, к его некоторому удивлению, не выказала ни паники, ни горестного восклицания.

— Мне нравится, что хотя бы вы говорите со мной откровенно, — на её лице обозначилась едва заметная улыбка.

— Приходит с возрастом. А теперь заканчивай быстрее. Мы и без того непозволительно долго возимся.

В его тоне прозвучала нарочитая грубость, за которой, однако, скрывалось ощутимое облегчение.

Крепкая девица. Возможно, продержится дольше, чем он предполагал.

И всё же беспокойство никуда не делось. В конце концов, именно он вложил ей в руки оружие. А в этом мире действует простое и, увы, безотказное правило: тот, кто держит оружие, неизбежно становится первоочередной целью.

***

Девять встретил священника в притворе. Старец был сед, но в глубоко запавших глазах его не угасала непоколебимая верность. Девять отвёл священника в угол, где теплилась лампада, и вложил в его жилистые руки запечатанный свиток.

— Отцу Балтазару, в столицу. Если мирская власть воспрепятствует — церковь ведает пути. Не подведи, отче.

Священник склонил голову, укрыл свиток под рясой и опалил его сухой десницей:

— Ступай с Богом, волетворец. Исполню, как сказано.

Девять вышел из притвора и остался один в опустевшем храме. Шаги его гулко отзывались под сводами. Девять приблизился к алтарю и воззрел вверх, на грозный лик пророка Ила и бледные образы сестёр-мучениц, застывших в вечной скорби.

Не успел Девять исполнить отворяющего знака пред Жницей, как за спиною его раздался вдруг детский смех, чистый, как звон серебряного колокольца в пустоши.

Девять резко обернулся.

Посреди храма стояло дитя лет девяти. Девочка взирала на него широко раскрытыми глазами, словно узрев нечто дивное и непостижимое.

Одежда её была достойной девицы благородного рода, приготовленной к дальнему пути: тёмно-синий суконный кафтан с меховой опушкой, шерстяная юбка, кожаные сапожки. Светлые, как лён, власы были заплетены в толстую косу, перекинутую через плечо.

— Как тебя зовут? — спросило дитя без всякого трепета.

Девять невольно вытянул лицо, поражённый. Как она смогла проникнуть в храм? Сам он перед входом строго повелел своим людям никого не впускать. Быть может, девочка уже была здесь?

— Имя мне Девять, — смирив удивление, ответил он. — А как зовут тебя, дитя?

— Вельмата, — сказала девочка и шагнула ближе, разглядывая его с бесстрашным интересом. — Какое странное у тебя имя!

— Это потому что я волетворец.

— А что значит «волетворец»? — она коснулась пальцем уст, изображая раздумье.

Девять медленно опустился на одно колено, чтобы не возвышаться над ребёнком тяжёлой тенью, и, глядя ей в глаза, ответил:

— Верный слуга государев. Мы чтим порядок и творим его волю, чтобы такие, как ты, дитя, могли жить в мире и не страшиться грядущего дня.

Внезапное смятение коснулось личика девочки.

— Что с тобою? — спросил Девять учтиво, нарочито смягчая голос, чтобы не напугать.

— Мне не нравится это место, — призналась Вельмата. — Я боюсь… боюсь, что Исток меня осудит.

— Что же ты содеяла, что страшишься суда Его?

Вельмата потупила взор и, с некою стыдливостью, подала знак приблизиться. Девять, сдержав улыбку, подался вперёд.

Девочка положила ему на плечи хрупкие руки, тонкие, будто сложенные из птичьих косточек. Приподнялась на носочках и приблизилась к его уху.

— Дело в том… — начала Вельмата, но голосок её вдруг сделался тороплив и неровен. Она отстранилась, не в силах совладать с волнением, и вновь приблизилась. — Дело в том, что я преступала одно из главных установлений Истока…

— Какое же?

Ледяное жало коснулось его шеи, рассекая плоть. Горячая кровь хлынула тугой струёй, заливая одежду.

— Попробуй угадать! — Вельмата звонко рассмеялась, отскакивая назад лёгким, танцующим движением.

Девять зажал обеими ладонями рану. Пальцы его погрузились в пульсирующие борозды. Кровь толчками вырывалась наружу. Девять попытался начертать на себе спасительный знак, но руки его уже не слушались.

Взор помутнел, тяжёлый гул наполнил слух. Мир отдалялся от него, точно вихрь, уходящий во тьму. И всё же Девять видел: перед ним стояло уже не дитя. Вместо чистых глаз на него зрели два чёрных омута. Детские пальцы вытянулись в когти, обагрённые его кровью.

Девять рухнул на плиты прямо перед алтарём.

Последнее, что было дано ему узреть, был лик женщины, дивно прекрасной, но лишённой всякого милосердия во взгляде. Она склонилась над ним, подобно Божьей Жнице. В руке её был крохотной деревянный сосуд.

— О нет, даже не думай, что на этом всё кончится, — изрекла она со стылой ненавистью.

Женщина наклонила сосуд. Тонкая струя тёмной влаги пролилась на его лицо и рассечённое горло.

— Узнаёшь ли меня, волетворец? Ты лишил меня крыльев.

Девять ощутил, как чужая влага смешивается с его кровью в одно нераздельное целое, но разум его стремительно угасал, и смысл зловещих слов рассыпался, увязая в пучине скорби.

— И за это… за это я лишу тебя покоя после смерти.

***

Двери церкви были заставлены брёвнами.

Любопытные держались поодаль: женщины, кутаясь в платки, шептали молитвы, а мужчины угрюмо переминались с ноги на ногу, сжимая в руках топоры и вилы.

Один остановился возле паперти. Чёрный плащ его плеснул под порывом сырого ветра.

— Что здесь происходит, мать вашу?

Толпа отпрянула. Двое, — староста и местный десятник — кинулись к нему, оскальзываясь на талом снегу.

— Господин!.. — затараторил староста. — Упырь там… внутри!

Десятник, бледный, будто из гроба вынутый, кивнул:

— Воет так, что бабы без чувств падают.

— Убирайте брёвна, — Один взошёл на паперть.

— Нельзя, господин! — взмолился староста. — Вырвется!

— Смеешь мне перечить, смерд?

Стражники переглянулись; лица их посерели, но никто не посмел шевельнуться с места.

Один остановился вплотную к заграждению, положил ладонь на сырое бревно. Толпа отпрянула, будто волетворец собрался выпустить из стен церкви чумной ветер.

Вместе со своими людьми Один сдвинул заслон и приоткрыли тяжёлые створки. Один с готовностью обнажил саблю и шумно вдохнул, затем выдохнул, пытаясь унять бешеный стук сердца под рёбрами.

След Девяти обрывался здесь…

— Ждать, — велел Один своим людям.

— Но, господин!

— Будете только мешать.

Уже в притворе его накрыло удушливым запахом бойни. На полу лежали тела трёх ратников, тех самых, что вошли следом за Девятью, когда он задержался внутри. Теперь тела их были разбросаны по полу, словно тряпичные куклы, разорванные нечеловечьей силой. Потроха блестели серыми петлями.

Следы когтей, но слишком точные, слишком… осмысленные. Упырь, сомнений быть не могло.

Но где же был Девять?

Один осторожно двинулся вперёд, не опуская оружия. Сапоги вязли в липкой крови, каждый шаг глухо отзывался под низкими сводами.

Девять ждал его на алтаре, сидя спиной к дверям.

Не опуская сабли, Один вскрикнул, и голос его прокатился волной по залу:

— Девять? Ты ранен?

Ответа не последовало.

Один сделал ещё один шаг.

— Девять, чтоб тебя! Ты меня слышишь? Оглох?!

Фигура на алтаре шевельнулась. Солнечный луч упал между ними и высветил широкую полосу крови, что тянулась от дверей к самому алтарю.

Девять обернулся, и Один содрогнулся, словно ему в грудь, до самого хребта, вонзили кол.

Из-под длинных, слипшихся от запёкшейся крови прядей на него глядели два чёрных омута.

— Брат?.. — голос Одного сделался жалким, как у испуганного мальчишки.

И тогда упырь ринулся в нападение.

Мир для Одного почернел. Звериный ужас затопил нутро, выворачивая кишки наизнанку. Но тело уже действовало само. Годы выучки, въевшиеся в плоть, опередили разум. Ведь тот ещё отчаянно цеплялся за невозможное, пока мышцы делали своё.

Один резко сместился в сторону, пропуская удар когтей. Сабля описала короткую, выверенную дугу, рассекая воздух скользящим движением. Упырь пронёсся мимо, и когти его распороли пустоту там, где мгновение назад была шея Одного.

Волетворец и упырь закружились в лихом вихре.

Взмётывались резкие, неуловимые для глаза рывки. Выпад. Уклон. Ещё уклон. Наконец, лезвие скользнуло, обвивая шею упыря с оттягом, и с мокрым, хрустящим звуком отсекла голову. Она повисла на тонком лоскуте кожи и мышц. Один снова взмахнул саблей.

Голова Девятого — или того, что от него осталось — отлетела в сторону, бухнула о стену и покатилась по полу, оставляя за собой тёмный след. Безголовое тело ещё несколько мгнове-

ний стояло, выпуская вместе с кровью и беломутью неупокоенную силу; когти бессмысленно полосовали воздух. Затем оно тяжело обрушилось к ногам волетворца.

Тишина вновь наводнила церковь.

Один стоял, не двигаясь, глядя на обезглавленное тело. Сабля в его руке вдруг сделалась невыносимо тяжёлой. Колени подогнулись. Один рухнул рядом с телом брата. Сабля с глухим звуком вонзилась в пол. Но Один не разжал руки. Пальцы судорожно сжимали рукоять, точно последнюю оставшуюся опору.

Один согнулся пополам, и его вывернуло жёлчью и остатками пищи. Но дрожь не отпускала. Руки ходили ходуном, плечи сводило, зубы выбивали частую, нервную дробь.

И тогда он закричал надрывным воем, раздирающим горло, тщась вырвать из нутра невозможность того, что только что случилось.

— «Смерть моя — мне не принадлежит», — сотрясаясь в рыданиях, выдавил Один. — «Я — сталь в руке карающей, выкованная в вечном огне. Я не прошу пощады и не даю её…». Прости меня, брат. Я сделал то, что был должен.

Один заставил себя выпрямиться. Пошатнулся, опёрся на саблю, как на костыль. Кровь Девятого ещё капала с лезвия.

Слова молитвы вставали в горле комьями сырой земли, липли к нёбу, но лишь они не давали ему окончательно сорваться в ту бездонную яму, что разверзлась внутри.

Молитвы, которой научил его Девять.

Девять, бывший ему и старшим братом, и отцом, и верным другом в одной душе. Девять, научивший его смирять гордыню и совершенствовать разум.

Девять, научивший его быть братом всем остальным волетворцам Малого Круга. Не по крови, а по огню и клятве.

— «Плоть падёт. Скверна сгорит. Я останусь клинком, пока не исполню волю Его».

Один устремился к выходу. С каждым шагом боль в нём превращалась в ненависть, холодела и застывала, как застывал и лик волетворца: лишённый страха и сожаления, со вздетым волчьим оскалом.

Солнечный свет ударил, когда он перешагнул порог, обжёг, точно плеть, пущенная по глазам.

Толпа расступилась. Шапки ползли с голов, глаза опускались в землю.

Воевода бросился к ступеням:

— Господин! Слава Истоку, ты цел! Что там было? Мы слышали крик…

Один повернулся к своим людям.

— Отныне управители этого города обвиняются в неумелом ведении дел и в прямом пособничестве врагам Государя, — Один привычным движением сбросил с клинка густые капли крови. — А потому весь город отныне переходит под прямую руку Церкви.

Эпизод 26. Встреча с чудищем

Хонза нависал над вражбиткой, лицом к лицу. Удержание равновесия давалось ему с немалым усилием: локти предательски подгибались, по вискам катился зернистый пот и падал тяжёлыми каплями вражбитке на обнажённую, колышущуюся грудь.

Грудь её отличалась полнотой и упругостью и, в сочетании с узкой талией, казалась ещё более выразительной и притягивающей взгляд. Рассыпавшиеся тёмные кудри создавали выразительный контраст со светлой кожей.

Но ещё больший контраст создавала усмешка, таимая в уголках её искусанных губ, подобная той, с какой опытная волчица смотрит на молодого волка, выдохшегося в погоне.

— Ну же, служитель науки, ещё! — взгляд вражбитки блестел, губы оставались влажными; не вызывало сомнений, что его нарастающее изнеможение доставляло ей своеобразное удовольствие. — Или ты так просто выдохся?

«Да, предел, безусловно, достигнут», — с внутренней иронией отметил про себя Хонза. Сердце его билось с чрезмерным старанием, мышцы рук и бёдер отзывались жгучей усталостью. Ещё несколько усилий, и он, вне всякого сомнения, лишится способности продолжать.

Тридцать четыре года, вполне достойная физическая форма, и всё же он оказался не готовым к такому беспощадному марш-броску. Либо эта Хворь была не человеком вовсе, либо он старел в этом мире с тревожно ускоренной, геометрической прогрессией.

Хонза сместил опору, резко освободив одну руку, и с неожиданной злой решимостью обхватил её шею. Пальцы почувствовали бьющуюся тугую жилу.

Реакция последовала незамедлительно: глаза вражбитки закатились, губы раскрылись в тягучем стоне. Тело её выгнулось дугой, грудь подалась вверх. И вот уже стон перешёл в надрывный крик, насыщенный удовлетворением и своеобразной, благодарной чувственностью, от которого у Хонзы захолонуло сердце.

Очевидно, именно этого Хвори и недоставало. Её внутренние мышцы сжались вокруг него с такой горячей силой, что Хонза невольно стиснул пальцы на её белой шее и вбился во вражбитку до самого упора, глубоко и грубо, уже не заботясь о мере и осторожности.

Изнурённый и уже не скрывающий раздражения, Хонза продолжал проникать в неё с упрямой настойчивостью, пока, наконец, через всё его существо не прошла болезненная волна разрядки. Кульминация оказалась длительной и интенсивной — последовательность мощных, прерывистых импульсов, в которых ясно ощущались и предельное усилие, и граница человеческих возможностей.

В конце концов, наступило окончательное опустошение, в котором не осталось ни воли к продолжению, ни к жизни в целом.

Хонза перевалился на бок и, распластавшись на спине, раскинул руки. Грудь его ходила ходуном, точно кузнечные мехи в разгар работы. Тёмная комната над ним покачивалась, и он, пытаясь восстановить дыхание, рассеянно «считал» воображаемые звёзды.

С горестным усилием Хонза сел на край ложа. Упёр локти в колени, склонил голову; с кончика носа на пол размеренно падали капли пота. Дыхание всё ещё оставалось прерывистым, мышцы отзывались упрямой дрожью.

Хворь подползла к нему сзади, изображая сытую кошку. Её груди плотно прижались к его мокрой спине с податливой тяжестью.

— Что ж… допустим, ты меня убедил, — промурлыкала вражбитка, и её руки скользнули вперёд, обвивая его тело гибкими лозами. — Я соглашусь помочь тебе с созданием твоего оружия. Однако взамен потребуется ещё одна услуга.

Хонза повернул голову; по вискам его всё ещё стекал пот.

— Ещё одна? Дай мне после этой хотя бы в себя прийти…

Вражбитка рассмеялась, и её дыхание коснулось его шеи.

— Нет, услуга иного рода. И уж точно не сегодня.

— Тогда когда?

Вражбитка помолчала, взвешивая ответ, затем прижалась к нему плотнее. Тёмные вьющиеся волосы скользнули по его коже, оставляя лёгкое щекочущее ощущение.

— Сложно сказать… возможно, завтра. А может быть… — вражбитка выдержала выразительную паузу, наслаждаясь его сбитым дыханием, — лет через десять или двадцать.

Хонза с убитым видом усмехнулся.

— Десять-двадцать? Боюсь, тогда мне и на малую долю подобных усилий рассчитывать не придётся.

Хворь поцеловала его в напряжённое плечо и чуть прикусила кожу, словно ставя свою метку.

— Покажи, что именно ты намерен изобрести. И я помогу тебе это воссоздать.

— Наконец-то ты спросила, — Хонза с готовностью потянулся к сумке с чертежами. — Я намерен создать «огнестрельное» оружие и…

— В самом деле? — с едким упрёком перебила Хворь. — Вот так сразу к делу, даже не приведя себя в порядок? Может быть, для начала хотя бы перекусим? Признаться, я сейчас съела бы целого поросёнка!

Хворь щёлкнула зубами в шутливой угрозе, будто собираясь ухватить его за ухо; в глазах вражбитки плясали чёртики.

Хонза устало вздохнул, обернулся и с нарочитой грубоватостью ущипнул её за сосок.

— Ладно. Давай сперва перекусим.

***

Снится, будто мы стоим поздним вечером на шоссе в пробке. Я пытаюсь подключить телефон к автомобильной зарядке, но она почему-то не работает, а мне отчаянно нужно, чтобы телефон включился.

За рулём сидит Векша, истерично бьёт ладонью по рулю и орёт на кого-то снаружи, словно его могут услышать. Вместо того чтобы помочь мне с зарядкой, Векша раскачивается взад-вперёд, обзывая кого-то и желая ему засунуть себе в задницу свою дуделку.

Навстречу нам бьют фары, и их свет играет цветными бликами в его чёрных глазах альва.

Я просыпаюсь и чувствую под собой колкую солому. Голос Векши всё ещё звучит, и мне нужно немного полежать неподвижно, чтобы понять: он действительно ругается на кого-то во дворе.

Скоморохи отыграли своё представление в какой-то деревушке, и нам разрешили переночевать в хозяйственных постройках.

Векша умолкает, и я с облегчением пытаюсь снова нырнуть в сон. Переворачиваюсь на бок, сворачиваясь клубком от холода. Ну хоть ещё полчасика подремать… Скоморохи вместе с местными орали песни чуть ли не до самой полуночи, если не дольше.

— Пора собираться, — угадываю над собой драматический баритон Овода. — Солнце уже почти встало.

— Кофе… — ною я, уткнувшись носом в плащ. — Хоть три в одном, ну пожалуйста!

Продолжаю упрямо задавать один и тот же вопрос каждый день, втайне надеясь, что всё вокруг — просто реалити-шоу, и продюсер наконец сжалится надо мной и выдаст кофе.

— Есть берёзовый сок.

— Просто убей меня.

С усилием поднимаюсь, сопровождая это страдальческим мычанием. Из волос сыплется солома. Овод сидит рядом, роется в седельной сумке.

— Слушайте… та штука, — сонно бормочу я. — Ты не устал её таскать?

Овод перестаёт копаться в вещах и как-то странно косится на меня.

— Ты про это? — вражбит показывает на свёрток, спрятанный под одеждой.

— Ну да. Ты ведь специально лёг в конюшне, чтобы Векша её не стащил? Сивка его терпеть не может, начинает шуметь, когда он подходит. Да?

Овод долго молчит, глядя на меня с подозрением.

— Да.

— Тебе помощь не нужна? Ну, не знаю… Хочешь, я могу за ней присмотреть?

Не то чтобы я всерьёз хочу этим заниматься, спрашиваю скорее из вежливости.

Овод смотрит на меня так, будто я только что приравняла великую тайну мироздания к какому-то скучному мальчишечьему увлечению. Словно он прятал от Векши не нечто опасное, а обычную коллекционную карточку от жвачки.

— Нет, пожалуй, я сам.

— Как скажешь, — зеваю.

Голова и без того трещит от избытка всего происходящего. Контролировать всё и вникать во всё — спасибо, не надо. Мне бы просто отдохнуть и поскорее вернуться домой. Я уже мысленно составляю список: душ, доставка еды и долгий сон. С работы меня, скорее всего, уже уволили. Впрочем, туда им и дорога. Зарплату всё равно задерживали каждый раз.

— Вы с Векшей нашли общий язык? — неожиданно спрашивает Овод.

— Если закрыть глаза на то, что он больной на голову, он немного… интересный. Читать умеет, в картах разбирается. Для лесного мужика это ого. О, ещё интересное замечание. Ты обращал внимание, что он по-разному говорит? Это с чем-то связано?

— Поясни.

— Ну, сначала он так говорил… трудно было понять, будто каша во рту: окончания глотал, лексика не пойми какая. А потом в корчме, когда помогал с ирийским, его речь… Как сказать? Ну, стала грамотной, что ли, и сильно чётче. Ещё такой подъём на гласных, знаешь. И «р» раскатистое. Хотя сейчас вроде он как снова странно говорит, половины не понимаю.

— То, что ты описываешь, больше похоже на дворянский говор. Он учил тебя дворянскому говору? Интересный из него псарь, знаешь ли.

— Ты правда не замечал, как он разговаривает?

Овод хмурится.

— Он говорит слишком много и без особого смысла. В таких условиях трудно уловить детали. Векша ещё что-нибудь рассказывал о себе?

— Упоминал какой-то город из детства… и слепого пастуха. Больше ничего.

— Постарайся не оставаться с ним наедине.

— Я похожа на человека, который хочет остаться с ним наедине? Спасибо, обрадовал. Кстати, он уже второй день со мной не разговаривает. Наверное, обиделся из-за арбалета. Ура, хоть какое-то… как там у вас слово было? Утешение?

— Ну, нас с Хонзой он в бане чуть не спалил, так что не тебе тут первой жаловаться.

— Так, стой. А про баню тебе откуда известно? Он, что, хвастался?! Господи! Какие же вы тут все…

— А я-то здесь при чём? Эй, постой! В чём моя вина-то? Ну как знаешь.

День тянется бесконечно долго и утомительно. Мы покидаем деревушку и едем дальше, то и дело увязая в весенней грязи. К полудню останавливаемся на привал.

На обед у скоморохов гастрономический рай: простая похлёбка цвета уныния из капусты, репы, сушёной рыбы, лука и талого снега. И ведь, что обидно, поглощаю это с большим аппетитом. Видимо, свежий воздух творит чудеса, раз он смог вернуть мне желание есть.

С грязной миской в руках иду к ручью, чтобы вычистить её камышом, но дорогу мне внезапно преграждает стайка скоморошьих детей в колпаках с бубенцами, дудочками и буб-

нами. Один мальчишка ловко выхватывает у меня миску, и я успеваю подумать: какие милые, решили помочь, не придётся самой морозить руки в воде.

Но в следующую секунду дети берут меня в кольцо, а потом расступаются, образовывая арену.

Навстречу мне, изображая героя трагедии, выходит Векша. Угрюмо идёт прямо на меня, как на таран.

Он что, всерьёз решил набить мне морду? Всё это время копил обиду за тот выстрел из арбалета? Даже детей мобилизовал для антуража, чтобы бой без правил выглядел максимально театрально?

Векша тормозит в паре шагов и смотрит на меня «сейчас что-то будет» взглядом и вдруг вытягивает руки вперёд.

И тут начинается представление.

Во-первых, у него в руках внезапно появляется маленький букет подснежников — скромных белых цветочков с поникшими головками на тонких зелёных стеблях.

Во-вторых, лицо Векши вдруг перекашивает так, что я всерьёз начинаю думать, не хватил ли его инсульт. Выражение у бедолаги такое, будто он одновременно пытается улыбнуться, вспомнить реплику и не умереть от напряжения.

— Мне начинать звать на помощь? — осторожно вопрошаю.

Ситуация уже явно вышла за рамки бытовых неловкостей и уверенно движется в сторону медицинского случая.

— Погоди, — выдыхает Векша, всё ещё сражаясь с собственной мимикой. — Я собираюсь сделать то, что должен был сделать давно. Предложить выгодную сделку.

— С такой-то предсмертной улыбкой?..

Векша начинает водить букетиком на вытянутых руках вверх-вниз, будто это не цветы, а маятник, и я сейчас под гипнозом радостно соглашусь на всё подряд. Стоит, ждёт. Я не беру. Он ждёт ещё. Я всё ещё не беру.

В итоге, не выдержав затянувшегося драматического напряжения, Векша хватает меня за руку и буквально впихивает букет, после чего делает выразительный жест: стой, мол, так и не дёргайся. Отступает на шаг, явно довольный тем, как естественно всё прошло.

— Но предупреждаю: мой план включает тебя, меня и полное отсутствие твоего сопротивления к концу разговора.

— Где ты только их достал?

Приглядываюсь внимательнее и понимаю, что цветы эти вообще не подснежники, а какие-то местные недоразумения на тонких ножках. Видимо, ботаника в этом мире живёт по своим правилам.

А Векша тем временем уже уносится в свой монолог:

— В общем, после Галлу-Дар я собираюсь жить в достатке. Есть один вражбит, я подамся к нему в услужение.

Векшу начинает кощунственно дёргать: шею ведёт, как будто внутри него кто-то периодически нажимает случайные кнопки. Нервный тик? Или это часть образа «перспективного делового человека»?

— Эм, Векша… с тобой всё в порядке?

— … заведу свой угол, еда будет водиться, да и на побрякушки серебро сыщется.

— Что ж, рада за тебя, — осторожно пячусь назад, потому что всё это звучит как начало катастрофы. — Дерзай. Верю в твои начинания.

— Знаю, скажешь, звучит, как байка. Да только это правда. Я уже жил таким способом. Денег будет не счесть, повторяю.

— Ладно, хорошо. От меня-то что нужно?

— Ярмола тут мне растолковал кое-какие моменты. Выходит, ты приняла Веру Истока. Чтоб, значит, честь твою не марать и мне не спокойно на тебя смотреть, делаем следующим образом. У вас товар, у нас купец. Единственное, могут возникнуть проблемы с потомством. Но, если это тебе так важно, можем взять одного из этих.

И, не моргнув и глазом, Векша выдёргивает из хоровода детей какую-то девчонку.

— Да! Да! Меня! — девочка восторженно тычет в себя пальчиком. — Только и маму мою с собой возьмите!

— Так, я ничего не понимаю… — роняю. — Ты можешь сказать прямо, что мне нужно сделать, чтобы отсюда уйти? При чём тут вера? Я не… я ничего не принимала.

— А, вот как. Хм. Ну и как оно у твоего народа работает? Умыкание?

— Умы-что? О чём вообще речь?

— Я тебя выкупаю. Предлагаю всё, что есть, и всё, что будет.

Дети начинают дружно скандировать что-то вроде «слава Истоку» и «жених и невеста!».

Мучительно соображаю, щурясь от солнца. Это какая-то игра? Или что-то другое? Что мне делать, почему не дали текст репетируемой пьесы?

— Так, детвора, не галдите, — Векша, не давая мне даже нормально испугаться, спешит добить аргументами. — Слушай-ка: с твоим-то приданым, а его кот наплакал, дело это, между прочим, чересчур выгодное выходит. Ну-ну, благодарить после станешь, не суетись раньше времени.

— Что такое «приданное»?

— Ты вроде как сирота теперь, заступиться за тебя некому. Или думаешь, станут тот алхимик с ворожбитом век за тобой ходить, нянчиться и на приданое тебе по крохам собирать?

Ага, по местным правилам, всё очень логично. Единственный разумный выход в моей ситуации — срочно выйти замуж за человека с нервным тиком.

— Так, я… — пытаюсь понять по лицу, говорит ли он серьёзно или это всё какой-то криворукий фарс. — Это зачем нужно?

— Чтобы я мог смотреть на тебя, не боясь схлопотать стрелу в лоб или получить словесную казнь от Ярмолы, — невозмутимо поясняет Векша, будто речь идёт об обычной медицинской страховке. — По мне, всё тут ясно как день. Чего тебе не по нраву — ума не приложу. И деньги будут, и защита. Честь твоя при тебе останется. Верь хоть в старых богов, хоть в Веру Истока. В том тебе воля, не перечу.

— Ах, ну раз не перечишь, тогда, хорошо, все вопросы сняты.

Вспоминаю слова Овода о том, что вражба бьёт по мозгам. Но Векша говорит складно. Логика в его мыслях есть. Какая-то изломанная, но есть. Или это уже воображение дорисовывает?

— Так, я не понимаю, что происходит у тебя в голове, — честно признаюсь. — И это меня, откровенно говоря, пугает. Нет, мне не нравится твоя сделка. И вся эта ваша постановка тоже. Дайте-ка мне пройти. Голова болит весь день.

И тут, конечно же, дети как по команде включаются в процесс. Звучит дружное «фу-у-у» и явная готовность закидать меня чем-нибудь символично мерзким.

— Я вообще-то домой собираюсь, — зачем-то начинаю оправдываться перед маленькими судьями. — Так что сокровища свои можешь оставить себе. Я на них не претендую.

— Ну и дура! — с полной уверенностью заявляет та самая мелкая экспертка по жизненным решениям.

— Домой? — Векша смотрит на меня оценивающе. — Ты про башни альвов? Ты, что, правда веришь, что сможешь вернуться?

И вот тут всё ломается. Потому что на секунду его лицо становится моим зеркалом. И в нём отражается ужас. Та самая мысль, которую я старательно отталкивала всё это время.

Векша это понимает и, кажется, жалеет, что сказал вслух.

— Слушай-ка, ты вроде не дура, — быстро продолжает он, как будто пытаясь затереть предыдущую реплику. — Тут вопрос выживания. А я — твоя порука. Понимаешь?

— Порука? Какая ещё порука?! — оглядываюсь на детей, подхожу ближе к Векше и шиплю ему в ноздри: — Ты меня сбросил из окна и к мешку с камнями привязал! Ты нас всех чуть не угробил! Да ты «психопат»! Маньяк!

— Мне казалось, это недоразумение мы уже уладили, — невозмутимо отвечает Векша и украдкой машет детям: мол, расходимся, спектакль переносится на закрытую сцену.

— Уладили?! — больше уже не выдерживаю. — Ты серьёзно сейчас? Ты вообще себя со стороны видел?!

Векшу снова передёргивает нервный тик. Внутри полукровка явно что-то заедает.

— Закончи, — говорит он вдруг изменившимся голосом.

— Закончить что?

— То, что хотела сказать.

— Ты врёшь, воруешь и хрен знает чем ещё занимаешься!

— Не то. Скажи, что сначала хотела.

Меня, как назло, прорывает:

— Да пожалуйста! Нормальные мужчины, если хотят за женщиной ухаживать, поддерживают её, а не устраивают ей психологический квест! Ты мне сначала: «ты никому не нужна», потом «ой, тебе показалось», потом «давай я тебе объясню, как правильно жить» — ты вообще понимаешь, что это? Это называется эмоциональное насилие! Ты как по методичке абьюзера идёшь, честное слово! У вас тут ещё слова такого нет, а ты уже практикуешь на продвинутом уровне! Поздравляю, ты изобрёл абьюз в своём мире! Жди памятника!

— Проклятье! — Векша морщится. — Говори так, чтобы я тебя понимал, а не на своём… языке! Ты хочешь сказать, что я безобразный альв? Это?!

Я даже забываю, что злюсь.

— Что?.. Это вообще откуда сейчас? Ты меня слушаешь вообще?!

— Это главный повод? — упрямо гнёт он своё.

— Отстань!

— Признайся, и отстану.

Ну и жулик! Я ему про попытку убийства и психологическое давление — он: «так это из-за внешности, да?»

— Иди! — шиплю ему в лицо. — В жопу!

И в то же мгновение его правый глаз начинает вязко темнеть, словно в зрачок проливают густые чернила, и те расползаются по радужке, поглощая её без остатка. Сперва тускнеет край, затем цвет уходит вглубь, исчезает свет, исчезает глубина, и остаётся одна сплошная, непроглядная чернота.

Не сразу осознаю происходящее.

— Что ты творишь?! — восклицаю, резко вскидывая руки и мастеря козырёк над его глазом. — Увидят!

Векша слегка наклоняет голову, устремляя на меня чёрный глаз и строго перехватывая мою руку, отводит её в сторону.

— Скажи, что видишь. Ну?

— Я вижу, что тебя следует немедленно изолировать! — отвечаю я, уже сбиваясь на смесь языков. — В психдиспансере!

Смотрю сперва в его обычный глаз, зелёный, с тёплыми вкраплениями карего, точно весенняя трава с проблесками спелой земли. Затем в тот, что обратился в черноту.

Испытываю весьма странное ощущение: страх с примесью любопытства. В его чёрном глазу вдруг обнаруживается не только пустота.

Я прищуриваюсь, вглядываясь внимательнее при дневном свете.

— Подожди, — бормочу я. — У тебя там это. Как это на ирийском?

— «Это»? — хмурится Векша, явно не понимая, к чему я клоню.

— Точка. В глазу. Эм… зрачок, — машу перед его лицом букетиком, указывая на черноту. — Вон, я его вижу. Крохотный такой, но есть. Я вижу, куда ты смотришь. Забавно!

Векша отшатывается в пароксизме ужаса.

— Ты что, не знал, как выглядит твой глаз?

— Откуда мне знать?! — полузадушенным голосом возмущается он. — В него никто не вглядывался!

И тут меня внезапно осеняет: ведь здесь и впрямь нет зеркал. Ни в деревнях, ни в корчмах — нигде. Да и что можно различить в мутной воде или в кое-как отполированной железке? Там и собственное лицо угадываешь с трудом, а уж подобную бездонную тьму в глазу и подавно.

Неожиданно Векша болезненно морщится и раздражённо трясёт головой.

— Что с тобой? — настораживаюсь.

— Зрение двоится… глаза видят по-разному. Проклятье! Смотреть больно, голова кружится.

— Ну и на кой тебе надо было превращаться?

— Всё из-за тебя!

— Из-за меня?! — искренне возмущаюсь. — Я-то тут каким боком?

— Нет бы, как все нормальные люди, просто перепугаться до мокрых штанов!

— Ну, когда я впервые увидела тебя таким — да, перепугалась. Но ты оказался настолько настойчивым, что я как-то привыкла. Так что какие ко мне вообще вопросы?

Наступает тягостная пауза.

Векша отворачивается, прячет чёрный глаз за волосами, сжимает челюсти. Явно бесится, но не столько на меня, сколько на то, как всё вышло не столь эффектно, как он представлял.

— Слушай, это всё правда очень… любезно, — говорю я, стараясь хоть как-то поддержать его задетое самолюбие. — Детишки в колпаках, цветы красивые. Зрачок. Очень душевно. Не считая того, что ты меня до этого так долго и старательно оскорблял всеми возможными способами. Но я вообще-то собираюсь вернуться в свой мир и…

— А если не вернёшься?

Одним-единственным вопросом он разом разрушает всю мою выстроенную защиту.

Я столь настойчиво гнала от себя эту мысль, что теперь она врывается в сознание с треском, сокрушая всё на своём пути. Не вернуться? Остаться здесь… навсегда? Подобно Хонзе? Или тем троим, что уже обрели конец?

А если пути назад попросту не существует? Если его никогда и не было?

Отчаяние накрывает с головой, затягивает, точно воронка, снося все хлипкие опоры.

Векша бросает на меня быстрый взгляд и, уловив выражение моего лица, тотчас меняется сам. Брови его сходятся, и даже в почерневшем глазу проступает нечто сродни жалобной тревоге.

— Проклятье… я понял.

Всё, что я столь упорно запрещаю себе мыслить последние дни — быть может, недели, — поднимается и захлёстывает с головой. Горло сжимается в спазме.

Руки мои слабеют, и цветы выскальзывают, осыпаясь на ноги.

— Хватит придумывать. Я знаю, что вернусь.

— Башни альвов не работают уже сотни лет…

— Ты либо не знаешь этого, либо врёшь.

— Чем быстрее примешь это, тем быстрее полегчает.

— Замолчи. Ты просто меня провоцируешь. У тебя это такое развлечение, я поняла.

Закрываю лицо ладонями. Давлю ими так сильно, что перед глазами начинают плясать круги. Спина невольно сгибается, голова опускается. Я стою, отгородившись от всего, стараясь не зареветь в голос.

Слышу, как Векша делает шаг ближе, и резко отрываю ладони от лица.

— Ты просто… — выдыхаю, не видя ничего перед собой из-за слёз, лишь его расплывающийся силуэт. — Просто наслаждаешься, да? Когда другим плохо, тебе легче, что ли? Ну давай. Радуйся! Потому что это мой предел.

Голос Векши звучит по-новому жалобно:

— Нет, я не…

— Да будь у тебя хоть любой вид, какая разница, если ты ведёшь себя как противное чудовище?

Векша тоскливо лопочет что-то в ответ, но я уже его не слышу. Ноги сами несут меня по тропе, мимо смеющихся детей в пёстрых колпаках. Мир расплывается, сворачиваясь в мутную ленту кадров, как плёнка с не проявленными сценами, которые я не хочу видеть. Сжечь бы их или просто выбросить.

Бегу дальше, не оглядываясь: домой, хотя я не знаю, в какой он теперь стороне, и где искать его на незнакомой карте.

***

Они гнали коней, насколько позволяла размокшая дорога. Один крепко держал поводья, понимая: на такой почве полный галоп — верная гибель для лошади.

Над большаком нависали плотные с синевой сумерки. Свет заходящего солнца косо пробивался сквозь оголённые ветви, превращая лес в ряд зыбких силуэтов. Копыта вязли в грязи и талой воде, но до самозванцев оставалось всё меньше и меньше вёрст.

Один ехал впереди. За ним держался небольшой отряд ратников и двое местных следопытов.

В голове Одного горела одна лишь яростная, ало-красная ненависть. Но прежде чем пуститься в погоню, он сделал всё, что было нужно. Девять бы не одобрил, велел бы отправить за подмогой и ждать приказа. Но Девять был мёртв, и Один не собирался оставлять его смерть без ответа.

Городского воеводу и дьяка Один распорядился взять под стражу до выяснения. Сам город велел оцепить, пока идёт расследование: если это вспышка упырей или чума — нельзя было дать ей расползтись.

Но тот упырь в церкви вёл себя странно. Ни следа разума, сплошная звериная дикость. Обычно упыри сохраняли хоть что-то о прежней жизни, но этот был безумен до невозможности, будто разум покинул его уже столетия назад. Неизвестная зараза? Новое поветрие?

Как бы то ни было, всё это было связано с самозванцами. В этом Один не сомневался. Поэтому он оставил в городе своего человека за старшего и выехал в погоню.

Неожиданно конь Одного оступился; вскоре и прочие лошади захрапели, начали метаться и трясти головами. Один сильнее сжал бока коня коленями, стараясь удержать его от неповиновения.

— Какого?..

И в тот же миг позади раздался одинокий вопль. Один порывисто обернулся, с трудом справляясь с непокорным конём, уже порывавшимся встать на дыбы.

Увиденное им на мгновение лишило его воли.

Из густого подлеска и поваленных стволов стремительно вырвалось чудовище.

Бледное, змеевидное, превосходящее медведя ростом, с тремя головами на длинных, гибких шеях. Вытянутое тело, мощные когтистые лапы и тяжёлый хвост, усеянный шипами,

придавали ему поистине грозный облик. Узкие, щелевидные чёрные глаза тускло мерцали в сумеречном свете.

Хвост твари, свистнув сбоку, с чудовищной силой обрушился на заднего коня, переломив ему хребет вместе со всадником. Средняя из змеиных голов стремительно ринулась вперёд и вонзилась в горло следующего человека. Левая же схватила следопыта и с сухим треском оторвала ему руку вместе с плечом.

Зазвенели арбалеты, взвились стрелы; кто-то с размаху вонзил тяжёлое копьё в среднюю голову. Однако твари всё это было ничтожно. Стрелы и копья торчали из её тела, кровь брызгала на землю, но чудовище продолжало терзать людей с безучастной неумолимостью, словно не ведая боли.

Конь под Одним в панике метнулся в сторону. Один растерялся, лишь на краткий миг, но и этого оказалось довольно. Жеребец взвился на дыбы, и Один был выброшен из седла.

— Стреляйте! — вскричал Один, с трудом поднимаясь из грязи. — Стреляйте!

Чудовище металось, подобно бледному пламени, пожирая всё на своём пути.

— Стреляйте!

И вдруг он узрел. Нет, на чудище была не кровь. Нечто иное, бледное и мутное. Беломуть! Тварь была упырём.

— Бейте по головам! — Один сорвал голос.

В этот миг правая голова внезапно обернулась к нему и разверзла пасть.

— Голод… голодно, — произнесло чудовище нечеловечьим, утробным голосом,

Звук этот повлёк душу Одного в ледяную стынь бездны.

Средняя голова чудища ринулась на него, вытягивая тяжёлую упругую шею. Один уклонился, совершив отточенный поворот, и обрушил удар чудищу точно в глаз. Лезвие с хрустом раскололо чешую, прорезая глазное яблоко. Густая жижа взметнулась в воздух; чудовище отозвалось на это громовым рокотом.

Но в то время как Один отразил одну голову, другая метнулась к нему сзади. Челюсти сомкнулись на его руке выше локтя. Чудовище дёрнуло головой вверх, и Один взмыл в воздух, словно тряпичная кукла в пасти исполинского зверя. Он повис, беспомощный, в нескольких саженях над землёю; небо и грязь слились перед его взором в единый вихрь.

Жилы и сухожилия рванулись с отвратительным звуком, кости раздробились, точно сухие ветви. Чудовище резко мотнуло шеей и отшвырнуло человека прочь.

Один пролетел несколько саженей и тяжело рухнул спиной в холодную грязь. Левая рука его висела на лоскутах кожи и плоти, наполовину оторванная; кости были раздроблены, кровь толчками хлестала из изуродованной раны.

Один лежал без чувств, когда вдруг чьи-то крепкие руки схватили его за ворот и плечи и поволокли по грязи, словно бесчувственный тюк.

— Господин! — Один очнулся и с трудом узнал старого Войко из его отряда, с лицом, изрезанным старыми шрамами. — Придите в себя, господин!

Один, пребывая на грани сознания, судорожно начал выводить на обрубке руки вражбицкие знаки, стремясь замедлить биение сердца и удержать уходящую кровь. Затем вывел последний знак. В воздухе запахло палёной плотью. Боль была столь нестерпима, что края мира померкли, и Один вновь соскользнул во тьму.

Когда к нему возвратилось зрение, Войко уже усаживал его на чужого коня. Жеребец, испуганный, бил копытом, однако стоял на месте. Оставшиеся люди, презрев страх смерти, окружили трёхглавое чудовище с копьями, метали стрелы, целя в глаза и выигрывая волетворцу драгоценные мгновения.

— Пошёл, родной! — велел Войко, ударяя коня. — Пошёл!

Один навалился грудью на седло и правой рукой судорожно вцепился в луку. Конь рванулся вперёд, унося его в сгущающиеся сумерки.

Сознание то оставляло его, то возвращалось вновь. Мир качался и расплывался. Один припал лицом к тёплой, влажной от пота и крови шее коня. Кровь всё ещё сочилась, но вражбицкие знаки сделали своё дело: сердце билось медленнее, и поток её уже не был столь яростен.

Лес проносился мимо тёмными, размытыми тенями. Где-то позади ещё доносился рёв трёх змеиных глоток и последний, оборвавшийся крик Войко… или кого-то другого из людей, что были ему верны до самой смерти.

Вслед за этим Один смежил веки и позволил тьме окончательно сомкнуться над ним вязким ночным покровом.

Эпизод 27. Сокровища во тьме

— Эй, честной народ! Внемлите сей повести, что деды наши от прадедов и пращуров приняли и сквозь лихолетья тяжкие до дней наших донесли!

Над хутором догорает небо, впитавшее в себя оранжево-розовые слои заката. Край земли залит кровью, тягуче ползущей над горами, чёрной вырезной грядой вставшими на горизонте. Над её каёмкой уже блуждают первые упитанные звёзды, и посреди них довлеет нечто, что я привыкла звать «луной». Только это не та луна вовсе, какую я помню из своего мира. Здесь она зреет в разы крупнее, одиноким всевидящим оком глядя на собравшихся.

Любопытно: над нами неизвестная планета или всего лишь обломок той самой земли, по которой мы ступаем? Или мы все просто-напросто мертвы и блуждаем по Асфодельским лугам, готовясь пересечь воды Стикса, несущие забвение?

Людей во дворе набралось с два десятка: вся хозяйская родня — от согбенных стариков до самых маленьких ребятишек — и набежавшие соседи, привлечённые редкостным зрелищем. Закатный свет ложился на их лица, выхватывая и пряча в тени всевозможные страхи.

Скоморохи с напускной важностью разливают по глиняным плошкам синее вражбицкое пламя, которое они выпросили у Овода на время представления. Обращаются они с огнём довольно почтительно, словно имеют дело с живым, своенравным существом, способным в любой момент вырваться из-под контроля и пожрать весь неистребимый скомороший род, который до этого не смогли сгубить ни голод, ни стужа, ни даже местная «инквизиция».

— Давным-давно, когда земля ещё не знала плуга, — Щегол касается струн инструмента из тёмного дерева с резными крыловидными боками, — бродили по ней люди без глаз и без души, альвами наречённые.

Пока струны отзываются бесконечным гулом, скоморохи кружат вокруг костра, и зловещие тени их прыгают по грязи и тающему снегу, путаясь в ногах зрителей.

Костюмы выступающих, сшитые с похвальной выдумкой, состоят из лоскутов алого, зелёного и бурого сукна. На плечах и коленях их нашиты косточки и перья. Высокие колпаки с рогами из коры увенчаны пёстрыми лентами и бубенцами.

Жена Щегла, круглолицая Зоря, кружится вихрем в самом сердце круга. На юбке её густо нашиты колокольцы, дребезжащие беспокойным перезвоном. Зоря притопывает и торжествующе, с размаху бьёт в бубен.

— Кожа на них была бледная, словно брюхо у лягушки, пальцы — кривые, точно корни мёртвых деревьев! Мыкались альвы по земле нашей, словно чума и мор непримиримые. Всё живое портили, высасывали соки из травы, из зверя, из человека, оставляя за собой одну сухую тоску.

Синие вражбицкие огни отражаются в глазах под масками.

— Красивых девок уволакивали они под холмы сырые, в чёрные норы свои, чтоб те им в вечной тьме прислуживали, песни пели да тело своё белое на потеху отдавали.

Скоморох, облачённый в устрашающий наряд чудища, горделиво кружит вокруг Зори, очерчивая её кольцом синего пламени.

— Парней же молодых, сильных да кровью горячей, гнали альвы к проклятым сокровищам, заставляя орошать их своей жизнью, дабы та вечно питала подземное злато, не давая ему ржаветь и тускнеть во мраке бездонных глубин!

Трубач широко раздувает грудь и дует в свою изогнутую дудку. Звук выходит на удивление могучий и ликующий, точно боевой рог, созывающий на смертный бой.

— Но поднялись тогда предки наши отважные, мужи крепкие, что не гнули спины ни перед тьмой, ни перед страхом! — нараспев продолжал Щегол, повелевающий ходом пляски. — Гнали альвов тех, проклятых, как волков бешеных по степям широким, по лесам дремучим

и по болотам топким, гнали огнём и железом, рубили, жгли, выкуривали из нор чёрных! И бежала нечисть слепая, выла, скулила, уходила в глубь земли, в каменные недра, где и по сей день гниёт её злоба!

Скоморохи пляшут всё неистовее, закручиваясь в звенящем, головокружительном вихре. Прыжки, приседания, развороты, широкие взмахи рук — всё сливается в единый языческий обряд разрушения и созидания, не ведающего граней порядка.

Пламя громадного костра алчно глотает мечущиеся синие отблески в плошках, что плывут в руках скоморохов. Закат за спинами людей пылает, воплощая уходящее в землю золото альвов, обагрённое кровью и быстро тонущее во мраке грядущей ночи.

Толпа зрителей замирает в немом изумлении, словно под ногами у них мерцает не грязь, а священное, истоптанное поле древней брани, где некогда сходились в бою их предки.

И вдруг, в самый разгар пляски, из-за сарая выносят чучело.

Двое дюжих парней с хутора тащат его на длинных жердях: тело чучела смастерено из соломы и старого тряпья; вместо лица — берестяная маска без глаз, с длинным кривым носом и разинутым ртом, полным деревянных, щербатых зубов.

Вперёд выступает молодой скоморох. Поверх пёстрых лохмотьев его накинут потёртый кожаный нагрудник, в правой руке виднеется деревянный меч, выкрашенный краской. Скоморох размахивается и одним могучим ударом сносит чучелу голову.

Солома и рваное тряпьё брызжут во все стороны. Голова «альва» с глухим стуком падает в мокрую жижу, и катится, оставляя за собой борозду.

Толпа взрывается диким рёвом.

Но скоморох не останавливается: приседает, хватает отрубленную голову за пучок седого мха, как за волосы убитого врага, и рывком поднимает её высоко над собой обеими руками.

— Слава предкам нашим! Слава героям, что загнали под землю тьму, что вырвали землю нашу из пасти чудищ! Слава навеки, братцы! Слава-а-а!

Толпа податливо вторит. Мужики кричат «Слава!» хриплыми, сорванными голосами, женщины бьют в ладоши, дети прыгают от восторга, визжа и топоча.

Смотрю на всё это и ощущаю, как меня неумолимо увлекает в воронку, где радость, ярость и жажда крови сливаются в единый, кипящий взвар, переливаемый из груди в грудь всех присутствующих.

Сердце моё бьётся в горле, но уже не от грохота и музыки. Вспоминаю ту первую ночь, когда только оказалась в этом мире, и как за мной гнались с факелами, крича: «Упырица!». А мне оставалось лишь бежать прочь, не понимая ни языка, ни причин, по которым на меня смотрели с таким страхом и ненавистью. Ведь для них я и была тем самым чудовищем, вылезшим из-под кургана.

И эти люди передо мной сейчас с тем же восторгом могли бы гнать и меня. И Векшу. И всякого, кто хоть немного отличается от них.

Векша… точно. Его ведь нет весь день, с той самой ссоры.

Отрываюсь от беснующейся толпы и быстро пробираюсь к старому овину. Под навесом сидит Хонза. Он смотрит на представление с заметной скукой, мол: «Видал я и похлеще, и куда как кровавей». Синие огни и победные крики ему явно не в диковинку.

Когда я подбегаю, Хонза видит моё встревоженное выражение лица, и сразу глубокие тени ложатся в его морщинах.

— В чём дело? — спрашивает он.

— Вы не видели Векшу?

— А что стряслось?

Бросаю взгляд назад, на ликующую толпу, где скоморох всё ещё экспонирует отрубленную голову альва.

— Мы с ним утром поругались, и Векша… кажется, он превратился.

Я кошусь на толпу со значением. Хонза понимает всё без лишних подробностей.

— Не нервничай, — он расслабляет плечи, будто убедившись в ложной тревоге. — Уж кто-кто, а этот в состоянии о себе позаботиться.

***

Векша развернул ладонь поднятой к небу руки, касаясь её ребром налитого края луны, тогда как другой край её ещё оставался надломленным. До полнолуния оставалось всего несколько ночей, но сердце уже надрывалось от боли, не выдерживая мучительного ожидания.

Когти на полусогнутых пальцах чернели против неба, напоминая голые ветви старого дерева, на макушке которого Векша и примостился. Он сидел, слегка приподнявшись, сгорбившись всем телом, но всё ещё тянул руку к луне, желая ухватить её, притянуть к себе и утолить наконец нестерпимую жажду.

Ночь дышала запахом лесной жатвы. Совы глодали косточки мышей, волки рыскали по своим извечным тропам, а лисы голосили тонко и жалобно, словно плачущие дети, оставленные отчаявшимися семьями в сырой чаще. Зыбкий ветер подхватывал их вой и уносил далеко по лесным оврагам.

Векша оставался окружён стеной из чёрных стволов и густого ельника, пока его сплетённое из разных сущностей нутро тянулось к тому единственному, чего нельзя было достать руками. К надломленной с краю луне.

Несовершенная, с выгрызенным изъяном, она висела над чёрными вершинами, налитая серебром, и манила, сводила с ума своим светом. И чем сильнее тянулся Векша к ней рукой с растопыренными когтями, тем глубже разрасталась и ворочалась под его рёбрами поганая скорбь.

Она не могла принадлежать ему так, как он того хотел: всецело, до последнего отсвета в сочащейся талой воде.

А раз не взять ни силой, ни лаской, стало быть, проще уничтожить?

Разломать бы её на мелкие осколки, до крови изодрав собственные руки, чтобы ни один лучик её серебряного света не достался больше никому на этой земле. Чтобы все люди, от мала до велика, рухнули в черноту, а он, наконец-то, хоть раз в этой проклятущей жизни, оказался в выигрыше.

Векша уныло вздохнул и обессиленно опустил руку. Уничтожить луну? Эко самонадеянно! До неё не дотянуться, хоть наизнанку вывернись!

Какая же всё-таки лютая досада, что у этих тупых скоморохов выпивки оказалось в обрез.

Векша повернул голову и жадно, всей грудью, втянул запах ветра. Замер, прислушиваясь, и повёл настороженным взглядом по сторонам.

Густой смрад, повеявший с юго-востока, принадлежал вражбицкой крови. И источник её таился где-то совсем близко: либо уже весь был выпотрошен, либо его ещё потрошили в эту самую минуту.

Векша стремительно заскользил с ветки на ветку. Уверенно спрыгнул на сырую землю, пружиня коленям. И тотчас ринулся по запаху, обгоняя далёкий волчий вой, что плыл над лесом.

Векша бежал во весь опор, давая полную волю мышцам, укреплённым обращением. Перелетал через поваленные бурей стволы, огибал набухшие талой водой бочаги и звериные ямы, не сбавляя бешеного ходу, стремясь успеть раньше прочих лесных тварей. Наконец, вырвался на сосновую прогалину, пригнув голову, точно от метко пущенного выстрела.

Вдалеке, среди мачтовых стволов, понуро брела обессиленная лошадь, хворо припадая на одну ногу. Но животное его нисколько не занимало. Перед Векшей, уткнувшись лицом в сырую грязь, лежал без сознания человек с тлеющей в его крови эрхвой.

Векша крадучись приблизился.

Раненый был без одной руки: из разорванного рукава виднелся окровавленный обрубок с торчащими осколками кости. Сама рука валялась чуть поодаль. На чужаке была добротная одежда и кольчуга. Шлем потерялся, его нигде не было видно, на голове держался лишь перепачканный подшлемник.

Векша наклонился, перевернул тело на бок, скользнул взглядом по лицу. Грубо утёр расшибленный лоб. Застыл, не веря увиденному.

На волетворце была метка Малого Круга.

Векша отскочил, роняя волетворца обратно лицом в грязь. Тот всё ещё был без сознания, и сердце его билось: слабо и неестественно, но билось.

Векша снова пригнулся и принялся шарить по чужому поясу, выискивая запрятанные вещи или свитки, хоть что-нибудь, что могло пролить ясность на происходящее.

И тогда он уловил ещё один запах. Склонился ниже к изуродованной культи и с омерзением втянул в себя воздух, узнавая тотчас присутствие трёхглавой химеры. После той проклятой ночи в корчме он теперь ни за что не спутает этого смрада.

Векша быстро огляделся по сторонам.

Ситуация складывалась патовая. Волетворец Малого Круга лежал ещё живой, с укусом химеры на теле. Нет, Хозяин никогда бы не отпустил волетворца без умысла. Где же, мать её, носило Таволгу? Почему уже столько дней от неё не было вестей?

И тогда Векшу поразила диковинная мысль. Взгляд его возвратился к волетворцу.

Стало быть, сам волетворец был посланием? Но как прочесть тайный смысл в этом едва теплящемся сердцебиении? Оставить волетворца здесь, и он сгниёт к утру. Забрать с собой, чтобы попытаться спасти? Ярмола знал толк в целительстве. Да только случай был до того запущенный, что стоит лишь приподнять волетворца с места, и он тут же выронит последнюю искру Истоку.

Векша выпрямился во весь рост, и неожиданно волетворец ожил. Рука его вытянулась и слабо потянулась к сапогу Векши.

— Погоди, дружок, — Векша успел отдёрнуть ногу; чужие пальцы лишь бессильно скользнули по его носку. — Полежи-ка ещё чуток. У нас тут, кажись, гости пожаловали.

По кругу, меж стволами сосен, уже плыли вытянутые, суглинистые волчьи тела, вывалянные в ночной сырости.

***

— Эй… мне нужна помощь, — донеслось возле ног.

Овод взметнулся, выхватывая из-под вороха тряпья запрятанный топор. Глаза его впились в движущиеся тени, пока волглый шорох подбирался всё ближе и ближе.

Внизу, в хлеву, беспокойно переминались коровы и брякали цепями овцы.

— Какого хрена?.. — процедил сквозь стиснутые зубы Овод.

Скоморошья ватага лежала на сеновале в несколько рядов, забравшись под самую крышу, где громоздились стога сена. Ярмола и Хонза сопели по обе стороны от него, закрывая собой ценные пожитки. Но вот теперь у самых ног Овода, сгорбившись, сидела чья-то скорбная фигура.

Векша, ну а как же.

Вот только от полукровка несло ржавой, уже запёкшейся кровью, смешанной с сырой прелью леса.

— Где тебя носило весь день, сукин ты кот?! — свирепо зашипел Овод, толкая локтем в бок алхимика.

Хонза испуганно всхрапнул и, бормоча спросонья: «Грабят, что ль?», неуклюже заворочался на боку, путаясь в своих вещах.

— Там внизу… я принёс человека, нужна помощь, — прокряхтел Векша.

— Ты превращён? — Овод пригляделся. — Уходи, пока другие не увидели!

— Да, но… далеко я не уйду. Устал. Дай хоть чем замотаться.

Овод успел подумать, хорошо, что хоть Таня спала в ворохе детворы, обняв какую-то девчонку, и не проснулась от поднятого шума.

— Прах твой дери! Нам полдня до города, а ты всё равно умудрился какую-то херню учудить!

Овод швырнул Векше несколько вещей и, не мешкая, пополз расталкивать Ярмолу. Торопливо огибая сонных, бормочущих во сне людей, они спустились по лестнице. Овцы шарахнулись в угол, брякая и испуганно топоча.

На брошенной у стены соломе лежал человек без сознания. Одна рука его была отсечена почти по самое плечо и туго перетянута Векшиным ремнём.

— Мда, — только и выдохнул Хонза, воззрившись на страшное месиво.

Ярмола спустился по лестнице последним, неуклюже цепляясь одной рукой за перекладину. Завидев Векшу, мальчишка вдруг сорвался с места, разбежался и сделал то, чего от него никто не ждал. Со всего маху влепил полукровку кулаком прямо в нос. Векша, не ожидавший предательства, кувыркнулся назад.

— Умереть вздумал?! — громко возмутился Векша, зажимая лицо.

— За то, что заставил сестрицу плакать! — с отрепетированной готовностью заявил Ярмола.

— Ярмола, чтоб тебя разорвало! — рявкнул Овод. — Сюда иди!

— Вы чего там шумите? — сверху донёсся приглушённый, встревоженный голос Тани. Она высунулась с сеновала, глядя на них, как недовольная ласточка из гнезда.

Овод присел на корточки рядом с раненым и приложил два пальца к его шее, ловя пульс.

— Скорее мёртв, чем жив, но…

— С ним что-то не так, — пробормотал Ярмола, разглядывая рану. — Плоть прижжена. Вражба?

— Он волетворец, — пробурчал Векша. — Наверное, успел остановить кровь перед тем, как потерять сознание.

Хонза поднёс ближе коптящий светец. Дрожащий свет упал на бледное, измождённое лиц раненого, высветив глубокие тени под глазами и запёкшуюся кровь на губах.

Ярмола ворохнулся прочь, будто узрев на соломе живого упыря.

— Прокша!

— Ты его знаешь?

Таня тем временем спустилась по лестнице, подошла со спины, нащупала и похлопала Оводу по плечу, находя его в темноте, как привычную опору:

— Что там у вас происходит? — встревоженно спросила она, но Овод не отозвался, будучи слишком сосредоточенным.

Ярмола опомнился, часто-часто заморгал, стряхивая с себя зыбкое наваждение. Провёл грязной ладонью по своему заспанному лицу, размазывая пот и копоть.

— Да, но… он умирает.

— Да мы видим, что не цветёт, — зевнул Хонза.

— Рана неровная, что могло его так ранить? Хотя, уже неважно, — Овод присмотрелся. — Мясо всё в грязи. Если так оставить, то гангрена возьмёт за милую душу. Надо пилить выше. Вот здесь.

Ярмола протестующе замотал головой.

— Пилить?! Нет, не надо! Он наверняка умрёт!

— Сам ведь понимаешь, что надо. Выясни, что за знаки волетворцев он использовал на себе, чтобы мы не сделали хуже. Я подготовлю всё необходимое и позову людей.

Ярмола, сапно дыша, усердно кивнул.

***

Хонза вышел во двор, освещая путь скоморошьим факелом, невольно морщась от назойливого собачьего лая. Ну и переполох, выспаться не дали.

Татьяна, опередив его, поспешила лёгкой трусцой к фургонам, стремясь нагнать Векшу. Лунный свет был достаточно ярок, однако видимость оставляла желать лучшего. Сам же Хонза двигался осмотрительно и несколько медленнее, благоразумно остерегаясь поскользнуться в грязи.

Татьяна дважды окликнула Векшу приглушённым, но напряжённым шипением, в котором явственно слышались и раздражение, и отчаяние, граничащее с истерикой; однако полукровок не удостоил её даже косым взглядом. Подойдя к корыту, Векша с усталой, но всё же ожесточённой решимостью склонился и погрузил голову в воду, принимаясь в ней беспорядочно барахтаться, словно движимый мрачным намерением утопиться.

Когда Хонза приблизился, Татьяна с явным ужасом наблюдала за Векшей в корыте: столь отчаянным казалось его поведение, что невольно можно было предположить, будто полукровок и впрямь вознамерился свести счёты с жизнью.

Наконец, Векша с шумным, судорожным вдохом вынырнул, и, размазывая грязь по лицу сгибом локтя, раздражённо прохрипел:

— Эрхва в его крови… она так смердит, что все ноздри забило. Тьфу ты! Еле вас отыскал. Помогите мне соскрести эту заразу с лица, а то хожу, как баба, у которой подол задран выше жопы! Ничего вокруг себя не чую!

— Что стряслось? — спросил Хонза.

— Волки стряслись, — Векша уткнулся носом в свой рукав.

Прежде чем Хонза успел задать следующий вопрос, Татьяна стремительно подалась вперёд и с неожиданной силой толкнула Векшу в грудь обеими руками. Тот пошатнулся, едва не грохнувшись в корыто.

— Почему ты ушёл?! — подобно пороху взорвалась Татьяна, да так неожиданно, что даже Хонза вздрогнул. — Почему не переждал в фургоне, пока не превратишься обратно?! Я была о тебе слишком большого мнения! Беру слова назад. Ты не злодей. Ты просто тупой!

Татьяна нетерпеливым жестом откинула со лба тёмные, растрёпанные пряди, упрямо спадавшей на глаза. Рядом с долговязым полукровкой её фигура казалась ещё более хрупкой и беззащитной, чем была на самом деле.

Хонза уже было решил, что Векша, и без того пребывающий в крайнем возбуждении, вот-вот сорвётся: либо полоснёт Татьяну когтями по лицу, либо, не удержавшись, собьёт её с ног резким движением. Однако Векша лишь неловко спрятал свои когтистые руки под мышки.

Сутулая, жилистая фигура Векши неловко подалась вперёд, наклоняясь к лицу девушки.

— С какой такой стати вы все тут вдруг удумали, что имеете право на меня даже замахиваться, а?! Ну, погоди. Когти сойдут, и я вас, сволочей неблагодарных, тебя и этого щенка обсосанного, так отхлещу кнутом, что мулы разбегутся, хвосты поджав!

Хонза отметил, как Татьяна прикусила губу, сдерживая готовые сорваться слова. Предчувствуя, что ещё мгновение, и разгорится новая ссора, которая вновь обернётся тем, что Ярмоле и Оводу придётся кого-нибудь латать, Хонза поспешил вмешаться:

— Твоё отсутствие затянулось, и мы начали тревожиться. Вот она, — Хонза кивнул в сторону Татьяны, — и вовсе вообразила, будто тебе могут отсечь голову.

— Отсечь… голову? — с недоумением переспросил Векша, усердно морщась.

— Так ты ранен?

Векша на мгновение умолк, и это молчание показалось Хонзе немного неестественным. Полукровок явно колебался между ответом и нежеланием его давать.

— Да.

Заметив, как при этих словах лицо Татьяны исказилось сочувственным пониманием, Векша с нарочитой небрежностью покачнулся, изображая хворую слабость, хотя до того держался вполне уверенно.

Хонза, впрочем, предпочёл оставить эту демонстрацию без всякого комментария.

— Понятно, — вздохнул Хонза. — Пойдём, разожжём огонь и посмотрим, что можно сделать. Побудем рядом на случай, если кто-нибудь сунется. А ты, — добавил он Татьяне уже строже, — pojď bez těch expresí. Lásku mu ukážeš někdy jindy.

С этими словами Хонза направился к остывшему кострищу в вырытой яме, и принялся разводить огонь, доставая из фургона припасённые сухие растопки.

Векша, перекинув руку через плечи Татьяны, страдальчески доковылял вместе с ней до фургона. Пока они копошились, до Хонзы доносилось их напряжённое препирательство.

Косо взглянув в их сторону, Хонза невольно пришёл к заключению, что существовал, пожалуй, лишь один надёжный способ положить конец этой проблеме: этим двоим следовало, наконец, принять горизонтальную позу. Только лёжа их взаимное раздражение, возможно, смогло бы исчерпаться; иначе они и дальше будут мучить всех вокруг.

Кто знает, может, тогда Татьяна перестала бы, наконец, бродить с этим постоянным унынием на лице, и в её настроении появилась бы хоть капля весёлости.

— … или не моей смерти ты так ждала, бездушная баба?!

— Ты мне тут жертву из себя не строй! Я тебе сказала от меня отстать, а не идти в лес бедных зверушек бить!

— Бедных зверушек?! Поглядел бы я на тебя, как они тебя в кольцо возьмут, твои-то бедные! Мне чуть хребет не прогрызли!

— Так я тебе и поверила, что ты целую толпу волков уложил. Помолчи, я пытаюсь тебе рожу вытереть.

— Проклятье! Я впервые в жизни начал говорить правду, а ты мои старания и в ломаную монету не ставишь?!

— Ну всё, ты мне надоел, — Татьяна принялась ожесточённо засовывать ему в рот утирку; поймав на себе неодобрительный взгляд Хонзы, она строго повторила: — Он мне надоел.

Хонза не без внутреннего скепсиса отметил, что, сколь ни был Векша прискорбен в роли ухажёра, и сколь бы Татьяна, по справедливости, ни заслуживала более достойного обращения, Овод всё ещё мялся и никак не решался открыто выразить ей свою симпатию. Со стороны всё это и впрямь напоминало некое скоморошье представление: Овод уклонялся от Татьяны, Татьяна — от Векши, и круг их странного взаимного избегания никак не замыкался.

Между тем вопрос следовало бы решить, чтобы он не отвлекал от общего дела.

На всякий случай Хонза рассудил благоразумным располагаться от молодых по ночам подальше, чтобы не оказаться невольным свидетелем возможного бурного проявления их взаимных чувств. А Овод пусть сам решает, желает ли он оставаться сторонним наблюдателем или же принять в этом участие — Хонзу уже это обстоятельство особо не занимало.

Главное, что все пока оставались живы, ну а прочее, так или иначе, было делом решаемым.

***

— Сердце… остановилось, — роняет Ярмола, не поднимая глаз от земли.

Рассвет окропляет его медными брызгами. Светлые кудри по вискам слиплись от запёкшейся крови, а ровные усы и бородка, как лёгкие штрихи карандаша, вытягивают его и без того осунувшееся за последние дни лицо.

Смотрю на волетворца, вышедшего во двор, и не могу подобрать слов. Взгляд у Ярмолы совершенно пустой. Да и сам волетворец выглядит, как глухая оболочка, утратившая вместе с пациентом частичку себя.

Ведь никто не рождается с иммунитетом к такому, верно?

Вспоминаю Илью и то, каким отрешённым он иногда становился после работы.

— Мне так жаль, — отчаянно обнимаю волетворца, пытаясь влить в него хотя бы толику своих сил. — Вы сделали всё, что смогли.

— Нет, — Ярмола не пытается ни отстраниться, ни ответить на объятие. — Нет, дело в том, что я его снова… оживил.

Быстро отстраняюсь, всё ещё удерживая ладони на его плечах.

— Как это?

Ярмола поднимает взгляд.

— Я не знаю, как… я… я просто внезапно сочинил. То есть, я вывел знак… который нельзя так использовать, но мне показалось, может… может, Господь позволит, и… его сердце снова забилось.

Волетворец пытается рассеянно объяснить принцип действия вражбицкого знака, и мы с Хонзой невольно обмениваемся удивлёнными взглядами.

Кажется, Ярмола только что, сам того не осознавая, сформулировал в этом мире нечто весьма близкое к принципу действия дефибриллятора.

Эпизод 28. Предсказанность добра и зла

Векша лежал на боку, укрыв руки под мышками. Когти втянулись под кожу, оставив вместо ногтевых пластин неровные, изломанные края. По привычке Векша сточил их о камень, унимая зуд. В основаниях запеклась кровь, но вычищать её не было сил.

Прокушенная зверем голень нестерпимо ныла, не давая уснуть; оставалось надеяться, что не станет хуже. Раны благодаря крови альвов затягивались быстро, однако это ничуть не облегчало боль.

Был полдень. Векша укрылся в хлеву, забившись в угол, и время от времени отмахивался от надоедливых овец. Мысли сбивались в клейкие комки, перемешанные с соломой и навозом. Не то что разбираться в них, даже держать в голове было тошно.

Векша думал о Галлу-Даре, о поручении и о том, что Таволга, может статься, не схитрила. Если постараться как следует, вдруг Хозяин дарует пощаду? Ради этой надежды Векша был готов валяться у его ног и вылизывать сапоги с таким остервенением, что даже самый искусный чистильщик обуви позавидовал бы неистовому блеску.

Сердце Векши трепыхалось, точно пойманный в силок перепел. Как же ловчее было обставить просьбу, чтобы не вышло нагло или опрометчиво? Как просить, чтобы ему оставили соларийку?

Хотя, если подумать, какая из неё вообще соларийка? Он просто привык её так называть.

По правде сказать, и алхимик со своими выдумками мог пригодиться во служении. Стоило непременно замолвить за него слово перед Хозяином. В конце концов, именно его взрывающаяся штуковина помогла отбиться от волков.

Слегка убаюкав себя надеждой, Векша ушёл в сон, и ему привиделось, что он передумал и просто сбежал. В одиночестве, но далеко, туда, где предсказанность добра и зла над ним больше были не властны.

— Я принесла поесть.

Голос соларийки после болезни звучал по обыкновению устало. Отдельные звуки она настойчиво высказывала мягче и протяжнее, с ощутимой особенностью произношения.

Векша съёжился, не меняя позы: всё так же остался валяться на боку, скрестив руки на груди.

— Не хочу.

Он ждал, что соларийка сразу уйдёт, но вдруг почувствовал её пальцы на лбу.

— Тебе стало хуже? — серьёзно спросила она, и Векша тотчас опасливо подскочил.

Будь она хоть трижды проклята! Стоило оставить её подо льдом, а лучше и вовсе — пущай болталась в петле. Приходила бы к нему во снах безжизненной тенью с пустыми глазами, лишь бы без этой её откровенной, выжимающей душу заботы.

Небрежно смятые тёмные волосы, обрезанные по плечи — позор по любым деревенским и господским меркам, — мягко ложились вокруг её бледного лица. Векша смотрел на соларийку и думал: как же так вышло, что всё наказание, весь позор обрезанных волос на ней обернулся невинной, щемящей красотой, от которой у него сводило зубы.

Векша чуть не взвыл. Да чтоб его вороны склевали заживо! Даже тусклые тени под её глазами отзывались в сердце невыносимой тоской: хотелось просто притянуть соларийку к себе, укрыть и уснуть вместе с ней. Как тогда, когда он был котом, и её дыхание выравнивалось лишь во сне. В остальное время оно часто звучало сдавленно, как у человека, долго терпящего боль и живущего с постоянным зажимом между рёбер.

Глядя снизу вверх на соларийку, Векша невольно вспоминал её в бане: узкие плечи и бёдра, но вместе с тем — мягко струящийся рисунок тела, исполненный тихой, притягательной женственности. Соларийка тогда наклонилась и протянула руку, чтобы погладить его. Неболь-

шие, с мягким округлым низом груди качнулись вперёд. На краю затвердевшего от жара соска повисла капля воды, готовая сорваться.

Векша был готов на всё, лишь бы слизнуть сейчас ту каплю.

— Нет, — он зажмурился и уткнулся лицом в прелую солому.

— Тогда почему не ешь? Ты ведь и вчера целый день ничего не ел.

Подавив вздох, Векша тяжело сел, принял миску и принялся квёло есть пшённую кашу. Сверху, как великая милость, лежал ломтик солёного сала.

— Я вспомнила.

— М-м?

— Вспомнила, как ты меня спас.

Векша перестал жевать:

— А ты разве не помнила?

Соларийка погрузилась в раздумья. Проведя языком по пересохшим губам, собралась с силами и с подчёркнутой решимостью произнесла, не отрывая взгляда от его рук, сжимавших миску. Должно быть, её пугал вид его пальцев. Впрочем, в этом не было ничего удивительного.

— И как ты вообще додумался уйти ночью в лес?

Чтобы хоть немного утешить волнение, соларийка села рядом, прислонилась спиной к доскам. Хлопнула себя по коленям, подводя итог.

— Ты можешь больше так меня не пугать? Я устала бояться. И без того слишком много поводов. У меня сердце не выдерживает, а у вас тут ни аптек, ни… Видишь? Уже оба глаза дёргаются.

В подтверждение соларийка широко распахнула глаза и пальцем оттянула нижнее веко.

— Я хочу сказать… — она опустила руки и отвела взгляд, — если человек намерен делать глупости, он всё равно будет их делать. Но если вдруг я могу хоть как-то повлиять на то, чтобы ты совершал их меньше… я всё же скажу. Пожалуйста, постарайся не умирать.

Векша отставил миску.

— Ты меня вообще слушаешь? — проворчала соларийка.

Не поднимая глаз, Векша устало лёг и устроил голову у неё на коленях. Щекой прижался к тёплой ткани, и тотчас почувствовал, как напряглась её нога.

— Ну и что ты делаешь? — соларийка попыталась отстраниться.

Векша обхватил её ногу одной рукой, с должным отчаянием, но стараясь не причинить боли.

— Останься. Пожалуйста… ненадолго.

Горячая капля скатилась из-под закрытых век по виску и впиталась в ткань на её бедре. Векша ещё сильнее стиснул пальцы, ощущая, как внутри всё дрожит от невыносимой нежности.

Соларийка прерывисто выдохнула, по-прежнему сквозь боль в груди, и коснулась его волос. С осторожной, режущей по живому лаской, отчего у Векши вновь захолонуло сердце.

И всё, что ему осталось, так это лишь снова закрыть глаза.

***

— Дыхание стало ровнее, но… — Ярмола измученно тёр глаза. — Не знаю. Утро он пережил, но может снова стать хуже. Два или три дня нужно. Его нельзя перевозить. Сердце слабое.

Овод выпрямился.

— Я договорюсь, чтобы нам позволили остаться ещё на денёк-другой. Люди после зимы изголодались по веселью, думаю, будут не прочь поглядеть на скоморошьи выдумки ещё немного.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что не бросаете.

— А как иначе?

Ярмола хотел что-то возразить, но передумал и промолчал.

Овод оглянулся. Таня, кажется, была неподалёку. Ещё мгновение назад он видел её с миской в руках.

Овод помял шею. Он до безумия устал, поэтому вёл себя с Таней не слишком-то ласково. В её глазах плескалась обида, однако Овод ничего не мог с собой поделать. Вчера и вовсе огрызнулся на неё, когда она спрашивала, в чём дело. Или нет, просто промолчал? Всё смешалось в голове. Перед глазами до сих пор стояло то, как он пилил парню руку.

Овод пытался держать в кулаке всё и сразу, но в итоге не справлялся даже с самим собой, особенно рядом с женщиной, к которой он был неравнодушен, этим лишь всё быстрее отталкивая её от себя.

А какая, к лешему, разница, что она, глядя на него, видит другого? Уйти-то к нему она уже не уйдёт, как бы не жестоко звучала эта мысль в его усталой башке.

Овод не знал, что предложить ей в будущем или вовсе, как уберечь по дороге, когда из каждого куста на них огрызалось полчище бед.

А ещё печать Хвори на том сундуке. Сомнений не оставалось: он увёл грозовой узел прямо из-под носа Гра'Морна. Вернее, камень забрали Камышовые Коты. Но риск, что след приведёт к ним, всё равно оставался. Правда, преимущество у них было приличное: они успели уйти достаточно далеко от приюта. И всё же каждый день промедления бил тревогой в сердце очередным колом.

Овод провёл пятернёй по волосам у виска. Между лопатками вновь напомнила о себе боль, не отпускавшая его больше месяца после падения в драке с Векшей; мучение особенно усиливалось при подъёме тяжестей и резких поворотах корпуса. По крайней мере, перестала болеть лодыжка, и ему не приходилось больше хромать.

Надо было всё-таки разыскать Таню и заговорить с ней, наконец, по-человечески. Может… может, пока живы оба, стоит хоть на малый час отпустить поводья? Расслабиться, вдохнуть полной грудью этот горький, но всё ещё сладкий воздух жизни и просто порадоваться тому, что она ещё теплится в них обоих?

Глянув на свои грязные руки, Овод уныло крякнул.

С чего же начать разговор? С того, что волетворец Малого Круга может в любой миг душу отдать Истоку? Весёлая беседа, ничего не скажешь. От такой вести на лице Тани сразу расцветёт улыбка, безусловно. Или, может, про то, что от него самого разило, будто от немытого вепря, который неделю в камышах валялся? Хорош жених!

Овод наскоро, но тщательно умыл лицо и руки, пытаясь стереть с себя образ конокрада, только что ополоснувшегося в луже. Пригладил сальные волосы мокрой ладонью, торчавшие, как бурьян после ливня. Они поддались далеко не с первой попытки.

— Как я выгляжу? — зачем-то спросил Овод у алхимика, нарочито выпрямляясь.

Хонза в недоумении воззрился на него с завалинки, перестав жевать. В руке у него застыла краюха хлеба, щедро покрытая толстый слоем сала.

— Сойдёт, если издалека смотреть.

— Таню не видел?

Алхимик подозрительно помолчал, с натугой двигая челюстями и не спуская с Овода отрешённого взгляда.

— Векше понесла еду. И учитывая, как долго её нет, мой тебе совет поторопиться.

Овод скривился. В животе у него тотчас заскреблись чешуи отвращения.

Снова эта севрюжья кровь взялась донимать Таню. Надо было раньше с этим разобраться. Но Таня столь упрямо силилась показать свою самостоятельность, что Овод и поверил — справится сама. Уверен был, что выдюжит.

Не переоценил ли он её? Сообразительная она, это верно, да только и без того напуганная. Даже если шумом отпугнуть медведя, это ещё не значит, что он не вернётся и не разорит пасеки.

Овод вспомнил Танину трогательную рассеянность, с которой она иногда смотрела на мир. А ещё эта её безграничное терпение. Можно решить, она относилась снисходительно ко всему, даже к Векше. Сколько паскудств он ей не выказал, она всё равно при людях зачем-то пыталась его пожалеть. В первый раз не дала его убить. А в последний, вместо того чтобы выдать сочную тираду о том, какой Векша подонок (Овод так надеялся это услышать), Таня вдруг начала перечислять его потаённые достоинства. Умеет читать и писать, эка невидаль!

Стало быть, именно эта женская всепрощающая сущность и сыграла с ней злую шутку и продолжала играть до сих пор.

Овод вернулся в хлев, но Тани там не обнаружил. Ярмола сидел на прежнем месте, сгорбившись подле раненого.

— В чём дело? — устало поднял на него взгляд волетворец.

— Таню не видел?

Ярмола несколько ударов сердца осмыслял вопрос. Затем поднял палец и указал в дальний угол на низкую дощатую перегородку, сколоченную из грубых, неструганых досок. Она отделяла небольшой закуток, где, должно быть, держали ягнят или больную скотину.

— Там. Разве нет?

Овод двинулся в указанном направлении, расталкивая коленями снулые овечьи бока. Овцы фыркали и шарахались в стороны, шурша соломой и наполняя хлев кислым запахом шерсти и навоза.

Когда Овод приблизился и выглянул за перегородку, то увидел Таню.

Она сидела на плотном ворохе соломы, склонив голову. Её взгляд, полный откровенной нежности, блуждал по лицу Векши, спящего у неё на коленях. Кончиком пальца она осторожно вела по краю его уха, словно никогда прежде не видела человеческих ушей.

В ответ руки Векши тянулись к ней даже во сне. Он и впрямь спал мёртвым сном, прикрывая собой её колени и приникая щекой к низу живота.

Таня вскинула взгляд и, увидев Овода, изменилась в лице. Нежное, заворожённое выражение, какое могло бы принадлежать ему, но подло отнятое, мгновенно погасло, сменившись едкой виной, которую было не спрятать под ресницами.

И тотчас перед глазами Овода вместо неё возникла Таволга, в слезах срывающая с шеи бусы.

Таня качнулась вперёд, собираясь подняться, но вдруг взгляд её упал на Векшу, и она остановилась.

Овод зашагал прочь. Боль в ноге внезапно вернулась, но он не позволил себе захромать.

***

Таволга сдержанно чихнула, прикрыв губы платком.

— Будь ты проклят, Овод! — прошипела она. — Нельзя было подождать, пока дороги просохнут? Нет, разумеется. Тебе непременно нужно ехать именно по грязи. Да, всё верно. Это в твоём духе: действовать не из разумности, а наперекор ей. Я помню.

Вся её процессия тянулась по раскисшей дороге, волоча за собой поклажу. Рабы работали молча и безотказно: подавали еду, счищали грязь, стерегли груз. Наёмники же громко переговаривались, приводя в порядок оружие и предвкушая предстоящую плату серебром.

Таволга сидела на вынесенной к краю дороги скамье, где удалось найти относительно чистое место, и угрюмо наблюдала за Вель. Девочка бегала под открытым небом с безыскусной радостью, восторгаясь всему сразу: облакам, сырой земле, лесным запахам и даже пятну конского навоза, размазанному по носку её ботинка.

С позволения Таволги кто-то из наёмников обучал девочку ловить синиц и снегирей с помощью дубовых ягод, проваренных на костре до клейкой массы.

— А можно ещё одну, с красной грудкой? — спрашивала Вель. — Она громче пищит.

Таволга разложила на коленях записи и просматривала их без спешки. Город, оставшийся позади, — тот самый, который Один пытался удержать, — был, по её оценке, безвозвратно утрачен. Купленный Хозяином воевода взят под стражу. Впрочем, это уже не входило в круг забот Таволги: разбираться с последствиями будут другие.

Её задача оставалась прежней — не выпускать из виду Овода, пока тот, по своей привычке, носился окрест, как муха без головы.

Сокровищница альвов, подумать только. Сама мысль об этом звучала неправдоподобно. И тем досаднее было обстоятельство: Хворь нашла Таволгу уже после того, как она привела Овода в сокровищницу. Сведения самой Таволги об этом месте были лишь приблизительными. Проникнуть в сокровищницу без Хвори представлялось невозможным, разве что при наличии грозового узла.

Следовательно, Овод увёл у них из-под носа именно грозовой узел.

Удивительно лишь, что Векша до сих пор не сделал этого вывода. Впрочем, откуда ему знать про грозовые узлы? Столкнись полукровок с артефактом напрямую, едва ли сумел бы распознать его природу и назначение.

— Таволга! Таволга! — Вельмата подбежала, сжимая в руках пойманную синицу. — Смотри! Сейчас покажу, как отрываю…

— Стой.

Таволга подалась вперёд и коснулась руки девочки.

— Отпусти, Вель. Ты знаешь, я не выношу этого звука. Отпусти.

Вельмата недовольно сжала губы, явно собираясь возразить. Таволга на мгновение задержала на ней взгляд, ожидая упрямства, однако девочка, помедлив, всё же протянула ей птицу.

Таволга выпрямилась, осторожно разжала ладони и позволила синице слабо вспорхнуть и скрыться в небе. Они проводили её глазами.

— Видишь? Отпускать на волю птиц тоже весело. Ну, иди сюда. Иди, не делай такое личико, тебе это совсем не идёт. Становишься похожей на сморщенную клюковку. Ты не замёрзла? Где твои рукавицы? Сколько можно их терять, в самом деле!

Вельмата забралась к ней на колени и, обняв одной рукой, недовольно пробормотала, снова протягивая грязную руку ко рту.

— Мне скучно, я хочу в лес. Почему я не могу пойти играть в лес?

— Потому что нам надо ехать. О, могучие боги, Вель! Перестань грызть ногти! Сколько раз мне это ещё повторять?

***

Ступаю по неброской тропинке вдоль тихой речки. Кажется, местные называют её Лозинкой.

Слабое течение неторопливо подчиняется весне. Время от времени разносится протяжный треск сдающейся ледяной корки. В местах, где потоки сильнее, слышится поскрипывание и влажный хруст: льдины наползают друг на друга и с вкрадчивым шорохом ломаются.

Напеваю себе под нос, пытаясь хоть как-то скрасить прогулку без наушников. Скоморохи, готовясь к вечернему представлению, напевали эту песню полдня. Навязчивый, въедливый мотив никак не выходит из головы.

— … не познав, мы не вспомним! — с нарочитой напыщенностью передразниваю скоморохов, примеряя на себя чужую роль, чтобы хоть ненадолго отвлечься от собственной жизни. — Того не боюсь — на что мне прозрение, если будешь ты рядом со мной? Вновь заре отдаюсь, к небесам обращая смирение! Тьфу ты.

По левую руку в густых зарослях высокого жёлто-серого камыша и ивняка шелестит ветер. По правую: воздымаются ветвистые раскидистые тополя вперемешку со старыми плакучими ивами; их длинные, гибкие ветви, усеянные серебристыми почками, свисают до самой поверхности реки.

Насколько я могу судить по картам, мы движемся на северо-запад — из глубины континента к побережью, омываемому тёплым океаническим течением. Неудивительно, что зима всё заметнее уступает позиции. Когда же, наконец, грянут долгожданные тропики?

— Я тебя отпускаю в эту дивную, как-то там ночь…

Раздаётся карканье вороны. На земле ясно видны свежие следы: крупные, с чёткими отпечатками копыт. Хочется думать, что их оставили всего лишь местные козы или овцы.

Всё дальше удаляюсь от селения, оставляя позади дым костров, лай собак и того несчастного паренька, которого спас Векша. Полдня бедолага метался от боли. На фоне этого скорбного фрагмента скоморохи готовились к очередному представлению.

К их чести, скоморохи всё же решили сменить репертуар, сочтя, что людям довольно ужасов и следует предложить историю о любви. Впрочем, и этот выбор казался мне весьма сомнительным. Но, во всяком случае, он выглядел предпочтительнее тех мрачных зрелищ, к которым они обычно прибегали.

Скоморохи готовили сказание о Верности Кипариса, восходящее к эпохе Раздора: времени, когда на этих землях вместо единого Ирийского княжества существовало множество разобщённых и враждующих племён.

Пожилой воевода взял в жёны юную Мору — редкой красоты девушку, скрывавшую своё владение вражбой. На свадебном пиру внимание Моры привлёк Кипарис — сильнейший и самый преданный воин дружины. В миг, когда его разум затуманила страсть, Мора чарами подчинила его своей воле и велела помочь ей бежать, не желая оставаться женой старого воеводы.

Кипарис разрывался между долгом и чувством, но страсть и колдовство взяли верх. Скитаясь по глухим лесам и болотам вместе с подчинившей его вражбиткой, он всё меньше понимал, где его собственная воля, а где — навязанное наваждение.

В конце концов, воевода с отрядом настиг беглецов. Кипарис мог убить Мору и вернуться с повинной, но, когда воевода занёс оружие, Кипарис выбрал защитить её ценой собственной жизни. Первый удар пронзил его грудь. Кипарис опустился на колени, глядя на Мору с безрассудной преданностью. Та бросилась к нему, обняла, поцеловала, и тут же была поражена вторым ударом.

Все погибли. Своего рода «счастливый финал». Однако трудно говорить о верности там, где всем заправляли лишь похоть и колдовство. Так что история весьма сомнительная. Я бы сказала, на твёрдую троечку.

Замедляю шаг, поднимая руку к шее. Горло снова сдавливает знакомым волнением.

Взгляд Овода — нет, взгляд Ильи, сплетённый с образом вражбита и всем прочим, — до сих пор пронизывает меня под ключицей, словно застрявшая спица: чувствуется постоянно, а вытащить невозможно.

Мне правда казалось, что вопрос недоразумений между нами исчерпан. Но вдруг ни с того ни с сего вражбит эволюционировал в колючий кактус. Да не просто колючий, а откровенно токсичный.

На его фоне Векша теперь выглядит просто сущим ангелочком.

— Не поможешь мне штырь вставить в арбалет? Не могу сама до конца вогнать, — решила привлечь Овода неуклюжей попыткой к разговору я сегодня утром.

— Попроси-ка лучше своего Векшу. Пусть он и вставляет.

Сказал это в лоб, даже не сменив враждебного выражения, так что без объяснений стало ясно, к чему он клонит. Ещё и выдержал на мне взгляд, ничуть не смягчившись, решив, что имеет полное право говорить со мной таким тоном.

Овод успел основательно зарасти бородой, и от этого его сходство с Ильёй исчезло подчистую.

Сначала после слов вражбита мне захотелось пустить скупую слезу. Но на место растерянности поспешно явилась ответная злость. Мышцы моего лица свело гневом, и я даже не поморщилась.

— Как скажешь. Векша так Векша.

Бросив это и, нарочно замедлив шаг, я ушла со стонущей гордостью, не обернувшись, даже когда позади Овод хлестнул по столбу поводьями.

И вот сжимаю кулаки.

Меня занесло в какую-то глухую тайгу, где шансы выжить ниже нуля. Я едва не стала добычей трёхглавого ящера и целой стаи упырей. Видела, как человеку отпиливают руку. И, чёрт возьми, вынуждена мыться какой-то дрянью вместо нормального шампуня. И эта лишь часть того, что обрушилось на меня за каких-то полтора месяца. А ведь это ещё клещи не проснулись!

Так что какое право Овод имеет срываться на мне из-за того, что не ладит с Векшей? У нас свобода выбора, между прочим. С кем хочу, с тем и разговариваю. Раз Овод вечно такой занятой, я ему мешать не собираюсь.

Настороженно замираю. На стволе огромной старой вербы, скорбно склонившейся над тёмной водой Лозинки, что-то шевелится.

Да и сама верба, если это вообще верба, выглядит устрашающе. Толстый, корявый ствол, иссечённый глубокими трещинами и бороздами, уходит к реке под крутым углом, с трудом удерживая равновесие. Нижние раскидистые ветви выглядят мощными, некоторые горизонтально вытягиваются над течением, увешанные длинными, свисающими космами тонких прутьев.

И на этом наклонённом стволе, высоко над водой, что-то пугающе движется. Нечисть или зверь — не так уж важно. Если это «нечто» сейчас сорвётся вниз, мне точно не поздоровится.

Руки сами тянутся к арбалету, но вдруг узнаю Векшу.

Он лежит на спине, над самой водой. Одна нога его свешена вниз, рука безвольно вытянута вдоль тела. Голова повёрнута в мою сторону.

Его глаза — человеческие, не альва, — отрешённо смотрят на меня сквозь свисающие ветви.

— Так старательно меня гнала, чтобы потом самой за мной бегать?

— Напугал! Ты чего там делаешь?

— Тот парень орёт без умолку, скоморохи скачут и воют, как на ярмарке. С ума можно сойти. Не стоило мне его спасать. Гораздо милосерднее было бы дать ему умереть той ночью.

Подхожу ближе, бдительно ступая по бурой прошлогодней траве у самого подножия вербы.

Векша по-прежнему лежит на спине, безучастный ко всему; одной рукой он прижимает к груди бурдюк из потемневшей кожи, точно любимую плюшевую игрушку.

— Будешь? — предлагает Векша, не меняя позы.

Перевожу взгляд с бурдюка на него.

— Что это?

— Буерашник.

— Чего-чего?

— Местное чудо-пойло. От него либо от всего исцеляешься, либо сразу к праотцам.

Колеблюсь недолго.

— Ну давай, — протягиваю руку.

Но Векша даже не шевелится, бросает лишь:

— Исцеление только для тех, кто наверху.

От такой наглости теряю дар речи. Просто стою, недовольно уставившись на него снизу вверх.

— Я взрослый человек, и не собираюсь лазить по деревьям за выпивкой.

Векша пожимает плечами и отворачивается, устремляя взгляд куда-то вверх по течению.

— Как хочешь.

Уже собираюсь развернуться и уйти, как он вдруг добавляет:

— Когда пойдёшь обратно, смотри в оба. Тут вроде кабаны где-то рядом рылись.

— Каба… что?! — озираюсь по сторонам.

Вспоминаю увиденные следы: крупные, с глубокими отпечатками копыт.

— А ты когда назад? — спрашиваю с явным намёком.

— Понятия не имею, — отвечает всё так же равнодушно.

— Как же вы мне все тут надоели…

Оставляю арбалет у подножья и с видом человека, знающего, что он делает, начинаю карабкаться по стволу.

Очень быстро выясняется, что это, мягко говоря, не моя сильная сторона.

Векша флегматично приподнимается и молча наблюдает за моим триумфом грации. В его взгляде пробуждается интерес. Наверное, он и впрямь не ожидал, что я рискну полезть за выпивкой, и уж тем более, что это будет настолько зрелищно.

— Подсобить?

— Я сама.

Когда я упрямо, с десятой попытки, наконец переваливаюсь на исполинскую ветку, сердце истошно ухает вниз вместе с шапкой. Впиваюсь в мокрую, шершавую кору до ломоты в ногтях. Ноги предательски дрожат, колени упираются в ветку. Ещё и джинсы ободрала, а ведь только их постирала! Обидно и стыдно. Руки тоже трясутся, ладони в кровь. Выше уже не взберусь.

И тогда Векша с раздражающей — если не сказать пугающей, — ловкостью спускается ниже. Одним плавным движением он перемахивает через ветку и внезапно оказывается прямо напротив меня, в небольшой естественной ложбинке между стволом и толстой горизонтальной ветвью.

Теперь мы сидим вплотную. Чувствую тепло его ноги сквозь джинсы. Невольно подаюсь назад.

Вот уж прекрасно. О путях отступления я, разумеется, не подумала. Разве что вниз головой.

Векша сверлит меня взглядом, будто испытывает на прочность, пока я досадливо поглаживаю ободранные на бедре джинсы.

— Договор, — он протягивает бурдюк.

Его колено упрямо трётся о моё, и от этой близости по спине пробегает тёплая щекочущая дрожь. В голове ворочается усталая мысль: «Всё-таки всегда есть возможность сделать хуже…».

Делаю жадный глоток. Мерзкое пойло обжигает горло, но тут до меня доходит странная деталь: бурдюк полный. Совсем нетронутый. Напиток же на вкус горьковато-дымный, с терпкой щепоткой можжевельника и чего-то ещё, немного вяжущего.

С подозрением кошусь на Векшу.

— Так ты не пил?

— Ждал захода солнца, — он слегка подаётся вперёд, но в последний момент резко откидывается назад.

Его колено всё настойчивее касается моего, но я не отстраняюсь. Векша, впрочем, тоже не делает ни малейшей попытки отодвинуться.

— Подожди. Как эрхва для тебя воняет, так фу, а как напиться чего покрепче — ладно? Разве оно, ну… тебе не сожжёт нюх?

Векша одной рукой скребёт кору ствола рядом с собой. Брови его слегка сдвинуты, глаза смотрят в сторону.

— Сожжёт. Но в этот раз я сам выберу ничего не чувствовать. Разница есть.

— Ты ещё и алкоголик…

— Чего?

— Неважно. Мысли вслух.

Чтобы хоть как-то отсрочить ненастье, отпиваю ещё и провозглашаю:

— Неплохое местечко.

Векша обводит взглядом кривые ветви вербы и тёмную воду внизу. На его лице читается полное отсутствие восторга.

— Да уж, тебя действительно несложно впечатлить, — сухо резюмирует он, потирая шею.

Поднимаю руки и складываю пальцы в рамку, будто собираюсь сделать снимок. Навожу её на пейзаж.

— Красота в глазах смотрящего, — протестую.

Перевожу пальцы на Векшу. Пока мы смотрим друг на друга сквозь эту нелепую рамку, тоскливо пытаюсь понять, что именно в ней вижу.

Векша. Не красавец в классическом смысле, однако весьма фотогеничен, стоит отдать ему должное. Рыжевато-каштановые волосы до плеч по привычке зачёсаны назад, из-за чего открываются мочки ушей; они у него чудаковатые, будто их и нет вовсе.

Зелёные глаза, напоминающие сейчас болотную трясину, с крошечным карим пятнышком у самого зрачка красивые — тут не слукавишь. Если бы не вечно напряжённое выражение лица (словно у него непрекращающийся заворот кишок), Векша выглядел бы куда привлекательнее.

Взгляд мой цепляется за детали, перескакивая с одной на другую. Память услужливо дорисовывает остальное: плоский живот, руки с выраженными венами, длинные ноги и непропорционально крупные ступни. Щиколотки у Векши очень узкие, из-за этого сочетание со ступнями выглядит немного комично. Про ногти на ногах я вообще молчу: он их не стрижёт либо из принципа, либо отращивает себе полноценные сабли.

Посмеиваюсь, представляя, как его воображаемому врагу прилетает пяткой в голень. Педикюрный ассасин!

Моя усмешка невольно задевает Векшу: он резко отводит взгляд, пытается расслабить напряжённые плечи, однако вместо этого лишь замирает в скованной, угрюмой позе.

Передумываю говорить вслух, что его кривой прикус кажется мне милым — вряд ли он воспримет это как комплимент.

Опускаю руки и продолжаю:

— Напоминает место, куда мы с семьёй ездили летом, когда я была маленькой, — делаю ещё глоток. — Мы с сестрой носились по берегу, пугали уток, пока родители делали шашлыки. Меня там заяц однажды напугал сильно, когда выскочил из кустов. Но тут, как я вижу, у вас водятся звери пострашнее… зайцев.

Последние слова с трудом разжёвываю, блуждая взглядом перед собой. На языке расползается сомнительно приятное, дурманящее послевкусие, уверенно захватывающее горло. Мысли коварно комкаются.

Пойло и правда оказалось чертовски крепким, как ракетное топливо. Того гляди, начну падать, а по ошибке взлечу.

— У тебя есть сестра? — недоумевает Векша, будто это какая-то новость, которую стоило сообщить заранее. — Ты не говорила.

— А ты и не спрашивал. Слушай, повтори-ка. Чего это я пью? Хуерашник?

— Я тебя предупреждал, что это крепкая отрава. Но все мои слова ты в одно ухо впускаешь, в другое выпускаешь. Сама виновата, что тебя так размазало.

Голос Векши полон затаённого недовольства, однако в нём сквозит непривычная усталость и отрешённость, словно лишь часть его остаётся рядом со мной на дереве, тогда как другая уже унесена куда-то далеко, в собственный, отдалённый край.

— Кого размазало? Меня? Вообще нет! — прислоняю к пылающему лицу тыльную сторону ладони, тщась остудить кожу. — Просто… просто состав решила уточнить.

— То-то тебя, как порожнюю тележку, шатает. Дай сюда.

Векша протягивает руку, но я ревностно прижимаю бурдюк к груди.

— Нет. А то напьёшься, свалишься со своей трубы и умрёшь, вредное ты Чучело-Мяучило. И мне снова будет грустно. А мне и так всё время грустно.

— Отдавай бурдюк, жалельщица.

— Нет! — надеваю через голову ремень с бурдюком.

— Дай, сказал. Со мной бы лучше миловалась, чем с этой кожаной кишкой.

Демонстративно делаю ещё пару глотков и вдруг слегка давлюсь. Кашляю, расплескав пойло на губы и подбородок. Поспешно вытираю лицо тыльной стороной ладони, второй рукой торопливо затыкая бурдюк пробкой на шнурке.

Векша тянется его отобрать, но я откидываюсь назад, затылком ложась на уходящую вверх толстую ветку. Мир покачивается, словно я плыву в лодке. Ловлю вниманием сухие ветви ивы, но эти маленькие тёмные чёрточки не даются, всё настойчивей кружась в лёгком ветре. Небо над нами бледно-голубое, белёсое от ранневесеннего солнца, и на нём — луна. Полная, огромная, призрачно-белая, будто кто-то вырезал её из тонкого льда и повесил прямо над рекой среди дня. Поэтому она кажется ненастоящей.

Тяну руку вверх. Хочется поймать её, но всё кружится, мешая мне это сделать: ветки, облака, собственное дыхание. Но я тянусь, тянусь…

Успеваю подумать, что если этот мир, и эта луна — отражение мира настоящего, его возведённая в апогей форма, стало быть, я нашла, что искала, но потеряла всё остальное.

И вот уже кончики пальцев почти касаются сияющего края, когда в поле зрения вплывает чужая рука. Сухая тёплая ладонь Векши ложится на мою, переплетает пальцы.

Опускаю взгляд.

Векша привстаёт, нависая надо мной и опираясь свободной рукой о ветку у моего плеча. Волосы падают ему на лицо, скрывая глаза. Теперь он так близко, что я различаю каждую трещинку на его обветренных губах и едва заметный шрам на челюсти.

Мир раскручивается, как старая карусель с ржавым скрипом. От этого кружения под рёбрами становится невыносимо тесно. Шевелю рукой, не понимая сама, чего хочу: оттолкнуть его локтем или, наоборот, закинуть руку ему на плечо, притягивая ближе.

Векша спокойно перехватывает мою кисть и с какой-то затаённой строгостью заводит её в сторону. Его зубы влажно впиваются мне в ладонь, возле кисти. Горячие, чуть шершавые от ветра губы испытывающе касаются кожи. Взгляд Векша при этом не отводит.

— Ай… — тихо морщусь, не понимая, что он пытается сделать.

Векша разжимает зубы, отпускает мою кисть. Всё ещё упираясь одной рукой в дерево над моей головой, держа равновесие, другой он обхватывает меня за затылок; пальцы зарываются в волосы у корней, не больно, но крепко, не оставляя возможности отвернуться.

— Пить ты ни хрена не умеешь. Нализалась и полезла к тому сукиному сыну. До сих пор руки чешутся тебя хорошенько выпороть.

Его пальцы на моём затылке ослабевают; большой палец скользит по краю моего уха и спускается по шее.

— Начнёшь снова вешать на шею другому, как есть удавлю, будь ты хоть трижды пьяная.

Ладонь касается моего виска, скользит выше, ложится на лоб, точно подчиняя и переписывая в голове мысли.

— И на договорённости Галлу-Дар мне станет уже глубоко наплевать. Я ясно выражаюсь?

Мир тонет; свет в повлажневших глазах ломается, словно под водой, и лишь образ Векши остаётся отчётливым в этом расплывающейся глубине. Бледная луна за его плечом, солнечные блики на реке, сухие ветви ивы — всё меркнет, превращаясь в зыбкий, неясный фон. Остаётся только Векша и запах его тела.

Всегда ли его кожа пахла тёплым деревом и солью, к которой невольно тянет прикоснуться губами? Или это хмель довёл ощущения до болезненной остроты, исказив запахи, заставляя меня чувствовать то, чего прежде не было?

Раньше я не позволяла себе об этом думать. Теперь же кожа у него под скулой — где кончается щетина и начинается мягкая впадина, — притягивает нестерпимо. Хочется коснуться её губами, вдохнуть глубже, чтобы запах заполнил меня целиком, не оставив внутри ничего прежнего.

И внезапно я осознаю.

Он всегда пах именно так.

Наверное, поэтому я так часто старалась его отогнать, лишь бы не позволить себе почувствовать это слишком ясно.

Страх смешивается с пьяным, тягучим желанием. Знаю: нужно отстраниться. Сказать что-нибудь привычно язвительное, разрезать связь, пока он не зашёл слишком далеко.

В последней попытке сдержаться, закрываю глаза. Спрятаться в прошлом, отгородиться, вспомнить, почему нельзя. Почему это неправильно. Почему же?..

Большой палец его касается моей нижней губы, слегка её приоткрывая. Чувствую, как Векша подаётся вперёд, наваливаясь всем телом и теснее прижимая меня к ветви. Его колени разводят мои, удерживая на месте.

Жду, что его вкус вспыхнет у меня на губах и его дыхание смешается с моим. Но вместо этого Векша только склоняет голову, и его горячие, жёсткие зубы неожиданно смыкаются у меня на шее, под самым ухом.

Вздрагиваю; из горла невольно вырывается короткий, возмущённый стон. Несколько долгих секунд Векша удерживает кожу зубами, а затем медленно проводит языком по оставленному следу, успокаивая пульсирующую боль.

После этого Векша отстраняется ровно настолько, чтобы взглянуть мне в лицо.

С трудом дышу; щёки пылают, губы приоткрыты в немом, хмельном ожидании. Пальцы мои зарываются Векше в волосы, испытывающе, и в то же время с отчаянной, просящей слабостью. Тянусь к нему, но Векша вдруг отстраняется и смотрит на меня сверху вниз с непривычной властной требовательностью во взгляде.

Вцепляюсь пальцами в его одежду, боясь, что сейчас он уйдёт.

Его ладонь вновь ложится мне на лоб, кончики пальцев зарываются в волосы на лбу.

— Ты хоть и пьяная вусмерть, а всё одно. Если сорвусь, возьму тебя на этой сырой ветке, до полного нравственного падения без стыда и совести. Поэтому давай просто посидим рядом,

жалельщица. Я и так из себя жилы тяну, строю из себя невесть кого. Геройствую, мать его, из последних сил. Уважь хоть это моё старание.

Нехотя киваю. Могучая квинтэссенция манер, отсутствовавшая у него всё это время, решила выстрелить именно сейчас. Что ж, подло, но выводы я сделала.

Горестно вздыхаю и прячу лицо в сгибе локтя, не давая ему так открыто наслаждаться моим стыдом и жгучей, унизительной совестливостью.

— Пересохла речка, обвалился мост, — бормочу. — Умерла овечка, отвалился хвост…

Криво усмехаюсь и дремотно переворачиваюсь на бок, скатываясь с ветки. Не открывая глаз, позволяю телу нырнуть в пустоту, зная, что Векша всё равно поймает. А если нет… не слишком-то и хотелось.

Эпизод 29. По следу

Даже при том, что Векшу кормили как на убой, он упрямо продолжал воровать еду с кухни и запасать её впрок. Привычку, въевшуюся ещё в голодные времена, оказалось не так-то просто вытравить. Куски он прятал всюду: совал за пазуху, в голенища сапог, под подкладку кафтана или в шапку. Потом упрямо распихивал добычу между пыльными балками или по тесным лазам, куда взрослому человеку было не пролезть.

Векше исполнилось одиннадцать лет, и он не верил, что сытая жизнь, дарованная Хозяином, подобравшим его с улицы, могла длиться вечно.

Поначалу Векша решил, что Хозяин попросту спутал его с каким-нибудь другим мальчиком. Но когда господин впервые велел ему обратиться, безрадостно понял: ошибки не было. Векша испугался, что Хозяин посадит его в клетку, подобно ярмарочной рыси, в которую зеваки тыкали палками сквозь прутья. Однако вместо этого Хозяин выдал Вешке чистую одежду и отвёл угол в собственном доме.

Векша этого не понимал. Но его так сытно кормили и не били, что от растерянности он перестал соображать вовсе.

— Векша, значит, — испытывая имя, говорил Хозяин, наблюдая, как Векша, урча от жадности, обгладывал рябчика; глаза у господина были разного цвета и глядели с чёрствой придирчивостью опытного скупщика, пробующего сырьё. — Кто же присвоил тебе это имя?

— Деда Лют, — отвечал Векша, не в силах совладать с голодом.

Векша страшился есть при Хозяине, но тело не слушалось: само хватало и жадно рвало мясо с костей.

— Хороший он был. Когда от лихоманки помер, я один в избе остался. Да только недолго. Пришли соседи и родичи дальние. Всё подчистую прибрали. Мне сказали: «Ты кто таков? А ну, ступай отседова!».

Векша помолчал, пережёвывая мясо и с тоскливой ясностью вспоминая свою недолгую жизнь у Деда Люта. Счастливое всё-таки было время.

После истории с Беляной Векша сбежал из города. По счастью, стояло лето, и лес ещё позволял охотиться и кое-как выживать. К холодам слепой Лют пустил Векшу к себе. Жаль только, старик помер той же зимой, и Векше пришлось вернуться в город, где оставалась возможность рыться в объедках да греться на чужих крышах.

— Поэтому ты устроил пожар, — произнёс Хозяин, но не как вопрос, а как утверждение.

Векша похолодел. Откуда господину было знать, что он поджёг гумно и сбежал?

— Деда Лют мне ещё перед смертью велел так сделать. Он их всех терпеть не мог — знал, что после его смерти придут дом грабить. А с ворами только так и надо, говорил. Мне такое не по душе, но Лют бы порадовался. Вы меня за такое убивать станете?

Хозяин опёрся скулой о согнутую в локте руку, лежавшую на подлокотнике кресла. В уголке губ его затеплилась снисходительная усмешка.

— Ешь, за такое не стану. По душе ли тебе это имя?

— По душе, господин. Хорошее имя. И моё оно. Другому не отдам.

Измученный ожиданием неизбежного конца, Векша тянулся к тёмным и тесным местам, где мог свернуться клубком и заснуть, как привык за годы улицы. Иногда по ночам Векша выбирался во двор и бесшумно бродил под звёздами, проверяя свои тайники и подолгу заглядываясь на луну.

За это его недолюбливал Кривоног — немой дворовой мастер, напоминающий брылястого короткошёрстного пса. В то же время сам Векша не мог ненавидеть Кривонога по-настоящему. Тот оставался единственным, кто обращался с Векшей так, как он привык: зло и жестоко, как с бесполезным отбросом.

В тот день Векша, играючи обставив стражу, забрался под крышу главного зала и уселся жадно поедать пряники, стащенные с кухни. Незадолго до этого Кривоног снова замахнулся на Векшу кнутом, однако тот неожиданно для самого себя не испугался, а лишь нагло расхохотался толстяку в лицо, скорчив при этом глумливую рожу. Так что теперь, затаившись среди полумрака, пыли и старой паутины, Векша тихонько посмеивался, глядя сверху на расписные щиты и тканые полотнища с символами рода Гра'Морна, развешанные по стенам.

Когда в зале появились люди, Векша узнал Хозяина, поэтому быстро прижался животом к балке и перестал жевать.

Хозяин вполголоса переговорил с доверенным приказчиком. Затем стража вывела преступника — одного из важных подручных, тайно сбывавшего хозяйский товар. О том, что подручный был «важным», Векша догадался по его чистой одежде и дорогим сапогам.

Восседая в тяжёлом кресле на постаменте, Хозяин невозмутимо выслушал сперва доносчика, затем самого виновного, который, рыдая и умоляя о пощаде, валялся у его ног. В итоге Хозяин отдал короткий приказ. Значения слов Векша не понял, однако по тому ужасу, что исказил лицо вора, догадался: наказание ему предстояло крайне жестокое.

Хозяин отослал прочь личных слуг и телохранителей, велев оставить его в уединении. Именно это неизменное присутствие толпы рядом и превращало господина Гра'Морну в глазах Векши из простого человека в стихию, способную притягивать и удерживать возле себя других.

Когда двери зала с глухим стуком сомкнулись, стало тихо, как в склепе. Хозяин подпёр голову рукой, глядя в пустоту перед собой.

— Спускайся.

Векшу едва не вырвало. Кривоног донёс, сомнений нет! За все кражи, за пряники, за сало, которое он прятал в сапогах! Хозяин станет его жестоко судить. В лучшем случае ожидать ему стоило кнута.

— На будущее запомни: дважды я не повторяю.

Хозяин возвёл взгляд, и Векшу пронзило им насквозь, точно раскалённым шилом, вогнанным в лоб. Векша готов был поклясться, что никогда прежде не испытывал подобной жути. Даже когда стоял перед виселицей и смотрел, как качаются в петлях тела с чёрными, изъеденными воронами глазницами.

Векша пополз по балке. Добравшись до края, неуклюже съехал по толстому столбу. Последние два аршина дались ему не по силам: он сорвался и громко плюхнулся на четвереньки прямо перед креслом.

— Господин Гра'Морна! Я больше не буду! Я всё отработаю!

Он ждал удара, который должен был решить его судьбу.

— Встань, — отчуждённо велел Хозяин.

Векша поднялся и торопливо вытер мокрое лицо рукавом. Хозяин покинул кресло и, сцепив руки за спиной, строго направился прочь.

— Следуй за мной.

Они миновали лабиринт коридоров и спустились по крутой лестнице в подземелье. Здесь царил жуткий холод, и Векша невольно обхватил себя руками. В воздухе густел запах сырой земли, старого прелого дерева и железа. Вдоль стен неподвижно высились слуги, кажущиеся Векше мертвецами, поставленными сторожить владения господина ещё при жизни. Проходя мимо них, Векша всё сильнее ковырял свои ногти от волнения.

Хозяин остановился перед огромной дверью, окованной железом. Снял тонкую перчатку и провёл пальцем по витиеватому замку, чертя на металле вражбицкий знак.

Векша сглотнул. Ему до сих пор не верилось, что его новый владыка — настоящий вражбит! Один из тех, о ком прежде Векша слышал лишь в страшных сказках, от которых волосы вставали дыбом. Стало быть, теперь он сам оказался внутри такой сказки? Но в роли кого?..

Под пальцами Хозяина вспыхнули сине-зелёные искры, на мгновение озарив поверхность. Дверь с глухим скрипом отворилась. Векша робко приподнял за медную ручку подсвечник. В дрожащем свете вдоль стен проступили кованые сундуки; на полках лежали связки мехов, серебряные слитки, драгоценные чаши и оружие. От увиденного у Векши глаза полезли на лоб.

Хозяин прочертил следующий вражбицкий знак, и Векша ахнул: тотчас по стенам, в трещинах кладки, стал распространяться свет. Пульсируя, он расползался по камню паутиной светящихся жил. Сокровищницу залило злым жёлто-зелёным свечением, и Векша заметил, что каменные плиты под ногами оплетены мясистыми стеблями.

Пока Векша, разинув рот, озирался по сторонам, Хозяин устремил взгляд в дальний угол, где у стены возвышался диковинный предмет, плотно замотанный богатой цветной тканью.

— Открой.

Векша с опаской приблизился. Поставил подсвечник на ближайшую полку, заставляя тени плясать на стенах. Трясущимися руками потянул за край ткани.

В пульсирующем свете на Векшу уставился чужой мальчик. Болезненно худой, с глазами, похожими на два зелёных мелких яблока, что он воровал в саду у деда Люта. Из-за коротко отстриженных волос уши мальчишки открыто торчали вверх, придавая сходство с пугливым зверьком. Мальчик был облачён в дорогую тёмно-бардовую рубаху и кафтан, расшитый серебром. Подобный наряд Хозяин велел приготовить для Векши несколькими днями ранее.

Векша поднял руку. Мальчик в зеркале тотчас повторил его движение. Тогда Векша осторожно коснулся пальцами собственной щеки, и отражение безмолвно сделало то же самое.

— Это… я? — ахнул Векша.

Разве такое было возможным? Грязный, оборванный зверёныш, который годами дрался с собаками за обглоданную кость и спал в тёплых навозных кучах, не мог выглядеть таким образом!

Векша сделал шаг и робко коснулся пальцем холодной серебряной поверхности.

— Что это?.. — по щеке его скатилась слеза, и Векша провёл пальцем вслед за нею.

— Зеркало из Соларии, — Хозяин встал у него за спиной. — Оно изготовлено из чистого серебра, добытого в горах за Эрильским морем. Такие зеркала держат в храмах Эрид-Кур, Солнца Мёртвых. Жрецы их верят, что они показывают человеку не одно лишь лицо, но и то, кем он способен стать.

В серебряной глубине отразились двое: высокий дворянин и худой мальчик, и между ними на одно короткое, удивительное мгновение прорезалось сходство. Тот же резкий изгиб бровей, чёткая линия скул и контур глаз.

Векша потупил взгляд, страшась, что Хозяин прочтёт в его голове эту дерзкую мысль. Отступил, желая исчезнуть из отражения.

Но Хозяин произнёс:

— Обратись.

Векша втянул голову в плечи.

— Я… я не могу.

По одному лишь взгляду Гра'Морна Векша понял — вернее, вспомнил, — что господин не терпел, когда ему приходилось повторять приказ дважды.

Векша мелко затрясся. Бежать было некуда.

— Я буду послушным, буду делать всё, только не… — он снова уставился в серебряное зеркало. Из холодной глубины на него смотрело беспомощное отражение.

— Если ты не станешь мне повиноваться, я от тебя избавлюсь.

Отражение начало меняться. Зрачки затопила вязкая чернота; нечто живое и отвратительное ползло, проникая под веки. Кожа на руках натянулась и пошла тонкими красными трещинами. Из пальцев с сухим хрустом проклюнулись длинные жёлто-чёрные когти.

Векша впервые понял своё истинное обличье, и от увиденного вскричал и горестно ринулся прочь, но Хозяин намертво стиснул худое плечо. Второй рукой он жёстко схватил Векшу за подбородок.

— Не отводи взгляда. Трусости в тебе я не потерплю. Она делает оружие бесполезным.

Векша заставил себя открыть глаза и тотчас испытал мучительное облегчение: слёзы застилали взгляд, превращая всё вокруг в расплывающиеся тени, так что собственного отражения он различить не мог. И всё же в сознании молотком стучала одна-единственная мысль: сейчас ему без усилия свернут шею.

Хозяин разжал хватку и, гораздо слабей, опустил ладони Векше на плечи.

— Время, отпущенное на твоё становление, безвозвратно упущено, однако в тебе всё ещё таятся немалые задатки.

Часто дыша, Векша глядел в расплывающееся отражение. Оно затягивало его в себя, стремясь увлечь в бездонную пустоту лжи, где правдой становилось невозможное. И ему настойчиво блазнилось, что сквозь мутную зыбь зеркальной поверхности он различал очертания того, кем ему предстояло стать.

И увиденное Векше совсем не нравилось.

— С завтрашнего дня начнётся твоё обучение. Я дам тебе возможность выковать из себя оружие, достойное моего собрания.

***

Хонза плёлся последним, опираясь на грубо выструганную палку, как на дорожный посох. За спиной на ремне покачивался самопал в кожаном чехле.

След, по которому они шли, уходил через овраг к оставленной мельнице. След Богши, иначе говоря — упыря, повадившегося вылезать из земли и тревожить честной народ почём зря. Неприятность, однако.

Перед тем как наложить на себя руки, Богша в пьяном угаре зарезал младшего брата. Потому-то над ним и не совершили положенного обряда: не окурили очищающими травами, не обмыли освящёнными настоями, не сделали ничего из того, что полагалось для усмирения хвори, способной обратить мертвеца в ходячее бедствие.

Первым маршировал насупленный Овод. Вражбит нарочно держался впереди, ища случая встретить опасность лицом к лицу. Он с самого начала хотел идти один. Это было очевидно. Дурное бешенство требовало выхода; Оводу хотелось не столько обезвредить упыря, сколько что-то доказать самому себе. Именно поэтому Хонза и решил составить вражбиту компанию. Но тут неожиданно вмешалась Таня, упросившая Векшу пойти с ними.

Векша, хотя и встретил просьбу девушки с откровенным неудовольствием, по какой-то причине всё же согласился, но теперь плёлся позади Овода, громко сморкаясь, харкая и огрызаясь на всё подряд. Сегодня Векшу, по-видимому, меньше всего занимало желание выглядеть опрятным героем.

Овод остановился и присел, вчитываясь в свежие следы.

— Где-то поблизости. Не лезьте, управлюсь сам.

Векша смастерил недовольную мину, постукивая черенком лопаты по плечу.

— Ползи, раз так не терпится сдохнуть одному. Только учти, косточки твои собирать не будем.

Овод выпрямился, устремляя на полукровка кладбищенский взгляд из-под старого кольчужного капюшона. Плечи вражбита сгорбились, пальцы стиснулись на рукояти топора, висевшего на широком кожаном поясе. Левую руку с деревянным малым щитом, обтянутым воловьей кожей, Овод держал отведённой в сторону.

— И не придётся.

— Нет чтобы спасибо сказать, — Векша почесал подбородок. — А я ж, почитай, щедрый, твою паршивую жопу прикрываю, как свою.

Полукровок успел снять короткий кожух и теперь нёс его в узле, щеголяя по лесу в изношенном кафтане.

— Ты на кой ляд за нами увязался? — окрысился Овод. — Чтобы всю дорогу скулить?

— Уж больно жалобно просили за тебя заступиться перед упырём. Женщине со стороны виднее, когда мужик в деле полный бездарь.

Хонза провёл ладонью по лицу, предчувствуя конфликт.

— Слушай сюда, убогое ты отродье, — Овод опасно прищурился. — Будешь мешать — зашибу на месте. Миру одолжение сделаю. Одной бесплодной гнилью меньше.

Векша дёрнул головой, словно пытаясь стряхнуть с себя невидимую паутину.

— Тогда кто ты, если я, такой пропащий, у тебя из-под носа сладкие титьки увёл? Это ж надо так уметь: быть вылитой копией её женишка и всё равно оставаться с голым хуем в руке! Талантище.

Овод сорвал котомку, извлёк небольшой свёрток и, не сказав ни слова, бросил его к ногам Векши. Свёрток с грозовым узлом плюхнулся в грязь.

— Добыча, к которой ты подбирался. На которую хотел выменять пленницу. Хватит подзуживать против меня девушку. Думал, я не раскушу, что это ты её подговорил, чтоб она спрашивала оставить ей эту штуку? Что ты ей там наобещал? Или вы с самого начала были заодно? Впрочем, теперь всё едино. Больше я никого никуда не поведу. Ни в какую сокровищницу. Мне следовало уйти одному ещё в самом начале. Рискни, если кишка не тонка, и попробуй отнять это силой сейчас, чтоб потом не скулить, что остался с пустыми руками, как последний шакал.

Овод выдвинул щит. Векша в ответ расправил плечи и воткнул лопату в землю. Некоторое время полукровок молча смотрел на свёрток, лежавший перед ним. Дальше, как ни в чём не бывало, развязал тесёмку, приспустил порты, расставил ноги и деловито направил на свёрток струю мочи.

— Эх, недооцениваешь ты моей жадности! Если б я хотел отнять — уже давно отнял бы, не глядя. А теперь, раз ты сам лезешь на рожон, то будет по-моему. Заберу и девку, и твои сапоги. А из тебя просто силой вытрясу всё про сокровищницу.

Векша кивнул на землю.

— Ну а эту штуку, так уж и быть, оставь себе. «Чтоб потом не скулить, что остался с пустыми руками».

Овод выждал, пока Векша стряхнёт последние капли, не желая понапрасну подставляться, и затем ударил полукровка щитом в лицо. Векша с поразительной быстротой успел отвести голову. Удар скользнул по скуле, вспоров кожу. Векша ушёл вниз и ужом вывернулся из-под следующей атаки, хватаясь за лопату.

Хонза угрюмо зашагал прочь. Происходил естественный отбор в его наиболее наглядной и беспощадной форме, и вмешиваться не было смысла. Попытка разнять этих двоих почти наверняка обернулась бы для Хонзы нокаутирующим ударом в челюсть, а потому он без лишних колебаний двинулся по следу упыря, на ходу вытаскивая самопал.

— Aby vás čert vzal, vy blbci nešťastní…

Старая мельница чернела у самой воды, перекошенная и источенная временем. В сумеречном свете она казалась притаившимся великаном, присевшим на корточки. Под рыхлым льдом у мельницы шумел ручей. С крыши мерно падали капли, ударяясь о прогнившее колесо.

Земля здесь была жирно истоптана следами. Богша стоял посреди двора, тараща чёрные зенки на колесо мельницы. Низкий, сутулый, в заледенелой рубахе и с бородой, слипшейся в патлы. На шее его отчётливо темнел след верёвки. Богша поворачивался из стороны в сторону, не то прислушиваясь, не то пытаясь вспомнить нечто мучительно важное, всё никак не способный ухватить мысль до конца.

Увидав гостя, Богша встряхнулся.

— Ты… ты не видел моего брата? — прохрипел упырь. — Этот сволочь, он мне денег должен. Последний мешок ржи… мои деньги…

Хонза остановился шагах в двадцати, держа самопал обеими руками. Тлеющий фитиль красным глазком тлел у полки. Дуло смотрело точно в лоб Богше.

— К сожалению, твой брат пребывает в состоянии, при котором возвращение долгов представляется крайне маловероятным. Могу лишь посочувствовать твоей… финансовой утрате.

Этот оживший кусок плоти мало походил на тварей, настигших караван на реке. Упырей Хонза встречал не впервые, однако до сих пор так и не сумел понять, отчего одни после обращения превращались в бессловесных зверей, движимых лишь голодом, тогда как другие сохраняли жалкие обломки личности, походя на обструганные временем души. Последние не помнили ничего, кроме сильного чувства или события перед смертью, бесконечно кружа внутри этого отрезка памяти, напрасно пытаясь вырваться из замкнутой временной петли.

В чём же была причина подобной разницы? В разновидности самой хвори, обращавшей людей? Или в особенностях организма, крови, наследственности? Или же дело было в чём-то запредельном — в том, с чем человек умирал и за что цеплялся по ту сторону смерти?

Голова Богши дёргалась, как у слепого пса, который чуял добычу, но не понимал, где она.

— А ты… не знаешь, где мои деньги? Мешок ржи… последний мешок…

Хонза не ответил. Да и бесполезно было.

Фитиль упал на полку. Громыхнул тяжёлый, басовитый выстрел, будто кто-то ударил кувалдой по пустой бочке. Из дула вырвался густой клуб белого дыма, и тяжёлая свинцовая пуля ударила Богшу точно в лоб, прошивая голову насквозь и вырывая сзади месиво костей, мозгов и беломути.

Хонза опустил дымящийся самопал.

— Ну, как-то так…

После этого он отошёл к мельнице, сел на полусгнившее брёвнышко и положил самопал себе на колени. Вынул шомпол, прогнал пыж, вытряхнул остатки пороховой накипи. Но не успел Хонза как следует протереть ствол, как прибежали Векша и Овод. Оба запыхавшиеся, грязные, с разбитыми лицами. У Овода на скуле наливался огромный синяк. По шее Векши из разорванной щеки стекала кровь. Видно было, что бросили они свою драку на полуслове.

Овод подскочил к телу Богши. Векша остановился поодаль, опираясь на лопату.

Затем они принялись по очереди копать. Земля возле мельницы оказалась отвратительной, как и ожидалось: сверху её стянуло морозом, снизу же она расползалась мокрой чёрной жижей. Лопата то со скрежетом врезалась в мёрзлую корку, то вязко чавкала в сырой глине.

Векша изучил мельницу изнутри и теперь бродил вдоль берега ручья, напоминая волка, мечущегося в тесной клетке. Что-то явно не давало ему покоя.

Наконец, полукровок остановился как вкопанный.

— Есть ещё один упырь.

Овод выпрямился, тяжело опираясь на лопату. Лицо его было мокрым от пота.

— А раньше ты этого учуять не мог? — огрызнулся вражбит.

— Запах одинаковый. Как… из одной могилы.

Они помолчали. Ветер посвистывал в щелях старого мельничного колеса.

— И откуда он взялся? — Хонза с опаской глянул себе за спину.

Векша некоторое время смотрел на обезглавленное тело.

— У него ведь младший брат был, которого он зарезал… Их могли положить в одну яму.

— Ježíšmarjá! Ну и где тогда младшего носит?

Векша отступил, повёл головой, пытаясь уловить запах. Лицо его переменилось, взгляд сделался расфокусированным. Не давая никаких объяснений, Векша сорвался с места и помчался назад, к скоморохам.

Хонза мысленно выругался. Только теперь до него дошло. Всю дорогу к мельнице ветер дул им навстречу: сырой со стороны ручья, набрякший от талой воды и прелых листьев. Он приносил запахи только спереди.

Всё же, что оставалось позади, ветер уносил прочь.

***

Прижимаю к груди самопал, тщательно укутанный от сырости. У костра кривляются скоморохи: бьют в бубны, горланят представление о любви, пока вокруг стоит визг и весёлый гомон зрителей.

Но мне до них нет дела. Нарочно стою с краю, чтобы видеть дорогу от старой мельницы. Именно оттуда должны вернуться наши. Но сумерки сгущаются, а дорога пустует, и с каждым ударом бубна внутри меня всё больше и больше надувается тревога.

Пытаюсь себя всячески успокоить, поминутно поправляя лёгкий топорик на бедре, обёрнутый тряпицей. Никчёмная вещица, ей разве что лучину нащепать можно. Но с ним всё равно спокойнее, чем без ничего. Лучше уж такой топоришко, чем голыми руками в глаз тыкать. Хотя, если верить Оводу, большущий боевой топор — только обуза, им и не повернёшь как следует. А малый как раз даёт хорошую кинетическую энергию.

Хвалю себя и в то же время ругаю за то, что уговорила Векшу пойти «на охоту». Воображение неумолимо рисует картину, как Векша, весь израненный, приползает с откушенной ногой и кричит мне в слезах: «Это всё из-за тебя, бездушная ты баба!».

Вспоминаю, как вчера Векша поймал меня пьяную на дереве. Ругаясь на чём свет стоит, он втащил меня обратно на ветку, пока я, совершенно потеряв стыд, хохотала до слёз и пыталась укусить его за нос. Потом я долго и восторженно рассказывала ему про самолёты, интернет и телевизоры, клялась зубной пломбой и предлагала делать бизнес на деревянных фигурках голых женщин. Векша явно не знал, как на всё это реагировать, поэтому мне быстро стало скучно, и я привалилась к нему сверху, ворчливо что-то пробурчала и провалилась в сон.

Позорище конкретное. Как только после такого он меня в выгребную яму не сбросил?

Когда я прибежала просить Векшу помочь Оводу, полукровок дрых во все ноздри с присвистом, потешно раскинувшись на спине. Руки и ноги в разные стороны, рот приоткрыт, на щеке слюна. Одна ладонь его была засунута под одежду. Пальцы лежали под пупком, на дорожке волосиков.

Вокруг валялись его разбросанные вещи, словно их раскидало взрывом: запасная рубаха, кошка с верёвкой для лазанья по стенам, коллекция ножей, меховая шапка, кожаные наручи, берестяной кисет с берёзовым углём, туесок из-под мёда и обглоданные рыбьи кости со шкуркой чеснока.

И, нежданно-нагадано, мой гребень для волос, зажатый у него в руке. Что странно, ведь я ни разу не видела, чтобы Векша вообще им пользовался. На голове у него постоянно было гнездо выхухоли. Видимо, Векша забрал его в отместку за один из своих ножей, который я у него умыкнула и приспособила для бритья подмышек.

Медля будить этого анархиста, я тоскливо размышляла. И вот с этим-то человеком я собиралась закрутить курортный роман? Может, всё-таки стоило ещё раз оглядеться по сторонам? Хотя, если учесть, что местная контрацепция, похоже, ограничивалась советом чихнуть и попрыгать, стоило всерьёз задуматься не о кандидатах, а о том, нужен ли мне этот роман вообще.

— Векша? Эм… вставай.

Он повёл краем рта, выныривая из царства Морфея с лёгким похрапыванием. Недовольно замычал, корча брови и нехотя пытаясь понять, в чём дело.

Я тем временем узнала у него под мышкой недавний бурдюк. Взвесила его в руке. Пустой!

— Наклюкался, значит, — недовольно заметила я, хотя кому-кому, уж не мне было его за это осуждать.

Лишь бы нюх себе не попортил.

— Овод с Хонзой уходят упыря ловить, — я бросила пустой бурдюк на солому. — Ты не мог бы пойти с ними?

— На кой ляд? — Векша сонно почесал себя между ног.

— Вдруг там что-то серьёзное?

— Раз сами не просят, стало быть, без меня обойдутся.

— Да тебе просто лень!

— Нет, просто ты не обучена просить, — не разлепляя век, Векша зевнул во весь рот, да так, что хрящи хрустнули, потом насупился. — И вообще… жопа от наглости не треснет? Заявляешься, будишь меня, когда я так сладко сплю, и ещё смеешь чего-то требовать, будто я тебе задолжал. Видать, я с тобой слишком нежно обходился. Разбаловал. Мда… Ошибку понял.

Векша помолчал секунду, потом приоткрыл один глаз.

— Подай-ка мне вот ту висячую вожжу. А то подыматься неохота. И подставься как-нибудь этак, чтобы я мог не вставая…

— Ладно, я тебя услышала. Пойду тогда наберу в дорогу буерашника и пойду с ними сама. Только учти, если нас там всех сожрут, не видать тебе сокровищ Галлу-Дар, как моих голых титек, потому что мне их наверняка отгрызут.

Крутанувшись на пятке, я собралась приводить угрозу в исполнение.

— Проклятье… — донеслось сзади.

Векша, похоже, захотел швырнуть мне вслед мощное ругательство, но передумал. С мученическим видом он завозился в сене, шумно выдохнул и кое-как уселся, тряхнув головой. Растрёпанные волосы полезли ему на глаза; Векша раздражённо дунул вверх, даже не пытаясь пригладить их рукой, и уставился на меня исподлобья мутным, размазанным после сна взглядом.

— Только попробуй дальше порога шагнуть. Ни на вершок, ни на горшок, — он поморщился и потёр лицо ладонью. — Чтоб тебя… Сколько я проспал? И какой ещё упырь? Где они его откопали?

И вот теперь стою под открытым небом, погружённая в тревожные, постыдно тёплые грёзы о том, что общество Векши начинает радовать меня уже не через силу, а вполне искренне. Из-за этого не сразу замечаю одинокую фигуру, выходящую из вечерних сумерек на дорогу.

Бегу навстречу, на ходу перекидывая ремень через плечо. Сапоги чавкают по грязи. В голове роятся мысли. Кто это? Почему один? Где остальные? Или, может, это вообще случайный прохожий?

Походка у вторженца подозрительная. Движется он боком, слегка подволакивая ногу и свернув голову набок. Готовлюсь его окликнуть, но у последнего дома резко останавливаюсь. В красноватом свете уходящего заката ясно вижу на вторженце грязный саван, чёрное от земли лицо и дурную морду, походящую скорее на мятую скоморошью маску.

Руки мои начинают действовать раньше, чем успевает оформиться мысль. Быстро заряжаю самопал. Порох. Пыж. Пуля. Когда вновь поднимаю взгляд, упырь приблизился уже фактически шагов на десять.

Бубен скоморохов на холме за спиной продолжает гулко отбивать весёлый ритм.

Прижимаю приклад к плечу. Упырь замедляется, останавливается, смотрит на меня. Глаза его полностью чёрные, однако в них всё ещё теплится что-то пугающе человеческое.

— Красавица, — хрипит он ласково. — Браток мой где? Мы ж мириться пришли. Давай потанцуем?

Цепенею от ужаса. Чёрные глаза затягивают, проникая взглядом под кожу, точно яд подлого растения. Когтистые пальцы тянутся всё ближе. Но голос. Упырь говорит! Не рычит, не воет, как те безумные твари на реке, что рвали людей в клочья. Этот… разговаривает.

Может, я ошиблась? Может, это просто больной, полоумный мужик из соседнего хутора? Черноглазый, правда, и с когтями, но мало ли?

Сердце пропускает удар, и перед глазами сменяется картинка. Векша возле костра в лесу с протянутой рукой, с той же самой тоской в глазах и готовностью обнять, притянуть к себе, но не чтобы причинить вред, а чтобы спасти от холода.

— Красавица… не бойся. Мы ж просто погуляем… брат ждёт.

Пальцы на спусковом крючке дрожат. Самопал тяжёлый, долго мне его так не удержать, но я не могу выстрелить. В голове всё путается: где кончается живой человек и начинается это уродство?

— Не подходи, — огрызаюсь. — Стой там! Кто ты? Что тебе нужно?

Вдруг за моей спиной наперебой раздаются звонкие детские голоса:

— Ура! Они вернулись!

— Айда встречать!

— Там Таня побежала! Пошли скорее!

Дети. Они бегут сюда. Не оборачиваюсь, представляю, как их маленькие фигурки скатываются по холму и несутся по тропинке прямо к нам. Как они смеются, машут руками, думая, что я ушла встречать «победителей упырей» с мельницы.

Упырь поворачивает голову в их сторону, и с него тотчас сползает последняя тень человеческого облика. Вымученная улыбка развязывается, будто державшаяся на шнурочке, и спадает в грязь. Под кожей упыря начинают вздуваться тяжёлые бугры, тело идёт судорогой, выворачивается. Упырь выгибает спину и издаёт протяжный, совершенно нечеловеческий рёв.

Мир застывает в замедленной съёмке. Взгляд мой прикован к тлеющему подожжённому фитилю. Делаю вдох. На выдохе палец плавно жмёт на курок. Рычаг с зажатым горящим фитилём опускает вниз, из ствола выбрасывается большое облако дыма.

Меня отталкивает назад мощным толчком.

Промах.

***

Один проснулся от боли. Казалось, кто-то проворачивал раскалённый прут в том месте, где раньше было плечо.

— Ох, ты живой! — раздался поблизости чей-то изможднённый голос.

Рядом обозначился человек. Один не смог различить его лица, только общие черты. Осанка выдавала в незнакомце след воинской выучки, но тело казалось постыдно худым: узкие плечи, длинные, тонкие кисти с отчётливо видными костяшками. Густые кудри тяжёлыми прядями падали человеку на лицо.

— Где… — Один не узнал собственного голоса. — Где я? Девять, брат?

Разумеется, это был кто-то из его братьев. Теперь становился понятен и горьковатый привкус зелий волетворцев на губах, и слабое эхо благословляющих знаков, до сих пор отдававшееся в эрхве его тела: их применяли на нём, вероятно, пытаясь спасти ему жизнь.

— Нет, это я. Не двигайся, очень тебя прошу. Я так рад, что ты очнулся! О, слава Истоку! Вот, держи, тебе нужно попить.

Один прислушался. Сперва ему почудилось, что снаружи разыгралась буря: кромсая крышу, шумел ветер, а дождь барабанил по доскам, не давая сосредоточиться ни на одной мысли. Но очень быстро Один понял, что ошибся.

Из-за стен доносились громкие голоса, взрывы хохота, дробный перестук бубнов, точно во дворе шло скоморошье представление или разгульный праздник. Музыка звучала бойко и разудало, однако сквозь её натужное веселье в сознании Одного начинало проступать нечто тревожное.

Шум крови в голове усилился, и память бурливым потоком обрушилась на Одного всей беспощадной тяжестью. Он закричал и рванулся прочь, надеясь вырваться из свирепых потоков воспоминаний. Единственная оставшаяся рука его метнулась в сторону. Пальцы сгребли пустоту.

Один попытался вскочить, но тело не слушалось. Ноги запутались в овчине, и Один тяжело рухнул обратно.

— Нет! Стой! — незнакомец бросился удерживать его, стараясь прижать к соломе. — Прошу тебя… стой!

Но Один ничего не слышал. Он метался, выл, клацал зубами; по лицу его текли слёзы бессильной ярости. Единственная рука всё ещё блуждала в пустоте, пытаясь нащупать вторую, которой больше не существовало. Как не существовало больше Девяти и всех его верных помощников.

Неожиданно Один различил в зыбком полумраке лицо своего спасителя.

И узнал.

— Ты?.. — прохрипел Один, не веря глазам. — Ты!

Собрав всю оставшуюся силу, Один с размаху ударил Ярмолу по лицу.

***

На лице Ярмолы красовался огромный синяк.

— Ну а что потом? — спросил Хонза.

Ярмола выглядел сквернее некуда. Нервное истощение проступало в каждом его движении. Волетворец осунулся до болезненной прозрачности. Все его силы были отданы на спасение друга, который, как выяснилось, не был ему ни другом, ни даже благодарным должником, а лишь помешанным человеком, одержимым желанием его уничтожить.

Они стояли полукругом перед связанным по рукам и ногам мальчишкой-волетворцем с кляпом во рту. Волетворец Малого Круга действительно был ещё совсем мальчишкой, хоть высокий и откормленный, как и подобало ратнику государевой элиты. Смотрел он на них с должной ненавистью, одним взглядом надеясь обратить в горстки пепла.

Таня держалась рядом с Хонзой, постукивая носком сапога о землю, и меньше всего походила на героиню той истории, которой встретили их местные по возвращении. А встречали шумно: Таню едва не носили на руках всем селом. Теперь гулянья, казалось, грозили затянуться ещё дня на два, а то и на три, вопреки скудости послезимних запасов, которые и без того следовало бы беречь с большей рассудительностью.

Вот только сама Таня радости не проявляла вовсе. Держалась неестественно, смотрела куда-то мимо, хотя рассудка, по счастью, не теряла и отвечала вполне связно и трезво. Даже о Сивке среди всей этой неразберихи сумела позаботиться.

— Ты справилась весьма недурно, — решился похвалить её Хонза.

Таня отвернулась, по-деловому скрестив руки на груди.

— Я промахнулась, а там было метров восемь.

Она и вправду промахнулась. Должно быть, руки дрогнули. Или упырь изловчился. Да мало ли что: причин хватало. Выстрелом упырю разворотило висок, но мозг уничтожен не

был. Судя по рассказам очевидцев, добивать тварь Тане пришлось уже вручную с помощью топорика.

После такого зрелища детишки, надо полагать, ещё долго будут мочиться по ночам в постель.

— Ты не промахнулась, просто не уничтожила с первого раза. Это разные вещи. Учитывая дрожь в руках и расстояние… я бы назвал твой результат вполне успешным.

— А вы можете сделать автомат Калашникова?

— Нормальной стали нет, — принялся загибать пальцы Хонза. — Станков тоже. Ни токарных, ни фрезерных. Гильз нет. А без цельнометаллического патрона никакая автоматика толком работать не будет… Тут вопрос не в мозгах, а в промышленности.

— Это был риторический вопрос.

После этого все принялись обсуждать, что делать со спасённым волетворцем. Векша предложил его прикончить. Таня с Ярмолой решительно выступили против. Овод от прямого мнения воздержался, молча прикидывая в уме все за и против.

— Оставим его где-нибудь неподалёку от города и пойдём своей дорогой, — предложил Хонза. — Пока он сумеет собрать людей, мы будем уже далеко.

— Прикрываться знаком волетворца больше не получится, — подал голос из-под капюшона Векша, всё это время стоявший молча привалившись плечом к балке. — Если и дальше будем вести себя так же неосторожно, нас возьмут уже в следующем городе. А может, и вовсе раньше. Разослали, поди, гонцов во все концы… Теперь ясно, что творится.

Полукровок держался скованно и молчаливо; его ледяная сдержанность производила куда более тягостное впечатление, чем привычный шум и ёрничанье.

Хонза сделал глоток из фляги и выдохнул:

— Целый месяц жили и кормились за счёт государевой казны… хотя бы есть что вспомнить. Ни о чём не жалею.

— И какие у нас теперь варианты? — Таня вопрошающе уставилась на Овода.

Вражбит промолчал, а вот Векша презрительно фыркнул:

— Вариант разве что портки спустить да раком встать — в порядке искупления.

Таня покачала головой.

— А за спасение волетворца Малого Круга у вас, случаем, ничего не полагается? Грамота какая-нибудь, награда… «медаль»?

Ярмола спрятал лицо в ладонях.

— Моя вина, что я вас во всё это втянул! Оставьте нас и идите своей дорогой. Я сам предстану перед судом!

— Не неси вздор.

Они препирались до полного изнеможения, пока разговор не угас сам собой. Каждый поневоле замкнулся в собственных мыслях.

Хонза услышал, как Таня негромко обратилась к Векше:

— Тебе бы не помешало помыться.

— Молчи, я думаю.

— Не хочешь подумать в бане? Я, пожалуй, пойду подумаю там.

— Кто ж ночью в баню ходит? Решила пожар устроить?

— Ну так проследи, чтоб не устроила.

Векша помолчал, мрачно пережёвывая трудноусвояемые мысли. Смысл предложения дошёл до него с опозданием. Лицо у полукровка в недоумении вытянулось, и он покосился на Таню с откровенной опаской.

— А-а… м? Да, кажется, я понял, — Векша почесал затылок. — Можно, пожалуй.

Таня ушла первой.

Векша потоптался на месте, покосился на Хонзу, будто раздумывая попросить его подержать над ними свечку, затем на связанного волетворца. Нервно дёрнул шеей и, крутанувшись, припустил следом за девушкой.

— Хонза, надо переговорить, — подал голос Овод.

Они отошли подальше от пленника. Вражбит развернул карту и молча указал новый маршрут. Хонза, измученный за день, некоторое время бессмысленно таращился на линии и пометки, надеясь, что от этого они изменятся сами собой. Соглашаться ему не хотелось.

— Это, знаешь ли, чистое самоубийство.

— Зато путь короче.

— Короче от этого станет разве что наша жизнь. Не знаю, Овод… право, не знаю. Тут следует подумать получше.

— За нашей спиной поднимаются, словно по зову рога, целые орды чудовищ. Да ещё и Малый Круг в придачу. Мы определенно что-то упускаем, и мне это не нравится. Нам следует как можно скорее укрыться в Галлу-Дар. Там теплее, чем на поверхности, есть припасы и возможность затаиться в сокровищнице. Стало быть… выбора у нас, по сути, не осталось.

***

Векше было тринадцать, когда он поймал котёнка и впервые начал пробовать подчинение знаком на живом существе.

Кот был пёстренький, само загляденье: белый, с рыжими и коричневыми пятнами, и с жёлтыми, удивительно внимательными глазами. Из-за кривоватой челюсти, при которой один клык смешно торчал наружу, Векша назвал его Зубиком.

Зубик оказался на удивление спокойным, если не считать их первой встречи, когда кот, почуяв кровь альва, с перепугу вцепился Векше в лицо всеми когтями. Но уже через несколько дней кот успокоился и повадился спать у Векши в ногах.

Ластился Зубик постоянно: тёрся щекой, щедро оставляя на Векше свой запах. Возможно, именно поэтому подчинение далось так легко. Труднее Векше было привыкнуть к возвращениям в человеческое тело. Натягивать одежду, терпеть жёсткий ворот, натирающий шею, и заново вспоминать, каково ходить на двух ногах и пользоваться ложкой.

Впрочем, человеческий облик давал Векше лишь одно бесспорное преимущество — он мог читать в книгохранилище всё, до чего только мог дотянуться.

— Погоди, дай закончить, и пойдём… — отмахивался Векша от кота, бродившего по столу, сам же не отрывал взгляда от пергамента; выносить собрания из книгохранилища строго-настрого запрещалось.

Векша действительно любил Зубика. Впервые в жизни он мог позволить себе привязаться к кому-то без постоянного страха, что это отнимут, искалечат или уничтожат. И потому по-детски радовался всякий раз, когда Зубик устраивался рядом, укладывал лапу ему на руку и тихо мурлыкал, словно безоговорочно принимал Векшу таким, каким тот был на самом деле.

Порой Векше казалось, кот понимал, что его используют для знака подчинения, но относился к этому со снисходительной терпимостью. Но, вероятно, единственное, чего Зубик действительно хотел, так это просто лежать рядом с Векшей и сыто мурчать.

Однажды после очередной ненавистной тренировки по верховой езде — Векша терпеть не мог лошадей и всерьёз опасался, что те рано или поздно прибьют его копытами за кровь альва, — он сидел у себя в горенке. Глаза Векши были закрыты. Разум блуждал под навесом кожевенной мастерской, воспринимая мир через Зубика.

Мягкие кошачьи лапы приминали нагретую солнцем землю. Усы подрагивали, улавливая беспорядочные запахи, струящиеся вдоль стеблей травы. Векша чувствовал, как в маленьком

кошачьем теле пробуждается охотничья воля. Впереди завистливо мелькала полёвка. Векша крался к ней, шаг за шагом, слегка покачивая задом перед броском.

До добычи оставалось совсем чуть-чуть, когда рядом загромыхали шаги. Из-за угла возник Кривоног. В правой руке у него был длинный плетёный кнут.

Векша рванулся в сторону, но слишком поздно. Кривоног оскалился, и кнут со свистом взметнулся вверх.

Удар пришёлся под рёбра. Раздался короткий, сухой хруст. Сломалось тонкое кошачье ребро. Векшу, оглушённого болью, отбросило в сторону, точно тряпичную куклу. Кот беспомощно перекувырнулся в воздухе.

В своей горенке Векша согнулся пополам, обхватывая руками колени и сворачиваясь клубком. Он отчаянно цеплялся за сознание Зубика, толкая бежать и не останавливаться. Кот, повинуясь его воле, пытался подняться, но задние лапы его не слушались. Кровь быстро пропитывала шерсть на боку.

Сапоги Кривонога бухнули рядом. Вслед за этим кнут вновь рассёк воздух.

Второй удар оказался страшнее первого. Острый конец плётки с хлёстким треском ударил прямо по голове.

Векша закричал, сорвался с лавки и рухнул на пол, прижимая ладони к вискам, как будто это его собственный череп только что раскололся от удара.

Зубик был мёртв. Связь оборвалась, как перерезанная нить. Сознание Векши перетекало в собственное тело, но вместе с ним проникало и липкое, невыносимое эхо чужой смерти. Казалось, память падает и угасает в бездну вслед за Зубиком и его беспомощным страхом.

Тело скрутило судорогой. Векша дёрнулся, как добитый Зубик. Ноги забились по деревянному полу, пальцы впились в пустоту, пытаясь удержаться за то, чего больше не существовало.

Может быть, ещё не поздно? Может, Зубик всё ещё был жив?

Судорожно, со всхлипами втягивая воздух, Векша попытался подняться. Ему хотелось бежать вниз по лестнице, через весь терем, через двор, к навесу, где остался Зубик. Но мир расплывался, утопая в мутной черноте.

Последнее, что Векша успел увидеть перед тем, как провалиться в беспамятство, были собственные пальцы, на которых стремительно вырастали острые, кривые когти. Они прорывали кожу и влажно блестели, напоминая ему когти Зубика в момент прыжка.

Когда Векша очнулся, через маленькое оконце просачивался тусклый вечерний свет. Руки его снова были человеческими. Только под ногтями и между пальцами всё ещё влажнела тёплая кровь.

Векша сел. Голова его кружилась, во рту стоял металлический привкус. Шатаясь, словно после жестокого похмелья, Векша поднялся на ноги и двинулся к двери, придерживаясь рукой за стену.

Сперва он нашёл останки Зубика. Потом — кнут.

Кривоног возился в кожевенной мастерской. Он не успел даже поднять свою брыластую морду и удивлённо раскрыть рот, как кнут со свистом обрушился ему прямо на голову. Кожа на лысой макушке его мгновенно лопнула, струёй брызнула кровь. Кривоног охнул и грузно рухнул на пол.

Векша занёс кнут для следующего удара. Глаза его застилала багровая пелена. В ушах стоял лишь короткий хруст, с которым ломалось ребро Зубика.

— Сдохни.

Кнут гулял по спине, по жирным плечам, по толстым, как брёвна, рукам Кривонога. Тот захлёбывался воем, катался по полу, пытался прикрыть голову руками, но Векша не давал ему передышки. С каждым ударом кнут свистел всё злее и точнее. Острый, как бритва, конец кнута

рвал рубаху в клочья, вгрызался в рыхлое тело, оставляя за собой длинные, вспухшие багровые полосы.

Кривоног больше не пытался подняться, лишь хрипел, как прирезанный кабан.

На шум сбегались люди. Кто с испуганными криками, кто в оцепенелом молчании. Однако приблизиться к Векше никто не решался.

— Сдохни. Сдохни. Сдохни.

Рука Векши начала неметь. Пальцы, сжимавшие рукоять кнута, дрожали, плечо горело. По жилам текла боль, прожигая мышцы до самой кости.

Кривоног лежал на земле бесформенной, окровавленной грудой. Из его разбитого рта вырывалось булькающее дыхание; по лысой голове и изодранной спине стекали тёмные ручьи крови.

— Сдохни, — повторял Векша. — И больше никогда не смей трогать то… что принадлежит мне.

Он видел себя со стороны: обезумевшего, в брызгах крови и с кнутом в руках. Но даже понимая происходящее, остановиться уже не мог. Лишь когда его с силой сбил на землю один из приближённых Хозяина — Тур, высокий и необычайно сильный мужчина с меткой подчинения Хозяина, — пальцы Векши разжались. Кнут выскользнул из ослабевшей руки и шлёпнулся в грязь возле Кривонога.

Метка отняла у Тура чувствительность к боли. Верзила мог продолжать бой даже с пробитым лёгким или переломанными костями, поэтому, когда Векша взвился ужом, пытаясь вырваться из захвата, Тур не дрогнул.

Медвежьей лапищей Тур сгрёб Векшу за затылок и, не рассчитав по своему обыкновению силы, впечатал мальчишку лицом в дубовый верстак. На тёмной столешнице, насквозь пропитанной жиром и дубильным раствором, в беспорядке лежал набор кожевенных инструментов.

Векша сопел, артачился, но верзила держал намертво. Тур несколько раз ударил его лицом о стол и, наконец, рывком стащил на пол. С подбородка Векши обильно лилась кровь. Глубокий рваный порез шёл от середины подбородка до самого угла челюсти.

Тур умер спустя несколько лет. Из-за своей невосприимчивости к боли верзила беспрестанно калечил себя, попросту не чувствуя момента, когда следовало остановиться.

Рана Векши, оставленная Туром в тот день, могла затянуться за считаные дни: кровь альвов обычно справлялась с подобным без труда. Но Векша упрямо расчёсывал её грязными пальцами, всякий раз вспоминая Зубика. Стоило корке начать подсыхать, как Векша сдирал её снова и снова, вгоняя в рану новую грязь, боль и злость.

Даже кровь альвов не выдержала такого упрямства. Через две недели на подбородке Векши остался неровный шрам. Тонкий и кривоватый, совсем как след от кошачьего когтя.

Эпизод 30. Управитель

На одиннадцатый день весны, князь Ладислав III, — человек натуры широкой, пылкой и не знающей меры, — устроил в Корвицких борах большую охоту на кабана, желая проводить последние дыхания зимы с подобающим размахом.

Государь любил жизнь во всех её проявлениях и потому не питал особого расположения к долгим заседаниям над грамотами, судебными тяжбами и отчётами, охотно предоставляя подобные заботы советникам. Куда больше рачения он проявлял к плотским удовольствиям: пил с исправным усердием, трапезничал за троих и не оставлял без внимания ни одной пригожей женщины, невзирая даже на наличие у той живого мужа.

Незаконнорождённых детей Государь оставил после себя столь великое множество, что волетворцы едва успевали принимать их под своё попечение. Поговаривали, что добрая половина монастыря волетворцев состояла из отпрысков государевой крови, тогда как вторую половину с куда меньшим размахом пополняли байстрюки прочих знатных домов.

Шестеро волетворцев Малого Круга, неотступно сопровождавших Государя верхом, мало походили на него лицом, однако Захария то и дело невольно всматривался в их черты, пытаясь уловить тень возможного сходства. Остальных членов Малого Круга среди присутствующих не наблюдалось. Как бы то ни было, Захария не сомневался: телохранители находились поблизости, неусыпно охраняя правителя.

Государь Ладислав славился нравом смелым до безрассудства и свободным до опасной беспечности. Посему всякий, кому выпадала честь отвечать за безопасность Государя, имел все основания считать себя жестоко обиженным фортуной.

С рассвета сотни всадников, псарей и загонщиков растянулись по ельникам и дубравам Корвицких боров. К полудню загонщики подняли матёрого секача, ожесточённого и сильного. Охота сразу приняла военный размах. Над лесом разносился лай гончих, хрипло трубили рога, перекликались загонщики, а Государь вместе с ближними людьми несколько раз сходился со зверем вплотную, не покидая седла.

Секач рвал клыками конские бока, бросался под копыта, хрипел и метался, не желая уступать своре вооружённых людей. Но исход был предрешён. Зверь пал под ударами копий, и последний Государь нанёс собственноручно, с заметным удовольствием принимая приветственные крики свиты.

Охота Захарию тяготила. Когда к Захарии обращались с шумными остротами либо праздными расспросами, он неизменно понуждал себя отвечать с подобающей улыбкой; однако под личиной внешнего спокойствия душа его была истерзана тревогой, словно кабан, которого забили со всех сторон копьями.

Захария пятый год занимал должность главного смотрителя Государевой Заповедной Скарбницы — особой палаты, куда со всего княжества свозили древние артефакты, извлечённые из забытых подземелий, курганов и полуразрушенных святилищ. Назначение своё Захария получил по личной воле Государя, последовавшего совету старых волетворцев-целителей, высоко ценивших Захарию как человека учёного, рассудительного и, что было куда важнее при дворе, не запятнанного участием в боярских распрях.

В ведении Захарии находились описи, хранение, изучение и использование древних предметов на благо Государя и Церкви. Захарии первому дозволялось осматривать поступающие реликвии, а также снимать государевы печати, вести тайные книги учёта и распоряжаться немногочисленной стражей Скарбницы.

Оттого Захария и почитал себя человеком редкого умения, ибо за все эти годы никто так и не прозрел, что всё это время он тайно состоял на иной службе. Хотя порой Захария

допускал и иную мысль: быть может, дело было вовсе не в его хитроумии, а лишь в слепом везении, ведь до сей поры попадались реликвии не столь значимые, чтобы их исчезновение вызвало подлинную тревогу.

Когда Гра'Морна впервые призвал Захарию к себе и повелел тайно переправлять наиболее ценные артефакты из Заповедной Скарбницы ему в руки, у Захарии не осталось даже тени выбора. Гра'Морна был человеком колоссального богатства и влияния. Во многом именно его золото долгие годы позволяло Государю с неизменным успехом вести непрекращающиеся пограничные войны на южных рубежах.

Именно так Захария и оказался зажат меж двух сил столь могущественных, что каждая из них могла стереть его с лица земли одним небрежным движением мизинца.

К вечеру, когда кабана уже освежевали, а густая тёмная кровь его успела впитаться в сырую землю, вся охота возвратилась в лагерь, разбитый на речной поляне. К тому времени среди деревьев уже возвышались большие шатры; меж ними полыхали костры и жаровни, разгоняя подступающий лесной сумрак. По древнему обычаю пир решено было устроить под открытым небом, не дожидаясь возвращения ко двору.

Шум в лагере был сопоставим разве что с ликованием после великой победы над внешним врагом. Бояре наперебой превозносили Государя, вспоминали самые опасные мгновения травли, перебивая друг друга громким хохотом; хриплыми голосами тянули старые походные песни и время от времени оглашали лес протяжным рёвом охотничьих рогов.

Над кострами стлался густой запах жарящегося мяса, дыма, пролитого вина и мокрой шерсти. Кабанину рвали руками прямо с вертелов, обжигая пальцы горячим жиром; чаши и кубки беспрестанно ходили по кругу, не успевая пустеть.

Сам же Государь, раскрасневшийся от жара, вина и всеобщего ликования, пребывал в самом благодушном расположении духа. Одной рукой Государь прижимал к себе пышногрудую красавицу, то и дело вызывая одобрительный гогот ближних бояр, а другой подставлял огромный рог под льющуюся струю густого тёмного вина, с явным удовольствием принимая всеобщее восхищение.

Захария сидел среди пирующих с подобающим его положению достоинством. Однако совсем скоро не выдержал и, сославшись на ломоту в костях и изнурение после долгого дня, проведённого в седле, испросил у Государя позволения удалиться прежде прочих. Государь, порядком разгорячённый вином и весельем, небрежно махнул рукой.

Продрогший и опустошённый тяжкими думами, Захария подъехал к своему шатру, поставленному в почётной части лагеря.

Вячко, молодой отрок, поспешно принял у него поводья. Двое других слуг откинули тяжёлый войлочный полог.

— Вячко, ступай и приведи мне девицу. Да смотри, чтобы была статная, кровь с молоком, а не то убогое посмешище, что ты приволок в прошлый раз.

Отрок поспешно поклонился и метнулся выполнять поручение, но Захария торопливо окликнул:

— Постой. Лучше двух приведи.

Вячко вновь склонился в поклоне и без лишних слов исчез.

Захария остался в шатре с двумя слугами. Один молча наполнил для него чашу крепким мёдом, смешанным с вином и пряностями. Второй помог снять верхнюю одежду.

Погружённый в горестные размышления, слуг Захария не замечал. Ему хотелось одного — забыться. Утопить в чужой покорной ласке весь накопившийся страх и злое напряжение, неделями стягивающее нутро железным обручем.

Полог шатра колыхнулся, впуская внутрь струю холодного воздуха.

Захария огладил лысину и скосил взгляд.

На краткое мгновение ему почудилось, будто Вячко, окончательно утратив и разумение, и страх Божий, привёл каких-то уродливых великанш. Однако уже в следующий миг сознание его прояснилось. Кровь стремительно отхлынула от лица, словно сама смерть остудила его своим дыханием.

На входе стояли двое рослых мужчин, носившие кольчужные рубахи искусного плетения; поверх лежала лазоревая ткань, пошитая из тонкой шерсти; на головах — шлемы с наносниками и короткими бармицами. Тёмные плащи ниспадали с плеч тяжёлыми складками и были скреплены фибулами в виде распростёртых орлов.

Чаша выскользнула из руки Захарии и со стуком упала на кошму. Захария вскочил, понимая, что отныне он лишён спасения, и рванулся к стене шатра, где в богато украшенных парадных ножнах покоилась сабля. Рукоять едва не выскользнула из ладони, однако клинок всё же вылетел из ножен с хриплым, режущим слух металлическим звоном.

— Живым не возьмёте!.. — немощно вскричал Захария. — Слышите?! Не возьмёте, псы проклятые!

Один из волетворцев Малого Круга выступил вперёд.

Захария издал хриплый вопль и в отчаянной ярости обрушил саблю. Клинок со свистом рассёк воздух. Волетворец уклонился, будто подобные движения давно превратились для него в утомительную привычку.

В этом не было ничего удивительного: волетворцы Малого Круга наносили перед боем на свою плоть особые усиливающие знаки, пробуждающие эрхву и наделяющие невероятной скоростью и выносливостью.

Волетворец вскинул руку и быстро начертил на Захарии знак. Захария рухнул на колени, выпустив саблю. Желудок его свело мучительной судорогой.

— По… погодите! — потеряв последние остатки достоинства, Захария вцепился в сапог волетворца. — Заклинаю вас! Я всё открою! Всё без утайки. Ради Господа… прошу! Это всё он, это…

Захария поперхнулся. В глубине его естества провернулась сокрытая запретная скважина.

Захарию настигла смерть, и никто из присутствующих не успел ни воспротивиться ей, ни даже осмыслить свершившееся. Волетворец, именуемый Третьим, с выражением оскорблённого изумления опустился возле бездыханного тела Захарии. Коснувшись сначала жилы на шее, затем виска усопшего, он выпрямился; черты его отвердели, приобретя суровую неподвижность древнего изваяния.

— Это был…

— Знак подчинения.

Кому, как не им, было это доподлинно известно. Каждый член Малого Круга носил на себе такой. Стоило лишь переступить дозволенную черту, и внутренности обращались в кипящую жижу, а разум сгорал дотла раньше, чем волетворец успевал осознать свою смерть.

Вот только наложение знака подчинения требовало обряда редкостной сложности — многодневного и совершаемого при участии целого собора волетворцев. Подобные печати не рождались втайне и уж тем более не творились рукою одного человека. Для сего надлежало обладать не только силой и знанием, но и правом, ниспосылаемым лишь тем, кто восходит к высшим ступеням церковного достоинства.

И всё же знак существовал. На Захарии. Возложенный без ведома Церкви. Без высочайшего соизволения Государя.

— Верховный Пастырь будет разгневан… — присвистнул Третий.

Четвёртый нахмурился.

Исчезновение некого могущественного артефакта, коего столь долго ожидал Верховный Пастырь, поначалу казалось лишь дерзкой оплошностью. Однако, распутывая нити его

пропажи, Церковь внезапно приоткрыла подлинную глубину происходящего: люди, стоявшие ближе всех к Государю, втайне служили иной стороне и годами безнаказанно запускали руку в Заповедную Скарбницу.

Ныне к этому прибавилось ещё более зловещее известие: некто дерзнул сотворять собственные знаки подчинения.

Третий и Четвёртый обменялись взглядом. Четвёртый стремительно развернулся и покинул шатёр.

Тотчас внутрь ворвались ратники. Одни грубо схватили перепуганных слуг, другие принялись обматывать тело Захарии.

Третий остался стоять посреди шатра, безмолвно наблюдая за происходящим.

***

Векша развалился на широкой деревянной лавке, спиной к соларийке, и остервенело растирал плечи распаренным берёзовым веником. Размокшие листья цеплялись за кожу, оставляя на ней багровый след.

— Чтоб тебя!..

Когда соларийка поманила его за собой, он чуть землю носками не вспахал. В горле пересохло, руки зачесались, а между ног и вовсе отозвалось, будто ему снова было восемнадцать лет. Векша уже представлял, как срывает с соларийки одежду и прижимает к ближайшей поверхности — да хоть к потолку, если приспичит, — лишь бы побыстрее и без лишних разговоров.

И вот Векша встал перед ней, в чём мать родила, твёрдо уверенный, что это само по себе должно было произвести должное впечатление. Но соларийка лишь скользнула по нему спокойным взглядом, проверяя, достаточно ли всё чисто. После чего молча сунула Векше в одну руку веник, в другую — ковш тёплого щёлока и уныло хлопнула ладонью ему по ягодице, подталкивая к работе.

Сказать, что Векша опешил — ничего не сказать.

Так они и сидели: голые, спина к спине. Горячая влажная кожа соларийки касалась его лопаток. Векша слышал тихие вздохи, когда соларийка тянулась за водой, и с каждым мгновением чувствовал себя всё более злым и горько униженным.

Хотелось плюнуть на последствия. Развернуться и разом выплеснуть накопившуюся похоть. Но вместо этого Векша продолжал до боли тереть кожу, мысленно костеря и соларийку, и себя, и всю эту проклятую игру, в которую ему больше никогда и ни с кем не хотелось больше играть.

— Ты не мог бы… соврать что-нибудь ещё?

— Чего?

Соларийка повернулась. Кончики её влажных волос задели его кожу.

— Ну, — соларийка выдохнула ему в плечо, — можешь придумать что-нибудь хорошее? Чтобы мне понравилось. Как тогда, со сватовством, с работой… Скажи, что, даже если с Галлу-Дар не сложится… Что всё как-нибудь решится. А я ненадолго подыграю.

Не видя ничего от возбуждения, Векша повернулся. Соларийка сидела совсем близко, её грудь касалась его предплечья. Они замерли нос к носу. И вдруг соларийка будто впервые за весь вечер по-настоящему его разглядела.

Взгляд соларийки задержался на свежей ране, оставленной вражбитом. Соларийка подняла руку, собираясь коснуться его щеки, но в последний миг передумала.

— Как ты поранился?..

Векша и сам не понял, как сумел найтись с ответом. В висках во всю стучал жар.

— В одиночку завалил упыря, пока те двое стояли и глазами хлопали.

По тому, как сошлись и тотчас разошлись её брови, Векша понял: не поверила. А ведь сама просила соврать. Ну и ладно. Ему было уже плевать.

Векша шевельнулся — мокрое дерево под задницей с натугой скрипнуло, — и одной рукой сгрёб соларийку за талию, второй — за затылок, запустив пальцы в спутанные, пропитанные влагой волосы.

Соларийка оторопела, но Векша уже не мог остановиться. Рывком притянул её к себе, разворачивая лицом. Куда грубее, чем сам хотел. Их губы жёстко столкнулись, зубы стукнулись, но в тот же миг Векша наконец хлебнул её живого, солоноватого вкуса, и все проклятые сомнения и муки исчезли, будто их никогда и не было. Вкус оказался куда сильнее того проклятого запаха, что оставался на гребне после того, как она расчёсывала свои волосы.

Соларийка подалась назад — больше от растерянности, чем всерьёз вырываясь, — но Векша бесцеремонно накрыл её мокрую грудь ладонью и сильно сжал. Но вовремя спохватился, с досадой отметив, что так впору кабаний окорок на вес прикидывать, а не женщину щупать. Сразу ослабил хватку и попытался сделать поцелуй мягче. Отстранился, скользнул языком по её нижней губе в неловком подобии извинения.

Пропади оно пропадом! Ещё немного, и она наверняка осталась бы разочарованной. Нет. Раз уж всё так долго к этому шло, стоило хотя бы попытаться сделать всё как следует.

Векша нехотя выпрямился и гораздо сдержанней, но с твердолобой, нарастающей силой направил соларийку вниз, укладывая на спину. Навис сверху, сунул между ними ладонь и неторопливо принялся ласкать её по низу, чутко следя за каждым нетерпеливым движением её бёдер. Дыханием спустился к шее, оставляя на влажной коже цепочку коротких поцелуев вперемешку с прикусами. Обхватил ладонью грудь и поймал губами нежную, отзывчивую кожу и дразняще, мягко прихватил зубами, потягивая с ласковой настойчивостью.

Соларийка выгнулась навстречу, и с её губ сорвался первый стон. Звук прошил Векшу насквозь, будто соларийка потянула за горячую проволоку, вживлённую в его нутро от паха до сердца.

Векша не отпускал. Долго и упрямо держал её на грани, пока соларийки металось под ним подстреленной птицей. Наконец, она не выдержала, вцепилась ему в волосы, да так сильно, что Векша зашипел от досады. Соларийка приподнялась. Взгляд её пылал злобой.

Векша ответил кривой усмешкой и глубже согнул пальцы, недвусмысленно давая понять: она могла злиться сколько угодно, но выходить из роли той, кто снизу, ей было запрещено.

Злость в последний раз сверкнула в её зрачках и утонула в беспомощной истоме. Соларийка обмякла, раскидав руки в стороны.

Спустя мгновение он вошёл в неё — медленно, до мучительной тяжести медленно, не сводя взгляда с её лица и не позволяя отвернуться. В зрачках соларийки переливался красный отблеск глиняной лампы.

Векша с тяжёлым злорадством отстранился, вновь бросая её в прежнюю пустоту и тоску по его возвращению. Соларийка отчаянно подалась следом, и это движение наполнило его злым ликованием. Векша готов был поклясться, что мог терзать её таким образом ещё очень долго.

Наконец, Векша сжалился. Над ней, над собой и над тем огнём, что грозил спалить дотла обоих.

Пар обволакивал их разгорячённые тела, лип к мокрой коже, душил, делал воздух густым, как предгрозовое марево. Векша задыхался. Каждое движение отдавалось в нём всё глубже, пока ледяное осознание не прорезалось вдоль позвоночника.

Векша порывисто отпрянул.

Соларийка тихо ахнула. В её глазах вспыхнуло замешательство. Векша не дал ей опомниться. Строгим движением развернул её к себе спиной. Одной рукой обхватил грудь, другой поймал тонкое запястье и потянул назад, приковывая к себе.

Наклонившись, Векша прижался лицом к её шее, вдыхая запах разогретой кожи, банного дыма и сладкого, густого женского возбуждения.

Так было безопаснее. Он мог держать её при себе, но при этом не видеть лица — хотя именно этого ему хотелось сейчас сильнее всего на свете. Пока он не видел её лица, можно было не думать о том миге, когда сладкая истома на нём сменится испугом или отвращением, стоит только обращению начаться.

Векша пытался замедлиться, удержать миг, растянуть его, как тугую тетиву, но тело не подчинилось. Несколько упрямых, сбивчивых толчков, и всё внутри вспыхнуло ослепляющим пламенем.

Шумно дыша, Векша уткнулся лбом в её влажное плечо.

Триумф! Векша едва не рассмеялся от облегчения. Он не обратился и не погубил это странное и нежное, словно первый росток под холодным весенним солнцем, влечение, зародившееся между ними посреди окружающего грязного безумия.

И даже стыд от того, как быстро всё кончилось, казался сущей мелочью рядом с накрывшим его облегчением.

Но не успел Векша толком распробовать это облегчение, как соларийка испуганно выскользнула из его рук. Отползла в сторону и села, подтянув колени к груди.

Векша похолодел. Только что она тянулась к нему всем телом, принимая без остатка, а теперь шарахнулась прочь, словно он успел сотворить что-то страшное и непоправимое.

— Что не так? — Векша протянул к ней руку. — Я сделал тебе больно?

Соларийка не ответила, только отвела взгляд куда-то в стену.

Векша посмотрел на собственные руки. Пальцы оставались обычными, без следов обращения.

Тогда почему?..

Он придвинулся ближе и, стараясь не спугнуть, тихо коснулся её колена.

— Эй… что случилось?

Соларийка не отстранилась. Она явно собиралась с силами, будто никак не решаясь сказать то, что вертелось на языке. Векша провёл мокрой ладонью по её ноге выше, и внезапное осознание пронзило его изнутри. Наверное, это слишком ясно отразилось у него на лице, потому что соларийка поспешно вцепилась ему в руку.

— Я просто… всё нормально, правда. Просто испугалась. Я не знаю, что делать, если вдруг… если вдруг будет ребёнок. И дело не в тебе, не в том, что ты… Просто я… Сама виновата, надо было проговорить это раньше. Спрошу у местных, что нужно… не знаю, может, как-то оно…

Соларийка провела рукой по лицу, будто сказанное можно было забрать обратно.

Векша помолчал, всё так же удерживая ладонь на её колене, не зная — радоваться ему или горевать. Выходило, она отдалась ему, допуская, что под сердцем у неё может остаться чудище. И ведь не упрекнёшь: откуда ей было знать, что он бесплоден?

— Я не… не могу иметь детей. Можешь не бояться.

Соларийка без весёлости усмехнулась.

— Ну разумеется. Хорошая отговорка.

— Я не вру. Мой хозяин, он… — Векша отстранился. — Неважно.

Соларийка не позволила, слабо удержав за руку.

— Что? Скажи.

Векша уставился мимо неё на тлеющие угли.

— Хозяин, от которого я сбежал… Он пытался получить больше таких, как я.

Векша отвернулся и потянулся за водой.

— Меня сводили. Давали для этого какие-то снадобья. Я уже даже не помню всего. Те девушки, наверное, и сами не понимали, чем это могло закончиться, если бы получилось.

Пришёл его черёд безрадостно усмехаться.

— Так что поверь. Бояться нечего.

Вода стекала по его коже, смешиваясь с зернистыми каплями пота. Соларийка молчала. Векша чувствовал её взгляд на своей спине, оттого царапал себя ногтями сильнее, чем нужно.

Скрипнула лавка. Соларийка встала на колени позади него на мокрой ткани, обхватила руками его торс и крепко, всем телом прижалась к спине. Она уткнулась лицом ему между плеч, и Векша почувствовал лёгкий поцелуй в затылок. И ещё один, вдоль позвоночника, неторопливый и трепетный.

Ладонь соларийки скользнула ему на грудь, поверх бешено колотящегося сердца. Вторая рука крепко обняла сбоку, не позволяя отстраниться.

Векша закрыл глаза, чувствуя, как всё внутри него снова начинает биться, точно выжженный ковыль под горячим ветром. Терпкая горечь поднималась изнутри, оседая в груди и под языком. Кровь тонкими струйками стекала с пальцев в воду: когти снова прорезали кожу. Но боли больше не было.

Векша открыл глаза и обернулся, виновато склонив голову. Теперь соларийка была перед ним вся, до последних капель воды на обожжённой коже. Он видел, как она покачнулась, как пальцы невольно вцепились в край лавки. Видно, голова кружилась от жара. Под рёбрами толкалось сбитое дыхание.

Соларийка подалась к нему навстречу и мягко коснулась губами век. Безответные поцелуи затрепетали на дрожащих ресницах и влажной коже в уголках глаз, напоминая Векше ласку весеннего ветерка, пляшущего по первым листочкам вербы.

Векша сидел неподвижно, боясь шелохнуться.

Кровь с его пальцев капала ей на бёдра.

***

Глава с тяжёлою верхнею челюстью, окованной толстыми чешуями, недвижно покоится на досках. Вы внемлете запаху ветхого дерева, испуганного скота и сырости; зрение лишено всякой пользы, мир отворяется сквозь тепло и тонкое дрожание незримых колебаний.

Вы напрягаете мышцы шеи; верхняя челюсть приподнимается, являя ряды острых зубов, обращённых внутрь. Но броска не следует. Добыча слишком ничтожна и не стоит усилия. Посему Вы пребываете в ожидании, безмолвно внимая приближению чего-то более крупного и достойного.

Вы помните её такой, какой узрели в первый день: младшей купеческою дочерью на выданье.

Тяжёлая тёмно-рыжая коса спадала ниже пояса и была перевита алою шёлковою лентой. На голове покоился золотой венчик-очелье, украшенный мелким речным жемчугом; из-под него по вискам выбивались трогательные завитки, придававшие девичьему облику отблеск вечернего солнца.

Именно эту девочку Вы некогда увезли из отцовского сада — из-под сени яблонь, от тихого шелеста листвы и мирной жизни, коей суждено было окончиться в тот самый день, когда Ваш взор остановился на ней.

Воздух в Вашей памяти был сладок от благоухания яблонь, вишнёвого цвета и медвяных трав.

— Господине, смилуйся!

Она стояла пред Вами на коленях. Зелёное сукно летника смялось и напиталось росною влагой. Тонкие руки дрожали, когда она простирала их к Вашим сапогам, и вся фигура её

казалась объята отчаянным смирением, рождаемым от решимости вручить свою судьбу чужой воле.

— Сделай меня своею, Раду. Хоть служанкою, хоть последнею рабою. Только бы пребывать подле тебя. Без милости твоей умру. Умру, так и знай!

Вы стояли прямо, со скрещёнными за спиною руками, взирая сверху вниз на склонённую фигуру.

— Айва, — произнесли Вы.

Айва отстранилась от Вашего сапога, однако подняться не дерзнула. Прежде припала к краю плаща, прижимаясь к нему горячим лицом, влажным от слёз.

Вы неспешно отвели полу и, не возвышая голоса, повелели своим людям собрать вещи девицы ещё прежде захода солнца.

Отец её, узнав, кому именно угодно взять дочь его под своё покровительство, и увидев, какую несметную цену Вы ему отсыпали — такую, что простой купец и помыслить не мог о подобном богатстве, — перечить не дерзнул.

Из единого нутра восстают три шеи. Левая глава пребывает недвижима, меж тем средняя приподнимается и скользит вдоль неё, чешуёю о чешую. От трения по всему общему телу проходит дрожь. Правая глава наваливается сбоку, и вскоре все три шеи переплетаются в тесном, живом сплетении. Каждая ощущает давление двух иных в единой крови и едином сердце.

Доски под Вами стонут и прогибаются.

Лёгкий толчок проходит сквозь плоть, подобно приливу тёплой крови в древнем существе, не ведающем разделения между своими частями.

Длинные тёмно-рыжие волосы её были распущены и тщательно расчёсаны; тяжёлыми волнами они ниспадали до самых бёдер, отливая медью и золотом в полумраке горницы.

Слуги молча поклонились и удалились, бесшумно затворив двери.

Она осталась одна пред Вами, стоя посреди тёплой горницы с низко склонённою головою и руками, бессильно стиснутыми у груди.

— Господине…

Под тяжестью Вашего взгляда девушка сделала несколько робких шагов и опустилась пред Вами на колени на деревянный пол, устланный медвежьими шкурами.

Вы молча подняли её, поднесли к ложу. Меховое одеяло приняло вес, и девичья сорочка взметнулась выше колен, обнажая белизну дрожащего тела под мерцанием свеч.

Девушка надломлено вскрикнула, словно её коснулся огонь. Прежде она не знала, что любовь способна жечь так беспощадно. Лицо её стало мокрым от слёз.

Вскоре она отчаянно забилась, упираясь слабыми ладонями в Вашу грудь, силясь оттолкнуть. Но Вы лишь крепче прижали ладонь к её губам, гася в ней крик.

Больше Айва не сопротивлялась.

Чешуя скрежещет, цепляется и вновь расходится. Мышцы напрягаются и ослабевают.

Вы пребываете во мраке, сплетённый с самим собою: дышите тремя пастями, внемлете тремя языками, ощущаете мир тройною волею. Вы пребываете древнею тварью, готовою восстать и поглотить весь мир.

Хвост Ваш с тяжёлым ударом касается дальней стены, так что в древесине остаётся глубокий след.

Тёплый летний ветер, врывавшийся с гульбища, колыхал занавеси и тревожил её тёмно-рыжие волосы, разметавшиеся по плечам.

Она сидела у окна на лавке, слабая и тронутая умом. Светлые её глаза были устремлены вдаль, за пределы зримого мира. Вы стремительно приблизились к ней, схватили за горло и одним рывком подняли на ноги.

Служанки испуганно вскрикнули и поспешно скрылись прочь.

— Где он? — прорычали Вы ей в лицо. — Смотри на меня, смертная. Кто помог тебе это сделать? Говори. Иначе я убью каждого в этом доме.

Она не содрогнулась. В её прозрачных глазах не было ни страха, ни гнева, ни мольбы. Лишь смиренное ожидание конца.

— Больше он тебе не принадлежит, — Айва улыбнулась. — И никогда не будет.

Вы ударили её по лицу. Она упала на пол. Из разбитой губы потекла яркая струйка крови. Вы ударили вновь. И ещё. Хрупкое тело её ломалось под тяжестью Ваших ударов, точно молодая ветвь в весеннем цвету, рассыпающаяся румяным всплесками лепестков.

— Я убью тебя. Убью и сровняю твой город с землёй. Развешу твоих родичей на воротах, чтобы каждый знал, чем заканчивается предательство. И те, кто осмелился помочь тебе… Они дорого заплатят за то, что пробудили во мне гнев. Я собирался признать мальчишку своим. Дать ему имя. Потехи ради! Но теперь... Когда я найду его, он будет целовать цепь, на которую я его посажу. Нет, Айва. Не думай, будто речь о тебе. Ты просто вещь, к которой кто-то рискнул прикоснуться без моего дозволения. Мальчишка от меня никуда не денется. Я найду его, и он будет жить ровно до тех пор, пока способен давать мне новых химер, сильнее и чище всех, что были до него. Иначе я сверну ему шею и начну заново. Я бессмертен, Айва. Для таких, как я, десятилетия — всего лишь краткий миг. У меня впереди вечность, чтобы пережить всех, кто посмеет встать между мной и тем, что принадлежит мне по праву.

Гнев Ваш пылал до тех пор, пока от красивой купеческой дочери ничего не осталось.

Тяжело дыша, Вы отступили.

За распахнутыми дверями всё так же шумел листвой летний ветер; кровь с Ваших когтей капала на пол светлицы.

Эпизод 31. Маска

Хонза стоял у наковальни, твёрдо расставив ноги в старых сапогах, давно утративших форму.

Молотом он работал со скупой, выверенной точностью. Раскалённая заготовка, только что извлечённая из горна клещами, ещё дышала тускло-алым свечением; под размеренными ударами металл послушно вытягивался, принимая контур будущего клинка.

Кузница была низкой, сложенной из толстых брёвен. Типичное северное сооружение: сугубо практичное и совершенно равнодушное к внешнему изяществу. Земляной пол был утрамбован глиной и песком с предусмотрительностью, не позволявшей случайной искре обратить мастерскую в погребальный костёр. Тяжёлые сосновые столбы поддерживали крышу из тёса, укрытого слоями бересты и дранки. Стены доходили до пояса; выше зияли проёмы, через которые наружу уходили дым, копоть и удушающий жар.

В центре возвышался громоздкий горн, сложенный из дикого камня и обмазанный толстым слоем глины.

— Господин Хонза! — окликнул его подмастерье, стараясь перекрыть звон железа. — К тебе пришли.

Хонза не отозвался. В такие мгновения окружающий мир казался ему досадной помехой. Молот ещё четырежды поднялся и опустился, выбивая из металла остатки шлака и стягивая скрытые пустоты в плотную, послушную массу.

— Господин Хонза! — громче повторил подмастерье.

Хонза качнул головой. От раскалённого железа тянуло сухим жаром; по вискам медленно стекал пот, прорезая на грязной коже бледные дорожки.

Раздался глумливый женский голос:

— Ну здравствуй, сладкий.

Хонза застыл с поднятым молотом.

Перед ним стояла Хворь.

Двадцать лет исчезли без следа, словно никогда и не существовали. Хонза не мог поверить глазам. Казалось, он лишь на мгновение отвлёкся от работы и вновь увидел вражбитку там, где оставил когда-то.

Хворь не изменилась вовсе. Всё та же густая грива чёрных волос, молодая кожа и настороженно-волчий взгляд. На вражбитке был аккуратный мужской наряд добротного купеческого покроя.

За спиной Хвори неловко переминался коренастый мужчина лет сорока, напоминавший всем своим видом дубовый корень. Лицо его портил когда-то сломанный и дурно сросшийся нос, отчего выражение казалось одновременно настороженным и виноватым.

Мужчина явно чувствовал себя не в своей тарелке. Впрочем, Хонза мог его понять.

— Тебя мне только и недоставало, — устало произнёс Хонза. — У меня и без того работы по горло. Но, справедливости ради должен заметить: тебе удивительно идут годы.

Хворь усмехнулась, словно именно этих слов и ожидала. Обернувшись к своему спутнику, вражбитка указала пальцем на Хонзу:

— Нет, ну ты только погляди! Нисколечко не изменился!

Не дожидаясь ответа, вражбитка с прежней лёгкой насмешливостью добавила:

— Всё такой же мастер благопристойного безразличия, скрывающий своё утомлённое презрение за идеально выверенной вежливостью.

Спутник её неловко кашлянул и переступил с ноги на ногу, напоминая большого, неуклюжего пса, не понимающего, чего от него ждут.

Между тем Хворь демонстративно оглядела кузницу, присвистнула и одобрительно качнула головой:

— А ты неплохо устроился. Признаться, я удивлена, что ты столько лет продержался в нашем мире. Думала, давно сгинул где-нибудь в лесной чаще. Что ж, похвально. Я в тебе не ошиблась.

Хонза не ответил. Молча перехватил молот и вновь повернулся к наковальне. Заготовка ещё держала жар, хотя багряный цвет уже начинал тускнеть. Хонза занёс руку для удара, но Хворь шагнула ближе, коснулась его локтя и провела пальцами по напряжённому предплечью.

— Ну полно тебе, — промурлыкала вражбитка. — Отвлекись хоть ненадолго от своей железяки. Неужели я не стою того, чтобы отвлечься?

Сквозь привычный запах угля, горячего металла и мокрой золы отчётливо проступил смолисто-пряный аромат болотного мирта и лесных орехов.

— Что тебе нужно, Хворь?

— Я пришла взыскать старый долг.

— Долг? — Хонза позволил себе криво усмехнуться. — Двадцать с лишним лет прошло. Я полагал, у тебя хватило времени забыть.

Хворь посмотрела на него с подчёркнутым изумлением, как взрослый на ребёнка, произнёсшего нелепость, очевидную для всех, кроме него самого.

— Я никогда не забываю человеков, которые мне понравились!

— Какая поразительная честь, — невозмутимо отозвался Хонза, неспешно вытирая руки о кожаный фартук. — В таком случае объясни: в какую именно историю ты намерена меня вовлечь?

Вражбитка поднялась на носки и коснулась губами его щеки.

— Ты просто прелесть, Хонза!

Хонза не отреагировал, перевёл взгляд на её спутника.

— А это кто с тобой? Ещё один должник, стало быть?

— Какой ты проницательный! Познакомься: Гробовщик. Скорее прозвище, нежели ремесло.

Мужчина смущённо кашлянул, потёр шею и неуверенно начал:

— Видите ли… в сущности, я действительно некогда служил гробовщиком. И, признаться, довольно продолжительное время.

Хворь с нарочитой небрежностью подняла руку, заставляя его умолкнуть на полуслове. В глазах вражбитки мерцал недобрый огонь. Хонза ощутил давно забытую тревогу, охватывающую его в прежние времена, когда вражбитка с обезоруживающей лёгкостью склоняла его к краже лошадей у городской стражи или к игре в кости с пьяными наёмниками.

— Мне необходимо, чтобы ты некоторое время провёл в заключении, Хонза. Точнее говоря — в приюте для душевнобольных.

Вражбитка умолкла, с холодной наблюдательностью следя за тем, как лицо Хонзы малопомалу приобретает выражение человека, только что услышавшего от лекаря безнадёжный приговор. Затем Хворь снова расхохоталась, стремительно обхватила его лицо ладонями и заговорила с преувеличенной нежностью:

— О нет, нет, не следует предаваться такому отчаянию! Гробовщик отправится туда вместе с тобой. Не правда ли, Гробовщик? Ты ведь не оставишь Хонзу в одиночестве?

Гробовщик тяжело вздохнул; в этом вздохе слышалось покорное смирение человека, давно усвоившего, что его собственное мнение никого особенно не занимает.

— Нет, Хворь, — отрезал Хонза.

Он опустился на лавку и поднял на неё взгляд.

— Прости, однако в подобное предприятие я ввязываться не намерен. Меня вполне устраивает моя нынешняя жизнь. У меня есть работа, крыша над головой. Соседи — люди достойные. Для такого рода затей я слишком стар. У меня не осталось сил.

Хворь задумчиво согнула руку, оперев подбородок о кончики пальцев.

— Разве ты не стремился вернуться в свой мир?

Неожиданно Хонза отметил про себя одну странность: глаза у вражбитки были стеклянные. Она по-прежнему меняла интонации, кривлялась, изображала участие и насмешку, однако за всей этой подвижной мимикой её взгляд оставался стылым, словно у искусно изготовленной куклы.

Хонза невольно подумал: всегда ли она была такой, а он просто не замечал этого прежде?

— Рвался, — ответил он. — И слишком долго. Но в конце концов понял, что это тщетно. Я смирился, Хворь. Смирился с тем, что дороги назад не существует. С тех пор я просто доживаю свой век так, как умею.

— А если я скажу, что способ всё-таки есть? Что ты можешь вернуться в свой мир?

— Тогда я спрошу, почему ты не сказала мне об этом прежде?

Вражбитка не ответила. И этого молчания оказалось достаточно: Хонза без труда понял причину.

Раньше вражбитке это было невыгодно.

— Я не намерен выполнять твою просьбу, Хворь. Уходи. Не желаю тебя больше никогда видеть.

— Даже если исполнение моей просьбы приблизит осуществление твоего самого заветного желания?

— Моё желание теперь предельно скромно. Изо дня в день заниматься ремеслом. Есть досыта. Спать под тёплой крышей. И не видеть больше человеческих страданий. Здесь тихо. Спокойно. И именно здесь я готов однажды встретить свой конец.

— Век твоего рода недолог, — произнесла Хворь с неожиданной серьёзностью. — И, быть может, именно стремление к недостижимому, вечная попытка превзойти собственные пределы и наполняет смыслом краткое пламя человеческой жизни. Подумай ещё раз, Хонза. У тебя всё ещё остаётся возможность последовать за мной по собственной воле. Вспомни, что вело тебя вперёд все эти годы. Вспомни ту силу, что заставляла тебя цепляться за жизнь даже тогда, когда душа твоя блуждала среди самых мрачных кошмаров.

Хонза закрыл глаза, и гул мастерской постепенно растворился под напором звуков давно утраченного прошлого. Прорезался металлический звон трамвая, скользящего по рельсам. Нестройный шум голосов где-то внизу, на залитой солнцем улице. Откуда-то со двора донёсся звонкий детский смех, а вслед за ним — тихий шелест каштановых листьев, колеблемых летним ветром.

Перед внутренним взором возникла знакомая дверь на третьем этаже. Краска на ней давно облупилась. Латунная цифра «17» держалась криво. Замок неизменно заедал, заставляя подолгу возиться с ключом.

На тесной кухне у плиты стояла Маркета. Спиной к нему, в лёгком цветастом платье. Волосы жены были собраны в небрежный узел, из которого выбивались отдельные пряди. Маркета задумчиво помешивала что-то в кастрюле.

Белая тюлевая занавеска бесшумно колыхалась от ветра. На подоконнике стояла банка с полевыми цветами, начинавшими понемногу вянуть от жары.

Из пластмассового радиоприёмника лился приглушённый голос Карела Готта.

— Я дома.

***

В зубках Вель крепко-накрепко сжимала малый деревянный тубус. Гладкое деревце приятно грело пасть и пахло воском. Послание, сокрытое внутри, было важным — так сказала Таволга. А Таволга никогда не расточала слов понапрасну.

Вель юркнула под тёмные своды густого ельника. Ловко перемахнула через поваленное древо, оцарапав лапку о корявый сучок, и вскоре выскочила на опушку. Хвостик стлался позади, помогая удерживать равновесие на скользкой земле.

Пред Вель открылась небольшая поляна с крошечным поселением возле реки. На дороге стояли яркие кибитки, точно пёстрый хоровод, замерший посреди берёзок. Лисий взор плохо различал краски, и всё же Вель уловила блеск медных бубенцов и расшитых тканей, колышимых ветром.

Не успела Вель приблизиться, как тишину разодрал яростный собачий лай. Две огромные псины рванулись ей навстречу; тяжёлые цепи с грохотом натянулись до предела, звеня о железные кольца.

Вель припала к земле и метнулась под ближайшую кибитку. Запахи кругом смешались в жирную кашу: люди, еда, дым костра, мокрые шкуры, навоз, кислое пиво… От подобного изобилия у Вель голова шла кругом. Но стоило лисичке юркнуть под следующую телегу, как носик её уловил тонкий, редкостный оттенок. По хребту тотчас пробежала дрожь.

Кровь альвов! Таволга не солгала. Это и вправду был он. Запах, подобный лунному свету, разлитому по нетронутому снегу. Словно звон серебряных колокольчиков где-то в глубине ночного леса. Посреди грязи, дыма, человеческого пота и навоза он пылал для Вель настоящим чудом.

Наконец, Вель увидала носителя крови.

Мужчина вышел из хлева, неся запах сена, скотины и того дивного серебристого духа, что тревожил ей сердце. Не задерживаясь, мужчина направился через двор к маленькой избушке, притулившейся у самого забора.

Вель тревожно огляделась по сторонам. Но двор, к счастию, оставался пуст. Тогда Вель помчалась следом за мужчиной.

Ах, она ведь чуть его не настигла! Но вот прямо перед самым носиком Вель дверь отхожего места грубо захлопнулась. Щёлкнул засов.

Вель остановилась, лапки её разъехались по грязи. Ушки прижались к голове; губы приподнялись, обнажая мелкие острые зубки. Вель хотела было сердито тявкнуть, да только рот её всё ещё был занят тубусом.

Обиженная донельзя, Вель отбежала на несколько шагов и уселась прямо посреди двора, не сводя глаз с проклятой двери.

Ждать пришлось ужасненько долго. Вель начала по-настоящему сердиться. Но вот дверь скрипнула. Едва мужчина показался на пороге, как Вель метнулась ему под ноги и замерла прямо перед ступенькой.

Мужчина ещё держал дверь распахнутой и даже не успел сойти вниз. Заметив Вель, он угрюмо замер, точно о чём-то задумавшись.

— А-а, это ты…

От звука его голоса ушки Вель дрогнули.

— Что же, эти скоморошьи рожи отпустили тебя побегать? Или ты им до того надоела, что они решили отвязать тебя ко всем бесам?

Взгляд мужчины остановился на маленьком деревянном тубусе. Пальцы его задумчиво побарабанили по косяку

— Та-ак… Кажется, понял.

Мужчина прикрыл дверь, быстро оглянулся по сторонам, а после нагнулся к Вель и вытянул руку. Пальцы его шевельнулись, словно говоря без слов: «Ну, давай сюда».

Вель не шелохнулась. Вот ещё! Слушаться его она вовсе не собиралась.

Мужчина несколько мгновений постоял, согнувшись, точно раздумывая, не укусит ли она его за пальцы. А затем осторожно потянулся и ухватил тубус за самый краешек.

Вель неохотно разжала зубки.

— Ты ведь не Таволга… я прав?

Вель раздражённо мотнула хвостиком. Запахи нужника всё ещё липли к мужчине крепкой пеленою, мешая и раздражая Вель до невозможности. Однако под этой грязью всё равно пробивался настойчивый ртутный след. След крови альвов. Крови её настоящего тела.

Мужчина нахмурился и выпрямился во весь рост. Быстро развернул послание и пробежал взглядом по строкам. Лицо его тотчас потемнело. Мужчина спрятал послание за пазуху, настороженно оглядел двор и коротко поманил Вель за собой:

— Идём. Нечего нам здесь стоять у всех на виду.

Вель до того растерялась, что даже не нашла в себе сил возмутиться подобной дерзости. Что это ещё значило? Да как он смел ей приказывать?!

Однако лапки сами понесли её следом. За дальней кибиткой мужчина опустился на корточки и принялся разглядывать Вель с испытующим вниманием.

— Вель, значит… Ну, слушай тогда внимательно, Вель, и наматывай себе ну ус. Волетворец Малого Круга обрисовал нам положение. По большаку больше не пойдём. Двинемся через Червлёные Болота. Вражбит уверяет, будто так мы срежем путь… Только сперва лошадь продадим. Волетворца оставим на большаке. Прикончите его за нас, чтобы не мешался. На этом всё. Хотя нет. Есть ещё одна просьба…

Вель не выдержала. Вскочила на задние лапки и звонко затявкала. Сознание лисицы смешалось с её собственным. Вель более не могла удерживать себя. Знак подчинения, которому Вель научилась совсем недавно и которым ужасно прежде гордилась, вышел из-под контроля. Волнение ломало разум, и оттого Вель всё сильнее обращалась в настоящего дикого зверька.

Этот мужчина был таким же, как она. В жилах его текла их кровь. Отчего? Отчего она ощущала её в нём столь нестерпимо ярко, когда даже в папеньке никогда не чуяла ничего подобного? В папеньке жила тьма. Страшный омут, глубокий и чёрный, точно вода подо льдом в безлунную ночь. Но в этом человеке, под его кожей, меж рёбрами, звучала мелодия знакомой крови. Вель не сомневалась: окажись она перед ним не в лисьем обличье, а в теле собственном, сумела бы ощутить её серебристое эхо. Нечестно. Нечестно!

Вель отскочила, заметалась кругами, прижав ушки к голове и хлеща себя хвостом по бокам.

— Какого?.. — мужчина изумлённо округлил глаза. — Да что с тобой такое? Тише! Замолчи, услышат! Замолчи сейчас же. Хватит, сказал! Бесово семя!

Но Вель уже не могла остановиться. Она метнулась к нему и попыталась цапнуть за ногу. Вовсе не всерьёз, лишь затем, чтобы пустить кровь и удостовериться наверняка. Однако мужчина отпрянул и замахнулся для удара. Зубы Вель звонко щёлкнули в пустоте.

Вель испугалась. Крутанувшись на месте, она рванулась прочь: через двор, мимо цепных псов, что вновь захлебнулись лаем, мимо пёстрых кибиток и костров. Прочь, под тёмные ели, где лес принял её сырым сумраком, влажною землёю и запахом свободы.

***

В тот день, — перед тем, как покинуть столицу, — Ярмола зашёл в церковь, желая испросить благословения. Храм стоял в предутреннем сумраке, тих и пустынен; лампады мерцали под сводами, от каменных стен тянуло стылым восковым духом.

Ярмола молился долго; когда за спиною его внезапно раздался женский голос, он едва не вскрикнул, устрашившись, будто Жница явилась к нему во плоти.

Женщина и впрямь чем-то напоминала изображения Жницы. Была она ещё молода, однако в лице её уже проступала зрелая суровость. Волосы скрывал богатый монастырский убор, расшитый золотом, а весь наряд свидетельствовал, что перед ним возникла не простая черница, но особа не ниже настоятельницы богатой обители.

Один чёрный кудрявый локон её выбивался из-под убора и нелепо торчал у виска, нарушая строгую величавость.

Странно, что женщина была одна и без охраны. Это бросалось в глаза. Но в то же время вся её фигура и обличье были так неразрывно слиты с убранством церкви, что блазнилось, будто она сама составляла неотъемлемую часть этого грозного пространства.

Женщина скривила унылую гримасу.

— Да знаю я, — молвила она, коснувшись головного убора. — Наряд этот мне вовсе не к лицу. Но иначе здесь не походишь.

— Прости, госпожа, — поспешно выговорил Ярмола, опуская взгляд. — Ты застала меня врасплох.

— Так, стало быть, это ты и есть тот самый отрок, коему прочат великое будущее в ремесле исцеления? Наставники твои отзывались о тебе с редкостным почтением. Сказывают, дар твой превосходит многих старших волетворцев. Отчего же ты отказался остаться при столичном дворе?

Ярмола смутился.

— В столице и без меня довольно искусных целителей, госпожа. Есть люди куда более одарённые, нежели я. А простому люду помощь надобна ничуть не менее…

Он запнулся, подыскивая слова.

— Я лишь желаю приложить все силы, чтобы хоть кому-нибудь облегчить страдания.

— Подними голову.

Женщина извлекла из складок одеяния знак волетворца. Вокруг него была искусно обвита тонкая золотая нить.

Ярмола округлил глаза.

— Ч-что это?

Женщина протянула знак ему.

— Именем Церкви тебе вручается право волетворца высшего порядка. Золотая нить будет свидетельствовать, что где бы ты ни оказался, воля твоя приравнивается к воле Управления.

Ярмола едва не упал без чувств.

— Что?! Нет, госпожа! Не может того быть! Верно, здесь какая-то ошибка!

Лицо женщины внезапно ожесточилось. Взгляд её сделался холоден, словно зимняя сталь.

— Ты смеешь перечить воле Верховного Пастыря, мальчик?

— П-пастыря?! Н-нет! — Ярмола упал на колени, склонив голову. — Я… для меня великая честь принять сей знак, госпожа! Но отчего именно я?

Несколько мгновений женщина сохраняла суровость, а затем вдруг расхохоталась. Ярмола понял, что весь её грозный вид был не более чем шутливою игрою, устроенной ради его смущения.

— Затем, — молвила она мягким голосом, — что не каждый день является в мир человек, несущий в себе столь чистую искру Истока.

С этими словами она собственноручно возложила ему на шею знак волетворца.

И вот теперь Ярмола сидел у кибиток, кутаясь в плотный плащ от сырого утреннего ветра. Вокруг царила обычная сумятица: скрипели колёса, скоморохи собирали пожитки и бранились меж собою, готовясь выступать в путь.

На ладони у него лежал знак волетворца, перевитый золотою нитью.

Ярмола долго смотрел на него, точно надеялся, что тот исчезнет сам собою. Прежде Ярмола никогда бы не дерзнул воспользоваться правом золотой нити. Даже помыслить о том не смел. Ему вполне доставало тех полномочий, что даровались обычным волетворцам. Более того, сама мысль о власти, приравненной к воле Управления, внушала Ярмоле воистину суеверный страх. Он не был достоин подобного. Тут непременно крылась ошибка. Страшная, нелепая ошибка.

Но вместе с тем Ярмола уже понимал: назад пути не было. Он переступил незримую грань в тот миг, когда принял знак с нитью из рук той женщины. Ещё до того, как попросился к Оводу в ученики.

Стало быть, оставалось только двигаться вперёд. Даже если от страха подгибались колени.

Подобная дерзость грозила ему анафемой. Мысль эта всё ещё внушала Ярмоле страх, однако уже не тот, что прежде. Где-то глубоко внутри страх этот начал уступать место смутному, горестному пониманию, что порою служение людям требовало большего, нежели послушание догмам. Овод помогал людям без церковной принадлежности и без оглядки на священные уложения. Помогал лишь потому, что иначе не мог.

Ярмола думал о той женщине в храме, об Одном и его исступлённой ярости. То, с каким мучительным презрением Один взирал на него, словно сама мысль о том, что жизнью своей он был обязан Ярмоле, была для него хуже смерти.

Один отказывался принимать маковый настой, чтобы унять боль. Не желал слушать ни доводов рассудка, ни уговоров. Дыхание в нём поддерживала одна лишь ненависть.

Приняв решение, Ярмола направился к пленнику. У входа, привалившись к деревянной перегородке, сидел Хонза. Алхимик вопросительно проводил Ярмолу взглядом, однако ничего не сказал.

Ярмола опустился рядом с пленным.

Один лежал связанный, измождённый до крайности. Когда Ярмола вынул кляп из его рта, Один сплюнул. Глаза его вспыхнули бешенством.

— Я выпущу твои кишки! — прохрипел он, с трудом ворочая пересохшим языком. — И заставлю тебя ползать по дороге… собирая брюхом следы колёс…

Ярмола поднял между ними знак волетворца, и в тот же миг лицо Одного застыло в безобразном оскале. С зубов его стекала слюна.

— Да, золотая нить. Наслышан. У кого ты посмел её выкрасть?

Ярмола заставил себя говорить ровно и твёрдо, нацепив на себя маску Овода, его решимости:

— Именем Церкви мне вручено право волетворца высшего порядка. Золотая нить свидетельствует, что где бы я ни пребывал, воля моя приравнивается к воле Управления. Ты не имеешь права удерживать меня, брат. Равно как и судить. Я имел полное законное право содержать при себе вольных вражбитов, если это сулило мне выгоду.

При слове «брат» лицо Одного перекосилось.

— Не смей так ко мне обращаться, ты…

— Волетворцы — братья друг другу. Не по крови, но по служению. И поэтому я прошу тебя услышать мои слова. Ни я, ни кто-либо из этих людей не причастны к смерти брата Малого Круга. И пламя души моей разделяет твою скорбь.

— Заткнись, пока я не…

— Не заткнусь. В руках моих — воля Пастыря. Золотую нить мне даровали в столице. Услышь меня, Один. Нам нет нужды восставать друг против друга. Я освобожу тебя немного позднее, но с тем условием, чтобы ты не смог причинить вреда неповинным людям. Прошу, Один. За кем бы ты ни охотился — не мы твоя цель.

Подал голос Хонза, всё это время молча сидевший у стены:

— Крайне невыгодно было бы тебя спасать, будь мы причастны к смерти твоего брата. Слишком много возни ради столь дурного исхода.

Один не ответил. Ярмола видел, как за напускной свирепостью его скрывалось понимание. Быть может, Один осознал всё ещё в первые дни своего плена. Но утрата — телесная и душевная, — обглодала в нём человечность, мешая довериться.

— Освободи меня сейчас, — проговорил рычащим голосом Один. — Докажи не словом, но делом, что мы с тобой равны.

Ярмола помолчал. Усталый взгляд его скользнул по осунувшемуся лицу, по спутанным волосам, по воспалённым глазам человека, которого он некогда знал совсем иным.

— Равны? Нет, брат. Мы никогда не были равны. Ты всегда превосходил меня. В силе, знании… да и в решимости. И я не столь самонадеян, чтобы пытаться вознести себя до равного одному из лучших волетворцев, возведённых в Малый Круг. Поэтому ты побудешь связанным ещё немного.

***

Сивка фыркает, когда я в последний раз провожу ладонью по её тёплой шее, сгоняя приставшие шерстинки.

— Я буду скучать, — шепчу.

Мужик, что выкупил у нас кобылку за три серебряных и мешок крупной редьки, разворачивает её за уздечку. Меньше, чем она того стоила, гораздо меньше. Но в город нельзя — слишком опасно.

Поэтому стоим теперь на слякотной развилке рядом с поселением на краю болот. По ту сторону реки начинаются Червлёные Болота. От них тянет прелью, стоячей водою и лёгкой металлической кровью болот.

Здесь нам предстоит распрощаться со скоморохами: они двинутся своей, относительно безопасной тропой вдоль края топи, а мы — своей, прямо в сердце кошмара.

Поэтому и пришлось отдать Сивку. Впереди ждало, в лучшем случае, три дня по Червлёным Болотам: топь, кочки, вода по колено, а то и по пояс. Потом спуск в пещеры и потаённую сокровищницу альвов. Кобылка просто бы погибла по дороге: либо утонула, либо стала добычей местной твари.

Понимаю всё это головой, но сердце щемит так, будто из меня выдирают живой кусок.

— Повезло, — говорит Хонза, подходя ближе. — Быстро управились.

Он смотрит на меня искоса, будто проверяет, не передумаю ли я в последний момент и не устрою ли драматичный побег за лошадью. Киваю, продолжая смотреть вслед удаляющемуся заду Сивки. Потом в ожидании кошусь на Овода.

Мы с вражбитом не смотрим друг на друга с того самого дня, когда он на меня огрызнулся. И не разговариваем тоже. Хотя поговорить явно стоит. Вот только попробуй ещё найди момент, когда рядом не торчит кто-нибудь лишний. То Хонза, то Ярмола, то половина бродячего цирка, то, как назло, Векша.

Причём Векша, кажется, каким-то чутьём альва улавливает, когда я пытаюсь поймать взгляд Овода. И немедленно начинает требовать моего внимания с утроенной силой. Чисто из принципа. Или потому что ему нравится наблюдать, как я делаю вид, будто меня это не нервирует.

Хотя, возможно, это проявлялись мои собственные загоны, зародившиеся после вчерашней ночи. Не могу определиться: виной тому смущение за распутство, или боязнь выдать языком тела желание это самое распутство продолжить?

Но времени на внутренние кризисы нет вовсе.

Всё утро ушло на пленного волетворца. Его отвели подальше от скоморохов, развязали и велели топать до города пешком. Векша, конечно, предложил оставить его связанным где-нибудь в лесу, но Ярмола настоял, чтобы мы дали ему уйти самому.

Один смерил нас бешеным взглядом, мысленно проклиная до кровавого поноса, и побрёл прочь. Ехать на предоставленном муле он высокомерно отказался.

Пока Один доберётся до города, пока соберёт людей, чтобы гнаться за нами, мы уже будем минимум в дне пути. К тому же вряд ли Одному вообще придёт в голову, что мы полезем через Червлёные Болота. А если и придёт — ну, удачи ему. Пусть попробует нас догнать и не сгинуть от тоски, грязи или местной фауны.

Скоморохи вообще обещали нестись вон так, что колёса сотрутся раньше, чем они остановятся. И почему-то мне в это верилось абсолютно безоговорочно. Было в этих людях что-то очень убедительное.

К вечеру мы добрались до переправы, и там-то меня и настигла очередная личная трагедия. Сивку купили быстро. Я так долго и жалобно с ней прощалась, что даже покупатель начал смотреть на меня с сочувствием. Сивка, кажется, тоже.

Векша всё это время стоял рядом и косился на происходящее с выражением глубочайшего внутреннего осуждения. Комментировать не стал. Видимо, из уважения к моему горю. Но по взгляду читалось совершенно отчётливо: «Это же лошадь. Ты чего сейчас страдаешь так, будто вас венчали?»

Попрощавшись с Сивкой, мы, наконец, возвращаемся к скоморохам. Те уже вовсю устраивают представление для местных.

Поселение на болотах выглядит как макет, собранный из жутких сказок и пьяных баек. Низкие деревянные дома стоят на кривых сваях прямо над чёрной водой, вспыхивающей редкими отражениями костров и фонарей. Между ними тянутся шаткие мостки, влажные от тумана и болотной сырости. Из камышей доносятся жуткие шорохи и звуки. Над всем этим висит густой туман, пропахший дымом, сыростью и рыбой.

Скоморохи носятся в свете костров, как всегда яркие и шумные, будто стая буйных лесных духов. Детишки, заметив нас, тут же облепляют со всех сторон и торжественно вручают какие-то самодельные маски. Видимо, это их прощальный подарок.

Мне достаётся деревянная козья морда с маленькими рожками и хитро вырезанной улыбкой. В целом даже симпатичная, если не учитывать, что в ней абсолютно ничего не видно. С учётом темноты и местных мостков это и вовсе смахивает на полноценную попытку убить меня через бытовую неосторожность. Но дети смотрят так выжидающе, что приходится благодарно улыбнуться и надеть маску на себя.

Представление постепенно заканчивается, и всё, как обычно, перетекает в привычный хаос: еда, выпивка, музыка, пляски и смех. И вот вроде бы всё прекрасно, но этот бесконечный праздник начинает меня утомлять до мозга костей. Понимаю, что если не выберусь из этой толпы сейчас, то начну кусаться. Поэтому просто разворачиваюсь и иду искать Овода.

Вражбита нахожу случайно и из-за этого пугаюсь не на шутку. На нём жуткая чёрная маска козла, в которой он был в нашу первую встречу.

В голове оживают воспоминания, пробуждая по коже мурашки.

— Жуть… — роняю.

Овод явно не ожидал, что я его перехвачу. Как-то странно молчит, уставившись на меня. Из-за темноты не вижу его взгляда.

— Теперь мы с тобой на равных, — пытаясь как-то скрасить тягостное молчание, указываю пальцем на свою маску.

— Я бы так не сказал, — отвечает он глухо и, помолчав, добавляет: — У меня всё-таки побольше.

— Ну да, ну да. Слушай, я хотела с тобой поговорить.

Овод ставит руки на пояс, будто уже заранее уставая от предстоящего разговора. Плечи его немного сгорблены, голос кажется вымотанным.

— Ну говори, — выдыхает.

— Почему ты на меня злишься?

— Я не злюсь.

— Ну, знаешь, ты и до этого был не очень-то разговорчив, но последние дни просто… серьёзно, что не так?

Овод выдыхает через нос.

— Что тебе наобещал Векша? — спрашивает.

— При чём тут он?

— Неважно.

Вражбит пытается меня обойти, но я переступаю дорогу.

— Нет уж, закончи, раз начал! — начинаю злиться.

— Ты хотела забрать у меня то, что хотел украсть Векша. Он тебя подговорил?

Молчу, осмысляя услышанное.

— Рехнулся? Нет! Я просто спросила, просто… неужели ты думаешь, я буду у тебя воровать?!

— Раз ты выбрала быть с ним, то да. Теперь я имею право так думать.

— Нет, не имеешь! А с Векшей я просто… просто время провожу, чтобы не скучно было. И уж будем честны. Если бы Векша хотел у тебя что-то украсть, он бы это уже сто раз сделал.

Последние слова тычут ему не в бровь, а в глаз. Понимаю это по тому, как вражбит набирает в грудь воздух. Сейчас дыхнёт в меня огнём. Три, два, один.

— Ну раз ты выбрала проводить его с ним, а не со мной, так и ступай к нему и оставь меня в покое.

Чувствую, что нас с ним выносит в кювет. И в этот момент я наконец всё понимаю. Хотя, конечно, догадывалась, но верить в это до конца было бы как-то самоуверенно, не убедившись наверняка.

— Ты ведь сам вёл себя так… Сам говорил, чтобы я к тебе не лезла. Со всем этим.

— Говорил, — признаётся нехотя, и я вдруг чувствую, как ему тяжело.

Он сам себя за это винит. Разрывается между тем, что считал правильным, и тем, чего на самом деле хотел.

Начинаю чувствовать себя ещё более отвратительно, чем когда прощалась с Сивкой.

— Я не думала, что ты… что ты хочешь, ну…

Овод молчит, но его маска с шерстью на плечах делает его выше и грознее.

— Что бы ты там ни думала, в любом случае — Векша не самый умный выбор. Ему нельзя доверять.

— Кто сказал, что я ему верю? Мы просто… весело проводим время.

— С тем, с кем весело проводишь время, потом тяжело справиться.

— Почему же сразу «справиться»? Мы не первый день все вместе, эм… держимся. Векша много чего хорошего сделал.

Кажется, Овод решает надо мной сжалиться. Опускает руки, голос его становится не таким острым:

— Ты ведь и сама чувствуешь, что с ним что-то не так.

Отвожу взгляд, смотрю на пляшущие на стене тени. Всем своим видом признаю, что слова Овода не беспочвенны. Да, тревога есть, но во мне она переплетается со столькими другими нитями чувств, что и не разобрать толком. Но вот Овод выдёргивает одну из общего пучка и тычет мне ей в нос, как недотёпистому ребёнку.

— Да, он… чуточку своеобразный, но…

Умолкаю. Не хочется делиться прошлым Векши без его позволения. Если его хозяин знал, что Векша полукровок, то мало ли, что он заставлял его делать, кроме как «скрещиваться» в своё удовольствие. Если бы Векше было всё в удовольствие, он бы не сбежал и не прибился к разбойникам, ведь так?

— Он тебя не подговаривал, — брезгливо бросает Овод. — Ты его сама полюбила.

Вспыхиваю, будто вражбит сказал, что я заразилась какой-то мерзкой болячкой.

— Мы просто забавляемся! — протестую, сама не зная, зачем. — Пока до Галлу-Дар не дойдём!

— Если долго врать, можно начать в это верить, но от этого ложь не станет правдой. Послушай. Мне жаль, что ты оказалась во всё это втянутой. Но раз ты собралась идти с нами со всеми дальше… не расставляй себе капканы на будущее.

— Значит, будешь теперь меня ненавидеть? — уточняю.

— Я не ненавижу. Просто мне нечего больше сказать. Это всё, что ты хотела?

— Наверное, да… не знаю.

Овод не двигается, над чем-то размышляя и согнув одну руку в бок. Потом устало хлопает меня второй один раз по предплечью, несильно, но достаточно, чтобы подытожить этим нашу беседу. Нечто среднее между подбадриванием, сожалением и: «Если будет совсем хреново, приходи, и я скажу – я ведь говорил». Затем огибает меня и устремляется по своим делам.

Хочу спросить, куда он, но поспешно закусываю губу. Вспоминаю, как увязалась один раз за ним, когда он хотел просто справить нужду, поэтому заставляю себя сдержаться. Пора бы переставать лезть к нему без причины. Ему это явно радости не доставляет. Нужно всё-таки соблюдать приличия.

Возвращаюсь на улицу, к тёплому свету костров и пьяному, заливистому веселью толпы. В гуще людей прятаться всё-таки надёжнее, чем в пустоте.

Смотрю на ближайший костёр и невольно вспоминаю свою первую ночь в этом мире. Без того первобытного ужаса, правда. Видимо, психика решила, что лимит паники исчерпан. Но внутри всё равно мерзко тянет, как старая травма на погоду.

— О чём думаешь? — голос Векша где-то за спиной.

— Господи, хватит так подкрадываться! У меня и без тебя нервная система на соплях…

Оборачиваюсь, пытаясь разглядеть его через прорези маски. На нём тоже деревянная маска: то ли оскаленная волчья морда, то ли хитрая лисья. В пляшущем свете костра не разобрать, но выглядит, конечно, пугающе эффектно.

Руки его сцеплены за спиной, сам он наклоняется ближе, чтобы я услышала его тихий голос сквозь весь этот гвалт.

— Тебя уже раз сто можно было убить. Ты вообще по сторонам не смотришь.

Ничего толком не видно. Но снимать маску почему-то совсем не хочется. За ней слишком удобно прятать всё, что сейчас написано у меня на лице.

— Как приятно знать, что ты так старательно просчитываешь варианты моей преждевременной кончины, — поправляю маску. — Прямо душу греет.

В голове мелькает: а ведь он мог слышать весь наш разговор с Оводом. Интересно, обиделся ли он на «своеобразного»? Или, наоборот, довольно ухмыльнулся, когда я в очередной раз подчеркнула, что мы друг другу ничего не должны и после Галлу-Дар он может с чистой совестью свалить в закат?

Нащупываю его руку и сжимаю ладонь.

— Что-то тоскливо. Пошли, что ли, потанцуем?

Векша сжимает мою руку в ответ, будто только этого предложения и ждал.

— Я, пожалуй… — он тянет меня за собой, свободной рукой обнимая за спину с издевательски галантным видом. — Покажу себя в чём-то действительно стоящем.

Сначала просто идём рядом. Его ладонь спокойно лежит у меня на пояснице, но спустя несколько метров что-то меняется. Векша ускоряется, и его пальцы на моей талии сжимаются крепче. Ещё пара шагов, и мы ныряем в самую гущу толпы.

Вокруг творится неразбериха. Кто-то громко, фальшиво и абсолютно счастливо орёт песню. В воздухе смешиваются запахи жареного мяса, пива и дыма, да так густо, что начинает кружиться голова. Возле стены целуется парочка, вообще не замечая никого вокруг. Чужие руки то и дело цепляются за меня, желая увлечь в хоровод.

Толпа давит со всех сторон, обжигает шумом, но Векша вдруг срывается на бег. Его пальцы до ноющей боли сжимают мою ладонь, и вот я несусь следом, едва успевая переставлять ноги. Юбка путается, волосы выбиваются из-под маски. Всё вокруг превращается в сплошной вихрь света, огня, криков и смеха.

На бегу срываю с лица маску. Лента рвётся, холодный воздух обжигает пылающие щёки. Начинаю громко смеяться.

Векша оборачивается на мой смех, и я тянусь к нему и срываю маску теперь с него.

В отблесках далёких костров он выглядит совершенно растерянным. Глаза распахиваются шире, брови взлетают вверх. На короткий миг его лицо становится беспомощным, совсем мальчишеским, словно только сейчас он понимает, как слепо нёсся всё это время под деревянным намордником, не видя толком ни дороги, ни себя самого.

Волосы его липнут ко лбу и вискам, кожа блестит от пота. А затем морок рассеивается, и уголки его губ тянутся вверх в открытой, светлой улыбке.

Улыбаюсь в ответ:

— Теперь ты хотя бы видишь, куда бежать.

***

Хонза шагал быстро, да так быстро, что это можно было назвать вынужденной уступкой обстоятельствам, которые, как назло, всегда выбирали себе в проводники самых пьяных свидетелей.

В руках Хонза сжимал самопал с тлеющим фитилём.

Впереди мотался мужик с тусклым масляным фонарём: он размахивал им с пылом пророка апокалипсиса, беспрестанно цепляясь сапогами за кочки и едва удерживая равновесие.

— Там, там! Упырь девку терзает! — сипел пьяный, размахивая свободной рукой, словно дирижируя собственным ужасом. — Господи, страшно-то как, брат! Когти у него! Сам видел! Когти! Глазища!

Хонза не ответил, размышляя, сколько времени займёт у Ярмолы отыскать и привести на выручку Овода.

Но чем ближе они подходили к дальнему сенному складу, тем отчётливее становились звуки. Вернее, женские стоны, прерывистые и жалобные.

Хонза остановился.

Пьяный сделал ещё пару неверных шагов, затем обернулся, поднял фонарь и бесцеремонно засветил Хонзе прямо в лицо, щурясь с обидчивым недоумением.

— Ну? Чего стал? Сам же слышишь — спасать надо!

Хонза глянул на мужика с выражением утомлённого понимания, с каким обычно он в своё время смотрел на подмастерьев, внезапно осознавших очевидное.

— Боюсь, девушка едва ли будет нам признательна, если мы сейчас вмешаемся.

Мужик моргнул. Пьяная мутность в его глазах начала понемногу рассеиваться.

Из сарая вновь донёсся женский стон:

— Да! Векша, да! Ещё!..

Следом послышался знакомый мужской голос, явно довольный собой. Что, собственно, неудивительно. Редко его так настойчиво просили продолжать. Чаще — немедленно прекратить.

Слова разобрать было невозможно, да и, признаться, Хонза к этому особенно не стремился.

Пьяный хлопнул себя по лбу.

— Ой-ёй! — даже в жёлтом свете фонаря было видно, как лицо его пошло густыми багровыми пятнами. — М-да! Это я, выходит… обосрался.

Он неловко поскрёб затылок, опустил фонарь и попятился на шаг.

— Ну, тогда, не наше, стало быть, дело? Я-то думал — упырь… А тут, вон оно как.

Хонза затушил фитиль самопала.

— Да. Полагаю, с этим упырём она управится без нашей помощи.

Пьяный закивал с поспешностью пристыжённого ребёнка, и оба они двинулись обратно.

***

Ярмола нёсся в темноте, не разбирая дороги. Шапка его съехала набок, сапоги вязли в раскисшей земле, однако он и не помышлял замедлить бег.

— Там он! — крикнул кто-то из скоморохов, указывая рукою в сторону дальних построек. — Спор разрешает, хе-хе!

Ярмола не стал расспрашивать лишнего. Единственная мысль билась у него в голове: успеть прежде, чем упырь доберётся и до Хонзы!

Дверь сарая стояла приотворённой. Ярмола толкнул её плечом и ввалился внутрь, тяжело переводя дух. И тотчас застыл, словно поражённый громом.

На разбросанных попонах и свежем сене, озарённое зыбким светом единственной масляной лампы, лежало существо, в коем человеческое смешалось со звериным столь противоестественно, что взгляд Ярмолы не сразу сумел объять увиденное.

Тело, распаханное шрамами, — крепкое, мужское, с широкою грудью и сильными руками, — покрывала густая тёмная поросль; вместо же человеческого лица возвышалась чёрная козлиная морда с тяжёлыми загнутыми рогами.

Существо лежало навзничь и прерывисто дышало. Поверх существа сидела скоморошья девушка. Рубаха её была задрана, бёдра обнажены. Одною рукою она упиралась зверю в грудь, другою сжимала собственную под смятой тканью, горестно постанывая.

Ярмола не успел сотворить обережного знака. Девица обернулась через плечо, слегка замедлив мерные движения. Щёки её пылали жаром, губы были полуоткрыты; затуманенный взор блуждал, словно она ещё не вполне возвратилась из сладостного забытья.

— Ярмола? — донёсся снизу знакомый голос.

Полузверь приподнялся на локте и сорвал с себя козлиную голову. Под маской оказался Овод. Тяжело дышащий, с влажными волосами, липнущими к вискам и лбу.

— Какого хрена ты здесь забыл?..

Ярмола раскрыл рот, однако язык его прирос к нёбу. Позади раздался скрежет засова. Обернувшись, Ярмола столкнулся лицом к лицу с другою девицею. Высокая и гибкая, она стояла в полумраке, не скрывая коварной улыбки.

— Присоединяйся, волетворец, — она провела рукою вниз, зацепившись пальцами за его пояс. — Тут у нас спор вышел. Всё не можем решить. Быть может, ты рассудишь? А то друг твой один никак не управится.

Девица, сидевшая на Оводе, задвигалась горячее; засмеялась, будто появление Ярмолы сильнее её распалило.

Ярмола издал сдавленный вскрик полного смятения, замирая, как зверёк, угодивший в силок. Девица с неотвратимой смелостью ухватила его меж ног.

***

Взвивались вихри синего пламени. Крутились, выли, рвали воздух раскалёнными крыльями. В сердце бури, где всё сливалось в ослепительный, нестерпимый свет, полыхали языки цвета глубокой зимней синевы. Белые искры, точно стаи обезумевших птиц, метались, вспыхивали и гасли, оставляя следы жгучего серебра.

Векша кричал. Пламя глодало его до кости голодным зверем. Оно текло по груди, плавило кожу, обнажая красное, дымящееся мясо. Но Векша не пытался вырваться. Он сидел на коленях, утопая в страшной, освобождённой силе, прорастающей сквозь него из грудной клетки.

Это был его гнев. Выношенный годами, выстраданный, как дитя в утробе. Он вырвался, обернулся синим пожаром, и уже не Векша горел во вражбицком пламени — само пламя жило из него.

— Векша! Векша, проснись, это всего лишь сон! — запах её крови, вкус слёз.

— По душе ли тебе это имя? — голос Хозяина смялся под рёвом пламени.

Разливайся, гнев. Иди палом, пожирай всё гнилое, всё червивое, всё, что ползало и пресмыкалось в тени. Пой, гнев, заглушая ветер. Ничто тебя не удержит. Ни люди, ни боги, ни сама смерть.

— Имя… — с опалённых губ Векши сорвался хрип.

Что ему теперь этот мир? Что леса, реки, пашни и людские голоса, когда утратил он самое дорогое?

— Имя мне…

Пожри всё, Гнев. Пусть мир осыплется без памяти и без будущего.

— Векша!

Всё оборвалось.

Векша рванулся вверх, как от удара ножом под рёбра. Распахнул глаза. Он слышал голос Тани, далёкий и тревожный, но не понимал, где находится. Глаза его, глаза альва, видели перед собой пространство: мышей в сене, чёрные вертикали стен и столбов, пятна соломы и пар от дыхания.

Всего лишь сон. Удушливый и липкий, как болотная тина.

Проклятье! Он стал обращаться слишком часто. Это плохо. Очень плохо.

Векша почуял запах крови. Её крови.

Они лежали, глубоко зарывшись в сено, в тесных объятиях друг друга, накрытые и укутанные толстым слоем соломы и одежд. Привстав на локте, Таня гладила его по мокрым от пота волосам, целовала шею, плечи, тихо и настойчиво пытаясь выманить его из того страшного огня. На её боку, где задралась тонкая рубаха, алели глубокие, рваные следы когтей.

Он ранил её во сне.

— Я не хотел…

Векша припал к ней, обхватил руками, прижался лицом к её груди, живому жару тела, и принялся повторять, задыхаясь, словно в бреду:

— Я не хотел… не хотел. Таня.

Таня гладила его по голове, перебирая влажные пряди, прилипшие ко лбу.

— Знаю, — шептала она спокойно. — Всё хорошо. Я знаю.

Но Векше всё сильнее чудится запах её крови, шипящей во вражбицким огне. И Векша зажмурился, в слепой надежде спрятаться от того, что рвалось изнутри.

Пусть пережитое останется за гранью ночи. Пусть смолкнут реки пламени. Пусть полощутся на ветру государевы стяги. И пусть люди пашут землю, растят детей и встречают рассвет.

Спи, Гнев. Не рви наложенных цепей.

Эпизод 32. Червлёные Болота

Один примостился на стволе поваленной сосны, вырванной ветром со склона и оставленной висеть верхушкой на соседнем дереве. Вывернутые из земли корни застыли в воздухе на высоте трёх саженей, образуя наклонный настил.

Изнемогая от головокружения, Один привязал себя верёвкой к ближайшей ветви. Руку он обмотал плащом, соорудив нечто наподобие рукавицы, на которой, — беспокойно переминаясь с лапы на лапу, — восседал молодой болотный лунь.

Тёмное оперение птицы отливало бурым, с рыжеватыми подпалинами и светлым кольцом на шее. Недавно вернувшийся с зимовки, лунь не желал усмирять нрава; то и дело он впивался чёрными когтями в руку сквозь ткань.

Поймал его Один далеко не сразу. Пришлось долго приваживать птицу кроличьим мясом. Лунь был осторожен, недоверчив и несколько раз уходил прежде, чем решился схватить приманку. Но Один не спешил, крепко усвоив горькую истину: спешка могла стоить слишком дорого.

Один присвистнул, и перья на загривке луня вздыбились. Птица раскинула крылья с чёрными кончиками, осела, вытянула шею, прижала спинные перья, подобравшись перед броском. Хвост качнулся, удерживая равновесие.

Раздался взмах. Лунь поднялся в небо, поймал поток ветра, описал круг над вершинами сосен и ушёл к болотистой низине.

Один закрыл глаза и откинул голову, избавляясь от жгучей, пульсирующей боли. Скорбь по всему, что осталось в прошлом, растаяла, подобному дыму угасшего костра. Остался только ветер, врывающийся под размашистые крылья. Ветер, пахнущий торфом, прелой осокой и железом.

Насилу Один заставил разум вновь взять верх над пьянящим чувством свободы. Лунь вздрогнул, противясь, но тотчас подчиняясь чужой воле.

Наконец, на краю птичьего зрения возникло движение. Повинуясь приказу, лунь устремился в сторону. В крыльях загудел ветер; птица стремительно снижалась, пролетая в двадцати саженях над вершинами елей.

По лесу, размётывая грязь, мчались бесформенные твари.

Их было шесть. Издали они напоминали крупных псов, но чем ниже спускался лунь, тем отчётливее становилось: ничего общего с гончими у этих тварей не было вовсе. Жилистые тела их были лишены шерсти: из-под серой кожи проступали рёбра и кривые хребты. В провалах вытянутых морд виднелись плотно посаженные клыки.

Твари неслись рваными скачками и крайне уверенно, точно напав на нужный след.

Лунь понёсся прочь. Птицу Один больше не щадил: гнал, ломая её волю до запальчивого крика. Времени не оставалось. Между тварями и укрытием Одного не было ни людей, ни животных. Значит, появление тварей не могло оказаться любопытной случайностью.

Когда лунь приблизился, Один ослабил между ними связь, спустился и, побарывая головокружение, побрёл через лес, придерживая болтающийся на поясе замотанный плотницкий топор, что ему выдали взамен потерянной сабли. Каждое движение плечом отзывалось вспышкой боли в опухшей культе.

На небольшой прогалине возвышался старый дуб. Высоко в его развилке был устроен лабаз — крепкий охотничий помост из толстых брёвен. Сверху было хорошо видно всю прогалину и тропы.

Под деревом топтались охотники: широкоплечий бородатый мужчина и двое парней.

— Наверх! — гаркнул Один, вываливаясь на прогалину.

— Что стряслось, парень? — бородатый подозрительно прищурился. — Ты ранен?

— Наверх!

Охотники не подчинились, но вид однорукого, который, несмотря на увечье, карабкался по лестнице, как одержимый, подхлестнул их всё же последовать его примеру.

— Тьфу ты, гангрена! — бородатый махнул рукой. — Полезли!

Первым рванул младший парень, за ним — второй. Последним, недовольно пыхтя, бородатый.

— Бес тебя дери, парень! Что за беда-то?!

Лунь опустился на край навеса. Замер, вытянув шею и глядя в сторону ельника жёлтыми немигающими глазами.

Шесть тварей вырвались на прогалину с влажным, клокочущим хрипом. Морды их вскинулись. Узкие пасти распахнулись, обнажая загнутые клыки. Первая тварь — самая крупная, — разбежалась и прыгнула. Жилистое тело вытянулось в воздухе, когти полоснули по коре. Тварь сорвалась, ударилась о корни, но тут же снова вскочила и метнулась вверх. Остальные тотчас последовали её примеру.

Твари сталкивались, визжали, карабкались друг на друга, тщась достать добычу, засевшую на дереве.

— Жница Божья! — обронил один из молодых охотников.

Бородатый натянул тетиву до уха.

— Не стрелять, — приказал Один, тяжело дыша и не сводя глаз со стаи.

— Что это за погань?!

— Не знаю.

Охотники опалили себя обережными знаками.

— Провалиться мне, мать честная!

— Лучше без этого, — Один не выдержал и сделал долгий глоток маковой настойки из фляги, приготовленной для него Ярмолой. — Кто-нибудь из ваших может прийти на помощь?

Бородатый вытер усы рукавом.

— А хоть и придёт, что толку-то?

Лунь встряхнул крыльями и тревожно кикнул.

Один быстро и без лишних подробностей объяснил, с чем они, скорее всего, имели несчастье столкнуться. Парни не выдержали и пустили стрелы. Наконечники вошли под лопатки двум ближайшим тварям. Чудища только замотали головами. Вместо крови из ран потекла белёсая муть.

Парни заметно приуныли.

Вскоре твари успокоились. Одна за другой они легли на брюхо, окружив дуб широким кольцом. Изредка кто-нибудь из них вскидывал голову, облизывал морду жирным, чёрным языком.

Ждали, страхолюдины. Ждали, когда люди сами свалятся вниз, точно созревшие, готовые к поживе плоды.

Старший охотник угрюмо простонал, растирая ладонью кудлатую бороду:

— Да что ж это такое творится на нашей земле, мать её раз так?! То слухи про змея трёхглавого ползут, то какие-то боярские люди по чащобам рыщут, точно леший им в душу нагадил! А теперь ещё и эта погань под деревом залегла. О, Жница Божья, до чего мы дожили?

Бородатый сплюнул вниз, прямо на голову ближайшей твари. Та даже не шелохнулась.

Один сидел, прижавшись лбом к согнутым коленям. Слабость и жар мешали мыслить здраво. Но услышав последние слова, Один с усилием поднял голову, поморщившись от боли.

— Какие ещё «боярские люди»?

— Да кто их разберёт. Не наши, пришлые. Знамёна у них зелёные, а на каждом — чёрный медведь на дыбах, зубы скалит. Два дня назад видели их на большаке. Шли к северу. Кольчуги,

шеломы с налобниками, оружия — не оберёшься. Людей не трогали, ни единой курицы не взяли, да только…

— Зелёные с медведем, — вторил Один, вставая.

— Мы тут каждую тень на дороге замечаем. А уж таких гостей и подавно. Поговаривают, будто какой-то богатый человек, из дальних краёв, затеял паломничество по местам, где некогда Пророк Ила странствовал в последние годы перед своим исчезновением. Вот и идут они якобы на богомолье, только уж больно грозно идут. Слишком много железа на себе тащат для простых богомольцев.

— Гра'Морна.

— Чего-чего?

Одна из тварей внизу подняла голову и разинула пасть, скаля зубы в ехидной усмешке.

— Сколько у вас стрел? — спросил Один.

— Ну, если таких, что этих возьмут… штук восемь.

— Давайте сюда самые тяжёлые.

Один намотал на наконечники трёх тяжёлых стрел полоски ткани. Прочертил знак. Вспыхнуло холодное синее пламя, сразу впитавшееся в ткань без всякого горючего.

Молодой охотник осторожно натянул тетиву, стараясь не подпалить её горящей стрелой, и выстрелил. Стрела вонзилась твари прямо в глаз. Тварь пронзительно взвыла и заметалась, бешено тряся головой, разбрасывая вокруг белёсую муть. Охотник выстрелил снова; следующая стрела вошла в хребет у основания черепа.

На лабазе все замерли, затаив дыхание.

Тварь носилась кругами, мотая головой. Синий огонь внутри черепа не угасал, прожигая мозг. Постепенно движения твари становились всё слабее: она начала спотыкаться, валиться на передние лапы, подниматься и снова падать. Наконец, тварь рухнула на бок. Обезвреженная, но ещё живая.

— Столько, сколько сможете, — шмыгнул носом Один, поджигая синим пламенем следующую стрелу. — Один я не справлюсь.

Твари оказались слишком вёрткими: стоило одной получить стрелу в глаз, как остальные начали носиться под деревом, рыча и прыгая в стороны, не давая прицелиться.

Таким способом удалось уложить трёх из шести. Когда взялись за четвёртую, тяжёлые стрелы кончились. Пока оставшимися стрелами охотники ранили тварям зрение, Один отошёл. Сбросил с себя плащ и глубоко вдохнул, сдерживая скулёж. Собравшись с силами, Один прочертил на своей шее усиливающий знак.

— Похоже, они охотятся на меня, — произнёс Один, разматывая с пояса плотницкий топор и бросая его на землю. — Значит, меня и получат.

— Э, парень, сдурел?! Не пустим, и не думай даже!

Один сосредоточился. На мгновение в глазах его потемнело.

— Не станет меня, и на моё место придут другие. Но пока я жив, то не позволю убийцам Девяти так легко уйти.

Связь с лунем натянулась и окрепла, словно тугая жила. Птица воинственно вскрикнула и камнем сорвалась вниз. Заметалась между тварями, касаясь их морд крыльями, дразня и уводя за собой. Пасти с сухим клацаньем смыкались в опасной близости, но воля Одного раз за разом выдёргивала луня из-под удара.

Твари сбились в кучу, разворачиваясь вслед за птицей, спинами к дереву. Один ухватился за верёвку, привязанную к столбу лабаза, и сорвался вниз.

Полёт. Удар об землю.

Сапоги Одного с влажным шлепком ушли в грязь.

***

Овод смотрел, как плот лениво отплывает от берега. Несколько массивных брёвен, стянутых верёвками и покрытых потрескавшейся смолой, понуро качались на воде, пока переправщик упирался шестом в вязкое илистое дно.

— Остаётся только вперёд, — подытожил Хонза.

Они ещё раз проверили вещи, заранее распределённые, чтобы каждому досталось по силам.

Векша и Таня держались вместе, хотя полукровок выглядел так, будто между ними пролегла непримиримая вражда. Таня, похоже, участвовать в этой вражде не собиралась: болезненно бледная, неловко сутулящаяся, она то и дело бросала на Векшу виноватые взгляды. Несколько раз девушка порывалась что-то сказать, но каждый раз осекалась, наталкиваясь на его показное безразличие.

Мысленно Овод аплодировал стоя. Чем же Таня так умудрилась задеть полукровка, для которого тарелка в лицо обычно считалась формой вежливого одобрения?

Векша выстроил между собой и Таней настоящую крепостную стену. Отвечал скупо, упорно смотрел куда угодно, только не на Таню. А если всё-таки смотрел, то взгляд его делался настолько зловещим, что Оводу начинало казаться, что пришла пора, как-никак, ему вмешаться.

Овод попытался добиться объяснений от Ярмолы, однако тот лишь покачал головой. Впрочем, и сам волетворец выглядел потерянным в собственных мыслях. Ещё до того, как они переправились через реку, Ярмола разыскал Овода и попытался повиниться за случившееся ночью.

Когда Овод ушёл разбираться с упырём, Ярмолу отвлекли скоморошьи девки. Бесхитростный волетворец настолько их увлёк, что об Оводе они забыли напрочь.

Овод уже не знал, как воспринимать оную данность: даже Ярмола умудрился увести у него сразу двоих. Это был уже не просто удар ниже пояса — это была настоящая божественная кара. Впрочем, поразмыслив, Овод решил, что Ярмоле, пожалуй, умелая ласка и впрямь была нужнее. Если монастырь волетворцев за все годы так и не сумел объяснить ему основы женской природы, то кому, как не двум скоморошьим девкам, было этим заняться?

— Я… я не хотел, честное слово! Оно как-то само, — тараторил Ярмола, упорно избегая взгляда Овода и нервно теребя пальцы у груди. — Я даже сопротивляться не смог! Они… я и подумать не мог, что они так умеют. По-хитрому. Я просто растерялся совсем.

— Ну что ж. Рад, что хоть ты… повеселился как следует.

— О, как же стыдно!

— Не переживай. Я не первый раз с женщиной спал и, надеюсь, не последний. Так что обиды не держу.

Ярмола покраснел ещё сильнее, хотя, казалось, дальше было некуда.

— Нет, я не… просто было бы лучше, если бы ты остался и…

Волетворец запнулся, окончательно запутавшись в собственных словах. Испуганно вскинул глаза на Овода.

— Нет, не так! — Ярмола замотал головой и замахал руками. — Ты только не подумай ничего такого!

— И что же, по-твоему, я должен был подумать?

Глаза у парня расширились, будто он узрел перед собой разверзшуюся бездну. Волетворец схватился за голову и, не сказав больше ни слова, бросился прочь.

Ярмолу искали до самого отплытия, пока он прятался ото всех в часовенке.

— Возьми себя в руки, — велел ему Овод перед тем, как забраться на плот, крепко сжав за плечо. — Веселье закончилось. Дальше начинается опасный путь. Сейчас всем нужно думать только о деле. Ну?

Хонза, как всегда, выглядел сонным и беззаботным, без всяких на то причин веря в светлое будущее. К нему у Овода вопросов не было. Хотя бы к нему!

Овод злился. В Червлёных Болотах любая потеря самообладания могла стоить жизни, а у них всех в головах творилась хрен знает какая каша!

На Червлёных Болотах сходились два мира. Из невидимых трещин в земле поднималось влажное, пряное дыхание подземных пещер. Сверху, сквозь перекрученные кроны, просачивался сырой, пробирающий до костей холод северных болот. Два противоположных начала сталкивались, рождая туман, в котором кружили светящиеся споры.

Густая тёмно-багровая вода под ногами, похожая на венозную кровь, смешанную с ржавчиной и подземным ядом. Над ней клубился медный пар. Из кровавой глубины, напоминая кости замученных великанов, торчали кривые деревья с бледно-серой, мраморной корой. Стволы изгибались в изувеченных позах; массивные узловатые корни выступали из воды, точно пальцы утопленников, и всё вокруг жирно оплетали дикий хмель и плети болотного вьюна.

Повсюду звучали сонмы чёрно-красных лягушек. Среди плетей скользили змеи. В тёмных заводях шевелились саламандры с тлеющими спинами.

Овод шёл первым, прощупывая берёзовым шестом землю. Следом двигались Векша и Таня. Кажется, между ними вспыхнула очередная ссора. За ними брёл Ярмола. Волетворец то и дело оглядывался на Хонзу, спотыкался и молился всякий раз, когда нога его уходила в болотную жижу.

— Красиво, — сказала Таня чуть громче, решив больше не истязать себя общением с Векшей и обращаясь ко всем сразу. — Но, если честно… страшно.

— Неправильное место, — неуверенно начал Ярмола, но быстро поправился: — Хотя, признаюсь, кое-что из здешних растений напоминает мне те, что я видел в государевых садах.

— Ещё бы, — отозвался Векша. — Галлу-Дар здесь ближе всего к земле. Чувствую кругом проломы. Оттуда всё и лезет. Приспосабливается, цепляется за жизнь. Даже думать не хочу, во что превратились здешние звери.

Хонза замыкал шествие, подслеповато щурясь и оглядываясь в тыл.

Когда попадалась опасная топь, Векша ложился на живот поверх елового лапника и связанных камышовых пучков. Бранясь, полукровок полз вперёд, протягивая за собой верёвку, пока остальные ждали на твёрдой земле.

Добравшись до относительно безопасного участка, Векша закреплял верёвку, после чего по одному подтягивал остальных.

— Ужас! — устало рассмеялась Таня на одном из привалов, убирая с брови Векши прилипший листок. — Какие мы грязные! Может, дальше вообще идти, не оборачиваясь? Местные твари должны принимать нас за своих.

Векша и глазом не повёл на её заботливый жест, удивительным образом сочетая в своём облике уязвлённую после ссоры гордость с напряжённой сосредоточенностью человека, ловящего признаки опасности.

Постепенно разговоры оживились и не стихли даже после привала. Таня сравнивала местные переплетённые заросли с какими-то «лианами» из своего мира. Ярмола слушал её с восторженным вниманием, приоткрыв рот и сделавшись похожим на наивного пятилетнего ребёнка.

Овод уже собирался резко их одёрнуть — велеть идти тише и не болтать попусту, — но Векша его опередил:

— Помолчите, — бросил полукровок. — Слишком много шума. Мне не нравится это место. Здесь… слишком много того, чего я не знаю. Проклятье! Вражбит!

Из чёрно-рыжей жижи под Оводом вырвалось несколько мясистых отростков, покрытых загнутыми шипами. Они с влажным хлёстом ударили вверх, обдавая всех брызгами и вонью

гнилого мяса. Один отросток обвился вокруг ноги Овода выше колена, второй ударил в бедро, третий потянулся к груди, царапая кольчугу.

Овод выронил шест, рванулся назад. Успел выхватить топор и с размаху рубануть по ближайшему отростку. Лезвие глубоко вошло в упругую скользкую плоть.

Подскочивший Векша прочертил в воде вражбицкий знак. Отросток лопнул, разбрызгивая чёрный сок и обдавая обоих вонючей слякотью. Остальные отростки забились в судорогах, задымились и начали съёживаться.

Овод принялся рубить топором всё, что ещё продолжало шевелиться. Только убедившись, что тварь под ним окончательно сдохла, Овод нехотя огрызнулся:

— Я бы и сам справился.

— Даже не сомневаюсь, — смуро отозвался Векша, бросая взгляд на воду под ногами Тани.

Ночлег устроили на небольшом островке, где росли три старых дерева, намертво переплетённые друг с другом ветвями и корнями. Мощные корневища образовывали плотный неровный настил, сухой и приподнятый над водой примерно на локоть.

Обустраивались быстро. Срубили несколько размашистых ветвей и уложили поверх корней, выравнивая место для сна. Сверху расстелили плащи. Получилось тесное, но относительно удобное лежбище, укрытое со всех сторон стволами.

Огонь развели между корнями, в неглубокой ямке. Спать легли тесно, накрывшись войлоком и плащами.

За весь вечер Таня и Векша не обменялись ни словом. Похоже, Таня окончательно устала первой искать примирения и без конца пытаться вытянуть полукровка на разговор. Когда девушка улеглась вплотную к волетворцу, Векша отошёл, всем своим напряжённым видом выдавая раздражение.

— Первым дежурю я, — бросил он.

— Я же сказал, что я, — парировал Овод.

Какое-то время они упрямо мерили друг друга взглядами, но в итоге так и остались сидеть вдвоём.

Наконец, Оводу опостылело смотреть на кислую рожу полукровка, и он отвернулся от огня, уставившись в небо, пытаясь сквозь рваные просветы между ветвями разглядеть звёзды.

Но звёзд больше видно не было.

***

Дремлю, раскачиваясь между сном и действительностью.

В голове снова и снова прокручивается ссора с Векшей, произошедшая до переправы. Только теперь всё выглядит иначе, и внутри меня скребётся ощущение неправильности происходящего.

Вместо Векши, стоящего с навьюченными на него вещами за двоих, — Векша, сидящий напротив меня на старой карусели.

Карусель крутится.

— Где остальные? — удивлённо спрашиваю.

— Давай ты сейчас не будешь задавать лишних вопросов.

— Да что происходит? Разве мы не собрались пересекать реку?

От мерного вращения меня начинает мутить, но карусель не останавливается. Крутится быстрее и быстрее. Скрип металла становится невыносимым, отдаётся прямо в зубах.

Векша не сводит с меня глаз.

— Я передумал идти в Галлу-Дар. Слишком опасно.

— Ты передумал «что»? Постой. Так ты сейчас крадёшь вещи? Это ведь сумки Хонзы! Овод был прав. Ты чокнутый. Брось вещи, сейчас же! Тебе самому не стыдно? Да что на тебя нашло?! Красть у своих!

Векша дёргает головой вниз и в сторону, будто невидимая рука выкручивает ему шею.

— «Своих»? Они мне не «свои».

Карусель продолжает набирать ход. Морщусь, хватаюсь за сиденье, пытаясь не слететь. Мир вокруг превращается в размазанное серо-красное кольцо.

— Векша! Ты не можешь так поступить! Скажи, что случилось? Что-то ведь случилось? Всё ведь было хорошо!

Взгляд Векши мечется у меня за спиной.

— Эти болота и… Галлу-Дар. Я могу… Могу не справиться. Он не позволит. Нужно уходить. Нужно бежать. На край света, хочешь?

— Он? Кто он? Векша, ты, что, испугался Галлу-Дар? Но почему вдруг сейчас?

— Вечно ты упрямишься!

— Отпусти! С чего ты решил, что я стану помогать тебе воровать?!

Векша издаёт лающий невесёлый смех:

— Ты разве ещё не поняла? Потому что ты теперь моя.

Бок вдруг простреливает болью, и я прижимаю руку под рёбра. Чувствую влагу на одежде. Кровь.

Ошарашенно смотрю на собственные пальцы.

Я ранена?..

— Отпусти! — задыхаюсь от волнения. — Мне нужно в Галлу-Дар, в эту дурацкую сокровищницу! Мне нужно домой! Даже если… без тебя. Даже если ты сбежишь, как вор! Вали, понял? Колбаской катись, только вещи оставь!

Векша втягивает воздух, стиснув челюсти. Его рука вскидывается, точно для удара, но вдруг замирает на полпути. Он снова дёргает головой вниз-вбок. Голос его звучит жалобно, и от этого мне делается страшней, чем если бы он сорвался на крик:

— Если ради твоего спасения мне придётся скрутить тебя верёвками и каждодневно накладывать знаки подчинения — я это сделаю. Говори прямо: тебе слаще, когда я так с тобой поступаю?

— Только попробуй! — оглядываюсь, прикидывая, смогу ли спрыгнуть с карусели и не расшибиться. — Свою больную фантазию знаешь, куда себе засунь? Мерзкий! Мерзкий, кривой вонючка! А ещё ты… эм, дай-ка подумать.

Мне нужно сказать хоть что-нибудь, чтобы он остался. Чтобы помог дойти до Галлу-Дар и… просто не оставлял меня одну. Какое же отвратительное, эгоистичное желание! Но страх одиночества гораздо сильнее страха перед его пустым взглядом и бешенством, которое вечно норовит прорваться наружу.

Но что я могу предложить ему взамен?

Говорю, и язык мой заплетается:

— Я думала, что… Может, если повезёт, и там, в сокровищнице, найдётся способ вернуться, то ты мог бы пойти с нами. В другой мир. Там бы тебе не нужно было притворяться. Тебя никто не будет называть упырём. У нас там фриков хватает. Можно было говорить, что у тебя просто линзы или грим. Правда, тебе придётся оформить ОМС, но… Как тебе имя Вася Белкин? Да стой, погоди! Я говорю серьёзно. Хватит! Меня сейчас стошнит… прекрати!

Тянусь к нему, пытаясь остановить вращение, но вдруг понимаю: это не Векша раскручивает карусель.

Векша пытается её остановить.

И у него не выходит.

— Крови альвов во мне не хватит, чтобы спасти нас обоих.

— Тогда спасай себя.

— Не заставляй.

— Хватит, стой!

Пространство сливается в единый сине-белый вихрь. Грудь пронзает раскалённая боль.

— Я не хотел. Не хотел. Что же ты наделала?..

Опускаю взгляд. Напротив моего сердца расцветает багровый бутон. Кровь пропитывает ткань, расползаясь липкими, тёплыми лепестками.

Смотрю на рваную дыру между рёбер широко распахнутыми глазами, не веря, что способна видеть это взаправду.

Вокруг нас неистовствует пламя. Огромные столбы вражбицкого огня вздымаются со всех сторон, ревут, закручиваются в ослепительный вихрь. Жар обжигает лицо; воздух сминается, становясь непригодным для дыхания.

Последнее, что я успеваю увидеть перед собой, — чужого человека. Незнакомца с глазами чёрными, как омуты, в которых ничего не осталось.

Просыпаюсь с громким вдохом. В висках стучит, дышать трудно, будто мне в самом деле пронзили сердце.

Растерянно вожу взглядом перед собой.

— Что? Векша?..

— Таня? — голос Овода. — Таня, ты как?

Вдруг понимаю, что нахожусь вниз головой.

— Что происходит? — хнычу. — Векша меня всё-таки похитил? Постой, тебя он тоже похитил?

— Успокойся.

— Овод, помоги. Голова болит, не могу!

Беспомощно раскачиваюсь, словно туша на мясницком крюке. Накатывает паника. Кажется, ещё миг, и я сорвусь, свернув себе шею. А я даже не вижу, куда падать!

— Ядовитый туман, — снова голос Овода. — Мы им надышались и…

— Какой ещё туман? Где остальные?! Нет, только не говори, что… все живы? Скажи, пожалуйста, что все живы!

Боюсь услышать ответ. Проклинаю себя за то, что не согласилась сбежать вместе с Векшей. Может, он был прав, и существовали другие способы вернуться домой, без этого безумного пути через леса волшебной Амазонии?

— Не знаю, — Овод молчит и добавляет: — Кажется, нас растащила гирим-бар-альвум.

— Гиря-бум-чего?!

— Альволовка. Угораздило же нам на неё наткнуться. Видимо, она как-то проросла из Галлу-Дар и преобразилась. Теперь её яд распространяется на людей и животных с поверхности. Не только на альвов и… прочих подземных тварей. Мда, такого я не учёл. Но смотри, мы проснулись до восхода солнца. Значит, для нас яд не такой сильный.

Рядом что-то шевелится, и я испуганно взвизгиваю.

— Это я, — снова голос Овода.

Пытаюсь оглядеться, но вокруг сплошная тьма, будто в могилу заживо закопали. Со всех сторон лезут шорохи, хрипы и дикие крики птиц.

Комарьё успело искусать мне всё лицо и шею.

— Почему Векша ничего не почуял? — спрашиваю, пытаясь пошевелить связанными ногами. — Он ведь не спал. Или я что-то путаю?

— Наверное, его отравило первым. Кровь альва сыграла с ним дурную шутку. Эти болота переняли от себя часть подземелий. А некоторые обитатели подземелий приспособились… истреблять таких, как Векша.

— Истреблять?! Овод, чтоб тебя! Ты своими высказываниями не делаешь лучше!

— Я и не пытаюсь. Говорю, как есть.

— А ты попробуй говорить по-другому! Иначе я начну истерику! Всё. Начинаю. Ты доволен? Скажи, доволен?!

Воображение рисует страшную картину: бездыханное тело Векши лежит где-то в трясине, а огромная «альвовка» его со смаком догладывает. Только сапоги из страшной зубастой пасти и торчат. Или того хуже — Векшу разрывает на части мутировавший болотный крокодил.

— Господи! — взвываю, пугая комаров и болотных птиц в округе; даже лягушки, устрашившись моего вопля, умолкают. — Почему все, с кем я сплю, умирают?!

— Таня…

— Я… это я виновата! Как хорошо, что хоть с тобой мы не…

— Успокойся, очень тебя прошу. Раз живы вы, стало быть, остальные тоже. Гирим-бар-альвум действует по фазам. Сейчас он в фазе ловли: отравляет и развешивает добычу по периметру своего логова. Потом наступит фаза подготовки, когда он начнёт оплетать и закреплять. В третьей фазе он выделяет сок, который растворяет плоть альвов за мгновения, не давая им залечивать раны.

— За мгновения?! Не хочу! Мы даже попрощаться не успели! Я ему с утра такого наговорила! Думала, он меня похитит! Или психанёт и уйдёт один! А он остался! Почему он остался?! Я назвала его кривым вонючкой! А он ведь даже не вонял! Я просто не смогла… не захотела его грубо обзывать! Потому что я вроде как влюбилась! А я не хотела влюбляться! Я хотела просто потра…

Что-то хватает меня за руку. Кричу дурным голосом.

— Таня, — укоризненный тон вражбита.

Вспыхивает свет. Оборачиваюсь и вижу Овода в одежде, в которой он ложился спать, без кольчуги. Овод, как и я, висит вверх ногами. Одной рукой держит меня — видно, успел раскачаться и дотянуться, пока я вопила, — в другой сжимает горящий лоскут ткани, пылающий синим огнём.

— Закончила истерить?

— Ещё нет, но… пожалуй, потом продолжу. Как освободимся.

— Славно.

Овод опускает руку с горящей тканью, затем переводит взгляд вниз и разжимает пальцы. Лоскут срывается и летит в черноту. Мы молча провожаем его глазами, прикидывая высоту.

Ткань падает в воду. Синее пламя шипит и потихоньку угасает.

***

Кнуд пересекал двор, припадая на костяную ногу. Следом двигались двенадцать вооружённых людей и старший сын Гард.

Парень был вылитый отец в молодые годы: высокий, ширококостный, с крупными чертами лица. Грива светлых, с золотым отливом волос. Борода, как спелая рожь, заплетённая в две косицы и схваченная блестящими кольцами.

Да, именно таким Кнуд покидал родные земли. Молодым веждарийцем со Змеиных Островов — сурового края, где до сих пор чтили законы Белых Богов и морских бурь.

Когда-то Кнуд ходил купцом по опасным водам, проводил струги через шторма и мимо чужих берегов. Позже он осел на окраине Ирийского княжества, где воля богов свела его с Гра'Морной.

Именно Гра'Морна помог Кнуду закрепиться у соляных источников: дал серебро на первые варницы, прислал своих людей, но, главное, защитил от местных дворян, давно тянувших руки к богатым рассольным ключам.

За два десятка лет Кнуд из пришлого купца стал самым богатым солеваром всего северного края. Соль его уходила обозами в столицу; оттуда — дальше, за море, в чужие земли.

Цена за это богатство оказалась невелика. Печать служения и одна нога.

Теперь же Кнуд шёл по собственному двору и чувствовал, как внутри него ворочался клубок змей. С того самого часа, как Гра'Морна переступил порог его дома, дом для Кнуда перестал быть крепостью.

Нет, Гра'Морна явился не ради ночлега во время паломничества по землям, где в последний раз видели пророка Ила. Нет, боги! Вовсе не за этим!

Гард, ступавший рядом, не смог сдержать гнева:

— Как он, гад ползучий, смеет себя так вести в нашем доме?!

— Заткнись, — похолодел Кнуд. — И не смей даже рта раскрывать при господине Гра'Морне, пока он сам тебе того не дозволит.

— Дерьмо! — сплюнул сын. — Мы не можем так просто это глотать!

Кнуд обернулся и схватил сына за ворот одной рукой, да так, что затрещала ткань.

— Мало ты знаешь. Потому молчи.

— Так объясни! Отчего мы терпим это унижение под собственной крышей, будто последние рабы на земле?!

— Молись, парень, чтобы тебе никогда не пришлось этого узнать.

Люди Гра'Морны ждали у старой рощи позади главного дома. Кнуд велел своим людям оставаться там же. Затем кивнул сыну, и дальше они пошли одни.

В дальнем краю просторного двора, за высоким тыном и старыми елями, таилось Капище Белых Богов. Место, сложенное из тяжёлых плит, что некогда привезли со Змеиных Островов.

Посреди капища высился идол из белого костодрева, в два человеческих роста высотой. Вокруг его шеи вились резные змеи с распахнутыми крыльями.

Вечер стлался по земле подлой хмарью. Гра'Морна стоял перед идолом, спиной к вошедшим. Владыка казался недвижимым, словно ещё один истукан среди камней. Тёплой одежды на нём не было; он стоял по пояс раздетый, будто вовсе не чуя холода, пробирающего до кости всякого живого человека в столь сырой вечер.

— Вера Истока — учение юное и исполненное дерзновения, — отстранённо произнёс Гра'Морна. — И всё же она расползлась по миру подобно моровому поветрию: от Змеиных Островов до берегов Эрильского Моря.

Кнуд преклонил оба колена. Следом за отцом, с явной неохотой, опустился, — хоть и на одно, — Гард.

— Чем могу служить тебе, господин Гра'Морна?

— Какое же паломничество без доброй охоты? — скучающе отозвался владыка.

Кнуд не ответил. Что-то подсказывало: в его устах «охота» означала вовсе не зверя.

Гра'Морна продолжал:

— Ты снабдишь меня припасами и людьми. И сам выступишь со мною в поход — в подземья альвов.

— В поход? Стало быть, на то воля Государя?

— На то моя воля.

Кнуд поднял взгляд.

— Но такое дело не скрыть! Слишком велик замысел.

Огонь жертвенной чаши упал на лицо Гра'Морны косым светом. Глаза его сделались чёрными, словно провалы в скале.

— Я даю людям невозможное. И потому вправе требовать невозможного от них.

— Но это безумие! Тайный поход за спиной у власти… без дозволения Государя и Церкви!

Кнуд почувствовал, как в груди его зашевелилась заскорузлая воля, некогда помогавшая ему спорить с бурями.

— Господин. Дай мне срок. Я стану снабжать твой поход всем нужным, но…

Гра'Морна перевёл взгляд на Гарда, и Кнуд тотчас умолк.

— Время течёт скоро, — продолжал Гра'Морна. — Наследники мужают. Пора и твоему сыну принять на себя часть служения мне… на случай, если ты прежде срока ляжешь в курган.

Кнуд зажмурился, всеми силами пытаясь скрыть от владыки то, что творилось у него внутри.

Заключая сделку с Гра'Морной, Кнуд знал, что однажды долг перейдёт к его крови. Таков был обычай всех клятв, данных древним силам. Но в молодости легко обещать будущее.

Гард выкрикнул, вырвав отца из душного омута дум:

— Что?! Нет! Это уже слишком!

Кнуд не выдержал, сорвался:

— Замолчи! — он порывисто обернулся к Гра'Морне: — Прости, Господин! Умоляю, он не ведает, что…

Голова Гра'Морны едва заметно дёрнулась, и Кнуд тотчас осёкся. Несколько мгновений Гра'Морна стоял совершенно неподвижно; нижняя челюсть его двигалась, будто он задумчиво пережёвывал несуществующую пищу. Руки по-прежнему были крепко сцеплены за спиной.

— Нет бедствия опаснее для дома, нежели сыновнее непокорство, — произнёс Гра'Морна. — И даже… Даже пророк Ила, коего многие чтут как благого вестника и праведного мужа, в сущности оказался отцеубийцей и изменником.

Гра'Морна умолк, и Кнуду почудилось, как над рощей нависла гроза, властно овладевающая всем вокруг. Ещё миг, и небесные хляби над ним могли разверзнуться огненной молнией.

Но Гра'Морна заговорил вновь, даровав временное затишье:

— Известно ли тебе, что двое сыновей моих ныне добывают земли на востоке?

— Известно, господин.

— Не изумлюсь, если в сердцах их уже зреет измена. Они слишком хорошо понимают: мне не требуются наследники, и всякий из них будет отринут, как только исчерпает свою пользу, — точно так же, как некогда были устранены те, кто предшествовал им. Однако дар, полученный от меня, не только возвышает их над прочими, но и отравляет разум жаждой власти, внушая мысль о том, будто они вправе оспаривать моё место.

При последних словах уголки рта Гра'Морна сомкнулись в жуткую, сыгранную улыбку. В глазах ворохнулось стылое удовлетворение.

— Чего, впрочем, нельзя сказать о моём третьем… сыне. Стремление к власти в нём столь ничтожно, что это делает его, признаюсь, предметом немалого любопытства. Выяснив, что для выведения нового подвида он бесполезен, я неоднократно пытался от него избавиться: отдавал безнадёжные приказы, отправлял в места, откуда иные не возвращались. Но он упорно выживал. И, что особенно примечательно, являлся обратно с нерушимой преданностью во взгляде. Не скрою, со временем это стало для меня своего рода развлечением, от которого я не счёл нужным отказаться.

Улыбка исчезла, и лицо Гра'Морны вновь застыло каменной маской. Несколько мгновений взгляд его был устремлён в пустоту, словно он внимал чему-то, звучавшему лишь у него в голове.

— Мне куда угоднее именовать своих детей химерами. Ведь каждая химера с первых мгновений жизни знает пределы, ей отведённые, и твёрдо усваивает: стоит лишь поднять голову выше дозволенного или дерзнуть обратить зубы против кормящей руки — её существование будет прекращено. В услужении химеры покорны и свободны от тех слабостей, коими столь щедро наделён человек. И всё же даже в подобных творениях остаётся досадный изъян. Клеймо подчинения на химерах не удерживается. Клеймо, что сковывает волю, обуздывает

язык и предписывает своему носителю безусловное и всеобъемлющее повиновение хозяину во всём.

Кнуд перехватил взгляд сына и без труда прочёл немой вопрос, застывший в его глазах: «Что здесь происходит, отец?»

Гра'Морна тем временем продолжал обрушивать им на головы свой приговор:

— Скажи мне, Гард, сын Кнуда, рождённый среди бурь Змеиных Островов: что было поведано тебе о древних властителях, чья воля правила миром ещё до возгорания Истока?

Гард стиснул челюсти. На его скулах, точно валуны, вздулись желваки. Он метнул взгляд на отца, затем вновь вперился в Гра'Морну.

— Белые Боги были порождением бури и вечной борьбы, поэтому не ведали милосердия и не прощали слабости. И ожидали того же от смертных. Эту правду переняли наши предки. Эту правду несём в крови и мы.

— Уповаю, что слова твои — не пустое тщеславие.

Гра'Морна развёл руки, и тотчас кожа на плече и груди его лопнула, обнажив бледную костяную пластину. Правая рука с хрустом удлинилась, пальцы вытянулись в длинные, изогнутые когти, чёрные и блестящие, как обсидиан, выточенный самим мраком ночи.

— Так скажи же, дитя: готов ли ты преклонить колено пред богом предков своих и принять клеймо истинного служения?

Правая сторона тела Гра'Морны обратилась в первородный ужас: рёбра выступили наружу, точно дуги разбитой ладьи. Бледная кожа обтянула их тонким, высохшим пергаментом. Исказилась и половина лица. Скула выдвинулась, обнажив оскал зубов. Глазница провалилась глубокой чёрной бездной.

— Или же предпочтёшь стать раздавленной костью под его поступью?

Две части единого существа сходились посреди туловища, сращённые неровной, пульсирующей чёрной жилой.

Эпизод 33. Существо

Существо помнило.

Помнило времена, когда мир пребывал единым цветущим садом, и народ альвов жил с ним в нерасторжимом согласии. Не было предела между плотью и корнями, между дыханием и шумом листвы.

Когда первые виверны наполнили небеса и стали умножаться, древний дар обращения сделался для альвов избавлением.

Существо помнило, как замирало оно среди цветущих рощ. Виверны проносились над садами, издавая грозный рёв, чуя присутствие жизни, но не узревая ничего, кроме зелени, благоухания и безмолвного покоя.

Но виверны обрели разум. Существо помнило, как научились они предавать рощи огню; как стали различать дыхание живого и обман, сокрытый в покое.

Альвы, пребывая в великой скорби, обратили древний дар обращения против виверн. И начали принимать облик врагов своих: покрывали тела чешуёю, вытягивали стан, усваивали хищную поступь и запах.

Но и это не принесло спасения. И ушли альвы под землю — подобно семенам, возвращающимся в лоно почвы, — в безмолвные глубины Корней Мира.

Среди тьмы и пения подземных вод, вновь прибегли альвы к дару обращения, соединяясь с камнем, кристаллами и сокровенными корнями.

И родился язык альвов. Первый истинный язык старшей крови. Прежде народ их не ведал нужды в словах: мысли, чувства и образы текли меж ними единым потоком, подобно сокам Корней Мира. Но в подземных глубинах, среди растущих пустот, прежнего единения более не было достаточно.

Альвы научились обращать чувства и воспоминания в сложные переливы голосов: в трели, щёлканье, шелест и глубокие созвучия. И возможно стало передавать знание, прежде пребывавшее лишь в едином потоке сознания. Язык даровал способность хранить память, открывать друг другу замыслы и направлять тех, кто следовал за голосом рода.

Именно в те времена начали альвы воздвигать Жала — исполинские столпы, произраставшие из недр подобно великим сталагмитам и сталактитам, столь сроднившимся с породой, что невозможно было различить, где оканчивался камень и начиналось творение альвов.

Жала пронзали своды подземных пустот, проходили сквозь толщу земли и восходили к небесам. На вершинах их пробуждались грозовые узлы, рождая средоточия бурь, сокрушавших парящих виверн. Синее пламя обвивало шпили, металось среди кожистых крыльев и терзаемых тел; воздух сгущался от воя, треска молний и предсмертных воплей.

Помнило Существо, как однажды утихли бури и опустели небеса. Помнило, как расползались споры их рода, как множилось потомство, наполняя собою мир, — и как вслед за великим расцветом неизбежно пришло угасание.

Помнило Существо и Жала, воздвигнутые ради того, чтобы удержать небеса и не дать им низринуться на землю обетованную. Но именно они в час рока обрушили небесный свод на мир, отнятый у виверн.

Помнило Существо, как раскрывались разломы, озаряясь зелёным сиянием, когда холодный огонь небес растекался по трещинам мира.

Существо помнило, как с небес ниспадала земля, смешивая истину с ложью, минувшее — с грядущим. Помнило, как содрогнулись пределы бытия; как само пространство разверзалось и сминало миры друг с другом, переплетая чуждые земли и несходные законы жизни.

Существо помнило, как в края, некогда очищенные от виверн, хлынул род людской, извлечённый из глубин иных миров.

И узрело Существо новый порядок: быстроживущее и плодовитое неизбежно берёт верх над тем, что живёт долго, но множится редко.

Существо дивилось роду человеческому. Дивилось тому, что не рождались люди бесполыми, подобно его собственному роду, но были разделены надвое, словно сама жизнь обрекла их на вечный поиск друг друга и непрестанную тоску по утраченной половине.

И всё же именно эта хрупкая разделённость делала людей столь алчущими жизни, столь цепкими и столь неистово стремящимися оставить после себя продолжение.

Существо помнило, как вместе с небесами опустело нутро Корней Мира. Помнило, как смолкли песни альвов и навеки угасло эхо старшей крови.

Существо помнило себя сидящим у каменистого ручья, поджав конечности и обвив тело длинным хвостом, чей кончик лениво покоился в струящейся воде.

По ту сторону потока стояла хрупкая человеческая самка.

Существо взирало, как самка вошла в воду, как сомкнулась над нею речная гладь, скрывая силуэт в глубине.

И тогда помыслило Существо: сколь же неразумно это человеческое создание! Неужели ей было неведомо, что люди не способны жить под водою?

Существо погрузилось в поток. Вода обтекала чешую, хвост рассекал течение, пока Существо скользило в глубину. И, нырнув, Существо отыскало бездыханное тело человеческой самки и вынесло его на берег.

Когда же самка очнулась и открыла глаза, первым, что предстало её взору, было Существо, склонившееся над нею.

И зарыдала самка:

— Ох! — вскричала она. — До чего же ты страшен! Страшен, как хворь, как моровая язва! Стало быть, не всех вас истребили? Горе мне, горе! Но если боги судили мне принять такой конец, не стану противиться их воле! Я и прежде пришла к воде, чтобы утопиться!

Существо склонило голову набок.

— Хво-рь, — старательно повторило оно, подражая человеческому голосу.

— О боги! Ты способно говорить? Ой! Не могу, не могу! До чего же ты страшен! Боги! О, боги!

— Бо-ги.

Существо сняло с шеи человеческой самки бронзовый ошейник с именем хозяина, разорившего её дом, и увело с собою глубоко под землю, где дышали пустоты Корней Мира.

Дабы человеческая самка не предавалась унынию, Существо стало постигать её речь. Стало перенимать человеческие слова, человеческие воззрения и способ, коим она взирала на мир.

— Скажи мне, хворь моя, ведомо ли тебе, что есть любовь? Есть ли у тебя отец и мать?

— Мне ведомо, когда новое произрастает из старого, — отвечало Существо.

— О, хворь моя! До чего же ты безвинен, словно малое дитя. Неужели весь род твой был таков?

Взамен Существо пыталось обучить самку языку альвов. Но звуки ей не покорялись: челюсть, дыхание и краткий человеческий язык оказывались ненадёжны. Самка искажала звучания, невольно уподобляя человеческой речи, ломая мелодию уродливыми и непривычными формами.

И всё же Существо внимало её попыткам с терпением, коего прежде не ведало.

— Гал'аэдхар, — повторяла самка.

Но Существо не ответило.

— Галл-Дхар.

Но Существо не ответило.

— Галлу-Дар? О, хворь моя, смилуйся! Смилуйся, молю тебя. Позволь мне лишь быть подле тебя и внимать звучанию твоих песен. Повторить их мне не дано, увы!

И не заметило Существо, как привязалось к человеку. И не успело постичь собственной привязанности, как человеческий век приблизился к завершению.

Слабая и иссушённая временем, человеческая самка лежала и взирала на Существо потускневшими глазами.

— Прости, хворь моя, — шептала она. — Прости. Настал наш час разлуки.

И перед смертью человеческая самка просила Существо об одном: возвратить её на поверхность, чтобы дозволено было ей в последний раз узреть солнце.

И Существо исполнило её просьбу. Оно вынесло её из глубин Корней Мира к земле, над которой вечер разливался багряным светом. Самка умерла под угасающим сиянием заходящего солнца.

И сказало Существо:

— Во дни грядущие возьму я обличье твоё. Желая видеть в бликах вод его. Желая внимать голосу твоему.

Существо исполнило данное обещание. Прибегнув к дару обращения, приняло Существо человеческий облик и стало странствовать по земле. Стало взирать на небо человеческими глазами, вдыхать ветер и являться людям, чтобы во взглядах чужих вновь и вновь искать отражение той, которой более не было среди живых.

И однажды пришло Существо к человеку, именовавшему себя Царём Царей.

И сказало Существо:

— Имя мне — Хворь. Отныне стану являться к тебе, владыко рода людского. И откроется тебе тайна, что не даёт плоти обратиться в прах. И обретёт племя твоё долголетие без меры, доколе само не возжелает покоя. И не иного потребую за сей дар, кроме одного: избавь меня от боли, что несут мне смерти ваши.

И согласился Царь Царей.

Но чужды были друг другу люди и альвы по самому естеству крови своей. Плоть человеческая — груба и тленна; кровь же альва — поющая, сродни сокам Корней Мира. И потому соединить их казалось невозможным.

Существо сотворило обряд Прорастания, в котором человеческому телу надлежало прорасти сущностью альва.

Существо помнило, как начала изменяться человеческая плоть. И помнило, как пришло к человеку безумие. Разум его не вынес слияния двух противоположных природ. Начал слышать он, как растёт трава; как кричат деревья под ударом топора; как поёт и стынет кровь в жилах мира. И разорвался разум человека меж двумя естествами. То плакал он от нежности к каждому цветку, то в безумии терзал живое, не ведая более, где оканчивался он сам и где начинался мир.

Такова была цена попытки соединить то, чему не надлежало быть соединённым никогда.

И запретило Существо и себе, и прочим впредь совершать обряд Прорастания. Ибо слишком ясно открылось ему: существуют пределы, коих не должен касаться никто — пусть даже переживший падение небес.

Но Царь Царей возжелал бессмертия любой ценой. И в первом исковерканном создании узрел он не предостережение, а несовершенство, которое, как мнилось ему, было возможно исправить.

И стали человек за человеком приноситься в жертву. Подземные залы наполнились криками. Каждый новый полуальв рождался сильнее и ужаснее прежнего. И каждый всё быстрее утрачивал разум.

Но годы настигли и самого Царя Царей. Стало угасать тело его, и плоть начала предавать владыку. Объятый страхом смерти, решился Царь Царей испытать обряд Прорастания на себе самом.

И не внял Царь Царей увещеваниям Существа, и принял он бессмертие. Но вмешался сын его: Царевич, устрашившийся того, что отец станет жить вечно, продолжая сеять боль и страдание.

И вонзил Царевич оружие в сердце рождающегося бессмертия. И низверг отца в бездны материи, ужаса, гниения и бесконечного воссоздания плоти, обратив тайну бессмертия в хворь рода человеческого.

И стал Царь Царей не бессмертным существом, но изуродованной тварью: стенающей, воющей и молящей о милости смерти. И разошлась от него хворь по всем землям, от человека к человеку, подобно тлению, не ведающему конца. И длилось это до тех пор, пока не впиталась она в самую землю и не начала цепляться за мёртвых.

Царь Царей бежал под землю и сокрылся в глубинах, где дремали Корни Мира. Царевич же, узрев, что именно он сотворил, отрёкся от престола и ушёл вслед за Существом.

И Существо, взирая на разрастающийся хаос, наконец постигло истину.

Слаб был род человеческий. Не способен он был уберечь самого себя. Словно дитя, тянулся к огню и в нём сгорал. Слишком рано было людям принимать знание альвов, ибо всякий дар обращали они себе во погибель.

И тогда Существо решило править.

Воздвигло Существо себе храмы. Учредило Веру Истока и нарекло Царевича пророком своим. Пророком Ила. Возводило и низвергало Существо династии, сажая владык на престолы и взирая, как поколения сменяют друг друга под его незримою дланью.

Так Существо стало властвовать над людьми.

Так Хворь воцарилась над новым миром.

ЧАСТЬ IV. ПЛОДЫ ОГНЯ И ПОРОХА. Эпизод 34. Коготь

Хонза пел:

— Až se ta písnička ztratí, pak už nic nebudem mít.

Он висел вниз головой в промозглой темноте; лианы впивались в тело, причиняя изнуряющую боль. Ниже колен растекалось игольчатое онемение. Кровь приливала к голове, и каждый удар сердца отзывался в висках болезненной пульсацией. Глаза распирало изнутри; распухшие веки ныли, и перед взором беспрестанно вспыхивали и гасли цветные пятна.

И всё же Хонза продолжал петь. Пел вопреки распухшему языку и приступам тошноты. Горькая желчь поднималась к горлу, обжигая пищевод.

Хонза пел о родине, затерянной где-то по ту сторону прожитых лет; о женщине и ребёнке, которых уже невозможно было отыскать; и о дороге, заведшей его в никуда.

Хонза пел, окончательно примирившись со своей участью. Ведь что ещё ему оставалось?

— Jestli nám zahyne, všechno s ní pomine, potom už nebudem žít.

На последних словах Хонзу прервал надсадный кашель. Меж тем память возвращала ему забыты мгновения и полупрозрачные тени былого, принуждая вновь переживать минувшее.

Хонза мысленно обращался к событиям далёких лет. Ко времени, предшествующему встрече с Хворью. К своей первой и, как впоследствии оказалось, последней экспедиции в Галлу-Дар.

В ту пору это ещё не походило на отчаянное шествие нескольких смертников, как сейчас; нет, вовсе не самоубийственный отряд из пяти человек. Речь шла о подлинной экспедиции, снаряжённой по высочайшему повелению Государя, щедро обеспеченной людьми, средствами и верой в могущество человеческой воли, столь часто становящейся предвестницей великих катастроф.

Боярин из дома Ус'Вар — родственник Государя и владелец обширных южных земель, — случайно обнаружил спуск в один из подземелий Галлу-Дар. По правде сказать, Хонза не переставал дивиться вычурности названий знатных домов, в которых причудливо переплетались отголоски языков столь древних, что подлинный смысл слов едва ли был понятен носителям. Впрочем, находка одного из Галлу-Дар действительно оказалась делом случая. Куда вероятнее, что о спуске донесли крестьяне или охотники из приграничных селений. Но оные подробности со временем утратили всякое значение.

Существенным было другое: Ус'Вар начал собирать людей ещё прежде, чем весть о находке успела достигнуть столицы: рудокопов, ратников, лекарей, картографов и, главное, толковых волетворцев.

Южные владения лежали слишком далеко от столицы, и государевы чиновники попросту не успели прибыть вовремя. Пока надзиратели, писцы и казённые дознаватели тряслись в повозках по разбитым дорогам, Ус'Вар получил краткую грамоту с государевой печатью, при том достаточно расплывчатую, чтобы толковать её в собственную пользу, и вместе с тем вполне законную, чтобы начать спуск и освоение найденных глубин.

И они начали.

Отряд Ус'Вара продвигался стройной, растянутой цепью, напоминая Хонзе первопроходцев, углублявшихся в непроходимые джунгли Нового Света. Люди шли широким строем, стараясь удерживать под наблюдением окружающее пространство, расчищать путь и не позволить неведомому приблизиться незамеченным.

Впереди двигались ратники с топорами и саблями, прорубая сплетения живых лиан, преграждавших дорогу. Следом — стрелки. Далее тянулись рудокопы, лекари и картографы; ближе к середине ехал боярин в окружении малочисленных волетворцев.

Галлу-Дар оказался совсем не тем, чем Хонза себе представлял: с каменными туннелями и безжизненными недрами. Отнюдь. Хотя солнца здесь не было и быть не могло, Галлу-Дар всё же был наполнен рассеянным теплом и странным светом, столь необычным, что Хонза не находил ни слов, ни земных сравнений, способных его описать.

Светилась трава под ногами. Светились грибы, разросшиеся по стенам и сводам причудливыми колониями. В воздухе мерцали споры, подобные крошечным искрам, а между чёрно-зелёными плетями лиан серебрилась паутина неизвестных насекомых, натянутая густыми влажными нитями.

Одними зарослями Галлу-Дар не исчерпывался. В его недрах обитали существа, неведомые поверхности. На второй день экспедиция столкнулась с первыми представителями местной фауны. Это были твари величиной с крупную собаку: бледные, с гибкими телами, покрытыми клочками выцветшей шерсти. Твари нападали на людей сбоку, смыкая свои капканы-челюсти и дробя кости с пугающей лёгкостью.

В дальнейших глубинах встречались твари, напоминавшие гигантских мокриц, укрытых хитиновыми панцирями. Были и другие, выдававшие своё присутствие пронзительным писком, раздававшимся за мгновение до броска. Последние метили прямо в лицо, впиваясь в кожу тонкими крючковатыми конечностями.

Совсем скоро Хонза понял, насколько безрассудным было всё их предприятие. Да, они вошли сюда как завоеватели, с оружием и огнём. Но в действительности просто ступили в раскрытую пасть хищника.

Когда людей в экспедиции заметно поубавилось, в отряде начал назревать бунт. Смерть, сперва казавшаяся несчастной случайностью, теперь неотступно следовала рядом с ними, словно сделалась полноправным спутником похода. Люди были измотаны до предела: бессонницей, непрекращающимся страхом, влажной духотой Галлу-Дар и гнетущим ощущением чужой жизни, неотрывно наблюдавшей за ними из зарослей.

Но Ус'Вар оставался непреклонен.

— Мы не отступим! — лаял он, брызжа слюной. — Мы воздвигнем подземную крепость и сделаем этот Галлу-Дар нашим! Во славу Истока!

Однако за показной твёрдостью всё явственнее проступало слепое упрямство, рождённое невозможностью отступить.

Когда споры были готовы перерасти в открытое неповиновение, в лагерь проник альв, каким-то непостижимым образом миновав дозорных и частокол временных укреплений.

Высокий, неестественно худой и нагой, с бледной кожей болезненного серо-пепельного оттенка. Длинные спутанные волосы, покрытые грязью и слизью, спадали ниже его пояса. Но прежде всего взгляд приковывали руки существа. Вернее — когти. Огромные, чёрные и изогнутые, они касались земли и при каждом движении постукивали друг о друга, словно наточенные ножи.

Люди, завидев гостя, мгновенно схватились за оружие.

— Взять тварь! Загнать в клетку!

И именно тогда Хонза — сам ещё не понимая до конца, что заставило его вмешаться, — шагнул вперёд. Рискуя собственной жизнью, он добился права приблизиться к существу без оружия. Предельно спокойно, демонстрируя раскрытые ладони, Хонза первым заговорил с пришельцем.

Альв смотрел на людей осмысленно; в его чёрных глазах не было ни жестокости, ни голода, которых ожидали от существа подземного мира. Лишь, как казалось тогда Хонзе, наивное любопытство.

Альв шипел и сухо щёлкал. Однако очень скоро стало очевидно: человеческую речь он понимал. Более того, существо оказалось значительно разумнее, чем можно было предположить на первый взгляд.

Прошло три дня, и за это время имя «Коготь» возникло само собой. Ведь подлинное имя альва состояло из щелчков, рыка и низких гортанных звуков, совершенно недоступных человеческому произношению.

Постепенно Коготь научился изъясняться достаточно внятно, хотя речь его по-прежнему оставалась грубой и обрывистой. Говорил Коготь на старом наречии — ломаном и искажённом временем, — которое, вероятно, когда-то перенял у людей, случайно забредавших в эти глубины задолго до появления экспедиции Ус'Вара.

На четвёртый день Коготь согласился стать их проводником. И помощь его оказалась поистине бесценной.

Коготь предупреждал об опасных местах, без особого труда отгонял мелких тварей, населявших подземные заросли, и объяснял свойства здешних растений: какие пригодны в пищу, какие способны исцелять раны или утолять жар, а к каким нельзя прикасаться даже через ткань.

Впрочем, довольно скоро Хонза понял, что природа альвов и людей различается куда сильнее, чем ему представлялось поначалу. Многое из того, что для Когтя было безвредно, для человека оказывалось медленным и мучительным ядом.

Однажды Коготь привёл людей к гигантской расщелине. Там росло нечто, чего Хонза не смог забыть даже спустя десятилетия. Растение — если это вообще можно было назвать растением, — выглядело чужеродным даже по меркам самого Галлу-Дар. Огромное, вздутое, словно наполненное кровью, оно пульсировало во тьме зелёными вспышками. От массивного ствола тянулись мясистые отростки, непрерывно извивавшиеся с ленивой, осмысленной медлительностью, точно щупальца гигантского морского существа, поднятого из бездонных глубин.

— Дальше дороги нет, — заявил Коготь. — Оно ловить и усыплять. Не просыпаться.

Но к тому времени Ус'Вар успел вовсе утратить рассудок. Жадность и страх вытеснили в нём всякую осторожность. Он был убеждён: ещё шаг, и перед ним откроется источник богатства, способный оправдать все понесённые потери.

Ус'Вар потребовал продолжать путь. Коготь ответил отказом. Тогда боярин велел заковать альва в цепи. Однако удержать Когтя не удалось. В ту же ночь он без следа исчез. Перед уходом Коготь успел сказать Хонзе, что того, ради чего он пришёл сюда, среди этих людей — способа вернуться в собственный мир, — в этом Галлу-Дар ему было не найти.

Без альва всё вновь пошло под откос. Люди начали гибнуть, страх вернулся, а вместе с ним бессмысленная жестокость, паника и распад всякого порядка.

Хонза не стал дожидаться конца и дезертировал. Он был уверен, что всё равно обречён. А когда понял, что заблудился, и всё, что ему оставалось, так это ждать собственной смерти, к нему возвратился Коготь.

Альв стоял в узком проходе, освещённый тусклым зеленоватым сиянием травы, сутуля костлявые плечи.

— Убьёшь меня? — спросил тогда Хонза.

Коготь некоторое время взирал на заблудшего человека, отвечая пустотой чёрных глаз. Затем произнёс; шероховато, но удивительно точно подражая интонации Хонзы:

— Зачем мне убивать собеседника? Единственного за столь долгое время.

После этого альв вывел человека наружу.

Хонза поклялся себе, что больше никогда — ни при каких обстоятельствах! — не приблизится к проклятым глубинам Галлу-Дар. Что навсегда оставит позади живые растения, зелёное свечение и клёкот существ, скрывающихся во мраке.

Но теперь, под старости лет, он вновь стоял у самых врат преисподней. И всё из-за жалкой, постыдной надежды. Надежды на то, что он всё же мог вернуться домой. В мир, которого, быть может, давно не существовало, или который за прошедшие годы окончательно перестал быть его домом.

— Zpívejte lidičky, ty naše písničky, z Moravy, Slovenska, z Čech. Ta naše písnička, je sice prostičká, ale je nejhezčí z všech.

— Хонза?!

Между стволов замаячил факел с вражбицким пламенем, и Хонза тотчас зажмурился. Глаза его успели отвыкнуть от возможности света.

— Ярмола? Ты?

— Д-да! — поспешно отозвался волетворец. — Ох, как же я рад! Рад, что сумел тебя отыскать! Я услышал, как ты поёшь, и…

— Ты ранен, молодой?

— Нет. Только ушибся, когда падал. Мне удалось освободиться с помощью вражбицких знаков, но… — волетворец переступил с места на место, сопя и пыхтя. — Но больше я никого не нашёл. Хонза! Как же я рад, что ты жив!

— А уж я-то как рад, ты себе не представляешь. Однако, если позволишь, я предпочёл бы продолжить нашу беседу, стоя на ногах. Ещё немного, и мои глаза не выдержат, да и сама поза, признаюсь, начинает оскорблять остатки моего достоинства.

***

Хворь похрапывала столь сладко, что будить её Оводу казалось сущим свинством. Тем не менее, безумие происходящего настойчиво подсказывало обратное: альвку следовало растолкать во что бы то ни стало.

— Да чтоб тебя! — сетовал Овод. — Очнись, вздорная ты старуха! Ну?!

Но Хворь и ухом не вела. Умиротворённо, точно с наигранным притворством, наставница причмокнула губами и осталась висеть перевёрнутой вверх ногами и вниз головой. Руки её безвольно болтались, переплетаясь с чёрной гривой волос. Всё туловище выше было туго опутано шевелящимися лозами.

В тот день Овод впервые столкнулся с гирим-бар-альвумом. А ведь он даже не знал, что у этого проклятого сорняка вообще имелось название!

Время, проведённое в Галлу-Даре после того, как Хворь вживила Оводу в тело эрхву, близилось к концу. Вскоре им предстояло подняться на поверхность. Овод уже во всю предвкушал возвращение в поднебесный мир, когда произошло то, что произошло. Чудовищное растение сцапало Хворь и подвесило её в воздухе, точно паук пойманную муху. И сколько бы Овод ни орал, сколько ни швырял с земли камнями и палками, альвка упорно не просыпалась.

— Ты самая бездарная наставница из всех существующих, Хворь! Так и знай!

Догадавшись, что именно растение держит наставницу в беспамятстве, Овод принялся внимательно изучать округу. Он отследил, откуда тянутся огромные стебли, обвивающие Хворь, и двинулся вдоль них. Задача оказалась непростой: лозы умело маскировались среди прочей растительности и причудливых древесных стволов.

После затянувшихся блужданий Овод всё же выискал нору, в которой затаилось подлое растение. В глубокой сырой впадине, где клубился туман. Ядро гирим-бар-альвума лежало на самом дне, словно сердце древнего бога, вырванное из груди и брошенное гнить в сырости и забвении.

Размером ядро было со взрослого человека. Неровная, бугристая поверхность цвета запёкшейся крови с сине-багровыми прожилками взахлёб пульсировала. Каждый толчок сопровождался хлюпаньем. По всей оболочке ядра извивались прозрачные волоски-щупальца,

усеянные капельками едкой росы. Когда ядро замирало, волоски продолжали шевелиться, точно голодные опарыши.

В середине сферы просвечивал бледно-зелёный светящийся сгусток, напоминающий недоразвитый плод. При каждом его сокращении по всей впадине расходились волны разогретого, приторно-сладкого запаха.

Стоило Оводу приблизился, как ядро беспокойно содрогнулось. Одна из оживших лоз тотчас метнулась к сапогу вторженца.

Овод занёс топор для удара.

***

Бредём по колено в стылой воде. Факел с вражбицким пламенем в руке чадит и трещит. Свет его ослепляет, точно от мощного фонаря на батарейках.

Над нашими головами извиваются увесистые «провода» — тентакли альволовки. Они живёхонько пульсируют, уводя нас всё дальше в никуда.

— Таня, ты меня поняла? — Овод продолжает строить из себя дошлого скептика.

Киваю, но, вспомнив, что вражбит на меня не смотрит, вполголоса отзываюсь:

— Поняла.

Не представляю, сколько длился наш спуск, но назвать его быстрым не получилось бы даже с большой натяжкой. Судя по тому, как сильно болела моя голова и распухло лицо, провисели мы довольно долго. Чтобы выбраться, нам с Оводом пришлось сцепиться, подобно опытным циркачам, и хорошенько раскачаться. Только так я смогла дотянуться до соседнего дерева.

Альволовка, естественно, решила, что без неё наше веселье вышло бы недостаточно насыщенным, поэтому поспешно перешла в фазу «обёртывания». Щупальца принялись мять меня за грудь, — причём куда ревностнее, чем Векша в порыве нежности, — мешая должным образом раскачаться.

Впрочем, размышлять о Векше было тоже некогда. Особенно о том, как ему вряд ли понравилось бы наше с Оводом зависание в воздухе.

Убедившись, что я держусь за ветку, Овод подпалил щупальца, обвивающие мои ноги и бёдра, попутно местами подпортив одежду. Чтобы не вспыхнуть, мне пришлось оттолкнуться от ствола и рухнуть в воду. К счастью, глубины хватило. Так что обошлось без переломов. Услышав, что снизу безопасно, Овод освободился и прыгнул в воду следом.

Выползя на берег, мы смастерили нечто отдалённо напоминающее факелы. По самым оптимистичным расчётам, их должно было хватить минут на десять.

Далее нам предстояло следовать по растительным «проводам», протянувшимся высоко над головой. Только так можно было добраться до сердцевины растения и попытаться его обезвредить. Увы и ах, альволовка перешла в стадию «оплетения», так что времени у нас не было вовсе. Поиски и освобождение каждого пленника могли занять дольше, чем полное уничтожение растения. К тому же, если яд перестал действовать и на остальных, они вполне могли справиться сами.

За исключением, может быть, Векши. Остаётся надеяться, что его «человеческая часть» сумеет взять верх и поможет ему выжить.

Провожу факелом сбоку от себя и спрашиваю:

— Так, и как мы будем отбиваться, если на нас сейчас нападёт ещё какая-нибудь страхолюдина?

— Думаю, альволовка выловила в округе всех, кого можно.

— Да уж, хоть за что-то ей спасибо. Слушай, я читала, что Пророк Ила пропал где-то в этих местах. Может, его такая вот штука и сцапала?

— Без понятия. А ну стой.

Мы снова пытаемся дозваться до кого-нибудь из своих, но безрезультатно.

Раздаётся чавканье. Овод возобновляет движение, угрюмо продолжая инструктаж:

— Как найдём ядро, альвум попытается на нас напасть. Прости, но тебе придётся его отвлечь. Единственный способ его обезвредить — прочертить на нём вражбицкий знак. Для этого мне нужно подобраться вплотную.

Мысленно прокручиваю план отвлечения плотоядного растения. Вот только, что же мне выбрать? Исполнение нежной серенады или танец живота в юбке из камышей?

Гарантирую, чтобы я не выбрала, смерть мне предстоит эпически позорная.

— Эм, ладно, попробую, — шмыгаю носом. — И когда начинать?

— Без понятия, — Овод поднимает факел. — Я ничего не вижу так же, как и ты.

Открываю рот, собираясь предложить отыскать сперва Векшу, — ведь в темноте он видит куда лучше нас, — но вовремя закусываю губу. Уже ведь решили, что нет времени на поиски. Это прозвучит скорее как трусливая попытка спасти хоть кого-то одного вместо всех.

Земля под ногами начинает опасно проседать. Среди чёрной жижи и кочек вырисовывается широкая овальная дыра —вход в пещеру, частично скрытый нависающим козырьком косматых зарослей из скользких лоз и корней, покрытых мхом и бледными светящимися грибками.

— На месте, — сообщает Овод.

Подходим к провалу, наклоняемся. Пламя факелов с треском разгоняет тьму. Внизу угадывается неровная затопленная пещера.

— Я первая? — уточняю.

Овод колеблется, вглядываясь вниз.

— Нет. Лучше я.

— Ты же сам сказал, чтобы я была приманкой?

— Ещё успеешь.

— Не успею. Ты будешь всех спасать, не я. Ведь так?

— Так.

Брезгливо хватаюсь за склизкое щупальце. Спускаться в пещеру страшно неудобно. Ноги то и дело скользят, факел падает. Когда, наконец, достигаю дна, ледяная вода обжигает тело, смыкаясь до пупка.

Издаю горестный стон.

— В чём дело? — над головой раздаётся встревоженный оклик Овода.

— Как же холодно! Господи! За что мне всё это?!

Отхожу к стене и начинаю ждать. Пока жду, успеваю отморозить себе всё, что можно, и что нельзя.

— Дай руку, — вражбит спускается и встаёт рядом. — Иди осторожно, в воде может быть яма.

Протягиваю ему ладонь, и он слегка тянет меня к себе, помогая удержать равновесие на неровном дне.

Начинаем двигаться по затопленному коридору. Факелы отбрасывают блики на влажные стены. Когда ко мне всё-таки подкрадывается приступ клаустрофобии, стены благосклонно расступаются, а потолок исчезает вовсе.

Мы выходим в просторную подземную камеру. Посреди неё громоздится переплетение щупалец. В центре живого клубка пульсирует тусклое зеленоватое свечение.

Ядро! Мы его нашли! Даже не верится. Бросаю быстрый взгляд на Овода. Видимо, он и правда знал, что делал. Хотя часто мне казалось, что вражбит действовал наобум.

Несколько секунд Овод просто стоит и смотрит на растение. Прихожу в себя и замечаю, что он всё ещё держит меня за руку.

— Мне начинать коммуникацию с водорослью? — спрашиваю шёпотом.

Овод не отвечает, задумчиво жуя губу изнутри, напряжённо о чём-то размышляя.

— Что-то не так? — уточняю. — Мы пришли не туда?

— Туда. Не знаю. Что-то не так, не могу понять. Ладно, времени нет. Давай действовать, как условились.

Мы на мгновение встречаемся взглядами, без слов понимая одно и то же: затея наша, при всей своей смелости, далеко не безупречна.

Сделав глубокий вдох, поднимаю факел и с невольной опаской шагаю вперёд. Тонкая плёнка воды под ногами расходится прихотливыми кругами.

— Эй! — кричу. — Ты! Эм… чепуха болотная!

Эхо гулко прокатывается под сводами.

— Куда ты дела моего мужика? А ну быстро вернула его на базу!

С влажным шелестом несколько щупалец взмывают из воды.

Отпрядываю, подвернув ногу от неожиданности.

— Ну давай, давай! Махаться будем!

Вполглаза замечаю, как Овод смещается в сторону, обходя альвум сбоку. Воодушевлённо взмахиваю факелом, будто световым мечом.

— Давай, салат ты маринованный! Чего вылупился? Я здесь!

Кручусь на месте, высматривая, откуда меня сейчас попытаются сожрать. Сзади, сбоку или, может, прямо из-под воды?

Поднимаю голову и осекаюсь на полуслове.

Отвожу руку с факелом, прищуриваюсь, вглядываясь в темноту. Под самым потолком, в переплетении толстых лоз и стеблей, висит большой, влажный кокон. Из разорванной верхней части кокона торчит знакомый потрёпанный сапог. Чуть ниже — неестественно вывернутая когтистая рука.

Рука Векши не двигается вовсе.

— Векша! Проснись! — успеваю крикнуть.

Мои ноги срывает с места. Вокруг лодыжек успело обвиться коварное щупальце. Браво! Стоило только отвлечься и меня тотчас оприходовали!

Мир переворачивается, и я с постыдным вскриком падаю на лопатки. Накаченная щупальца стремительно обвивается вокруг бёдер. Ещё одна обвивает талию, третья — хватает за руку с факелом.

Визжу, как резаная:

— Фу! Нет! Отстань!

Пламя шипит, касаясь воды.

Со всех сторон взвиваются новые тентакли. Один ударяет меня по плечу, другой пытается обвить шею. Кручусь и извиваюсь, словно пойманная утка: отчаянно молочу свободной рукой и ногами, однако альволовка, похоже, вовсе не склонна прощать мне сравнение с салатом.

Набираю в лёгкие побольше воздуха и издаю последний, отчаянный вопль.

***

Векше было очень хорошо. Хорошо настолько, что хоть в гроб ложись от такого счастья.

Он лежал, утопая в перинах, набитых свежим гусиным пухом. Тонкие льняные простыни ласкали кожу. Вокруг вились они: все самые красивые женщины, которых Векша когда-либо встречал за свою жизнь. И каждая была в самом что ни на есть сокровенном, желанном виде.

Щеголяя наготой, женщины несли ему блюда. На широких деревянных подносах, украшенных резьбой, дымились жирные, румяные рябчики, зажаренные до хрустящей корочки, обложенные мочёными яблоками, клюквой и зеленью. От смеси запахов голова шла кругом. А женщины над Векшей всё склонялись и склонялись, поднося куски прямо к его губам.

В одной руке Векша сжимал маленькую деревянную фигурку. Когти альва крепко впивались в дерево, но ни одна из женщин не отводила взгляда, продолжая распрыскивать на него своё внимание:

— Какой же ты умный, Векша! — шептала одна, прильнув горячими губами к его шее.

— И остроумный-то какой! — выдохнула другая, прижимаясь обнажённым животом к его бедру. — Каждый раз, как ты рот откроешь, я прямо умираю со смеху!

Что бы Векша ни брякнул — хоть простецкое «дайте ещё вон то!» — красавицы заливались искренним смехом. Не тем поддельным, каким женщины обычно дурили мужиков. Нет! Это был настоящий хохот, шедший от души.

Векша чуял нутром: он им и впрямь нравился.

— Ох, Векша-а-а! — простонала одна из красавиц, вытирая мокрые от смеха глаза, и тут же, не чинясь, припала губами к его когтистой лапе, целуя его когти, словно они были слаще мёда.

Решив, что шельма норовит отхватить зубками ножку рябчика с его руки, Векша отодвинулся. Его был рябчик! Не для чужих ртов.

— А ну! — он швырнул деревянную фигурку в угол, и красавица, только что грозившаяся отнять у него рябчика, тотчас метнулась следом.

Не успел Векша проворчать себе по нос ругательство, как на звучащей домре порвалась струна. Послышался чей-то крик. Далёкий и тревожный, будто шедший из глубины подвала.

Векша напрягся. Дурманное счастье вдруг обрело мерзкий привкус. Векша приподнялся на локтях, впившись когтями в перину. В зубах у него всё ещё торчал недоеденный рябчик.

Одна из девушек — самая настырная, с длинными золотистыми волосами, — никак не унималась: всё продолжала ласткться, прижимаясь скользкой грудью к его лицу, словно намеревалась задушить.

Векша грубо оттолкнул девицу рукой, да так сильно, что та кубарем свалилась на пол.

— Цыц! — рявкнул Векша.

Гнусная игла тревоги всё настойчивее впивалась в грудь.

Чей же это был крик? Такой знакомый, будто… Нет. Никакой голос не мог быть для него «родным». У Векши никогда не было близких. Ни прежде, ни теперь. Глупость какая!

Но отчего тогда этот отчаянный крик казался мучительно знакомым? Почему в нём слышалось нечто, ускользавшее от памяти, и оттого пугающее сильнее голодной смерти?

Перины под ним заколыхались, как дышащее существо, не желавшее отпускать разомлевшего пленника раньше времени.

— Не надо! — застонали наперебой женщины, цепляясь за его плечи. — Останься с нами! Останься, Векша!

Векша рывком сел. Его взгляд беспокойно метался по сторонам, натыкаясь на длинные спутанные локоны волос и переплетение движущихся тел.

Откуда же, мать его, шёл этот проклятущий зов, не дающий ему расслабиться?!

Когда сознание Векши начало понемногу проясняться, чьи-то сильные горячие ладони толкнули его обратно на перины. Да так резко, что дыхание перехватило. Ну и силища, жуть!

Векша вскинул взгляд и тотчас перестал сопротивляться.

На нём сидела Таня. И была она прекраснее всех этих голых бесовок вместе взятых. Кожа её была влажной от пота и блестела, будто её только что целиком окунули в мёд. Нагая грудь колыхнулась, притягивая взгляд.

— Останься, — велела Таня.

Взгляд её влажнел тёмным и терпким желанием. У Векши мгновенно пересохло во рту. Таня провела ладонью по его груди, вниз по животу. И Векша, млея от этого прикосновения, почувствовал, как тревога, ещё недавно его терзавшая, начала таять и бесследно растворяться в тепле её тела.

Крик вдалеке повторился, но гораздо тише. Словно его задушили подушкой.

Таня качнула бёдрами, прижимаясь к Векше влажным теплом.

— Останься со мной.

Векша раскрыл рот для ответа, но неожиданно понял, что сказать ему было нечего.

Руки легли ей на бёдра, когти слегка впились в нежную кожу. Таня победно улыбнулась и медленно, с наслаждением опустилась на него, принимая глубоко в себя с чувственным, протяжным стоном.

Раскрыв рот от восторга, Векша смотрел, как она, не слезая с него, откусила здоровенный кусок от ножки рябчика, — которую он сам же ей и протянул, — и стала жевать с таким наслаждением, словно не знала в жизни ничего вкуснее.

***

Овода полоснуло криком, но непомерным усилием воли он заставил себя сосредоточиться на цели.

Громадное ядро, сочащееся болезненным зеленоватым светом, пульсировало на расстоянии вытянутой руки. Овод вновь рванулся вперёд в последнем броске, ловко уходя от хлещущих лоз. Пальцы коснулись липкого жара. Первый прочерченный знак. Второй. Третий! Они вспыхивали тусклым белым огнём и уходил вглубь ядра, прожигая тварь изнутри.

Альвум взвыл, подобно раскату грома, доносившемуся из самых недр земли. Лозы забились, заметались в бешеной агонии, хлеща воду и каменные стены.

Овод отскочил и горячо огляделся. Ядро полыхало изнутри, однако умирать тварь, похоже, не собиралась вовсе.

Толстые лозы рухнули сверху, мгновенно спеленав Овода, точно беспомощного младенца. Овод заартачился, тщетно пытаясь высвободиться.

— Овод! — Таня билась в темноте поблизости, лишившись факела. — Дай угадаю, это фиаско?!

Овод рванулся и ткнул факелом в одну из лоз, обвивших его тело. Пламя яростно вцепилось в живую плоть растения, однако альвум в ответ лишь сильнее стиснул хватку. Ещё один толстый стебель скользнул к шее.

Сознание лихорадочно искало ответ. Что же было не так? Ядро уничтожено, тварь должна была начать слабеть!

И тогда, слишком поздно, Овода осенило.

— Второе ядро! — прохрипел он, тщетно пытаясь вдохнуть. — Их два! Таня! Их два! Надо… найти второе!

— Ты издеваешься?!

Массивная лоза с размаху ударила его по голове, обвиваясь вокруг лица. Последним, что услышал Овод, был визг Тани и праздный шелест бесчисленных лоз, заполнивших пещеру.

***

Таня упиралась раскрытыми ладонями ему в грудь, слабо царапая ногтями влажную от пота кожу.

Векша увлечённо ловил её взгляд, жаждая зачерпнуть ещё щедрую горсть усыпляющей нежности; глаза девушки оставались подёрнуты тёплой, вязкой дымкой, точно влажный блеск чарки в прокуренном сумраке корчмы. Можно пить без остатка, не тревожась, что в карманах не имелось платы.

Векша обхватил девушку за талию, удерживая в ладонях бешеный рисунок танца. Таня рвано запрокинула голову, волосы хлестнули по плечам. С искусанных губ сорвался одержимый стон:

— Овод!

И в тот же миг всё благолепие момента рухнуло. Перина стала колючей, как высохшая солома, жар тел сделался липким и противным, а сладкий дух мёда и женского тела обернулся приторным смрадом.

— Чего?.. — оторопел Векша.

Улыбка его сползла наполовину, перекосив лицо.

— Овод! — капризно повторила Таня.

Порывистым движением Векша сорвал с себя девушку, перевернул на спину и тотчас навалился сверху. Боль травила изнутри, точно яд, стремительно разливающийся по венам.

Когти его зависли над её широко распахнутым глазом.

— Умереть вздумала?!

Таня смотрела без тени испуга. Лицо её было мокрым от слёз, но девушка продолжала потешаться, не замечая, как собственными руками губит расцветающие в нём чувства, которые в действительности могли стать её спасением.

— Овод! — Таня сотрясалась от смеха. — Овод! Овод!

Она повторяла его имя снова и снова, всхлипывая и хохоча одновременно, точно не в состоянии прекратить.

Векша не выдержал. В груди бились осколки размётанной обиды, кромсая внутренности и выпуская на волю пагубу, от которой существовало лишь два спасения: убить или погибнуть самому.

Когти глубоко пропахали нежную кожу бёдер, оставив сочащиеся кровью борозды. Таня вздрогнула, но продолжила смеяться: надрывно и сквозь слёзы, будто сама пребывая на краю безумия.

Он грубо развёл ей ноги, больше не пытаясь ловить её дыхание. Кончилось желание беречь. Теперь он хотел только ломать — её, себя, остатки разума, — пока не останется ничего, кроме полного забвения.

Неожиданно голос её изменился, сузившись до шёпота:

— Проснись!

Один задыхающийся выдох, сорвавшийся с её уст, заставил мир колыхнулся, точно гладь пруда, потревоженную дуновением ветра. Векша в панике ворохнулся прочь.

— А?..

И вдруг он понял: никакого смеха не было. Таня захлёбывалась надсадными рыданиями, рвущиеся сквозь сбитое дыхание. Хваталась за горло, будто пытаясь сорвать с шеи невидимые путы.

— Век-ша…

Векша попытался коснуться её шеи, помочь, но не решился: когти не позволяли, и сам он по-прежнему не понимал, что именно происходило.

Тело девушки исказилось, стало терять форму. Кожа пошла трещинами, как растрескавшаяся от зноя земля. Из разломов полезли толстые зелёные лозы, влажно поблёскивающие слизью. Извивались, как живые змеи, оплетали Векшу за бёдра и живот. Шипы впивались в кожу, пуская кровь.

Векша замысловато выругался. Впервые в жизни он умудрился спутать возлюбленную с болотной кочкой, и решительно не знал, как на такое полагалось реагировать.

— Проклятье! — взвыл Векша. — Понял! Я… проснуться, ага. Договор. А как? Подсказки будут?! Таня! Не молчи, чтоб тебя! Не молчи! Какого хрена ты замолчала?! Бездушная ты баба! Не молчи!

Существо подняло голову. То, что ещё мгновение назад было Таней, с влажным хрустом раскрыло рот. Челюсть разошлась, обнажив тонкие кривые зубы, похожие на щучьи. Дегтярная слюна закапала на изгибы ключиц.

Векша пытался вырваться, но постель под ним стремительно оседала, превращаясь в гнилое болото. Вокруг вовсю кишели толстые стебли.

Свободной оставалась только правая рука.

— Ну всё! — прохрипел Векша, свирепо щуря взгляд. — Я зол. Очень зол, не шучу! Сам, вечно всё сам! Достали. Просыпаюсь на счёт три. Раз!

Векша рванул когтями по собственному плечу; боль прижгла сознание раскалённым железом, заставляя сердце биться на грани срыва. Лозы заметались в смятении.

— Два!

Векша взревел и полоснул себя снова, в этот раз поперёк груди, раздирая спутанные стебли вместе с собственной плотью.

Боль рьяно прожигала липкий морок сна.

— Три, мать вашу.

Склизкие цепи, сдерживающие его, распались.

И утратив опору, Векша с бешеным воплем сорвался в пустоту.

***

Нудясь от скуки, Гарай то и дело выковыривал ножом серебряную тесьму на рукаве кафтана. Нити поддавались неохотно; лезвие соскальзывало, оставляя на дорогой ткани зацепки и прорывы.

Битва отгремела, оставшись за стенами вместе с кровью и пылью дорог. Гарай сидел в дубовом кресле гридницы Южного Острога, занимая место ниже старшего брата. Вместо кольчуг сыновья Гра'Морна носили одежды, приличествующие хозяевам, принимающим посланников столицы.

Арса, старший брат, сидел неподвижно и прямо, напоминая каменную глыбу, застывшую в вечном холоде. Брата можно было назвать совершенной химерой: Арса был высок, широк в плечах и необычайно крепок. Одной рукой он был способен поднять и сменить колесо у телеги. Однако при всей своей мощи братец всё-таки имел существенный недостаток: тело его восстанавливалось долго, заметно уступая в этом Гараю.

— Что-то ты побледнел, брат, — учтиво заметил Гарай. — Не стоит перенапрягаться ради столичных церемоний. Я вполне способен принять гостей без твоего участия.

— Не сомневаюсь в твоих способностях. Но пока я не впал в старческую немощь и ещё способен отличить кусок дерьма от слитка стали, тебе придётся довольствоваться ступенью ниже.

Раздражение Гарая читалось без труда. Он сидел в кресле вольно, как скоморох: опирался щекой на ладонь, небрежно закинув ногу на ногу, тогда как носок сапога его нервно подёргивался.

Воеводы, сотники и прочие старшие дружинники сидели по лавкам, угрюмые и настороженные, нося на лицах отпечаток давней привычки встречать несчастье прежде, чем оно успевало объявить о своём приходе.

В тяжёлые двери гридницы трижды ударили железом. Арса отдал распоряжение страже. Створы со скрипом распахнули, и первым переступил порог сухопарый мужчина. Он был огромен, едва ли не на голову выше Арса. Худой и страшно жилистый, точно вытесанный из старого горного кедра, он напомнил Гараю всем своим видом потешную водомерку.

Длинные волосы его цвета потемневшего серебра свободно спадали на узкие плечи и спину; густые усы тянулись ниже точёного подбородка. Одет незнакомец был в ярко-зелёный кафтан с широкими рукавами, длинными и касающимися пола.

Гарай привстал, с готовностью хватаясь за нож на поясе. Бросил взгляд на старшего брата. Тот кивнул, разделя его опасения. Это звучание крови… этот человек!

Гарай цыкнул и заставил себя принять прежний, подчёркнуто невозмутимый вид.

Следом за «водомеркой» вошли четверо носильщиков, с натугой тащивших два тяжёлых сундука. Сундуки выглядели богато, но чуждо: железные полосы и кованые накладки переплетались в незнакомые узоры, не похожие ни на столичную работу, ни на ремесло восточных кузнецов.

Высокий незнакомец остановился посреди гридницы. Поклон его был исполнен достоинства. Ни раболепия, ни заносчивости. Кем бы он ни был, цену хозяевам восточных рубежей он знал хорошо.

— Приветствуем вас, досточтимые служители Истока, — басовито обратился к гостям Арса. — Смиренно просим простить вынужденное ожидание. После недавней брани нам надлежало привести себя в подобающий вид, ибо не пристало являться пред духовными мужами в пыли и скверне ратного поля.

— Вы говорите с должным благоразумием, господин, — заметил незнакомец. — Однако для Церкви значение имеет не чистота одежд, а чистота духа.

Безупречную плавность речи незнакомца нарушал слабо уловимый чужеземный выговор.

— Воистину, — огрызнулся Гарай. — Назови же себя, посланец! Не томи.

— Меня именуют Когтем. Как вам, полагаю, успели доложить, я прибыл сюда по воле Пастыря из столицы. Церковь Истока шлёт вам глубокий поклон за великое дело, совершаемое вами на этом краю мира: за усмирение и освоение диких земель, и за тяжкую войну, что вы ведёте во славу Государя и истинной веры. Однако дело, ради которого я прибыл, требует разговора особого. Я просил бы вас, владыки Волчьей Пустоши, выслушать меня без лишних ушей.

— Ха, вот и столичный дух! — осклабился Гарай. — Войти в чужой дом и сразу начать указывать хозяевам, как им говорить и при ком.

По гриднице прокатился глухой ропот.

Коготь не поднял взгляда.

— Просто некоторые вести лучше слушать без свидетелей. Особенно когда речь идёт о… «химерических» интересах.

Последние слова Коготь произнёс с подчёркнутым нажимом.

Улыбка исчезла с лица Гарая, точно её срезали ножом. Он покосился на брата.

Арса сохранял прежнюю неподвижность; во всём его облике читалась деланная усталость от предстоящего разговора.

— Все вон, — только и велел брат.

Воеводы и сотники недовольно загудели, однако один за другим поднялись из-за стола и вышли из гридницы, бросая на пришельцев свирепые взгляды.

В зале остались лишь четверо немых телохранителей, носивших печати подчинения. Безмолвные и неподвижные, они заняли места у стен, крепко сжимая древки бердышей.

Гарай выпрямился и встал, повернувшись к незнакомцу вполоборота и сцепив руки за спиной.

— То, как ты прибыл в этот острог, и то, как держишься под его кровом, говорит само за себя. Ты и не думал скрывать своё появление. Следовательно, это вызов. И брошен он прежде всего нашему отцу. Так скажи же, посланец. Зачем ты пришёл к нам за смертью?

— Я скажу вам правду. Но прежде прошу вас не принять её за дерзость, господин: я обманул вас. Ни Пастырь, ни Государь не имеют отношения к моему прибытию.

Гарай сузил глаза.

— Тогда кто же? Кто же прислал тебя сюда, альв? Ты ведь носитель старшей крови. Мы слышим её рокот и узнаём. Тебе нас не провести.

— Я служу той силе, что стоит выше Церкви. Выше её алтарей, её клятв и страха. Меня прислала к вам Хворь.

Холод пробежал у Гарая вдоль позвоночника, точно лезвие. Он хищно оскалился и выпустил когти.

Хворь! Имя, которое отец искал долгие годы. Имя, о котором предупреждал сыновей прежде, чем отправить их на восточный рубеж. И вот теперь оно прозвучало здесь, в дымной гриднице Южного Острога, из уст существа, пришедшего будто из дурного предания.

— Теперь, когда ложь отброшена, я могу говорить открыто, — продолжал Коготь. — Желаете ли вы услышать предложение Хвори, или мне покинуть ваш дом тем же путём, каким я в него вошёл?

Арес осведомился с холодной невозмутимостью:

— И чего же Хворь желает от нас?

— Хворь желает знать, готовы ли вы заключить с нею сделку.

— Сомневаюсь, что ей найдётся, чем прельстить нас. И всё же. Из одного любопытства мы готовы тебя выслушать.

— Благодарен, — ответил Коготь с безупречным достоинством. — Но прежде позвольте почтить вас дарами, приличествующими вашей силе и вашему положению.

Гарай огрызнулся, щуря взгляд:

— Учти, альв: чтобы выйти из этого зала живым, одних даров может оказаться недостаточно!

Подняв руку, Коготь плавным движением отвёл в сторону широкий рукав кафтана. Из-под ткани показалась кисть, менее всего напоминавшая человеческую. Длинные чёрные когти, изогнутые подобно хищным крючьям, блеснули в свете зажжённых фонарей.

Коготь приблизился к одному из сундуков и провёл когтем вдоль железного запора. Раздался режущий слух скрежет. Коготь опустил вглубь обе руки. Одна кисть оставалась человеческой: бледной, с длинными узловатыми пальцами книжника. Другая же походила на лапу чудовища с обугленной кожей, оканчивающейся загнутыми когтями, напоминавшими клювы хищных птиц.

Гарай переступил с ноги на ногу, скалясь от нетерпения.

В руках альва оказалась железная труба, размером в три четверти человеческого роста, укреплённая на прочном деревянном ложе.

— Огнестрел. Хотя некоторые мастера называют его гром-трубой. Внутрь ствола засыпается огненное зелье. Оно хранится в другом сундуке. Затем забивается пыж, а поверх кладётся свинцовый шар. После этого колесо приводится в движение: кремень высекает искру, зелье вспыхивает… и в стволе рождается гром.

Коготь поднял трубу.

— Вместе с дымом и пламенем вылетает смерть. Она бьёт дальше любой стрелы и пробивает кольчугу навылет. Даже лесного бога способна свалить одним ударом. С этим оружием ваша война изменится в одночасье. Вы станете покорять эти земли быстрее и с куда меньшей кровью. Подобного оружия ещё нет нигде. Даже в столице о нём не ведают. Огнестрел был создан Церковью втайне… по воле Хвори.

Гарай ощетинился:

— И чем же мы заслужили честь первыми испытать это оружие на деле?

— Если вы примете сделку, Хворь станет снабжать вас им в любом количестве. Мы пришлём мастеров, которые обучат ваших людей и наладят изготовление огнестрела.

— И что хочет Хворь взамен? — подал голос Арса. — Не думаю, что госпожа твоя раздаёт подобные дары потехи ради.

— Не так уж много. И, полагаю, ничего противного вашей природе. Вы выступите против отца. Обвините его в измене Государю. А если потребуется — поднимете против него оружие. Взамен Хворь признаёт за вами все земли, завоёванные за эти тридцать лет. Вы будете править ими без оглядки на столицу: вводить собственные законы, собирать подати, открывать нужные вам торговые дороги. Здесь родится ваше государство. Княжество или царство, как вам будет угодно. Разумеется, при условии, что на этих землях должна главенствовать Вера Истока, и никакая иная.

Гарай раскатисто расхохотался. Дождавшись, пока он утихнет, Арса продолжил:

— И какая же выгода в этом самой Хвори?

— Равновесие сил. Ваш отец стремится собрать всё под одной рукой. Но Хворь считает несправедливым, когда плоды чужого труда достаются тому, кто не платил за них собственной кровью.

Последние слова повисли в дымном воздухе гридницы, как искусно брошенный крюк.

— Это всё? — Арса сцепил руки в замок.

Коготь вновь склонил голову.

— Мы готовы поделиться с вами знаниями, способными подчинить вам ваши тела. Нам известно, что вы были созданы вашим отцом противоестественным путём. Да, у вас были матери, однако зачаты вы были не так, как обыкновенные люди. Вас породил особый ритуал. И мы знаем, что означает подобная кровь. Знаем и то, какую цену вы за неё платите. Хворь предлагает вам не только оружие. Мы дадим вам средства и тайные знания, которые позволят продолжить ваш род по-настоящему. Вы сможете зачать собственных детей. Больше не придётся брать чужих младенцев и растить их как своих наследников. Вы станете полными хозяевами собственной судьбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.